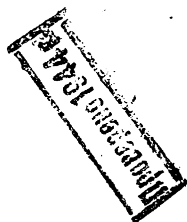
Н. И. КОНРАД

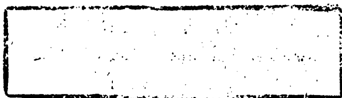
СИНТАКСИС ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Н. И. КОНРАД

СИНТАКСИС ЯПОНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ В СССР
МОСКВА 1937

ОТ АВТОРА

Вопросы синтаксиса в японском языке являются наименее разработанными. В грамматиках синтаксису либо вовсе не уделяют внимания, либо отводят ему место в качестве дополнительной главы к основным отделам, каковыми неизменно являются морфология и фонетика. Настоящая работа целиком посвящена синтаксису, и явления морфологии рассматриваются в ней только в той мере, в которой они имеют значение для синтаксиса.

Приступая к выполнению этой работы, я столкнулся с неправильным пониманием и употреблением таких основных терминов, как «разговорный язык», «литературный язык» и т. п. Мне пришлось поэтому заняться предварительным разъяснением этих понятий, что и привело к написанию «Введения», посвященного современному японскому языку в целом.

Материалом для данной работы послужили наблюдения, сделанные во время чтения различных образцов современной литературы, в первую очередь — произведений Нацумэ Сосэки. Очень многим я обязан японским грамматическим трудам. Из них в первую очередь отмечу следующие работы, посвященные современному языку:

1. Hoshina Kōichi, Nippon kōgohō, Meiji 44 г.
2. Kōgohō, изд. Kokugo chōsa iinkai, Taishō 6 г.
3. Kōgohō bekki, изд. Kokugo chōsa iinkai, Taishō 6 г.
4. Yamada Takeo, Nippon kōgohō kōgi, Shōwa 3 г.
5. Matsushita Daizaburō, Hyōjun Nippon kōgohō, Shōwa 3 г.

Наиболее ценными для меня оказались две грамматики: Kōgohō и работа Мацусита. Первая содержит богатое собрание примеров, и поскольку они отобраны специальной лингвистической комиссией, я широко пользовался ими, считая эти примеры наиболее надежными и проверенными. Работа Мацусита — лучшая из всех грамматик современного языка, и ей я обязан многим в понимании ряда явлений японского языка.

Настоящая работа предназначается в первую очередь для преподающих японский язык, а также для тех лиц, которые по окончании наших востоковедных учебных заведений пожелали бы расширить и систематизировать свои знания, полученные в школе.

Изданием этой книги я очень многим обязан Издательскому товариществу иностранных рабочих в СССР, проявившему исключительное внимание к этой моей работе.

Выражаю свою искреннюю признательность Е. М. Колпакчи, С. Г. Гутерман и Е. М. Жукову, читавшим мою работу в рукописи и сделавшим мне ряд ценных указаний.

Н. Конрад.

Декабрь 1936 г.

ВВЕДЕНИЕ

I

Понятие «nippongo» 日本語 имеет самое широкое значение. Под этим названием обычно разумеется японский язык во всем своем историческом объеме и содержании. Иначе говоря, словом «nippongo» (японский язык) обозначается тот язык, который создал японский народ, на котором он говорил в течение всего своего исторического существования и на котором он говорит теперь, имея при этом в виду все историческое многообразие и разнообразие как сосуществовавших, так и сменявших друг друга языковых форм. Это есть та языковая система, которая отличает японцев—с точки зрения языковой—от прочих народов.

Иное значение имеет понятие «kokugo» 國語. Этот термин может употребляться в четырех различных смыслах. Им может обозначаться весь японский язык в целом, если его рассматривать с точки зрения принадлежности его определенному народу, живущему на определенной территории; по своему объему это будет то же, что и «nippongo»—японский язык, но по содержанию это будет понятием, близким к русскому *родной язык.*

Термином «kokugo» может обозначаться далее тот язык, который образовался в тот исторический момент, когда появилась нация, как единый социально-экономический организм, т. е. с наступлением буржуазно-капиталистической эры. С этой точки зрения данное понятие соответствует русскому *национальный язык*, т. е. понятию о языке, оформленном буржуазией, построившей совместно с помещиками на месте раздробленного феодального государства помещичье-капиталистическое государство.

Термин «kokugo» может иметь, наконец, значение и *государственного языка*, поскольку буржуазия, создав общенациональный язык, естественно, считает его государственным, т. е. имеющим обязательную силу.

Термин «kokugo» может употребляться и для обозначения понятия «чисто-японский язык», главным образом в отноше-

нии слов «чисто-японского» происхождения, в противоположность словам, заимствованным из других языков, в первую очередь из китайского.

В современной Японии термин «kokugo» мыслится обычно в первом и третьем смыслах, т. е. имеет двойное, но слившееся в единую концепцию значение: *язык родной* и *язык государственный*. Но с точки зрения лингвистической науки, с точки зрения истории языка термин «kokugo» будет в первую очередь означать *язык национальный*, т. е. тот вид языка, который впервые появляется на буржуазном этапе истории, — этапе, который в Японии сопряжен с наличием целого ряда неликвидированных феодальных элементов.

Элементы, из которых образовался этот национальный язык, коренятся прежде всего в общей системе японского языка в целом. С этой точки зрения национальный язык представляет собою последнюю, современную стадию развития японского языка. Однако, источники этого национального языка прежде всего следует искать в языке того класса, который был ближайшим предшественником современной буржуазии,— в языке третьего сословия. Именно разговорный язык горожан прежних феодальных эпох, в первую очередь — эпохи Токугава, и является ближайшим предшественником современного буржуазного языка.

Но здесь необходимо разъяснение. Горожане феодальных времен говорили не одинаково. Население каждого феодального города эпохи Токугава пользовалось своим собственным наречием. Раздробленность страны, наличие изолированных друг от друга — и экономически, и политически — феодальных владений, так называемых «кланов» (han 藩), отсутствие прочного социально-экономического, политического и культурного единства делали каждый город в известной мере замкнутым организмом, а это обусловливало сохранение в языке его обитателей особенных, местных черт. Таким образом, если всем городским наречиям феодальной эпохи, т. е. тому типу языка, который формировался среди горожан, были свойственны известные общие признаки, характерные для той стадии развития японского языка в целом, которая связана с появлением и укреплением третьего сословия, с попытками этого сословия действовать на общенациональной арене, то внутри этого общего типа продолжали существовать значительные местные различия, отражающие феодальную раздробленность бытия этого сословия, невозможность для него выйти в феодальных условиях на общенациональную арену полностью. Поэтому, когда это третье сословие превратилось в современную буржуазию и когда эта буржуазия стала строить государство, очень важное значение получил вопрос, какой именно город займет доминирующее положение в стране, превратившись в политический, административный культурный центр, в столицу. И так как таким городом явился

Токио, это и привело к тому, что язык токиоских горожан занял доминирующее место и лег в основу нового буржуазного национального языка. Это было тем более обоснованным, что и в последний период японского феодализма, в эпоху Токугава (1600—1867), этот же город Токио — под названием Эдо, — как столица феодального государства, был главным политическим центром страны. Если к этому добавить, что эдоские горожане успели создать на своем языке большую и художественно значительную литературу, т. е. разработать свой язык, придать ему литературную форму, станет понятно, что исторических оснований для превращения языка эдоских горожан в ведущее наречие новой Японии было более чем достаточно.

Необходимо отметить, однако, что язык Эдо-Токио лег в основу современного национального языка не совсем в чистом виде. Еще в эпоху Токугава при всей разобщенности отдельных районов страны постепенно все же создавались некоторые предпосылки и общенационального рынка, и общеполитической жизни, и общей культуры. Особенно тесным было общение трех крупнейших центров страны — Эдо, с одной стороны, Киото и Осака — с другой. Токайдоский тракт, связывавший эти пункты, представлял собою в те времена оживленнейшую улицу с непрерывным людским потоком, направлявшимся в обе стороны. Эпоха революции, особенно годы после прибытия «черных кораблей» коммодора Перри, т. е. 1853—1867, еще более усилила связи этих двух районов: общеизвестно, какую роль играл Киото в революции. Поэтому уже в эпоху Токугава имело место живое общение обитателей трех городов — Эдо, Киото и Осака, а это приводило к тесному соприкосновению и две японские системы диалектов: 1) кантоских, представленную говором Эдо, и 2) кансайских, представленную Киото и Осака. Это живое соприкосновение подкреплялось и литературным влиянием. Эдо имел свою литературу третьего сословия, Киото и Осака — свою, и не менее развитую. Помимо того, уже в те времена произведения великих кансайцев Сайкаку и Тикамацу становились достоянием не одних только Осака и Киото, а в известной мере и Эдо. Следовательно, кансайский язык проникал в Эдо и этим путем. Если учесть еще то влияние, которое испытывали эдоские, осакские и киотоские писатели, литературно оформившие язык своего города, со стороны классической феодальной литературы, литературы эпохи Хэйан в первую очередь, а также и литературы Муромати, язык которой является языком Киото, — станет ясно, насколько уже в эпоху Токугава было значительным сближение двух основных японских диалектических систем — кантоской и кансайской.

Так было в последнюю эпоху японского феодализма — в эпоху Токугава, особенно во вторую половину ее, когда созревали предпосылки будущей буржуазной и, как мы знаем теперь,

оказавшейся незавершенной революции. После этой революции, после падения феодальных перегородок взаимодействие Канто̄ и Кансай, естественно, еще более расширилось. Поэтому национальный язык японской буржуазии создался в известной мере с участием и кансайской языковой системы, хотя не подлежит никакому сомнению, что язык Токио, в прошлом Эдо, составляет безусловно основу национального языка. Национальный язык есть в первую очередь язык токиоский.

Ближайшие корни современного национального языка исторически уходят, как сказано выше, в язык горожан города Эдо эпохи Токугава. Язык этот запечатлен в эдоской литературе XVII—XIX веков: в kusazōshi 草雙紙, kibyōshi 黄表紙, sharebon 洒落本, ninjōbon 人情本 и др. Однако, с качественной стороны национальный язык современной буржуазии относится к говору горожан Эдо так же, как современная капиталистическая буржуазия относится к третьему сословию феодальных времен. Поэтому этот эдоский язык сам по себе не мог обслужить новую эпоху. Нужен был язык, который отвечал бы новому содержанию эпохи.

В первое десятилетие после революции Токио — столица страны, кипящий котел политических страстей, предпринимательского ажиотажа, энтузиастических надежд и бурных недовольств — покрылся сетью кружков, школ, колледжей, где новая молодежь жадно впитывала новое европейское просвещение, где велись ожесточенные дискуссии по всем очередным политическим вопросам. Вновь возникшие газетные и журнальные редакции превращались в своеобразные политические клубы. В этой именно среде, в среде молодых кадров наиболее передовой части буржуазии тех лет, в среде начинающей складываться буржуазной интеллигенции, и начался процесс формирования нового буржуазного языка. Нужен был язык, который мог бы стать выразителем нового мышления, формируемого новым духовным и материальным содержанием эпохи. Нужен был язык и как орудие, пригодное для нового — по содержанию, диапазону и целям — общения. Нужно было решить также, какой язык преподавать в новой школе. Все это заставило руководящих общественных деятелей новой Японии поставить на очередь проблему нового языка. С самого же начала были намечены три пути ее разрешения. Мори Аринори, тогдашний министр просвещения, предложил в 1872 г. наиболее радикальный выход из положения: не тратить времени и силы на трудную работу по созданию нового языка, а взять готовый — английский и заменить им японский. Знаменитый вождь японской промышленной буржуазии в годы ее становления, «отец японской демократии» Фукудзава Юкити предложил и 1873 г. в своей работе «Moji-no oshie» 文字の教 исходить хв современного ему разговорного языка. Известный публицист тез лет Ниси Мэгуру в 1874 г. в статье в руководящем журнале

того времени «Meiroku zasshi» 明六雜誌 говорил о необходимости разумного сочетания элементов старого письменного, т. е. феодально-аристократического языка (gabun 雅文), и нового разговорного, т. е. языка недавнего третьего сословия (zokugo 俗語). В 1877 г. тем же Фукудзава был уже прямо поставлен вопрос о том, что за основу нового национального языка японской буржуазии должно быть принято наречие города Токио.

Это был первый этап в развитии нового языка. Второй этап наступил в 80-е гг., в годы интенсивной европеизации японской буржуазной интеллигенции. Вопросами языка занялись ученые новой формации, как, например, один из авторов знаменитого сборника «Новой поэзии» (Shintaishi-shō 新體詩抄) 1882 г. — профессор Ятабэ. Он также считал, что именно токиоский диалект должен лечь в основу нового языка. Начала проявляться и широкая общественная инициатива. Стали возникать специальные общества: в 1883 г. — Kana-no kai 假名の會, в 1885 г. — Rōmajikai ローマ字會. Правда, возникновение этих обществ непосредственно связано с другой стороной проблемы: с вопросом о реформе письменности, с движением за отмену иероглифов. Однако, говоря о письменности, эти общества неизбежно должны были упомянуть и о том, чтó эта письменность должна обслуживать, т. е. о языке. Kana-no kai признавало необходимость «применять язык, понятный всем», т. е. обращение к разговорному языку. Программа Rōmajikai говорила о необходимости по возможности «придерживаться произношения токиосцев, имеющих начальное образование», т. е. о принятии фонетики токиоского диалекта.

Этот второй этап закончился большим результатом. Новый язык получил свое первое конкретное оформление в литературе: отчасти в публицистике — в работах того же Фукудзава, главным же образом — в беллетристике. Три крупнейших писателя ранней буржуазной литературы в Японии, основоположники этой литературы — Цубоути Ю̄дзō (Сēē), Ямада Бимē и Хасэгава Фтабатэй — в своих произведениях уже пытались пользоваться новым языком. Роман Фтабатэя «Ukigumo» 浮雲 (1887 г.), более всего и смелее всего пользовавшегося новым языком, является первым в Японии большим художественным произведением новой буржуазной литературы и в то же время крупнейшим памятником первой стадии развития нового буржуазного языка. Характерно, что на этой первой стадии формирование буржуазного языка проходило под знаком сильнейшего влияния языков иностранных: английского — у Цубоути, русского — у Фтабатэя. Язык Фтабатэя создавался под сильнейшим воздействием языка Гончарова и Тургенева, на произведениях которых воспитывался этот японский писатель. В 1887 г. новый язык проникает и в основное пособие по изучению родного языка в школе — в «Хрестоматию родного языка» — Tokuhon 讀本.

Третий этап в становлении национального языка охватывает 20-е годы Мэйдзи, т. е. конец 80-х и начало 90-х годов. Эта полоса в общественно-политической жизни Японии ознаменована так называемым «националистическим движением». Постановка вопроса о ценности своей собственной культуры отражала объективную необходимость для окончательного созревания культуры новой буржуазии освоения своего культурного наследия. Литература, в первую очередь формировавшая язык, сделала это в форме обращения к феодальным классикам, к писателям старого Эдо, а наряду с этим и к кансайцу Сайкаку. Это обращение к старой национальной литературе было знаменем наиболее влиятельной в те времена литературной группы Ken'yūsha 硯友社 с Одзаки Кōё во главе. Результат получился такой, какой был объективно нужен. Из соприкосновения с гибким и выразительным, до тонкости разработанным токугавскими писателями языком новый мэйдзийский язык вышел обогащенным, и притом не чуждыми элементами, а элементами ему близкими. Это сказалось сразу же на уровне языковой культуры литературных произведений: вышедший в 1896 г. знаменитый роман Кōё «Tajō takon» 多情多恨 дает уже вполне современный и достаточно гибкий и выразительный язык. Правда, с другой стороны, это «националистическое движение», отражавшее процесс сговора новой буржуазии с феодальными помещиками, процесс окончательной утраты буржуазией своих ранних радикальных стремлений и превращения в реакционную силу, привело к известной консервации и феодального языка, что выразилось, между прочим, в сохранении феодального литературного языка.

Четвертый этап развития национального языка охватывает 30-е годы Мэйдзи, т. е. конец XIX и начало XX века. В это время японская буржуазия уже начинает подводить итоги, суммировать и обрабатывать накопленный языковый опыт. Это находит свое наиболее полное отражение в художественной литературе тех лет; именно она ставит окончательную точку в деле формирования нового языка. Благодаря работе писателей так называемой натуралистической школы, создателей «большой» буржуазной литературы, ее классиков, новый язык окончательно превращается в полноценную законченную языковую систему. Выход в свет в 1904—5 гг. романа Симадзаки Тōсон «Hakai» 破戒 знаменует завершение процесса становления японского буржуазного литературного языка, который в этом и других произведениях указанных лет приобретает значение языка национального.

Тут же, однако, происходит явление и другого порядка. Новый язык становится не только национальным, но и государственным. Это значит, что буржуазия, вырабатывая свой язык, стремится сделать его обязательным, стремится обеспечить свое господство как в экономической и политической области, так и в сфере языка. Она начинает этот язык культиви-

ровать в официальном порядке, его насаждать. Основным орудием для проведения этого языка в толщу народных масс являлась, конечно, школа. Однако, для того, чтобы поставить эффективно преподавание нового языка в школах, нужно было с точностью установить, что̂ преподавать. Поэтому на очередь встала неотложная задача окончательного определения того, что в новом языке — продукте стихийного творческого процесса — достойно насаждения. Иными словами, нужно было произвести отбор некоих языковых явлений, привести их в систему, объявить их «правильными», превратить в норму, а все прочее отбросить. В связи с этим начинается работа ученых лингвистов. В 1899 г. Мацусита Дайдзабурō начинает издавать отдельными главами свою работу «Nihon zokugo bunten» 日本俗語文典 — первую серьезную попытку грамматической кодификации нового языка. Авторитетный писатель, заслуженный деятель в области нового языка — Ямада Бимē в 1901 г. издает хрестоматию лучших литературных образцов нового языка. Наряду с этим действует и широкая общественная инициатива: в 1900 г. организуется общество Gembun-itchi-kai 言文一致會, куда входят лучшие, наиболее авторитетные представители культурной и научной общественности того времени, а также ряд влиятельных политических деятелей. В феврале 1901 г. это общество обращается с докладной запиской в парламент, указывая, что строительство языка есть дело государства, и призывает государство вмешаться в эту область. Эта записка, — вернее общая уверенность ведущих слоев буржуазии тех лет, что она должна, действуя через государство, твердо взять в свои руки руководство языковой политикой в стране, — приводит к желательным результатам: в 1902 г. особым правительственным актом при министерстве просвещения создается Комиссия по изучению национального языка (Kokugo-chōsakai 國語調查會), которая проводит огромную работу по собиранию, изучению и отбору языковых форм, влияя на составление школьных пособий по японскому языку. Tokuhon 1904 г. так и вошел в историю японской учебной литературы под именем «Лингвистического». Таким путем стал кодифицироваться так называемый «hyōjungo» 標準語, или «стандартный язык», а точнее буржуазный литературный язык.

Стандартный язык не совпадает полностью с языком национальным. Он представляет собою соединение в определенной системе наиболее типичных, устойчивых и точных форм национального языка. Национальный язык представляет собой живой организм, непрерывно развивающийся; стандартный язык есть прежде всего школьная схема, весьма неохотно допускающая какие-либо новшества. Ввиду этого стандартный язык осужден на то, чтобы все время отставать от живого языка. Так, например, современный обиходный язык уже полностью признает форму: yonderu 讀んでる, kaiteru 書いてる, yorokon-

deru 喜んでる, waratteru 笑つてる; стандартный же язык все еще считает правильной только составную форму: yonde-iru 讀んでゐる, kaite-iru 書いてゐる и т. д. Современный разговорный обиход вполне санкционирует кансайскую форму прошедшего времени и прошедшего деепричастия у глаголов типа iu 云ふ, sorou 揃ふ, negau 願ふ и т. д. — iuta 云ふた, sorōta 揃うた, iute いふて, sorōte そろうて; стандартный же язык все еще считает правильным только формы: itta いつた, sorotta そろつた, itte いつて, sorotte そろつて и т. д. Современный язык вполне допускает чисто европейское употребление пассивной формы, в частности, считая возможным широко применять ее при подлежащем-предмете; стандартный же язык еще совсем недавно объявлял это нарушением строя японского языка, ненужным европеизмом. Таких примеров можно было бы привести сколько угодно. Взаимоотношения стандартного языка и живого языка характеризуются обычно следующим: стандартный язык сначала объявляет всякое новое явление в языке неправильным, называет его «искажением» (формула грамматик—namari 訛り); потом — под давлением жизни — начинает «допускать» это новое явление, не считая его, однако, правильным по существу (формула «препятствий к пользованию данной формой нет» samatage nashi 妨なし), и, наконец, когда данное явление выдерживает испытание времени, оказывается отвечающим новым потребностям, включает его в разряд «правильных» форм. Таким образом, стандартный язык играет необходимую положительную роль: он, несомненно, регулирует общий процесс языкотворчества, вводит его в известные рамки, предохраняет от языковой неряшливости, от ненужных провинциализмов, варваризмов, неологизмов и т. д. Живой развивающийся язык нуждается в наличии именно такого сложившегося литературно-доказанного и жизненно-оправданного языка. Этим языком и является литературный язык.

Третья ветвь общенационального языка— публицистическая, или публичная речь. В условиях Японии эта публичная речь — явление, имеющее свою собственную специфику: она двойственна по своему облику; в ней наличествуют элементы разговорного языка и письменного языка; с точки зрения лексики, морфологии, синтаксиса она — типичный гибрид. В условиях капиталистического строя значение и распространение этой речи огромно. Она успешно конкурирует со «стандартным языком», проникая и в повседневную обиходную разговорную речь. Она все более и более оттесняет, локализует на узких участках и письменный язык.

* * *

Национальный язык в своем трояком облике (живой разговорный язык, публичная речь и стандартный, или точнее — литературный язык) представляет собою язык японской бур-

жуазии, точнее — язык городской буржуазной интеллигенции. Однако, современное японское общество состоит не только из одной буржуазии, а Япония — не из одних только городов. Известные особенности «революции» Мэйдзи, а также специфические пути развития японского капитализма на первых порах его существования предопределили сохранение в японской экономике, политическом строе, общественном быту и культуре ряда феодальных институтов и пережитков. Достаточно напомнить, что власть в современной Японии находится в руках буржуазно-помещичьего блока. Феодальные элементы существуют и в области языка.

Эти феодальные элементы сохраняются до сих пор во всей системе японского языка в целом. До сих пор в японском языке существует, например, типично-феодальная иерархическая система личных местоимений; существует иерархическая система социального спряжения; существует система иерархического обозначения предметов и т. д. Правда, все эти элементы находятся в движении, они непрерывно меняют свой облик; они уже изменили в очень большой степени и свое качество. Так, например, элементы феодальной иерархии в обозначениях лиц, имевшие буквальное значение в феодальном языке, сейчас играют роль признаков простой вежливости речи, а часто даже простого обозначения 1-го, 2-го или 3-го лица. Но количество, разнообразие, живучесть и устойчивость этих форм все же доказывают, что с феодализмом в японском языке буржуазия не покончила, как не покончила с ним и в других областях японской жизни.

Местные языковые формы не только не ликвидированы, но продолжают существовать еще в достаточно полном виде. Социально эти местные языки являются прежде всего уделом японской деревни, где больше всего сохранились феодальные пережитки. В условиях японского капитализма противопоставление деревни городу является еще более отчетливым, чем в других капиталистических странах. Ввиду этого можно сказать, что японские крестьяне говорят на своем собственном языке, одном — в одной части страны, другом — в другой. Местные особенности чувствуются даже в пределах двух соседних префектур, иногда даже — двух деревень.

Само собой разумеется, что все эти местные говоры объединяются в группы диалектов, представляющих собою отдельные системы диалектов, существующие наряду с системой национального языка в общей системе японского языка в целом. Однако, установить в точности эти языковые группы довольно трудно, так как нередко по одним признакам (например, фонетическим) в одну группу объединяются такие диалекты, которые по другим признакам (например, морфологическим) объединению не поддаются. Один из известных современных систематизаторов японских диалектологических изысканий,

профессор Тōдзē Мисао устанавливает следующие группы диалектов современной Японии.

Диалекты острова Хонсю

1. Диалекты восточной части Хонсю:
   а) северо-восточные диалекты (Тōхоку),
   б) кантōские диалекты.
2. Диалекты центральной части Хонсю:
   а) токайдōские и тосандōские,
   б) диалекты Хокурикудō.
3. Диалекты западной части Хонсю:
   а) диалекты округа Кинки (Кансай),
   б) диалекты районов Сэто-найкай,
   в) диалекты западного побережья Хонсю (Идзумо).

К этой группе примыкают диалекты острова Сикоку, в частности главный диалект этого острова — осакский.

Диалекты острова Кюсю

а) диалекты провинции Бунго и Хюга,
б) диалекты Хиго и Тикуси,
в) диалекты Сацума и Осуми.

К этим диалектам собственно-Японии Тōдзē причисляет особые диалекты островов Рюкю, находя там две группы — диалекты Окинава и Сакисима*). Существуют, конечно, и отдельные «языковые островки».

Изучение этих диалектических систем представляет крупнейшую задачу японской лингвистики, так как ни одна грамматика японского языка, тем более историческая, не может дать исчерпывающие объяснения явлений японской фонетики, морфологии, синтаксиса и лексикологии без учета данных этих диалектов. Одним из первых, если не первый, обратил на это внимание Е. Д. Поливанов, оказавший в этом отношении влияние и на японский лингвистический мир и безусловно находящийся в числе пионеров японской диалектологии. Рюкюские же диалекты представляют собой настоящую языковую сокровищницу Японии, своего рода языковый музей. На этих островах бытуют остатки древних стадий японского языка; там исключительно разнообразны местные особенности. Необходимо отметить, что в числе пионеров рюкюского языкознания значится Н. А. Невский, доказавший необходимость изучения (совершенно не оцененного до него) одного из наиболее архаических и исключительно важных для понимания исторической эволюции японского языка диалектов — диалекта островов Мияко, маленькой группы, входящей в состав Рюкюского архипелага**).

Наличие территориальных диалектов Японии характеризуется одной их особенностью. Подобно тому, как применительно

---

*) См. Tōjō Misao (東條操), Hōgen kenkyū-to hōgen bungaku (方言研究と方言文學) в Nippon bungaku kōza (日本文學講座), т. IX, стр. 186.

**) См. Tōjō Misao, ibidem, стр. 179.

к японскому языку в целом можно говорить о существовании языка общенационального» и «местных наречий» (kokugo 國語 и hōgen 方言), так и в пределах каждого диалекта существует свой стандартный язык и свои местные наречия. Если в условиях общеяпонских национальный язык есть язык, претендующий на всеобщее значение, а местные наречия являются языками отдельных районов, то в условиях диалекта его «стандарт» представляет собою язык бывшей социальной верхушки этого феодального района, а местные наречия являются языком местных «низших» классов, т. е. прежде всего крестьянства этих районов. Так, например, если взять сацумский диалект, то там найдется свой «аристократический язык» — язык бывших самураев Сацумского княжества; найдется и «язык народный», т. е. язык тамошних крестьян. Поэтому, поскольку представители старого феодального дворянства в большом количестве превратились в новой Японии в помещиков, и притом обычно в тех же самых местах, где их роды жили искони, постольку до сих пор многие крупные диалекты Японии имеют характер языков со своими собственными социальными диалектами. Поскольку же представители помещичьих слоев играют важнейшую роль и в правительстве, и особенно в армии, понятно, почему какой-нибудь сацумский диалект легко можно встретить в устах крупнейшего сановника, политического деятеля или влиятельного генерала, при всяком удобном случае игнорирующих буржуазный национальный язык и демонстративно пускающих в ход, например, свой феодальный satsumaben 薩摩辯.

Феодальный уклад сохраняется, однако, не только в деревне, он чувствуется и в японском городе. Японская промышленность является высоко развитой капиталистической промышленностью. Но наряду с первоклассными по техническому оборудованию, совершенно современными по организации производственного процесса отраслями производства существует ряд отраслей, где еще процветает во многом старая ремесленная организация труда, где живы традиции прежнего цехового устройства. В японских городах до сих пор бросается в глаза множество ремесленников, кустарей, мелких лавочников, приказчиков и разного наемного люда, условия труда и быт которых еще во многом напоминают картины феодальных времен. Эта среда сохраняет и в своем языке некоторый облик старого феодального города. Таким образом, в японских городах существует свое мещанское наречие, свой «простонародный язык» (zokugo 俗語), как его именуют командующие слои японской буржуазии. Разумеется, как само наличие мещанского говора, так и степень его своеобразия и устойчивости находится в зависимости от общего облика города: от степени пронизанности его капитализмом, от прочности оставшегося от феодализма прежнего ремесленно-торгового, трудового и бы-

тового уклада. И эти мещанские наречия представляют собою новую систему диалектов в составе японского языка в целом.

Несколько своеобразное место занимает в Японии современный язык рабочего класса. В нем отражаются как особенности генеалогии японского пролетариата, так и его теперешнее положение. Японский пролетариат формировался из трех источников: основные кадры поставляла японская деревня; но в состав пролетариата вошло и большинство бывших городских ремесленников; на первых порах именно они представляли собою наиболее квалифицированный слой промышленных рабочих; наконец, ряды рабочего класса пополнялись и выходцами из дворянской среды, из числа бывших самураев, не сумевших после революции устроиться как-нибудь иначе. Поэтому в языковой практике рабочего класса исторически отслаивались элементы местных языков, преимущественно крестьянские наречия отдельных районов, а также элементы городских мещанских говоров. Однако, окружение современного капиталистического города, школа, повседневное общение с буржуазией, участие революционной буржуазной интеллигенции в борьбе пролетариата — все это обусловливает привнесение в самых широких размерах в язык рабочей среды и буржуазного национального языка. Таким образом, языковая практика современного промышленного пролетариата Японии представляет собою сложную картину, в которой переплетаются все эти элементы. Однако, в складывающемся пролетарском языке, т. е. в том классовом языке, который вырастает из этой практики, ведущую роль играет безусловно национальный язык. Система понятий этого языка при этом в значительной мере перерабатывается в духе того классового сознания, носителем которого является пролетариат.

Это преломление понятий и составляет важнейшую часть специфики пролетарского языка. Ее рождает производственная жизнь рабочего, обстановка фабрики и завода,— все, что неразрывно связано с его социальной жизнью; развивающаяся классовая борьба, профессиональное движение, политическая и культурная деятельность рабочего класса обусловливают появление как в жизни, так и в языке рабочего класса своих собственных элементов, не повторимых в других социальных слоях. Возникает своя специфическая лексика, свои формы выражения; свое собственное тематическое и идеологическое содержание речи обусловливает отчасти и иную ее форму. Характерно влияние на язык пролетариата языка публицистического, который является морфологически и отчасти синтаксически гибридным, соединяющим элементы буржуазного литературного языка и феодального литературного языка. Интернационализм рабочего движения, особенно захватывающий передовые слои рабочего класса, оказывает свое колоссальное воздействие и на языковую сферу: в языковый

обиход рабочего класса Японии входят характерные для революционного пролетариата всего мира слова и целые обороты. С этой точки зрения язык передовых слоев рабочего класса, т. е. та среда, в которой в первую очередь формируется специфика этого языка, отличается некоторыми явлениями более прогрессивного характера, чем буржуазный язык: рабочий язык, например, гораздо решительнее вводит новые синтаксические конструкции, заимствованные из других языков, если они удобны для выражения новых мыслей. В этой области характерно влияние Советского Союза, влияние современного русского языка. Переведенные на японский язык работы советских авторов по различным вопросам экономики, техники и культуры не мало способствуют переделке языка рабочего класса, появлению в нем собственной специфики. Но при всем этом язык пролетариата, в конечном итоге — наследника всего действительно ценного в мировой, в частности в буржуазной культуре, в первую очередь слагается из элементов общенационального языка.

* * *

Из сказанного ясно, что буржуазный национальный язык в Японии не занимает того положения, которое присуще национальному языку в других странах: он не вытеснил окончательно другие виды языка. «Феодальные» структурные особенности японского капитализма, особенности общественного строя, мышления и идеологии господствующих классов не только затрудняют такое вытеснение, но и создают обстановку, в которой это вытеснение по сути дела не может стать окончательным. В связи с этим определяется и роль буржуазного литературного языка (hyōjungo): он не стал общим литературным языком современной Японии; наряду с ним в известной мере сохраняется и старый феодальный литературный язык (bungo 文語). Конечно, функции этих двух литературных языков различны: буржуазный литературный язык является ведущим, действующим как основной фактор не только в устной речи, но и в письменной практике; феодальный литературный язык в настоящее время вытеснен с большинства своих прежних позиций и остался лишь в одном письменном обиходе, и притом на очень узких его участках: в юридическом тексте и всякого рода официальных документах. Здесь он господствует сполна, в других же областях он встречается только спорадически.

Таким образом, соответственно особенностям общей социально-экономической структуры Японии, структура современного японского языка рисуется в следующем виде:

I. Национальный язык (kokugo) — живой язык современной буржуазии, в состав которого входят три элемента:

1) литературный язык, играющий роль «образцового языка» (hyōjungo) как для устной, так и для письменной речи;

2) язык публицистический, представляющий гибридное образование, составленное из элементов буржуазного литературного языка, являющихся в нем основными, и некоторых элементов феодального литературного языка, и играющий в письменной практике роль языка прессы и публицистической литературы, в устной практике — языка публичной речи;

3) язык разговорный в узком смысле этого слова (kōgo), т. е. язык устной речи, ориентирующейся на общий для буржуазного языка «стандарт», — литературный язык, но охватывающий более широкий круг постоянно возникающих и часто быстро же исчезающих новых языковых явлений.

II. Территориальные диалекты (hōgen), представляющие собой современные варианты феодального языка, в состав которых входят и свои собственные крестьянские наречия — язык крестьян данного района, и свои «дворянские наречия» — язык дворянско-помещичьей части деревни.

III. Городские мещанские говоры (zokugo), также являющиеся в известной мере остатками феодального языка, среди которых наблюдается большое количество отдельных профессиональных жаргонов.

IV. Речевой стиль, свойственный языку рабочего класса Японии, отражает процесс складывания пролетарского языка, развивающегося на основе национального литературного языка, но впитывающего в себя известные элементы местных деревенских и городских наречий и подводящего, таким образом, как бы баланс всему содержанию японского языка в целом; этот процесс сопряжен с переосмыслением в духе классового сознания пролетариата системы понятий буржуазного национального языка и выработкой в этом направлении своей специфики.

V. Феодальный литературный язык (bungo) в разных своих вариантах, находящий себе применение лишь на некоторых участках письменного обихода.

II

При анализе речи в ее конкретном выражении в ней можно обнаружить влияние общих и индивидуальных факторов, действующих в классовом сознании говорящего.

Легче всего эти факторы обнаруживаются в тех предложениях, которые представляют собой высказывания о людях. Здесь на структуру речи влияет, в этой структуре проявляется вся совокупность социальных отношений, наличествующих в данный момент вокруг говорящего и для говорящего. Это значит, во-первых, что весь облик речи зависит от того, кто сам говорящий, каково его социальное положение, с кем он имеет дело, т. е. к кому непосредственно обращена его речь, или о ком он говорит. Это означает, во-вторых, что, когда разговор происходит между представителями разных классов, или когда

устами представителя одного класса высказывается суждение о представителе другого, существенную роль играет характер отношений, установившихся в восприятии данного лица между этими двумя классами в общей социальной системе страны. Иначе говоря, на конструирование речи влияет классовый элемент в его двойном содержании: как классовая принадлежность лица, которое говорит, о котором говорят или которому говорят, и как соотношение классов, к которым принадлежат говорящие, т. е. классовая борьба, социальный строй страны,— все это, разумеется, так, как это представлено в классовом сознании говорящего.

Это определяет собой наиболее общие формы речеведения. Они находят свое выражение в частном, индивидуальном. Это значит, что самый отбор отдельных элементов речи, из коих слагается предложение, их расстановка в предложении зависит от говорящего — от его личности, его установок и целей, от его мышления. На выбор и применение именно данной формы влияет личное отношение говорящего к тому, к кому обращена его речь, или к тому, что составляет содержание его речи, а также те цели, которые он себе при этом ставит. Именно по этой линии и располагаются те многочисленные и разнообразные варианты, в которых представлено предложение. Все зависит от конкретной обстановки, в которой находится говорящий, от его общего отношения к собеседнику, или к тому, о ком он говорит.

Разумеется, от этого всего неотделим чисто эмоциональный момент. Всякая живая речь обязательно пронизана эмоцией говорящего, конечно, в различной степени, в различной напряженности. Нулевой показатель, т. е. видимое отсутствие этой эмоциональности, есть не менее ясное свидетельство ее значимости в целом. В живой речи отражаются все социальные эмоции: негодование, протест, покорство, безразличие, почтительность и т. п. В ней же отражаются и такого рода эмоции, как сомнение и недоумение, настаивание, утверждение. Все эти моменты присутствуют в той или иной степени во всяком высказывании,— разумеется, в тесном, неразрывном переплетении со всеми предыдущими.

Высказывания о лицах или обращение к лицам выявляют все моменты в речи в наиболее ясно выраженном виде. Однако, социальная обусловленность и социальная направленность речи присутствуют и в высказываниях о предмете. О предмете говорят в общем иначе, чем о лице. Однако, предмет может выступать в речи не менее социально окрашенным, чем лицо. В самом деле, возьмем простое понятие жилища — «дом». Японский крестьянин, говоря о своем доме, применит одно слово, о доме помещика — другое; при одном отношении к помещику он может употребить одно слово для обозначения жилища этого последнего, при ином — другое. В городе обычное жилище, «дом» есть ie 家; дом богатый, «особняк» именуется уже иначе — yashiki

屋敷; «ваш дом», т. е. дом, в приложении к собеседнику, осознаваемому при этом равным себе, будет o-uchi お家, «свой дом» будет просто uchi 家; «ваш дом» в более официальном обращении — o-taku お宅; в приложении к лицу, осознаваемому как «высшее»,— o-yashiki お屋敷 и т. д. в целом ряде дальнейших вариантов. Иначе говоря, существуют, во-первых, разные слова для одного и того же понятия жилища — применительно к социальной категории лиц, в нем живущих; существует, во-вторых, различная обработка одних и тех же слов — добавление особых приставок к этим словам или лишение слов таких приставок, все в зависимости от направленности речи. Таким образом, и здесь социальный момент определяет выбор соответствующего слова, его морфологический облик и помещение его в предложении.

Особая социальная окраска, лежащая на обозначении предмета, определяет собой и форму высказывания о нем в целом. Это значит, что форма сказуемого, например, будет в одних случаях одна, в других — иная. И вообще вся фраза в целом может иметь различный облик в зависимости от характера и степени социальной окрашенности наименования предмета. Это объясняется тем, что на предметы в известной мере распространяются, или во всяком случае могут распространяться, те же отношения, которые существуют между лицами. Иначе и быть не может, поскольку предмет существует для людей, т. е. существует в определенной социальной обстановке. Если он выступает в речи, то в его выступление включается и эта обстановка, причем не абстрактно, но в приложении к тому, кто об этом предмете говорит, для кого говорит, с какой целью. Поэтому, если, с одной стороны, существует своя специфика речи о лицах и своя специфика речи о предметах, то, с другой стороны, существует и их перемещение: перенесение на высказывание о предметах норм речи о лицах и, таким образом, вытеснение специфики речи о предметах; и наоборот: применение норм, характерных для речи о предметах, в речи о лицах, т. е. вытеснение специфики этой последней. Здесь налицо то же переплетение и столкновение различных элементов, которое обусловливает, будучи само подталкиваемо движением в социальной обстановке, все многообразие и развитие языка.

Таким образом, в конструировании речи основную роль играют два элемента:

1. Материал дается той языковой системой, которая сопряжена с существующим социальным строем.

2. Отбор материала и его конкретная расстановка диктуются сознанием говорящего, определяемым при этом не только его общей классовой принадлежностью, но и его индивидуальным местом в социальном строе, теми целями, которые он себе ставит. Здесь — арена приложения воли говорящего, здесь — и активное воздействие его на самый материал и активное же применение этого материала.

В чем же заключается конкретное конструирование речи? Прежде всего в отборе материала, в его расстановке, затем — в его применении. Говорящий выбирает из всего арсенала доступных ему языковых средств наиболее пригодное для себя, обрабатывает это все соответственно своим целям и затем уже пускает полученное в ход.

Как же все это происходит? При анализе этого процесса необходимо во всей полноте учитывать прежде всего тот факт, что речь говорящего есть непосредственное отражение его сознания. Это же сознание сопряжено с определенным языковым строем. Каждому говорящему, следовательно, свойственен известный, привычный ему строй речи. Это значит, что при конструировании речи имеет большое значение шаблон, сила готовой формы или конструкции, власть самого материала. Однако обращение говорящего, т. е. лица, пользующегося материалом, с языком, т. е. самым материалом, характеризуется процессом взаимного воздействия и нередко столкновения. Говорящий может оказаться целиком во власти материала, т. е. готовых трафаретов речи, но может и активно воздействовать на этот материал, ломая, трансформируя его.

Наиболее распространенной формой обращения с материалом является пользование им как некоим трафаретом. Это значит, что японский крестьянин, например, говоря со своим односельчанином, совершенно не задумываясь пользуется языком, в котором находит выражение его классовое сознание, пользуется готовыми шаблонами, выработанными крестьянским языком данной местности; капиталист автоматически пользуется языком своего класса, т. е. языком буржуазии. Вообще говоря, максимальный автоматизм речи, максимальное подчинение материалу имеет место большей частью при разговоре в однородной социальной среде. Именно по линии своего классового языка лежат все основные языковые навыки говорящего.

В гораздо большей степени проявляется активность говорящего в оперировании с материалом при разговоре с представителями иной языковой среды. Тот же японский крестьянин, говоря со своим односельчанином на обычном языке своей деревни, с приезжим из города может говорить так же, как он всегда говорит; может и перейти на тот язык, который он считает городским, т. е. на тот язык, который представляется ему языком его собеседника. В этом случае он будет пользоваться языковыми формами, усвоенными в школе на уроках национального языка, или же усвоенными при общении с представителями города, если таковое имело место. При таком переходе степень активности работы над материалом со стороны говорящего, естественно, возрастает; отбор, расстановка и применение оборотов и конструкций непривычных, не превратившихся еще в автоматические языковые навыки, становится делом более трудным.

Это пользование языковым материалом своей или чужой языковой среды имеет под собой определенную социальную основу. При существующих в настоящее время в Японии классовых взаимоотношениях, при наличии многообразных феодальных остатков характерно именно то, что городской буржуа, как правило, будет пользоваться при разговоре с крестьянином своим языком; крестьянин же, наоборот, может стараться, по мере возможности, приспосабливаться к языку горожанина. Более того, горожанин в разговоре с крестьянином может пользоваться при этом «грубыми» формами своей речи; говоря в общем на языке своего класса, он будет говорить все же иначе, чем в буржуазном «обществе»; и крестьянин, переходя (если он сумеет) на язык горожанина, может стараться вспоминать наиболее вежливые формы, которые он когда-нибудь слышал. Конечно, очень многое в таких случаях зависит от конкретной обстановки, но все же не только выбор того или иного типа языка, но и отбор материала в пределах этого типа в значительной мере обусловливается общим строем социальных отношений, установившихся в стране, живучестью в ней феодальных остатков.

Это обстоятельство находит свое отражение и на узких, но тем более повседневных участках языкового общения. Наличие разнообразных прослоек в каждом классе, обусловленное различными вариантами производственных отношений, господствующих в нем, связь этих прослоек то с новыми капиталистическими профессиями, то с отголосками прежнего феодального уклада — все это делает язык каждого класса очень разнообразным и сложным. Создаются его варианты, характерные для каждой такой прослойки или применяемые к ней. Существуют отдельные типы речи, характерные для отдельных ветвей городской мелкобуржуазной среды. Так, например, большим своеобразием отличается язык тех профессий, которые более всего сохранили феодальный бытовой уклад — язык актерской богемы, гейш; имеет свои особенности и язык мелкого торгового люда; несколько иначе, чем мужчины, говорят женщины; специфические черты имеет и язык учащихся. Многообразие единого классового языка утверждается не только наличием носителей этих отдельных языковых типов, но и теми отношениями, которые установились и поддерживаются в среде этого самого класса. Поскольку, например, в семье, как и в общественном строе, сохранились еще отголоски феодальных времен, ставящие женщину в известном смысле ниже мужчины, постольку муж в обращении к жене употребит те слова, обороты и конструкции речи, которые выражают в общем отношение хозяина к служанке; и наоборот, речь жены при обращении к мужу будет носить отпечаток отношения «низших» к «высшим». В этом же духе строится соотношение речей господина и слуги, хозяина и работника, начальника и подчиненного. Короче говоря, физиономию речи

определяют те же отношения господства и подчинения, которые характеризуют общественный строй в Японии в целом.

В связи с этим языковые формы отдельных классов — при всей их общей однородности — содержат в себе по крайней мере четыре стилистических варианта:

1) речь общую, так сказать, нейтральную, наиболее обезличенную, могущую быть в известном смысле примененной на всем протяжении языкового общения в данной общественной среде;

2) речь вежливую, применяемую по отношению к «высшим», в разном смысле этого слова — высшим по служебному или вообще общественному положению, старшим по возрасту, особо уважаемым лицам и т. п.;

3) речь фамильярную, применяемую к представителям однородной прослойки, профессии, одного и того же общественного положения, возраста, наконец — среди друзей;

4) речь грубую, применяемую представителями «высших» классов к «низшим» социальным слоям; эта речь может формально совпадать с предшествующей, поскольку «грубо» по отношению к одним может значить «фамильярно» по отношению к другим.

Конечно, это отнюдь не означает, что в каждой форме языка все эти четыре варианта обязательно существуют в развитом виде и что они являются строго отличными друг от друга. Не все эти формы одинаково развиты, не во всех присутствуют предпосылки для образования означенных вариантов. Кроме того, отдельные общественные классы существуют не изолированно, а в теснейшем взаимоотношении. Поэтому проникновение языка одного класса в язык другого — явление обычное, имеющее огромное значение. В этих условиях мы имеем, как постоянное явление, такие случаи, когда эксплоатируемый класс принимает обычные формы языка господствующего класса, как особо вежливые, и включает их в качестве таковых в арсенал своих собственных языковых средств; или когда представители господствующего класса заимствуют слова и обороты, обычные для речи так называемых «низших» классов, но употребляют их как «грубые». Бывает и обратное: какое-нибудь обыкновенное слово или оборот речи из языка господствующего класса могут оказаться в языковом обиходе класса подчиненного в значении бранном.

III

Так происходят отбор, расстановка и применение языковых форм в устном общении. Наряду с устной речью существует, однако, и речь письменная. Языковое общение может вестись и письменным путем. В этом случае картина, нарисованная выше, для японского языка сильнейшим образом осложняется.

Прежде всего мы можем иметь здесь самое простое: перенесение в письмо форм речи, характерных для речи устной.

Можно писать совершенно так же, как и говорить. В этом случае мы будем иметь совпадение форм устной и письменной речи.

Где это можно делать? Прежде всего, конечно, там, где так и должно быть, согласно общему заданию: в языке художественной беллетристики или драмы. Какой-нибудь роман из современной жизни или пьеса, стремясь вывести живых представителей современного общества, естественно, вкладывает в их уста, по возможности, самые живые разговорные слова и обороты. Можно сказать, что вся «разговорная» часть современной японской беллетристики целиком такова: она дает живой современный разговорный язык. При этом большей частью этот язык дается соответственно социальному положению выводимых персонажей. Впрочем, о крестьянах этого нельзя сказать: они часто говорят в современных романах не на своем языке. Это получается иногда потому, что писатели сами не знают соответствующего крестьянского языка; иногда потому, что данный крестьянский язык откидывается ими, как непонятный читателю; иногда это делается и затем, чтобы сделать данное произведение наиболее доходчивым в политически-агитационных целях. Так, например, желая сильнее привлечь общественное внимание к какому-нибудь явлению в деревне — особо тяжелому проявлению эксплоатации или выступлению крестьян, — автор, обрабатывая этот эпизод в беллетристической форме, заставляет крестьян говорить не на том диалекте, на котором они фактически говорят, а на условном «общемужицком» языке, в своей условности всем понятном, или даже — на национальном литературном языке.

Так или иначе — с полным соблюдением чистоты диалекта или нет, — только разговорная часть современных беллетристических произведений и пьес обычно фиксирует современную живую разговорную речь. Несколько иначе обстоит дело с повествовательными и описательными частями романа или повести. Они пишутся автором на том же современном национальном языке, но уже несколько более условном, чем при передаче диалогов. Этот язык подвергнут уже некоторой обработке. Последняя может итти по линии школьного, стандартного языка, т. е. по линии наибольшего шаблонизирования речи, может итти и по линии индивидуальных особенностей речи и литературной манеры самого автора. Конечно, эти особенности сказываются и в разговорной части произведения, но в гораздо меньшей степени. Поэтому повествовательные и описательные части беллетристических произведений дают несколько иной вариант современного языка: они начинают уже отходить от чисто разговорного по направлению к буржуазному литературному языку, иногда даже, — правда, сейчас очень редко, — пользуясь феодальным литературным языком.

Еще дальше отходит от чисто разговорной речи язык публици-

стических произведений и научных работ. В нем могут наблюдаться различные варианты: иногда какая-нибудь статья оказывается построенной на языке почти целиком разговорном; иногда она бывает основана на языке старом, ни при каких обстоятельствах в живой практике не встречающемся. Между этими двумя полюсами располагается огромное количество всевозможных градаций и переходов. Наиболее устойчивым для этого вида литературы является упомянутый выше публицистический язык, но в общем и здесь в избрании того или иного типа речи играет существенную роль личность автора, его установки и цели, т. е. те же элементы социальной обусловленности и социальной направленности, которые конструируют конкретные формы и устной речи. В среде современных японских публицистов и ученых, в среде общественных и политических деятелей существует не мало лиц, в значительной мере сохранивших воззрения, вкусы и привычки прежних феодальных времен. В основном своем составе это лица, связанные с теми слоями японского общества, в которых сохранились прежние феодальные отношения, в которых наличествуют еще так называемые клановые связи (помещичьи круги, военщина, высшая бюрократия). Поэтому и их писания носят на себе ясный отпечаток «остатков феодализма» в них самих и в их среде. Это находит свое выражение в обращении их к старому феодальному языку, точнее к литературному языку феодальной эпохи. Они этот язык знают благодаря тому почетному месту, которое занимало в их образовании штудирование его памятников. Язык этот — как живой — сейчас не существует, он является в полной мере языком письменным. И так как в связи с историческими особенностями своего формирования он переполнен китаизмами в лексике, в конструкции фразы, в оборотах,— этот язык может даже принимать форму так называемого китайско-переводного стиля (kambun chokuyakutai 漢文直譯體).

Наряду с представителями старого феодального уклада господствующие классы современной Японии знают и другой тип: людей, целиком воспитавшихся на европейском просвещении, прошедших курс образования на европейских образцах, очень часто непосредственно в Европе или Америке. Большей частью — это представители буржуазной интеллигенции, выдвинутой новой капиталистической Японией, ее ученых кругов. Естественно, что в писаниях этих лиц отражается именно эта их европейская образованность, знакомство с иностранными языками и привычка к ним, влияние непосредственно той литературы, которую они изучали. Немудрено поэтому встретить сейчас ученую юридическую статью, в которой чувствуется влияние не только идей какого-нибудь немецкого «авторитета» по этой части, но и его языка; или экономическую статью, через которую проглядывают не только мысли, но и язык

европейского или американского экономиста. Ввиду того, что в основе этот стиль образовался из переложения на современный японский язык европейской конструкции речи, он может даже принимать форму так называемого европейско-переводного стиля (yōbun chokuyakutai 洋文直譯體).

Китайско-переводный и европейско-переводный стили представляют собою два полюса научно-публицистической речи. Между ними располагается целый ряд вариантов, то почти вплотную подходящих к разговорному языку, то переходящих в старый письменный язык. Границы этих вариантов трудно установимы, но о всех их можно сказать только то, что в общем они дают язык иной, чем обычная устная речь, и поэтому должны быть отнесены к области письменной речи или во всяком случае к речи гибридной, наиболее сложившейся формой которой является публицистический язык.

Однако, и здесь необходимо учитывать не только социальный облик автора, но и его цели. Тот же профессор, пишущий свой ученый труд европейско-переводным стилем, этот же вопрос излагает в «Курсе лекций» на языке почти полностью разговорном, поскольку этот «Курс» отражает фактическую манеру чтения лекций. Большая работа по политическим или экономическим вопросам может даваться на чисто письменном языке, и тот же вопрос, освещенный тем же автором в популярной брошюре, излагается почти разговорным языком. Огромную роль играют и установки автора — «академические» или «популяризационные» — и тип читателя, на которого он рассчитывает. Все это так же определяет стиль произведения, как и социальная физиономия автора и его воспитание. От целей автора, не менее чем от его общего облика, зависит степень приближения языка письменности к живому разговорному.

Существует еще одна область применения феодального литературного, т. е. чисто письменного языка, — это область официального, в особенности юридического документа: закона, правительственного распоряжения, циркуляра, устава, программы, декларации. Здесь нераздельно господствует письменный язык, и притом без тех многочисленных неустойчивых в своих границах вариантов, которые наблюдаются в публицистическом языке. Они появляются там под влиянием разговорного языка, сюда же он не проникает. Официальная бюрократическая документация крепко держится за прежний феодальный литературный язык, считая его наиболее точным и ясным, сжатым и в то же время разработанным, — качества, особенно необходимые для такой документации. Общественная документация невольно следует за этим, отчасти по тем же соображениям, отчасти из простой необходимости давать официальный документ в принятой форме. Таким образом, оказывается созданным «официальный стиль» (kōbun 公文), чрезвычайно стойкий и распространенный. Впрочем, и в этот официаль-

ный язык начинают проникать элементы разговорной речи. Так, например, во всяких объявлениях на улицах, в общественных местах постоянно можно встретить чисто разговорные формы и обороты.

Своеобразную картину представляет язык писем. Здесь, как нельзя ярче, сказывается тот социальный переплет, который характерен для современного японского общества. Прежде всего общая сумма эпистолярного языка распределяется по двум главным разделам: переписка частная и переписка официальная. В последней нераздельно господствует письменный, неслышимый язык, приэтом в форме, восходящей к официальному литературному языку, «государственному» языку периода Токугава, воспринимаемому теперь как некое явление этикетного значения. Ввиду того, что бросающейся в глаза его особенностью является применение особого вспомогательного глагола sōrō 候, этот стиль носит наименование «стиль сōрō» (sōrōbun 候文). В схемы этого канцелярского, архаического для современности языка втискиваются сейчас все виды официальной корреспонденции: дипломатическая переписка, коммерческое письмо, официальное заявление, вплоть до ресторанного счета и простой квитанции от прачки. Это обстоятельство превосходно характеризует современный официальный мир Японии, мир японской бюрократии, до сих пор бережно хранящей в своей среде, в своем обиходе старые феодальные пережитки и насаждающей их в стране по той линии, которая целиком в ее руках, — служебно-официальной.

Иначе обстоит дело с частной перепиской. Здесь нет той однородности, какая наблюдается в официальной. Отсутствие официального, т. е. принудительного момента дает свободу пишущему, создает возможность для него не следовать определенным образцам, а варьировать стиль письма по своему желанию. Поэтому здесь снова ярко, может быть ярче, чем где-либо в другой области письменности, выступают социальные взаимоотношения. Отсюда и следствие: язык частного письма может колебаться от «стиля сōрō» до языка диалогической части современного романа. Представим себе современную семью, предположим помещичью. Сын этой семьи — студент столичного университета. Как он пишет письмо домой, в особенности адресуясь к отцу? Не иначе, как «стилем сōрō». Ведь именно в помещичьей среде особенно дают себя чувствовать пережитки старых феодальных отношений. Как он пишет письмо своему профессору? В большинстве случаев также «стилем сōрō». Здесь сказываются еще какие-то смутные отголоски прежних цеховых отношений мастера и ученика, переработанных в соответствии с условиями современного общества. Но своему приятелю, такому же студенту, он пишет уже на том языке, на котором говорит, со включением при этом тех элементов, которые он извлек из только что прочитанных на своем или ино-

странных языках книг. Так же он напишет и «raburetā» (love letter), любовное послание, только — в отличие от письма к приятелю — не в дружески-фамильярном стиле, а в стиле вежливом.

Нужно, однако, сказать, что в последнее время разговорный язык захватывает все большие и большие области частной переписки. Канцелярско-бюрократический «стиль sōrō» все заметнее отступает на задний план. Это объясняется не только общими причинами, но отчасти и техническими: «стиль sōrō» вещь трудная, требующая специального изучения. Правда, сильно помогают делу многочисленные письмовники, но все же образцы, даваемые ими, нужно уметь приспособить к данному случаю, а это также требует опыта. Поэтому знание sōrōbuna падает, а вместе с этим падает и его применение.

Таким образом, в современной письменной практике можно установить наличие двух типов языка — разговорного и письменного, а также и их гибрида — языка публицистического, языка публичной речи. В наиболее чистом своем виде первый присутствует в диалогических частях беллетристических произведений и драме; второй — в официальной переписке и в официальном документе. И тот и другой могут встретиться спорадически и в частной переписке, и в публицистическом и научном произведении. В первой — в двух более или менее определенных видах: либо в виде чисто разговорного письма, либо в виде «стиля sōrō», во втором — в массе различных градаций: от чисто письменного китайско-переводного стиля через полуписьменный-полуразговорный европейско-переводный стиль к слегка только обработанному в литературном плане обыкновенному разговорному языку. В основе чисто разговорного языка лежит живой язык современной японской буржуазии; в основе языка письменного — язык прежних феодальных времен. Из взаимодействия и столкновения этих двух основных языков и рождаются те конкретные типы письменной речи, которые отражают то победу современного буржуазного языка, то победу старого феодального, различную степень этих побед и отступлений, а также их компромиссы.

Нельзя, однако, отделять непроницаемой стеной сферу разговорного языка в точном смысле этого слова, т. е. языка, применяемого в устном общении, от сферы языка письменного опять-таки в буквальном смысле, т. е. языка, применяемого в письменной практике. Мы уже отметили ту значительную роль, которую выполняет в этой последней разговорный язык. Иначе и быть не может: процесс унификации языка начался уже давно — с 80-х годов прошлого столетия. Процесс этот, шедший под лозунгом «единства слова и письма» (gembun-itchi 言文一致), означал, по существу, борьбу новой капиталистической буржуазии за овладение литературой, борьбу за свой литературный язык, за «вытеснение феодализма» и из литературного оби-

хода. Борьба эта в сфере художественной литературы закончилась победой нового языка. Новый язык занял прочные позиции и в публицистике, и в научном обиходе, и в частной переписке. Старый феодальный язык пока еще крепко держится в официальных сферах как в документах, так и в официальной переписке, да частично и в научно-публицистических произведениях. Это связано не столько с тем, что новый язык капиталистической буржуазии не годен для этих целей, сколько с общими социально-экономическими и политическими особенностями японской действительности, совмещающей высоко развитый монополистический капитализм с целым рядом феодальных элементов, а также с особой ролью японской монархии и связанной с нею бюрократии.

Однако, наряду с влиянием, которое оказывает на письменную практику разговорный язык, наблюдается и обратное: в живую речь проникают элементы письменного языка. Это особенно заметно в публичной речи. Достаточно побывать на любом митинге, на любом собрании, чтобы отметить, что речи ораторов часто ничем не отличаются по языку от газетной статьи. Особенно «письменный» облик носят банкетные выступления, всякие приветственные речи и т. п. Их официальный тон и характер заставляют автора часто говорить чуть ли не чисто письменным языком. Словом, официальная риторика носит все черты официального языка вообще; дискуссионная или митинговая риторика приближается к публицистическому языку; лекционная — к научному. Обратное влияние письменного языка в этой области чрезвычайно явственно и значительно.

IV

Таким образом, состояние, в котором пребывает сейчас японский язык, отличается большой сложностью. Национальный язык (kokugo 國語) сталкивается с местными наречиями (hōgen 方言), причем исход этого столкновения находится в прямой зависимости от степени распространения на деревню капиталистических отношений и от степени живучести там остатков феодализма. Как было указано выше, длительность и сложность этого столкновения определяются противоречиями, развивающимися в самой буржуазии, с одной стороны стремящейся развить и расширить современные капиталистические отношения, с другой стороны — консервирующей в аграрных отношениях ряд феодальных устоев.

Наряду с этим происходит столкновение «стандартного языка» (hyōjungo 標準語) с «языком простонародным» (zokugo 俗語), т. е. буржуазного литературного языка с городскими «мещанскими» говорами, — иначе говоря, с языком мелкой буржуазии и языковой практикой рабочего класса.

Таково положение на «больших фронтах» японского языка — в столкновениях языковых форм разных классов и социальных групп. Но противоречия существуют и на фронтах «малых» — внутри языковой формы одного и того же класса или социальной группы. Так, внутри буржуазного языка происходит столкновение между языком «стандартным», литературным, и языком живым, разговорным. Если раньше буржуазия брала свой обиходный язык и на его основе создавала свой литературный, как наиболее «правильное», «чистое» его выражение, причем в ряде своих элементов этот литературный язык был тогда передовым, ведущим,—то теперь соотношение этих двух струй буржуазного языка изменяется: литературный язык, превратившись в язык школьный, начинает отставать от языка живого и с трудом принимает в свою систему всякие новшества.

В крестьянском языке обозначается противоречие между исконными элементами, сложившимися в феодальной деревне, и вновь возникающими элементами, складывающимися в условиях проникновения в деревню капиталистических отношений, с одной стороны, и в условиях развивающейся борьбы на аграрном фронте — с другой. Различные крестьянские организации — как профессиональные, так и политические — служат ареной, на которой этот процесс развертывается; они же и закрепляют эти новые языковые элементы, идущие от общенационального языка, а также проводят их в крестьянские массы. На этом участке происходит также своеобразное смыкание крестьянского языка с языком рабочего класса, усваивающим в своем классовом преломлении лучшее, что есть в национальном языке; таким образом новые элементы, формирующиеся в крестьянском языке, одной своей стороной упираются в язык рабочего класса, оказывающий серьезнейшее воздействие на язык революционной деревни.

Все указанное относится к «внутренним фронтам» японского языка. Кроме них, существует и «внешний фронт» — взаимоотношения японского языка с языками остального мира. Эти взаимоотношения существуют, и процесс, развивающийся в них, также имеет не малое значение для характеристики современного японского языка в целом.

Взаимоотношения между языками различных народов складываются тогда, когда появляются взаимоотношения между этими народами вообще, прямо — в виде непосредственного общения, или косвенно — через посредство культуры. Естественно, что в японском языке мы обнаруживаем соприкосновение только с теми языками, с носителями которых японцам тем или иным путем приходилось и приходится сталкиваться.

Если брать всю историю японского языка, то в прежние, докапиталистические времена мы находим соприкосновение с целым рядом языков: корейским и китайским — непосредственно, санскритом — косвенно (через буддизм). Со-

прикосновение с корейским восходит, возможно, к наиболее отдаленным временам исторической жизни Японии; в V—VI столетии мы имеем уже широкое общение с Китаем; в том же VI столетии развертывается процесс перенесения на японскую почву буддизма, а с ним и буддийского священного писания, хотя в целом и в китайских переводах, но все же с некоторым привеском санскритских слов, часть которых вошла и в общий обиход. С появлением в XVI столетии у японских берегов испанцев и португальцев началось проникновение в японский язык слов и из этих двух языков. С XVII века начинается некоторое проникновение голландского. Словом, на рубеже капиталистической эры, т. е. к середине XIX века, японский язык появляется значительно измененным сравнительно с тем, что мы знаем о нем по первым письменным памятникам. Конечно, не только одно это соприкосновение с другими языками обусловило такую трансформацию. Основную роль в ней играли, конечно, внутренние процессы. Равным образом, не все чужие языки сыграли одинаковую роль. Наибольшее значение в этой трансформации имел язык китайский, соединение которого с японским приняло настолько широкие размеры, что современный японский язык может быть с точки зрения лексики по справедливости назван японо-китайским. Влияние португальского, испанского и голландского языков дало себя знать на сравнительно узких участках, главным образом в некоторых областях лексики; влияние же китайского распространилось не только по всей области лексики, но отчасти и синтаксиса и даже морфологии. Кроме того, при изучении общения японского языка с другими языками нужно учитывать и еще два момента: живучесть заимствований и пределы их распространения. Очень много из категории как будто прочно усвоенных в свое время слов в дальнейшем исчезло: так, исчезло, например, много португальских и испанских слов. Многие слова остались уделом только определенных, иногда очень ограниченных кругов населения; так, например, употребление многих санскритских слов ограничивается обиходом буддийского духовенства. Но так или иначе, к капиталистической эре японский язык вышел в смешанном облике.

С середины XIX века начинается все более и более ширящееся соприкосновение японского языка с другими языками: французским, немецким, английским, русским. С выходом Японии из состояния феодальной замкнутости и изоляции от внешнего мира, в которой она пребывала в течение двух с половиной столетий, началось широкое общение с этим миром, переплетающееся с борьбой против него, которую Япония вела и за свою независимость, как нового капиталистического государства, и за свою долю в эксплоатации колониального и полуколониального мира. Орудием в борьбе с чужим капитализмом служило всемерное укрепление капитализма у себя.

Отсюда процесс интенсивного насаждения капиталистических начал в Японии, или в культурном преломлении — ее европеизации. В Японию широким потоком хлынула европейско-американская капиталистическая культура, начался процесс столкновения ее с японской, частично — ломка и вытеснение элементов этой последней, частично — соединение с нею. И так как странами-образцами в этом процессе для Японии послужили в первую очередь Англия и Америка, затем — в гораздо меньшей степени — Франция и Германия, то немудрено, что языки этих стран оказали и оказывают решительное воздействие на японский язык.

В последнее время обнаруживается сильнейшее влияние современного русского языка, особенно советской политической и экономической литературы, воспринимаемой и как научное, и как живое слово. Язык этой литературы, демонстрирующий на живом примере переосмысление системы понятий русского национального языка, в сильнейшей степени способствует соответствующему переосмыслению и в Японии и оказывает огромное влияние на речевой стиль передовых слоев японского рабочего класса.

Как развивалось взаимодействие этих чужих языков с японским? Передовой линией, на которой это соприкосновение произошло, была лексика. Новая буржуазная культура принесла с собой понятия, настолько новые для феодальной Японии, что готовых названий для них в японском языке, естественно, не оказалось. Пришлось их создавать. Простейшим путем для этого был и остается путь прямого заимствования, простого внесения чужих слов в лексикон японского языка. Такая пересадка и произошла: сейчас в японском языке насчитывается множество иностранных слов, в подавляющем числе — английских. Однако, одним заимствованием дело не ограничилось. Чужие слова, будучи перенесены на японскую почву, нередко начинали жить самостоятельной жизнью, отличной от той, которой они живут на родине: иногда они начинают употребляться — полностью или частично — в ином значении, чем у себя на месте. Известным примером является распространенное одно время слово kame 洋犬, идущее от английского come here — в обращении к собаке; в Японии оно одно время означало просто «европейская собака». Слово daburu ダブル (английское double) в японском студенческом языке означает «провалиться» (на экзамене). Иногда из иностранных слов образуются производные, не употребительные на родине этих слов: из английского salary (жалованье) и man (человек) получилось sarariman サラリーマン — человек, живущий на жалованье (служащий). Некоторые иностранные слова дали жизнь японизированным глаголам: saboru サボル — саботировать (от французского sabotage); riberu リベル — любить (от немецкого lieben); ajiru アヂル — агитировать (от английского agitation). Ряд слов оказался урезанным. Так, например, вместо русского «интеллигенция»

говорят interi インテリ — в смысле «интеллигенция» и «интеллигент». Нередко из двух иностранных слов получается одно, приэтом с сокращением каждого из них; например: zenesuto ゼネスト — всеобщая забастовка (от general strike); ajipuro アヂプロ — агитация и пропаганда (от agitation и propaganda). Иногда наблюдается сращение японского слова с иностранными: toteshan トテシャン — красотка (из японского totemo とても — очень и немецкого schön — красивый).

Разумеется, не все эти слова имеют одинаковое распространение. Создавшись в определенной среде, они часто в этой среде и остаются: таковы, например, студенческие слова daburu, riberu, toteshan. Многие из них имеют весьма кратковременное существование, не выходя из рамок модного словечка, также быстро исчезающего, как и появляющегося. Однако, общая сумма этих слов неуклонно растет, и перечисленные типы их освоения остаются.

Весь этот процесс пересадки и освоения иностранных слов также может быть понят только с учетом той социальной обстановки, в которой он протекает. Она определяет не только то или иное заимствование, но и характер освоения. Так, например, совершенно понятно, почему такое слово, как zenesuto, образовалось в рабочем языке, вернее — в языке революционной буржуазной интеллигенции, на определенном этапе классовой борьбы смыкавшейся с рабочим движением. Там же получило свое хождение и слово interi, которое означает на рабочем языке не просто интеллигента, но деятеля рабочего движения, происходящего из интеллигентов. Слово это появилось в среде рабочих тогда, когда рабочее движение освобождалось от руководства левой интеллигенции и стало движением самостоятельным. Тогда обнаружилась разная природа одних деятелей и других, и появилось слово interi. В дальнейшем, с выдвижением руководителей движения из среды самих рабочих и в связи с неустойчивой позицией в этом направлении многих интеллигентов, примкнувших к рабочему движению, это слово получило оттенок несколько презрительной клички. Все это показывает необходимость знать социальную обстановку, в которой слово появилось и привилось, чтобы понять как самый факт заимствования, так и характер освоения.

Соприкосновение японского языка с европейскими имеет своим результатом не только появление новой лексики; его отголоски сказываются и в морфологии, и в синтаксисе. Как уже было только что указано, мы имеем факты образования новых слов из материала перенесенных, создания новых частей речи, появления производных (например, interide インテリ出 — из интеллигентов, интеллигент: от японо-русского interi インテリ и японского суффикса de 出 от deru 出る — выходить). Можно констатировать сильнейшее воздействие на понимание и употребление японского страдательного залога его английского

понимания и употребления. Появляются словосочетания, понятные только по аналогии с английскими: chūi-wo harau 注意を拂ふ — буквальное переложение английского to pay attention. Меняется структура фразы: противительные предлоги (shikashi 然し, shikashinagara 然し乍ら — но, однако) начинают ставиться не в начале предложения, где им надлежит по правилу быть, но после первых слов (на английский манер). Происходит нечто и более серьезное: суффиксы, до сих пор существовавшие только как суффиксы, эмансипируются от своих слов настолько, что получают собственное, самостоятельное значение и, следовательно, применение (противительные и уступительные суффиксы ga が, keredomo けれども в начале фразы); другие меняют свое значение (yori より — суффикс сравнительного падежа существительных — служит префиксом сравнительной степени прилагательных). Словом, влияние европейских языков простирается на все области языка.

Место, занимаемое английскими словами в современном японском языке, настолько велико и прочно, что позволяет говорить даже о japanized english, об «английском языке, ставшем японским» (Nippongo-to natta eigo 日本語となつた英語, — под таким названием фигурирует один из новейших словарей иностранных слов в Японии*). О специальных областях мы не говорим: в обиходе научном, техническом этих слов еще больше. Однако, соприкосновение японского языка с европейскими не ограничивалось только одним занятием европейскими языками определенных и больших позиций. Не в этом даже основное, что получилось в результате соприкосновения. Воздействующий язык обычно не только вторгается как таковой, но и вызывает к жизни самостоятельные явления. Так и японский язык, уступив некоторые позиции чужим языкам, создал и свои собственные слова, вполне адэкватные новым явлениям в культуре и призванные не только конкурировать с чужими словами, но и не допускать их. Таким путем из столкновения японского языка с иностранными родилась новая японская лексика.

Крайне характерно, что тем орудием, которое японский язык противопоставил чужому языку, оказались китайские элементы японского языка. Именно они были мобилизованы на обслуживание новых потребностей, именно из них стали формироваться новые слова.

Почему это произошло? Во-первых, потому, что уже с давних пор японский язык перестал быть чисто японским; он стал уже давно понемногу — по линии лексики — превращаться в японо-китайский. При этом часть японо-китайских слов прочно вошла в обиход, была полностью освоена японским языком. Но другая — и, пожалуй, бо́льшая часть —

---

*) Japanized English, collected and annotated by Sawbay Arakawa. Kenkyūsha, Tokio, 1931.

заняла несколько особое положение: часть ее осталась уделом специального языка — ученых конфуцианцев, буддийского духовенства и т. п.; некоторая же часть оставалась как бы фондом, откуда по мере надобности извлекались нужные элементы. Вот из этой-то второй половины — из специального языка и свободного фонда — и стали современные японцы брать материал для конструирования новых слов.

Основное содержание этого процесса опять-таки сводилось к столкновению двух противоречивых стихий: лицом к лицу здесь друг перед другом предстали два мира — мир феодальных понятий, созданных Китаем и Японией, и мир буржуазно-капиталистических понятий, выросших в Европе и Америке. Поэтому процесс развернулся в двойном направлении: с одной стороны, стали приспосабливаться к новому содержанию хорошо знакомые слова; так, например, слово byōdō 平等 — равенство, имевшее хождение в буддийском обиходе, стало привлекаться для обозначения понятия «равенства» из триады «свобода, равенство и братство»; конфуцианское jiyū 自由 — для другого слова из той же триады — «свобода». Нужно при этом отметить, что нередко для выражения новых понятий из недр китайского языка извлекались такие слова, которые обозначали вещи, весьма далекие от того, что они должны были обозначать теперь. Таково, например, слово keizai 經濟 — экономика, идущее из политико-экономической доктрины Мэндзы, китайского философа, мыслившего понятиями IV столетия до нашей эры; слово shihon 資本 — капитал, идущее из китайско-буддийского обихода. Иначе говоря, мы имеем не только привлечение — для обозначения новых понятий — слов более или менее сходных по значению и привившихся в какой-нибудь специальной отрасли, но и постановку на службу новым буржуазным понятиям слов, обозначающих понятия феодальные. Именно этим объясняется тот малопонятный на первый взгляд факт, что современный японский язык, язык страны в капиталистическом отношении передовой по сравнению с Китаем, включает в себя ряд таких китайских элементов, которые в самом Китае считаются достоянием лишь старинных памятников. Может быть потому, что японцы чувствуют себя менее связанными с тем «грузом истории», который тянет за собою всякое слово для китайца, и появилась эта сравнительная свобода обращения с исторически сложившимися, часто совершенно чуждыми по своему содержанию понятиями.

Эта свобода обращения, проявляющаяся в отношении даже более или менее прочно утвердившихся слов, становится гораздо более решительной, когда дело доходит до оперирования с тем, что было выше названо свободным или запасным фондом японского языка. Фонд этот в сущности неисчерпаем: китайский язык — и притом язык письменный — предоставляет и самим китайцам в письменной практике огромный простор для

всяких неологизмов. Тем больший простор предоставляет этот язык для японцев, менее связанных с традицией. Для них элементы этого письменного китайского языка представляются в подлинном смысле кирпичами, из которых можно строить любое сооружение. Таким образом и получилось, что в сущности любое понятие европейской науки, техники, общественной жизни, идеологии оказалось возможным перевести на этот японо-китайский язык, т. е. составить соответствующую комбинацию элементов китайского письменного языка. Пример из области философии: «субъективный» составлено из элементов shu 主 — хозяин, kan 觀 — рассматривать, teki 的 — суффикс качественного понятия, т. е. shukanteki 主觀的. «Объективный» составлено из kaku 客 (kyaku) — гость, kan 觀 — рассматривать, teki 的 — тот же суффикс, т. е. kakkanteki 客觀的. Пример из области техники: «аэроплан» состоит из элементов: hi 飛 — летать, kō 行 — итти, ki 機 — аппарат, вместе — hikōki 飛行機. Пример из естествознания: «химия» составлено из элементов: ka 化 — превращение, gaku 學 — учение, вместе — kagaku 化學. Все — вплоть до обозначений химических элементов, до узко специальных научных терминов в любой области — названо таким путем. В Японии мы наблюдаем такое колоссальное по размаху и значению использование китайского письменного (иероглифического) феодального языка, которое только и может быть сопоставлено с тем, что мы имеем в современных европейских языках в области привлечения древних классических языков — греческого и латинского — к обозначению новых понятий.

Ввиду всего этого при анализе соприкосновения японского языка с иностранными совершенно необходимо искать результатов этого соприкосновения не только в области простого заимствования, но и по линии появления новых переводных слов. Эта область гораздо шире, гораздо значительнее и характернее для современного языка, чем даже первая. Она важна не только по своему количественному удельному весу (в сущности, пожалуй, не менее трех четвертей современного японского языка заполнено этими словами), но и потому, что процесс создания новой лексики с помощью китайского материала соединился с новыми явлениями и в области морфологии. Так, например, мы имеем сейчас уже совершенно определившиеся, устойчивые словообразовательные суффиксы, образованные из тех же китайских элементов: shugi 主義 — изм (например, shihonshugi 資本主義 — капитализм, от shihon 資本 — капитал и суффикса shugi 主義 — изм); ka 化 (буквально: превращение,— ация; например, gōrika 合理化 — рационализация, от gōri 合理 — рациональное); sei 性 (буквально: природа,— ость; например, jūyōsei 重要性 — важность, от jūyō 重要 — важное); не говоря уже о таких старых суффиксах, как gaku 學 (буквально: учение) в названиях наук: kagaku 化學 — химия,

gengogaku 言語學 — лингвистика; teki 的 — суффикс качественных понятий: seijiteki 政治的 — политический, от seiji 政治 — политика; jō 上 — суффикс относительных понятий: 政治上 seijijō — политический (в смысле: с точки зрения политики) и т. д.

Таким образом, современная историческая обстановка Японии — ее внутреннее состояние, социальные процессы, развивающиеся в ней, ее внешние позиции, взаимоотношения с прочим миром, — все это приводит в движение японский язык во всем его объеме, вызывая в нем столкновения и переплетения всех социально различных элементов, а также столкновения и переплетения элементов своих и чужих. Эта же самая общая историческая ситуация приводит к рождению из этого столкновения и переплетения новых языковых явлений.

* * *

Разумеется, этот процесс сопряжен с внутренним развитием языка, с борьбой противоположностей в языке, являющейся отражением диалектического развития самого мышления. Этот момент требует, однако, особого анализа, который не входит в рамки настоящего «Введения».

Полная научная грамматика современного японского языка должна охватить весь описанный процесс в целом — во всем его многообразии. Однако, в настоящий момент этого сделать нельзя: для этого ни в японской, ни в европейской науке не проделан еще ряд предварительных работ, главным образом по изучению крестьянских языков, местных городских наречий. Не изучен еще и «простонародный язык» даже одного города Токио. Ввиду этого настоящая работа ограничивается тем, что сейчас сделать можно и на первых порах необходимо: рассмотрением современного японского национального литературного языка.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СКАЗУЕМЫМ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ

I. РЕЧЬ О ЛИЦАХ

§ 1. Одним из самых основных видов предложения в речи о лицах является предложение, определяющее или обозначающее человека, в самом широком и многообразном смысле этого слова: в смысле позиции человека в обществе в целом, на отдельных участках этого общества, — например, в семье, — с точки зрения профессии, возраста, пола, имени и т. п.

§ 2. Установление такого обозначения в форме предложения происходит в виде соединения двух элементов: субъекта, обозначение которого дается, и самого обозначения. Субъект обозначения, или субъект называемый, с точки зрения грамматической, именуется подлежащим; само обозначение, или называние, — сказуемым. Таким образом, конструкция предложения обозначения, называния, или так называемого именного предложения, проста: подлежащее + сказуемое.

§ 3. В условиях прямого, непосредственного общения людей друг с другом субъектом такого называния, обозначения могут быть только три лица: 1) сам говорящий, 2) лицо, к которому обращаются с речью, 3) лицо, о котором говорят. Соответственно этому язык и устанавливает три типа слов, которые представляют собою обозначение этих трех категорий: это суть местоимения 1-го лица — для обозначения говорящего, 2-го лица — для обозначения того, к кому обращаются с речью, 3-го лица — для обозначения того, о ком говорят. Наряду с местоимениями субъектом может служить и любое существительное, если оно обозначает с какой-нибудь стороны это 1-е, 2-е или 3-е лицо.

Само обозначение, называние представляет собою определение субъекта в указанном широком смысле. И так как в современном обществе это определение может быть самым различным — и по существу, и с точки зрения взаимоотношений, и по тому,

как данное лицо определять, с какой стороны к нему подходить, — то и соответствующих словесных обозначений может быть огромное множество.

§ 4. Установление такого обозначения, т. е. построение именного предложения, есть соединение в одном речевом целом субъекта обозначения, т. е. подлежащего, и самого обозначения, т. е. сказуемого.

В этом процессе необходимо различать две стороны: во-первых, отбор нужных слов; во-вторых, соединение этих слов в одно целое. И здесь вступают в силу все те пружины, которые составляют суть всякого социального общения, в том числе и языкового.

1. ПОДЛЕЖАЩЕЕ — МЕСТОИМЕНИЕ ЛИЧНОЕ

§ 5. Разберем сначала первый момент — момент отбора. Говорящий должен прежде всего назвать субъекта своей речи. Перед ним местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица. Он возьмет, конечно, то из них, которое ему нужно соответственно заданию, перед ним стоящему. Однако, это лишь одна сторона дела. Местоимений 1-го, 2-го и 3-го лица в японском языке много. Если даже не брать эти местоимения из различных классовых языков, если ограничиться пределами одного буржуазного языка, даже одного буржуазного литературного языка, то и там окажется достаточно много возможностей для выбора.

§ 6. Для того, чтобы правильно понимать и применять личные местоимения японского языка, необходимо помнить следующее.

Личные местоимения различаются не только по лицам (1-е, 2-е, 3-е лицо), но и по своему социальному значению; для обозначения каждой социальной категории существуют свои местоимения. При этом конкретное применение того или иного местоимения, т. е. определение этой категории, зависит от тех отношений, в которых находится или в которое себя ставит говорящий к тому лицу, к которому обращается или о ком говорит. Таким образом, создаются три разряда местоимений:

а) в разговоре с «высшими» по социальному положению, по должности, возрасту и т. п.: watakushi 私 — я, anata あなた — вы, anokata あの方 — он, она;

вопросительно: donokata どの方 — который, кто? donata どなた — кто?;

б) в разговоре с «равными»: boku 僕 — я, kimi 君 — ты, anohito あの人 — он, она;

вопросительно: donohito どの人 — который, кто? dare だれ — кто?;

в) в разговоре с «низшими»: ore 俺（己）— я, omae おまへ — ты, aitsu 彼奴 — он, она;

вопросительно: doitsu どいつ — который, кто?

Примечание. Необходимо отметить, что вопросительным местоимением со значением «кто» может служить и слово nani или nan, имеющее ближайшим образом значение «что», т. е. применяемое к предметам. В приложении к людям оно применяется тогда, когда спрашивают не о человеке как таковом, а о его профессии, социальном положении и т. п. Таким образом, если вопрос «вы кто такой» имеет смысл «как вас зовут», по-японски следует сказать: anata-wa dare-des ka? Если же этот вопрос имеет смысл «чем вы занимаетесь», по-японски следует сказать: anata-wa nan-des ka?

При этом местоимения, применяемые в разговоре с «высшими», получают значение просто вежливых и имеют поэтому самое широкое хождение, в частности, во всех общениях с малознакомыми людьми, в официальных беседах и т. п. Местоимения, применяемые в разговоре с «равными», получают значение фамильярных и имеют широкое хождение между близкими знакомыми, друзьями, сверстниками и т. д. Местоимения, применяемые в разговоре с «низшими», получают значение грубых в точном смысле этого слова, или же фамильярных, и, в качестве последних, в ходу между близкими, в частности между родственниками, в собственной семье.

Частным случаем проявления этого социального различения служит наличие специально мужских и специально женских местоимений. Так, например, из числа указанных специально мужскими являются: boku 僕, kimi 君, ore 俺; женскими — watashi 私, anta あんた. Впрочем, эти последние слова получили уже широкое распространение и в мужском языке с некоторым только оттенком фамильярности.

Примечание. К числу местоимений 1-го лица может быть отнесено и слово jibun 自分, означающее собственно «сам» и могущее употребляться и в смысле «я».

§ 7. При обозначении 3-го лица принимается в расчет расстояние или, вернее, соотношение по расстоянию говорящих с этим 3-м лицом, степень связи этого 3-го лица с общим контекстом речи и, наконец, соотношение во времени. Тут оказываются возможными три случая:

а) он — здесь (включен в мою пространственную или временную орбиту, непосредственно связан со мной);

б) он — там (находится в иной, сравнительно с моей, пространственной или временной орбите, не связан с общим контекстом речи непосредственно);

в) он — там (находится вне говорящего и собеседника, вне общего контекста речи, действует в другое время).

В связи с этими существуют три обозначения: kono この, sono その, ano あの и вопросительное dono どの, прибавляемые (в начале) к словам kata 方, hito 人; и ko こ, so そ, a あ, do ど, прибавляемые к itsu いつ. Получаемые местоимения в современном языке, впрочем, ближе к указательным, чем к личным (за исключением anohito あの人, anokata あの方 и aitsu あいつ, вполне соответствующих личному «он»).

Примечание. Слова kata и hito являются существительными — сторона (kata) и человек (hito); kono, sono, ano, dono — соответствуют русским: этот (эта, это) — kono, тот (та, то) — sono и ano, который (-ая, -ое) — dono. Таким образом, местоимения konokata, konohito и т. д., по существу, представляют собою сочетание двух слов и имеют значение: этот человек, эта сторона и т. д. Существительным является также слово itsu (измененное yatsu), в современном языке употребляющееся в смысле «парень», «субъект» и т. п. Ko, so, a — корни слов kono, sono, ano. Поэтому слова koitsu и т. д. представляют собою также по существу сложные словообразования.

§ 8. Наряду с местоимениями, характерными для буржуазного языка, существуют местоимения, характерные для крестьянского языка и языка рабочей и мещанской среды:

а) крестьянские местоимения:

я — ore 俺 (ora おら) — в разговоре со своими, washi わし — с чужими,

ты — temae てまへ (temēてめえ),

он, она — kyatsu. きやつ, aitsu あいつ;

б) местоимения в рабочей и мещанской среде:

я — ore おれ, washi わし — со своими; temae てまへ — с чужими,

ты — omae おまへ, temae てまへ — с чужими; omae おまへ, kisama 貴様 — со своими, фамильярно,

он, она — (koitsu こいつ, soitsu そいつ) aitsu あいつ.

§ 9. В связи с этим происходит непрерывное столкновение всех этих трех систем местоимений, идущее по следующим линиям: в систему местоимений буржуазного языка проникают местоимения из языков крестьянского и «простонародного». Таковы местоимения 1-го лица ore, 2-го лица omae, 3-го лица aitsu. При этом эти слова, как слова языка «низших», с точки зрения японской буржуазии, классов, являются для буржуазного языка либо грубыми, либо фамильярными. Кроме приведенных, в буржуазном языке можно найти и другие местоимения: крестьянское (и отчасти мещанское) washi — я, рабочее (и отчасти мещанское) kisama — ты. Первое еще более грубо-фамильярно, чем даже ore, второе — само по себе фамильярное — очень часто в буржуазном языке находится на границе бранного слова.

В свою очередь и в язык крестьянской и рабочей среды проникают местоимения литературного языка, особенно anata — вы и kimi — ты. В рабочем языке в большом ходу и слово boku — я.

§ 10. В пределах одного и того же национального языка с обычными местоимениями буржуазного литературного языка сталкиваются иные: «феодальное» мужское wagahai 吾輩 — я, вновь образованные «модные», идущие из переводного литературного языка kanojo 彼女 — она, kareshi 彼氏 — он; перенесенное из письменного языка «литературное» kare 彼 — он;

а также — в токиоском говоре — ряд вариантов общелитературных: watashi わたし, atashi あたし, atai あたい — от watakushi 私, anta あんた — от anata あなた. Первое больше в ходу у прирожденных токиосцев (мужчин) или людей несколько старого склада; вторые — среди «эмансипированной» молодежи; третьи — или в женском языке, или в полумещанской среде.

Примечание 1-е. Слова kanojo, kare и kareshi пришли (или, вернее, приходят) в разговорный язык современной японской буржуазии (впрочем, в очень ограниченные круги ее) из письменного языка, в частности — переводного: европейская беллетристика с ее постоянными местоимениями «он», «она» заставила японских переводчиков подыскать (kare) или придумать (kanojo, kareshi) слова, более или менее подходящие к этим специфическим по употреблению европейским личным местоимениям. Нужно сказать, что эти местоимения, особенно kanojo — она, проникают в язык японской интеллигенции — мелкобуржуазной, в первую очередь, и даже пролетарской — очень широко.

Примечание 2-е. Необходимо обратить внимание на то, что одно и то же местоимение может употребляться в приложении к разным лицам. Среди указанных местоимений таково, например, местоимение temae, являющееся одновременно местоимением 1-го и 2-го лица. Значение 2-го лица имело когда-то местоимение ore, ныне употребляющееся только в значении «я». Местоимение omae, сейчас употребляющееся в значении «ты», раньше употреблялось и в значении «он». Кроме того, на протяжении истории менялся и «социальный тон» многих из этих местоимений. Так, например, omae (ōmae, ommae) раньше было почтительным обозначением 2-го или 3-го лица, теперь же оно звучит как фамильярное или грубое «ты». Слово kisama, теперь — либо очень грубое, либо фамильярное «ты», когда-то имело значение почтительного обращения. Если привлечь сюда еще данные из диалектов, картина получится еще более разнообразная.

2. СОЕДИНЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО СО СКАЗУЕМЫМ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ

§ 11. Таково положение дел с первым членом именного предложения — с подлежащим. Как обстоит дело со вторым членом — со сказуемым? Естественно, что если подлежащим в предложении разбираемого типа является местоимение, то сказуемым будет имя существительное.

Предложение описываемого типа получается, однако, лишь тогда, когда такое подлежащее и сказуемое соединяются вместе, как бы приравниваются друг к другу, как, например, в русской фразе «я — студент». Это соединение производится посредством особого вспомогательного глагола, обычно называемого *связкой*. Поэтому сказуемое в именных предложениях бывает всегда *составным*, т. е. составленным из двух элементов: имени существительного, или так называемого *предикативного члена*, и вспомогательного глагола, или так называемой *связки*.

Если два слова соединяются друг с другом на правах подлежащего и сказуемого, это значит, что они поставлены в зависимость друг от друга. Эта зависимость обоюдна, и каждое из этих двух слов должно и внешне, в грамматической форме обнаружить эту зависимость.

§ 12. В предложениях разбираемого типа подлежащим является местоимение. Условно оно может существовать как один из членов мысленного ряда, как бы некоего неопределенного перечисления: «я, ты, он, она...» Таким путем образуется первая форма местоимения — *изолированная*, обозначающая местоимение как таковое. Поскольку все другие формы местоимений (и существительных вообще) характеризуются присоединением к этой форме суффиксов, эта форма может быть названа *основной*, *исходной* или *бессуффиксальной*, или иначе — формой *словарной*, поскольку в словарях, т. е. там, где дается простое перечисление слов, дается именно эта форма.

Стоит, однако, этому местоимению войти в соприкосновение с другими словами, т. е. включиться в словосочетание, оно сейчас же ставится в связь с этими словами, а это выражается и внешне: оно принимает форму падежа.

Связь подлежащего со сказуемым выражается формою *именительного падежа*.

В русском языке изолированное предметное слово, т. е. слово, как простое наименование предмета, и слово, как подлежащее в предложении, — одинаковы по своему звуковому облику, т. е. именительный падеж совпадает с исходной формой.

В японском языке такого совпадения нет. «Я» — как простое обозначение будет watakushi; «я» — как подлежащее в предложении будет watakushi-wa 私は или watakushi-ga 私が. Другими словами, именительный падеж местоимений (и вообще существительных) образуется посредством добавления к основной форме суффиксов wa или ga.

Наличие двух суффиксов для именительного падежа свидетельствует о том, что он имеет два различных оттенка, зависящих от общей установки фразы. В дальнейшем это будет объяснено подробнее, пока же примем следующее.

Если центр тяжести для говорящего лежит на понятии, обозначенном подлежащим, или если действующее (в данном случае — обозначаемое) лицо упоминается в теснейшей, неразрывной связи с действием (в данном случае — со своей характеристикой), требуется первый именительный падеж на ga. Если центр тяжести для говорящего лежит на понятии, обозначенном сказуемым, или если действующее (в данном случае — обозначаемое) лицо только сопоставляется с действием (в данном случае — обозначением), а иногда даже противопоставляется ему, требуется второй именительный падеж на wa.

Таким образом, если ставится вопрос: «вы кто такой?» (в смысле: «как вас зовут?»), ответ будет: watakushi-wa Hayashi - des 私は 林です — я — Хаяси. Такую же форму будет иметь это предложение, если оно дается не как ответ на подобный действительно поставленный или только мыслимый вопрос, но и как заявление, сделанное по собственной инициативе. Если говорящий подходит к человеку, не знающему его,

и называет себя «я — Хаяси», то он скажет: watakushi-wa Hayashi-des.

Если же ставится вопрос: «кто именно здесь Хаяси?», ответ будет: watakushi-ga Hayashi-des 私が林です — я — Хаяси. Обычно именительным падежом считается падеж на ga, падеж на wa называется *выделительным*.

§ 13. Так обозначается подлежащее в именном предложении. Как обозначается сказуемое? Оно, как было сказано выше, в таких случаях является составным, т. е. составленным из существительного (или предикативного члена) и вспомогательного глагола (или связки). Предикативный член является существительным. Что может быть связкой?

По-русски связкой служит глагол «быть», лишенный своего вещественного значения, т. е. не имеющий смысла «находиться», «существовать». При употреблении в настоящем времени, т. е. в форме «есть», этот глагол, как связка, по-русски просто опускается; как глагол полновесный по значению — сохраняется.

В японском языке связкой также служит глагол «быть», но только — в отличие от русского — могущий выступать исключительно в значении связки. Наиболее обычным глаголом такого типа является глагол des です. Ставится он непосредственно после предикативного члена, берущегося при этом в своей основной, бессуффиксальной форме.

В число признаков подлежащего и сказуемого и их взаимной связи входят также и их места в предложении: подлежащее ставится впереди сказуемого, сказуемое на конце. Таким образом, если взять отдельные слова: watakushi — я, Hayashi — Хаяси, des — есть и построить из них фразу: я — Хаяси, подлежащее watakushi нужно поставить в именительном падеже (на wa или на ga) и притом впереди сказуемого; предикативный член Hayashi — в бессуффиксальной форме, и непосредственно после этого предикативного члена — связку des. Получится предложение:

watakushi-wa (или: watakushi-ga) Hayashi-des.

Таким образом, подлежащее определяется двумя признаками: признаком формы (именительный падеж) и признаком места (перед сказуемым); сказуемое-связка же определяется только местом (на конце предложения); предикативный член — существительное определяется формою (бессуффиксальная форма) и местом (непосредственно перед связкой).

3. СВЯЗКА

§ 14. Глагол des является лишь одним видом связки. Наряду с ним существует и несколько других. Это обстоятельство обусловлено тем, что связка так же, как и местоимение, отражает и социальное лицо говорящих, и их взаимоотношения. А это значит, что если при конструировании фразы говорящий

выбирает то или другое местоимение, он делает соответствующий выбор и связки.

§ 15. Японская связка дает достаточно сложную и вместе с тем красноречивую картину.

1. Прежде всего мы имеем три вида этой связки — на разные случаи социального общения (имея в виду, конечно, общественный строй Японии):

а) с «равными» — наиболее нейтрально, элементарно вежливо — des です;

б) с «низшими» — фамильярно, иногда грубо — da だ;

в) с «высшими» — официально, более вежливо — gozaimas ござゐます.

2. Эти различные оттенки вспомогательных глаголов-связок соединяются с социальным обликом самих глаголов, а именно:

а) des — наиболее типичная для современного стандартного языка связка, прочно введенная в общелитературный обиход лишь в 80-х годах прошлого столетия основоположниками японской буржуазной литературы; в докапиталистическую эпоху, даже совсем недавно — в период Токугава (1600—1867) эта связка не признавалась принадлежащей к «приличному» литературному языку: она слыла «словечком побережий» (hama-kotoba 濱詞) или даже «словечком Ёсивара» (yoshiwara-kotoba 吉原詞) и находилась в полном презрении (см. Мицуя Сигэмацу, «Kōtō Nippon bumpō», Taishō 1 г. Meiji shoin, стр. 188);

б) da — идущая из «простонародного» языка связка, также введенная в стандартный язык современной буржуазией; хорошо известна борьба, которая велась на «языковом фронте» 10 гг. Мэйдзи из-за этой связки: ее пропагандировал Хасэгава Фтабатэй в своем романе «Укигумо» (浮雲), ею — с маленькой «поправкой» в виде no da — пользовался второй авторитетнейший реформатор языка и писатель Ямада Бимё, который впоследствии, однако, перешел к des;

в) gozaimas — связка, установленная еще языком феодальной эпохи, но полностью унаследованная и современным.

3. Это же обстоятельство приводит к тому, что связки оказываются распределенными по лицам: des и da могут говориться применительно к 1-му, 2-му и 3-му лицу; gozaimas — ко 2-му и 3-му лицу, как выражение вежливости, и к 1-му лицу, как выражение скромности;

4. В связи с этим находится и грамматический облик этих связок:

а) des и da — признак стандартного языка современной эпохи — являются связками в чистом виде;

б) gozaimas — глагол, вошедший в стандарт из других областей — является связкой лишь наполовину: помимо этого, он — самостоятельный глагол.

Впрочем, gozaimas, как старый глагол, не имеющий сейчас вполне адэкватной себе среды, почти утратил самостоятельное

значение и стал, за самым редким исключением, связкой: ощущение его как самостоятельного глагола «быть» (находиться) остается, реальное же употребление этого самостоятельного значения сохраняется лишь в ограниченных случаях.

5. Со всем этим связан и облик предикативного члена: при da и des он не требует никакого приспособления для этого соединения, при gozaimas требует постановки в предикативном падеже на de: Hayashi-des 林です, Hayashi-de gozaimas 林でござゐます.

Примечание. Возможна и иная постановка вопроса. Возможно считать, что связкой будет не gozaimas, а degozaimas, и тогда сочетание этой связки с предикативным членом будет иметь такой же вид, что и при des, т. е. не gakusei-de gozaimas, а gakusei-degozaimas. Такую постановку вопроса делают возможной два обстоятельства: первое то, что для современного языкового мышления, пожалуй, действительно существует особый глагол-связка degozaimas; второе — то, что, по мнению некоторых японских лингвистов (например Мицуя Сигэмацу, см. его грамматику «Kōtō Nippon bumpō», стр. 187—188), сама связка des идет от degozaimasu [degozaimasu → degozansu → degowansu → degansu → degensu (degonsu) → degesu (degasu, degosu) → deesu (deosu, deasu) → desu (dasu, dosu)], что свидетельствует о том, что слияние суффикса de с degozaimas произошло уже давно. Однако, необходимо считаться и с тем, что в современном языке сохранилось и gozaimas как самостоятельный глагол. Существует и другая теория происхождения des — от deowasu (deowasu → dewasu → dasu → desu. (См. Ясуда Кёмон, Kokugohō gairon, стр. 156).

Есть и третья теория происхождения des; некоторые лингвисты возводят des к dearimas, от которого — через посредство промежуточного deans — получается: в Токио — deans и затем — des, в Осака — dans и затем das, в Киото — deges и затем dos. (См. Миура Кэйдзō, «Sōgō Nippon bumpō kōgi», Shōwa 3, стр. 356).

Ко всему этому можно добавить и еще одно замечание: современные связки des и da включают в свой звуковой состав суффикс предикативного падежа, т. е. de で. Такое включение падежного суффикса, предшествующего имени, в состав глагола вообще имеет место в японском языке. В современном языке это наблюдается и при прилагательных (см. § 83). Можно сказать поэтому, что если раньше в феодальном языке предикативный падеж оканчивался на de で и был отделен от связки, то теперь, в современном языке, он мыслится соединенным со связкой. А это дает право говорить о спряжении имен — когда они являются сказуемыми: gakusei-des 學生です (настоящее время: я — студент), gakusei-deshita 學生でした (прошедшее время: я был студентом), gakusei-deshō 學生でせう (будущее время: я буду студентом).

Впрочем, это спряжение, как говорит Е. Д. Поливанов, «принципиально и формально отличается от спряжения глаголов и прилагательных...» (О. В. Плетнер и Е. Д. Поливанов, «Грамматика японского разговорного языка», стр. XIX).

§ 16. Нечего говорить о том, что выбор той или иной связки

находится в соответствии с выбором того или иного местоимения. Эти два момента обычно бывают координированы: «вежливому» местоимению соответствует «вежливая» связка и наоборот. Например, watakushi, как местоимение обычно вежливое, находит себе соответствие в des, имеющем тот же оттенок. Так что фраза «я — Хаяси» в этой «социальной редакции» будет иметь вид: watakushi-wa Hayashi-des 私は林です.

Если предположить, что эту же фразу произносят в мужской приятельской среде, она может звучать иначе: boku-wa Hayashi-da 僕は林だ, т. е. фамильярное boku обусловило и фамильярное da. Фраза «он — Хаяси» в приложении к «равному» будет звучать: anohito-wa Hayashi-des あの人は林です, в приложении к «высшему»: anokata-wa Hayashi-de gozaimas あの方は林でござゐます.

Конечно, во всем этом нет категорической обязательности. Как и сказано было выше относительно личных местоимений, всегда возможно при обычном местоимении поставить вежливую связку, более вежливую, чем та, которая ему теоретически соответствует: это будет тогда иметь смысл скромности, большой вежливости со стороны говорящего. Так, например, наряду с boku-wa Hayashi-da можно сказать и boku-wa Hayashi-des. При anata может стоять и более или менее равносильное ему des, а также и gozaimas, т. е. может быть: anata-wa Hayashi-de gozaimas あなたは林でござゐます.

Менее допустимо только сочетание грубого местоимения 2-го и 3-го лица с вежливой связкой.

§ 17. В дополнение к сказанному необходимо указать еще на одно обстоятельство.

Вполне возможно сделать местоимение еще более вежливым сравнительно с тем, что оно представляет в этом отношении само по себе. Это может иметь место тогда, когда данным местоимением пользуется говорящий из «низшей» социальной среды, обращаясь к представителю «высшей». Суть дела здесь в том, что если местоимение 2-го лица anata является вежливым в языке буржуазии и применяется в буржуазном обиходе, то в современных японских социальных условиях человек из «низшей» социальной среды, обращаясь к представителю «высшей», возьмет это же местоимение, но той степени вежливости, которая в нем заключена, уже будет недостаточно: она покрывает только внутренние взаимоотношения в среде одного класса, в данном случае — буржуазии, но не соответствует отношениям между двумя классами. Поэтому иногда бывает необходимо отразить и эту дополнительную вежливость, как выражение расстояния между двумя классами. В таких случаях к этому anata присоединяют вспомогательное существительное sama, т. е. то же самое, которое обычно приставляют к собственным именам в смысле русского «господин», когда этим именем называют 2-е или 3-е лицо. Таким образом, получается вместо простого anata

あなた — anatsama あなた様. Это часто имеет место в мещанском говоре в обращении женщин к мужчинам. Однако, так может обратиться к покупателю и приказчик в лавке, ремесленник к заказчику и т. п. Вообще говоря, это явление, свойственное языку в первую очередь именно этих прослоек мелкой буржуазии, преимущественно среди женщин.

Наряду с anatasama возможно и kimisama 君様, а также omaesama お前様 (или короче — omaesan お前さん). Sama (или san) в этих случаях имеет уже иную функцию, сравнительно с sama при anata. Оно придает некоторую вежливость обращению в той социальной среде, которой они свойственны. Так, например, в городской мещанской среде мать, обращаясь к сыну, может сказать omae, но может сделать это omae более вежливым или мягким: omaesan. Это переходит и к представителям других классов, — например, в тех случаях, когда хозяин, скажем, обращается к своему работнику: грубое в этом случае (в устах хозяина) omae может быть смягчено добавлением san. То же в соответствующей среде происходит и со словом kimi, употребляющимся с добавлением sama.

4. ЗАМЕСТИТЕЛИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

§ 18. Нередко в разговоре личные местоимения 2-го и 3-го лица могут заменяться словами, обозначающими общественное положение, профессию и т. п. того лица, к которому обращаются. Служанка, например, в разговоре со своим хозяином может вместо anata сказать danna 旦那 — барин, да еще обычно с прибавлением sama, т. е. dannasama 旦那様; может назвать его она таким же образом и в 3-м лице, т. е. употребить существительное danna вместо личного местоимения 3-го лица. Это может быть чуть ли не с любым таким словом, но только при одном условии: когда называемое лицо, или лицо, к которому обращаются, считается «высшим», большей частью по линии официальной, служебной субординации. Так, например, студент военной школы, обращаясь к своему преподавателю, назовет его kyōkandono 教官殿 — г-н преподаватель, употребив слово, являющееся специальным обозначением служебного положения его собеседника (kyōkan 教官 — преподаватель военных училищ), с добавлением слова dono どの, которое принято в официальной военной среде взамен общеупотребительного san или sama. Также учащийся, обращаясь к своему директору, или говоря о нем, скажет: kōchōsan 校長さん — г-н директор (kōchō 校長 — директор школы).

Примечание. Это dono в форме don どん встречается в крестьянском языке в смысле обычного san; don попадается в диалектах и в языке верхушечных слоев (Сацума).

Если во всех указанных случаях речь идет только о замене местоимения существительным, причем это существительное

сохраняет свое реальное вещественное значение, то одно из таких профессиональных обозначений превратилось уже в местоимение 2-го и 3-го лица. Это — слово sensei 先生 — учитель. Сейчас оно означает просто вежливое «вы», а также «он». Прилагается это слово в первую очередь к лицам, действительно являющимся «учителями» — преподавателями, учеными вообще. Кроме того, его постоянно прилагают к врачам (ср. русское «доктор»), а также к писателям, публицистам, общественным деятелям, — словом, ко всем тем, кто относится к категории идеологических руководителей и представителей буржуазной общественности и просвещения.

Наряду с этим слово sensei приобрело и второе значение: оно стало очень вежливым обозначением понятия «господин», т. е. укладывается в один ряд с общеупотребительным san, военно-служебным или официальным dono. Таким образом, его можно встретить как такого рода суффикс не только при какой-нибудь фамилии, — например, Takahashi-sensei вместо Takahashi-san, — но и при обозначении профессии, служебного положения: kōchō-sensei 校長先生 вместо kōchō-san 校長さん — г-н директор. Это свидетельствует о том, что слово sensei, реально означающее «учитель» и в таком смысле употребляющееся, благодаря условиям социальной структуры, построенной на отношениях между «высшими» и «низшими», приобрело два других значения: почтительного местоимения 2-го и отчасти 3-го лица, а также почтительного суффикса при собственных именах со значением «господин».

Примечание. Японцы очень любят употреблять слово sensei в смысле «вы», прилагая его часто к кому попало. Любопытно, что такое неумеренное употребление вызвало своеобразный протест, отразившийся в поговорке: sensei-to iwareru hodo-no baka-ja nai 先生といはれるほどの馬鹿ぢやない — я не настолько глуп, чтобы именоваться «sensei».

Возможно, что отсюда идет и то совершенно противоположное значение слова sensei, как местоимения 3-го лица, которое также имеет место в современной практике: оно может означать либо фамильярное, либо даже несколько пренебрежительное «он». В частности оно прилагается к карликам.

Заместителями личных местоимений 2-го и 3-го лица могут выступать титулы, вроде heika 陛下 — ваше (его) величество, denka 殿下 — ваше (его) высочество, kakka 閣下 — ваше (его) превосходительство.

5. МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

§ 19. Каждое из местоимений может быть во множественном числе. Множественное число образуется посредством присоединения к обычным местоимениям особых суффиксов, означающих множественность именно в приложении к лицам. И так как во всех случаях, касающихся обозначения лиц, не менее существенно определить не только о каком лице — 1-м, 2-м или 3-м — идет речь, но и социальную категорию, выразить свое

отношение к лицу, к которому обращаются или о ком говорят, то и этих суффиксов множественного числа существует несколько.

1. В применении ко 2-му и 3-му лицу употребляется два суффикса: gata がた, tachi 達. Первый из них относится к разряду наиболее вежливых, уместных лишь при вежливых местоимениях, т. е. при anata あなた и (kono-この, sono-その) ano-あの, dono kata-どの かた. Второй годен для обозначения лиц «равных» или «низших» и поэтому прилагается к местоимениям фамильярным или грубым, т. е. к kimi 君 и kono- (sono-, ano-, dono-) hito. Таким образом, мы имеем:

а) применительно к «высшим» или вежливо: вы — anatagata; они — (kono-, sono-) anokatagata あの方々;
вопросительно: кто? — donokatagata どの方々;

б) применительно к «равным» или фамильярно: вы — kimitachi 君達; они — (kono-, sono-) anohitotachi あの人達;
вопросительно: кто? — donohitotachi どの人達.

2. В применении к 1-му лицу существуют два суффикса множественного числа: domo 共, tachi 達. Первый из них есть выражение скромности, официальной вежливости; поэтому он и присоединяется к местоимению, применяющемуся в этих случаях, — к watakushi. Второй уместен при более фамильярном мужском разговоре или вежливо-скромном женском и поэтому приставляется к местоимениям, имеющим именно такой оттенок, — к boku 僕 и watashi 私. Таким образом, мы имеем:

а) о себе — скромно, вежливо или официально: watakushidomo 私共;

б) о себе — скромно, вежливо (женщины), несколько фамильярно (мужчины): watashitachi 私達; фамильярно (мужчины): bokutachi 僕達.

3. Существует еще один суффикс множественного числа — ra 等. Он имеет двоякое применение: он придает оттенок еще большей грубости и фамильярности фамильярным или грубым местоимениям: boku — я, kimi — ты, omae お前 — ты, aitsu あいつ — он; при местоимении kare 彼 — он, идущем из письменного языка, получается несколько книжный оттенок. Таким образом, мы имеем: bokura 僕等 — мы; kimira 君等, omaera おまへら(等) — вы; aitsura あいつら(等) — они; karera 彼等 — они.

Примечание. Есть еще одно местоимение 1-го лица множественного числа: wareware — «мы». Оно образовалось из повторения местоимения ware — «я», ныне в устном языке не употребляющегося. Слово wareware специфично для публичной речи и оттуда проникло в общелитературный язык, сохранив, однако, свой особый оттенок: wareware со значением «мы» говорят тогда, когда это «мы» указывает не просто на нескольких человек, но на несколько человек, представляющих собою какую-то группу, категорию, т. е. в смысле «мы — врачи», «мы — военные» и т. п.

Эти же суффиксы множественного числа могут прилагаться и к существительным — наименованиям профессии, должности, общественного положения, пола и т. д. — в тех случаях, когда речь идет об обозначении определенных лиц. Социальные оттенки, свойственные им, при этом полностью сохраняются, вследствие чего и приставлять их необходимо, учитывая «социальный вес» самого понятия. Так, например, про kazoku 華族 — аристократ — во множественном числе (в случае указания на конкретных людей) следует сказать: kazokugata 華族方 — аристократы; про собственных родителей — oya 親 можно выразиться просто: oyatachi 親達 или oyadomo 親共 — родители; про женщин — onna 女 — onnadomo 女共 — женщины (не вообще, а определенная группа); про детей (вообще или своих) можно и совсем просто: kodomora 子供等 — дети.

6. ИМЕНА И ФАМИЛИИ КАК ЗАМЕСТИТЕЛИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

§ 20. Простые именные предложения, когда они касаются 3-го лица, могут иметь в качестве подлежащего вместо местоимения слово, представляющее собою собственное имя данного лица.

Грамматически этот вариант не представляет собою ничего нового, сравнительно с местоименным вариантом. На место местоимения «он» нужно только поставить — и притом в том же именительном или выделительном падеже (на ga или на wa) — соответствующее имя. Некоторая сложность заключается в том, что и при пользовании именами необходимо оттенить социальную категорию или отношение к называемому лицу, т. е. сделать то же, что и при пользовании местоимениями. Только там дело сводится к отбору, к выбору нужного слова из целого ряда, здесь же такое оттенение производится путем добавления какого-нибудь вспомогательного слова. Этих вспомогательных слов существует несколько, каждое со своим собственным социальным оттенком.

Наиболее распространенным является — san さん; более вежливым, большей частью в мещанской среде или в обиходе женщин — sama 様; в военно-служебной и официальной среде употребляется dono 殿; в ученой — sensei 先生, в товарищеской, и притом мужской, — kun 君. Иначе говоря, если какой-нибудь японец по фамилии Такахаси будет профессором, то при желании оттенить его профессорское звание, его назовут Takahashi-sensei 高橋先生; если он студент, то товарищи в своей среде назовут его Takahashi-kun 高橋君; так же назовут и рабочие своего товарища по имени Такахаси (любопытно, что это kun 君 иногда имеет значение самого официального обращения: так, например, в парламенте при вызове оратора назовут его Takahashi-kun); если он военный, в официальном обращении в этих сферах его назовут Takahashi-dono 高橋殿;

если он обыкновенный обыватель, он будет Takahashi-san 高橋さん; так же будет называться он и вообще при нейтральном, ничем особо не оттененном и поэтому самом распространенном обращении; прислуга в ресторане может назвать его Takahashi-sama 高橋様; и, наконец, возможно и бранное Takahashi-me 高橋め — этот мерзавец Такахаси, этот Такахасишка... Суффикс me после фамилии придает обращению весьма уничижительный оттенок. Лишение собственных имен приставок san, sama, kun, dono также имеет свой социальный оттенок: оно означает или особую фамильярность, или пренебрежительность, или отношение к человеку «свысока».

§ 21. В современном живом языке существует еще два вспомогательных слова этого же типа, стандартным языком не вполне признанные, но в повседневной практике достаточно укрепившиеся. Одно из них образовалось под влиянием советского языкового стиля и соответствует русскому «товарищ». В этом значении стало употребляться слово dōshi 同志 (буквально: единомышленник), причем влияние русского языка в этом случае простерлось так далеко, что привело к разрушению даже основного правила подобного рода сочетаний: сначала — фамилия, потом — вспомогательное слово. Из примеров употребления san, kun и т. д. уже было видно, что эти вспомогательные слова ставятся *после* собственных имен, т. е. в обратном порядке сравнительно с русским. Также нужно было бы сказать и Takahashi-dōshi 高橋同志 — товарищ Такахаси. Так иногда и говорят, но гораздо больше распространен обратный порядок. Так, например, обычно можно встретить dōshi Katayama 同志片山, а не Katayama-dōshi 片山同志 — товарищ Катаяма.

Второе из новых вспомогательных слов получило хождение в языке современной буржуазной интеллигенции: это — слово shi 氏. Идет оно из письменного языка, где имеет то же значение и употребление, что и разговорное san; как, например, Katayama-shi. Так что, если dōshi имеет сильно выраженный классово-пролетарский характер, слово shi несет в себе сильнейший привкус буржуазного публицистического языка, газетного жаргона и в ходу среди журналистов, газетных работников, репортеров, а также среди тех, в язык которых проникает эта публицистическая струя: в среде политических и профессиональных деятелей как из буржуазии, так и из пролетариата. Таким образом, в появлении shi сказалось то обратное влияние письменного языка на разговорный, о котором говорилось во «Введении».

Примечание. Интересно отметить, что в последнее время это shi иногда можно встретить (преимущественно при письме) не как суффикс при собственных именах, но даже как личное местоимение 3-го лица — он. В первые десятилетия Мэйдзи иероглиф 氏 в значении «г-н» читался uji, так что в те времена в прессе фигурировали не Tōyama Seiichi-shi, как сказали бы теперь, а Tōyama Seiichi uji. (См. журнал «Rōmaji», Meiji 39, 1 gatsu 15, p. 1).

§ 22. При конструкции предложения необходимо координировать социальные оттенки, содержащиеся в этих вспомогательных словах, с теми оттенками, которые содержатся в приведенных выше связках. Наиболее вежливому вспомогательному слову обычно соответствует и наиболее вежливая связка. Поэтому можно встретить разные варианты:

Обычно скажут: Takahashi-san-wa gakusei-des 高橋さんは學生です.

Служанка о своем хозяине скажет: Takahashi-sama-wa gakusei-de gozaimas 高橋樣は學生でござゐます.

Студент-приятель скажет: Takahashi-kun-wa gakusei-da 高橋君は學生だ.

При разборе таких конструкций необходимо учитывать, что на применение того или иного вежливого или грубого слова или формы влияют одновременно следующие два фактора: отношение говорящего к тому, о ком он говорит, и отношение говорящего к собеседнику. Поэтому возможны и такие комбинации: предположим, что студента какое-нибудь официальное лицо спрашивает о его приятеле: «кто такой Такахаси?» и тот должен ответить — «Такахаси — студент». Так как этот Такахаси — его приятель, он назовет его «Takahashi-kun», но так как он говорит о нем с официальным лицом, вспомогательный глагол-связку он может взять вежливо-официальную — gozaimas. Таким образом, ответ может иметь такой вид: Takahashi-kun-wa gakusei-de gozaimas 高橋君は學生でござゐます.

Вообще так называемая вежливость имеет в устах японца двойное значение: в разговоре с «высшими» одновременно происходит как бы возвеличение всего, что к ним относится, и умаление того, что относится к себе непосредственно и что с собою связано.

Примечание. Само собою разумеется, что подлежащим простого именного предложения в речи о лицах может быть любое существительное, если оно означает лицо, т. е. всевозможные обозначения лиц с точки зрения родственных отношений, профессии, звания, титула, возраста и т. п. Конструкция предложения остается при этом та же, что и при подлежащем-местоимении. Например: (boku-no) ani-wa rōdōsha-des (僕の) 兄は勞仂者です (мой) старший брат — рабочий.

Те или иные социальные оттенки речи в этих случаях могут передаваться не только указанными способами, но и особыми префиксами почтительности — o или go (см. § 35), наличие которых служит признаком, что речь идет о чем-то, относящемся ко 2-му или 3-му лицу. Например: o-ko-san-wa mada muttsu des お子さんはまだ六つです — вашему (его) ребенку еще шесть лет; go-sompu-sama-wa mō o-toshiyori-des 御尊父樣はもうお年寄です — ваш (его) батюшка уже старик.

II. РЕЧЬ О ПРЕДМЕТАХ

§ 23. Речь о предметах в наиболее чистой своей форме, т. е. в форме максимально отвлеченной от человека, от «социального контекста», представляет собою явление совершенно особого

порядка сравнительно с речью о лицах. Но поскольку при непосредственном живом общении людей такое отвлечение фактически невозможно, постольку эта чистая форма есть удел не устного, а письменного языка. Иными словами, говоря с кем-нибудь о предмете, мы включаем этот предмет в общую обстановку речи, т. е. ставим этот предмет в какие-то отношения к себе, к своему собеседнику, 3-му лицу, вообще подчиняем высказывание общим условиям живой речи. В письме же может итти речь о предмете более или менее «вообще».

Впрочем, речь о предметах в своей чистой форме может встречаться иногда и в устном языке. Это может иметь место тогда, когда говорящий как бы хочет особо подчеркнуть объективный характер своих высказываний, хочет говорить как бы совершенно «нейтрально». Поэтому формы речи о предмете могут встречаться в лекции, докладе. Если профессор, читающий лекцию, как бы делает ударение на том, что он излагает «объективные истины», он пользуется формами речи о предметах. Но если он как бы подчеркивает, что он излагает это своим слушателям, он применяет формы речи о лицах.

§ 24. Разберем сначала чистую форму речи о предмете — ту, которая применяется в письменной практике. Тот тип предложения, который сейчас разбирается, т. е. простое именное предложение, является, как было сказано в применении к речи о лицах, обозначением предмета. Поэтому, если схемой такого высказывания о лицах может служить фраза «я — Хаяси», то схемой аналогичного высказывания о предметах может быть фраза: «это — книга». Подлежащим в такого рода предложении является также местоимение, только не личное, а указательное.

Указательное местоимение, употребляющееся как подлежащее в простых именных предложениях о предметах, по смыслу одно. По-русски оно будет — *это* (это — стол, это — книга, это — окно). Однако, по-японски оно выступает в трояком облике: kore これ, sore それ, are あれ; соответствующее вопросительное — dore どれ или nani なに (nan なん).

Этот трoякий облик зависит от тех же элементов, которые учитываются японским языком и в обозначениях лиц. Там мы встретились при разборе местоимений «он», «она» с тремя вариантами: konohito この人, sonohito その人, anohito あの人, — с вариантами, зависящими от того, как рассматривается этот «он»: как включенный в разговор со стороны говорящего, со стороны собеседника, или же как существующий вне связи с тем и с другим — как с точки зрения пространства, так и времени. Приблизительно такое же различие выражают и предметные местоимения kore, sore, are, с тем только добавочным замечанием, что в условиях письма, т. е. когда нет двух собеседников, отношение к говорящим заменяется отношением к тому, о чем идет речь. Если данная фраза говорит о предмете, ближайшем по общей смысловой связи, она берет kore; если дан-

ный предмет есть тот же, что и в фразе рядом — предыдущей или последующей, — выбирается sore; если же подчеркивается обособленность данного предмета, его «отдаленность» от непосредственного высказывания, то берется are. По-русски во всех трех случаях будет стоять *это*, иногда (в случаях, соответствующих японскому sore и are) — *то*. Соответствующим вопросительным местоимением будет dore — который, nani (nan) — что.

§ 25. Связкой, применяемой в такого рода предложениях, будет глагол aru ある — быть. Глагол этот является связкой только условно, основное его употребление — самостоятельное: сам по себе он означает «быть» в смысле «находиться». Соединяясь с предикативным членом, он требует от последнего форму предикативного падежа, оканчивающегося, как было указано выше, на de で. Таким образом, простое именное предложение в речи о предметах, как, например, фраза: «это — книга», в письменной практике, т. е. в тех условиях, когда такая речь о предметах возможна в чистой форме, по-японски будет иметь такой вид: kore-wa hon-de aru これは本である.

Примечание. Возможно сказать, что такой связкой будет не aru, а dearu — по тем же причинам, что и в случае с degozaimas (см. § 15).

§ 26. Местоимения kore, sore, are (и вопросительные dore, nani) обозначают предмет со стороны его самого, они являются в полном смысле слова заместителями наименования предмета. Однако, предмет может быть обозначен и со стороны места, которое он занимает, т. е. в смысле «это» (или «то») — как «находящееся здесь» (или «там»); может обозначаться и с точки зрения направления, в котором он располагается, т. е. в смысле «это» (или «то») — как «находящееся в этом (в том) направлении». Соответственно этому японский язык имеет три рода указательных местоимений: 1) указывающих на предмет как таковой, 2) указывающих на предмет с точки зрения места, которое он занимает, 3) указывающих на предмет с точки зрения направления, в котором он располагается. При этом каждая группа в свою очередь имеет три варианта для обозначения соотношения говорящего (в письме — контекста) с этим предметом:

а) собственно-предметные:

kore これ — это (= этот предмет — *непосредственно*)
sore それ — это, то (= этот, тот предмет — *ближайший*)
are あれ — это, то (= тот предмет — *отдаленный*);

б) указательные места:

koko こゝ — это (= этот предмет — *здесь*)
soko そこ — это, то (= это, то место, здесь, там — *вблизи*)
asuko あすこ — это, то (= это, то место, там — *в отдалении*);

в) указательные направления:

kotchi こつち — это (= направление, *здесь*)
sotchi そつち — это, то (= направление, *здесь*, *там*)
atchi あつち — то (= в том направлении, *там*).

Соответствующие вопросительные будут:

а) dore どれ — который, nani なに (nan なん) — что;
б) doko どこ — какое место, где;
в) dotchi どつち — какое направление, где.

Таким образом, на вопрос: это что такое? когда дело касается предмета, например — города Токио, при ответе «это — Токио», соответствующим местоимением будет kore:

Kore-wa Tōkyō-de aru これは東京である (ср. sore-wa Yokohama-de aru それは横濱である — это — Иокогама).

Если речь идет о Токио как о *месте*, ответ примет другую форму — будет взято местоимение koko:

Koko-wa Tōkyō-de aru 此處は東京である (ср. soko-wa Yokohama-de aru 其處は横濱である).

Если дело касается *направления*, т. е. вопрос будет содержать смысл: *что находится в этом направлении?*, — при ответе будет употреблено местоимение kotchi:

Kotchi-wa Tōkyō-de aru こつちは東京である (ср. sotchi-wa Yokohama-de aru そつちは横濱である).

§ 27. Ко всем этим местоимениям может добавляться суффикс ra. Это тот же суффикс, что встречался уже при местоимениях личных, где он обозначал множественное число. Такое свое значение он сохраняет и при указательных местоимениях с той только разницей, что в соединении с указательными места и направления он придает им не столько непосредственно множественный смысл, сколько делает данное обозначение более объемным, широким по охвату, общим. Таким образом, korera これら, sorera それら, arera あれら будут означать «это» в смысле *эти предметы*, kokora, sokora, asukora будут означать «это» в смысле *все эти места*, *эти места вообще*, *все здесь*, *все там*; kochira こちら, sochira そちら, achira あちら будут обозначать «это» в смысле *все это направление*, *все в этом направлении*, *все здесь*, *все там*. Соответствующие вопросительные существуют только от местоимений места и направления, т. е. — dokora どこら и dochira どちら.

Примечание. Само собою разумеется, что подлежащим именного предложения в речи о предметах может быть любое существительное, обозначающее предметное или «опредмеченное» понятие. Конструкция предложения остается при этом той же, что и при подлежащем-местоимении. Например: Nagoya-wa kōjō machi des 名古屋は工場町です — Нагоя — фабричный город; tansu-wa kagu-de aru 簞笥は家具である — комод — это мебель.

III. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ПЛАНОВ РЕЧИ

1. РЕЧЬ О ПРЕДМЕТАХ КАК РЕЧЬ О ЛИЦАХ

§ 28. Такова картина простых именных предложений в речи о предметах в самой «отвлеченной» от социального контекста и поэтому письменной ее форме. Вот почему в современном языке связка aru ある (dearu である) есть достояние письменного обихода; в живой практике она встречается только тогда, когда в устную речь переносятся письменные формы и обороты.

Если же брать чисто устную практику, то поскольку в ней обязательно присутствует основной момент — живое общение людей, постольку и высказывание о предмете включается в это общение или как-то с ним координируется. Это значит, что на высказывания о предметах распространяются те же положения о социальной окрашенности речи, что были обнаружены выше, в речи о лицах.

Этот момент меняет всю картину: безразличная письменная связка aru уступает место живым, наполненным активным социальным содержанием связкам da だ, des です, gozaimas ございます. Поэтому, если фраза «это — книга» при письме имеет вид kore-wa hon-de aru これは本である, она же в устной практике будет иметь вид: либо kore-wa hon-da これは本だ, либо kore-wa hon-des これは本です, либо kore-wa hon-de gozaimas これは本でございます, в зависимости от того, к кому обращаются с речью, как расценивает свои отношения с собеседником говорящий. На вопрос товарища можно ответить kore-wa hon-da これは本だ; с любым посторонним лицом лучше говорить на «des»: kore-wa hon-des これは本です; на вопрос «начальства» приличествует ответить kore-wa hon-de gozaimas これは本でございます. Словом, полностью вступает в силу весь тот сложный переплет социальных отношений, который обнаруживается в речи о лицах.

Примечание. Кроме обращения к тому или иному виду связки социальная окраска в речи о предметах может даваться и формой существительного: наличие префикса o или go указывает, что такое существительное относится ко 2-му или 3-му лицу. Например: kore-wa o-bōshi-des これはお帽子です это — ваша шляпа.

2. РЕЧЬ О ЛИЦАХ КАК РЕЧЬ О ПРЕДМЕТАХ

§ 29. Перенесение в речь о предметах норм речи о лицах есть результат как бы включения предмета в общение людей и, таким образом, как бы некое «повышение» его в ранге. Возможно, однако, и обратное: «понижение в ранге» лица, низведение его до уровня «предмета». Грамматически это означает, что о лицах начинают говорить так же, как о предметах.

Здесь возможны два варианта:

а) Первый, наличествующий в устном языке, состоит в том, что для обозначения человека вместо личного местоимения возьмут указательное. Так, например, о 3-м лице, т. е. в смысле

«он», но только — в соответствии с вышеуказанным — о «равных» или «низших», можно сказать и собственно предметным указательным местоимением are あれ: are-wa Hayashi-da あれは林だ.

Можно употребить и указательное местоимение направления kotchi, обычно в форме множественного числа kochira в смысле 1-го и 3-го лица, смотря по обстановке разговора *). Kochira-wa Hayashi-des こちらは林です — я (указывая на себя) — Хаяси, он (указывая 3-му лицу на рядом стоящего человека) — Хаяси.

Sochira и achira могут применяться только в значении местоимений 3-го лица, но редко и притом с сильным оттенком указательности. Вопросительное dochira どちら также употребляется в смысле dare, т. е. кто.

Можно отметить, что здесь допустимо, как это имеет место при личных местоимениях, добавление для вежливости суффикса sama во всех случаях, кроме, конечно, 1-го лица. Так что могут встретиться слова: kochirasama こちら様, sochirasama そちら様, achirasama あちら様, dochirasama どちら様 — вы, он, она, кто. В применении к 3-му лицу эти слова напоминают недавнее русское «они» (даже «они-с») в смысле он или она; аналогия простирается вплоть до социального признака этих местоимений, до той среды, в которой они употребляются.

б) Второй вариант имеет место в письменном языке и означает, так сказать, наиболее нейтральную трактовку лица. В этом случае о нем пишут так же, как и о предмете, т. е. берут в качестве связки глагол aru. Так что фраза «он — Хаяси» в таком письменном обороте будет иметь вид:

Kare-wa Hayashi-de aru 彼は林である.

Естественно, что если можно в таких случаях обычное разговорное личное местоимение заменить письменным или полуписьменным, это и делается. Так, в приведенной фразе вместо anokata или anohito взято kare.

IV. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

§ 30. Таким образом, анализ простого именного предложения (со сказуемым-существительным) в японском языке вскрывает следующее:

1. Существует два типа предложений, соответствующих самому материалу предложения: один — когда этот материал касается лиц, другой — когда он касается предметов.

2. Предложения первого типа, т. е. речь о лицах, в своей наиболее чистой форме есть продукт устного общения, причем эта

---

*) Конечно, полного превращения этого указательного местоимения в личное нет: оттенок «указательности» в этих случаях сохраняется. Так, например, при телефонном разговоре себя всегда назовут «kochira» (Kochira-wa Takahashi-des こちらは高橋です), а это kochira может соответствовать русскому *здесь* [Я (здесь) — Такахаси].

чистая форма является для такой речи наиболее естественной, основной.

3. Предложения второго типа, т. е. речь о предметах, в своей чистой форме есть удел письменной практики, причем эта чистая форма всюду является специфической, поскольку «письменная», т. е. наиболее нейтральная трактовка предмета есть результат отвлечения высказывания о предмете от реальной обстановки живого общения, в котором оно первоначально существует.

4. В современной практике существует, однако, постоянное перемещение этих двух типов речи: передвижение речи о лицах в план речи о предметах и наоборот — перенесение речи о предметах в план речи о лицах. Для первой это означает либо «нейтрализацию» речи, либо «снижение» в смысле социального оттенка, для второй — «возвышение». Иными словами, оба языковых явления — речь о предметах и речь о лицах — получают новое качество.

5. Каждый тип речи имеет свою, свойственную ему специфику. Специфика речи о лицах выражается в том, что субъект речи, подлежащее, обозначается словами, имеющими ряд синонимов — на каждый оттенок социальных взаимоотношений; характеристика же, сказуемое, включает в свой состав, наряду с предикативным членом — существительным, особые связки, и притом разные, также на каждый случай и оттенок социальных взаимоотношений.

6. Специфика речи о предметах состоит в том, что подлежащим служат местоимения указательные и притом разные, но не по наличию социальной окрашенности, а соответственно материальному отношению данного местоименного обозначения к самому предмету или к тому предмету, с которым данный предмет как-либо сопоставляется; сказуемое же имеет свою особую связку, также как бы лишенную этой социальной окраски.

7. При перемещении планов соответственно перемещается и эта специфика: для речи о лицах такое перемещение сводится к обозначению лиц указательными предметными местоимениями, а также — при переходе речи на «письменный лад» — к замене социально-окрашенных вспомогательных глаголов-связок da, des, gozaimas «нейтрально-предметной» связкой aru (dearu); для речи же о предметах такое перемещение сводится как раз к обращению к этим da, des, gozaimas.

8. Общая (нормальная, не учитывающая инверсий) расстановка слов в предложениях того и другого типа остается во всех случаях одинаковой, т. е. на первом месте (впереди сказуемого) — подлежащее; на втором (на конце фразы) — сказуемое; при этом, так как сказуемое всегда в этих случаях составное, т. е. состоящее из существительного, как предикативного члена, и глагола-связки, то и в нем есть свой внутренний порядок: сначала — предикативный член, затем — связка.

9. Взаимное согласование обоих главных членов простого именного предложения выражается, помимо их расстановки в предложении, в постановке подлежащего в именительном или выделительном падеже (на wa или на ga).

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СКАЗУЕМЫМ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ

I. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СПРЯГАЕМЫЕ—КАК СКАЗУЕМОЕ

1. РЕЧЬ О ПРЕДМЕТАХ

§ 31. Вторым основным видом предложения является предложение, характеризующее предмет с качественной стороны. Это значит, что какому-нибудь предметному понятию — лицу или вещи — приписывается определенный качественный (в широком смысле слова) признак.

Носителем качественных признаков является предмет. Под «предметом» может пониматься и вещь, или так называемый «предмет неодушевленный», и лицо, или «предмет одушевленный»; может пониматься и всякое «опредмеченное» понятие: действие — как таковое, качество — само по себе и т. д. Все эти предметные и опредмеченные понятия, будучи переведены в план языка, образуют единый класс слов, названный старой, еще феодальной японской грамматикой «словами-субстанциями» — «тайгэн» 體言. Если подвести под это японское понятие наши привычные грамматические категории, то японский «тайгэн» будет включать в себя наши имена существительные, местоимения и числительные.

Обозначение качества дается в виде качественного слова. Этим словом является прилагательное. Нужно, однако, строго отличать наименование качества, как такового, от обозначения качества, как признака. «Белизна» или «белое» будет опредмеченным понятием, т. е. существительным; «белый, белая, белое» есть обозначение признака предмета, т. е. прилагательное. Существительное является субъектом характеристики, поэтому оно есть слово-субстанция — «тайгэн»; прилагательное есть сама характеристика, поэтому оно есть слово-акциденция, или по-японски «ёгэн» 用言; так называет старая японская грамматика те слова, которые могут характеризовать субъект со стороны качества, т. е. прилагательные, и со стороны действия, т. е. глаголы. Таким образом, все японские слова — слова с полным вещественным значением — распадаются и по своему вещественному содержанию, и по своей роли в предложении на два основных разряда: тайгэн (существительные, местоимения, числительные) и ёгэн (прилагательные, глаголы).

Примечание. Деление на тайгэн и ёгэн имеет значение классификации слов по признаку вещественного содержания обозначаемых ими понятий, по признаку склоняемости — в одном случае, и спрягаемости — в другом, и по признаку синтаксических функций. Это деление, конечно, не снимает внутренних различий между отдельными видами тайгэна и ёгэна.

Так, например, спряжение глагола и прилагательного представляют два формально и принципиально различных типа; синтаксическая функция числительного может быть несколько отличной от функций существительного и местоимения. Кроме того, деление на тайгэн и ёгэн не исчерпывает всех частей речи: можно говорить и о наречиях, союзах, может быть даже о предлогах и, конечно, о междометиях.

§ 32. Построение простого предложения качества из существительного, как подлежащего, и прилагательного, как сказуемого, происходит по общему правилу: на первом месте ставится подлежащее, на втором — сказуемое, т. е. фраза «бумага — бела» по-японски будет иметь вид: kami-wa shiroi 紙は白い.

Как видно из этого примера, никакой связки, как в именных предложениях, может не быть. А это означает, что прилагательное обладает силой предикативности, вполне достаточной для того, чтобы самому, без помощи глагола, быть сказуемым. В этом отношении японское прилагательное ничем не отличается от глагола и поэтому, естественно, выступает в языке в одном разряде с глаголом — в разряде ёгэнов. Таким образом, к числу признаков ёгэна может быть добавлен признак возможности служить непосредственно — без связки — сказуемым, т. е. свойство предикативности, чего нет у тайгэнов. Эти последние сами по себе могут быть подлежащими, дополнениями, определениями, обстоятельствами, именной частью (предикативным членом) составного сказуемого, но не сказуемым. Форма shiroi, играющая ту же синтаксическую роль, что и форма глагола-связки в составном сказуемом, т. е. роль сказуемого в законченном предложении, называется так же, как и у глаголов, заключительной. Ее признак, следовательно, — окончание i. Таким образом, в слове shiroi часть shiro будет корнем, часть i — окончанием заключительной (предикативно-аттрибутивной) формы. Кстати сказать, эта заключительная форма считается как бы основной и по ней именно отыскивается слово в словаре. Отсюда явствует, что согласование подлежащего-существительного со сказуемым-прилагательным сводится к тому же, что наблюдается в именных предложениях: подлежащее должно стоять в именительном или выделительном падеже (на ga и на wa) и впереди, сказуемое — на конце и — в законченном предложении — в заключительной форме (на i).

2. РЕЧЬ О ЛИЦАХ

§ 33. Приведенная конструкция предложений со сказуемым-прилагательным характерна только для одного типа этих предложений. Фраза kami-wa shiroi 紙は白い — «бумага — бела» есть высказывание наиболее нейтральное, не содержащее в себе никакой явно выраженной социальной окраски. Поскольку это бывает наиболее отчетливо представлено в речи о предметах и притом в отвлеченной от реального отношения к людям обстановке, т. е. преимущественно в письменной практике, постольку

эта форма характерна для речи о предметах в «чистом» ее виде.

§ 34. Иначе дело обстоит с речью о лицах. Возьмем фразу: «он — высок (ростом)». Кто такой — он? В классовом обществе это может быть лицо «высшее», лицо «равное», лицо «низшее». Это может быть также лицо, о котором говорят или вежливо, или фамильярно, или пренебрежительно. Это значит, что подлежащее может быть выражено разными словами: anokata あの方, anohito あの人, aitsu あいつ. Качественный признак, приписываемый этому подлежащему, т. е. сказуемое «высок» (takai 高い), остается, конечно, тем же словом, но связь его с подлежащим должна как-то отражать нужные оттенки социальных взаимоотношений. Так как само прилагательное одной своей формой эти оттенки передать не может, для передачи их привлекаются вышеприведенные глаголы-связки, благо их много и они могут выражать всевозможные оттенки.

Глаголы-связки da и des, однако, по самому существу своему связывают с подлежащим лишь такое сказуемое, которое представляет собою слово-субстанцию, тайгэн. Прилагательное же есть слово-акциденция, ёгэн. Следовательно, для передачи социальных оттенков в связи сказуемого-прилагательного с подлежащим необходим тайгэн.

Где его искать? Любой тайгэн тут не годится, ибо наличие нового слова меняет и вещественный смысл фразы. Нужно найти такой тайгэн, который имел бы минимальное вещественное значение, переходил в чисто формальный. Таким тайгэном в японском языке является слово no の, обычно сокращаемое в этих случаях в n *). Оно означает предмет, вещь в самом отвлеченном, общем смысле. И поскольку так, постольку оно не имеет самостоятельного значения, представляет собою тип вспомогательного существительного.

С помощью этого no (n) прилагательное «тайгэнизируется», т. е. превращается в подобие существительного: для этого нужно только это no (n) присоединить к прилагательному. А если прилагательное превратилось в существительное, оно, чтобы быть сказуемым, должно иметь при себе связку. Так открывается дорога связке, а через нее и возможности координировать в обеих частях предложения — в подлежащем и сказуемом — социальные оттенки речи. Таким образом, фраза «он — высок» получает следующий вид:

При подлежащем anohito — anohito-wa takai-n-des あの人は高いんです.

При подлежащем aitsu — aitsu-wa takai-n-da あいつは高いんだ.

Японский язык вполне допускает и полное исчезновение этого суффиксального n. Так, абсолютно допустимо сказать и просто: kami-wa shiroi-des 紙は白いです.

*) Считается, что это no восходит к слову mono *(вещь, предмет)*.

Это значит, что конструкция простого предложения со сказуемым-существительным и со сказуемым-прилагательным при связках des и da может быть совершенно одинаковой.

Это значит, с другой стороны, что японское прилагательное в числе различных форм своего спряжения имеет форму, аналогичную предикативному спряжению существительных.

Иначе обстоит дело со связкой gozaimas. Она требует от прилагательного приспособления к себе. Форма, сочетающаяся с gozaimas, образуется через присоединение к корню прилагательного окончания u う; причем в зависимости от того, какой конечный гласный в этом корне, слияние с этим конечным гласным дает различные звуковые результаты:

а) если корень оканчивается на a, от слияния с u получается долгое ō: taka 高＋u う＝takō たかう (от takai 高い—высокий);

б) если корень оканчивается на i, от слияния с u получается долгое yū: yoroshi よろし＋u う＝yoroshū よろしう (от yoroshii よろしい—хороший);

в) если корень оканчивается на u, от слияния с u получается долгое ū: hiku 低＋u う＝hikū 低う (от hikui 低い—низкий);

г) если корень оканчивается на o, от слияния с u получается долгое ō: hido ひど＋u う＝hidō ひどう (от hidoi ひどい—ужасный).

Таким образом, фраза «он — высок», образованная с помощью глагола gozaimas, будет иметь вид:

Anokata-wa takō-gozaimas あの方は高うござゐます.

Примечание. Кроме обращения к тому или иному виду связки социальный момент в речи о лицах может даваться и формой прилагательного: наличие префикса *o* служит признаком того, что это прилагательное приурочивается ко 2-му или 3-му лицу. Например: anata-wa kyō o-hayai-des ne! 貴女は今日お早いですね — вы сегодня рано (встали, пришли)! anokata-wa hijōni o-takōgozaimas あの方は非常にお高う御座居ます — «они» (об одном лице) очень высоки.

3. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ПЛАНОВ РЕЧИ

§ 35. Все вышеприведенное касалось основных схем предложений со сказуемым-прилагательным, как в речи о предметах, так и в речи о лицах, взятых при этом в чистом виде. Живая практика устанавливает, однако, самое широкое перемещение планов речи, т. е. распространение норм речи о лицах на предметы и обратно. В таких условиях получается ряд новых вариантов.

Перенесение норм речи о лицах на высказывания о предметах обусловлено включением этого предмета в «социальный контекст». В самой простой и вместе с тем основной форме это бывает тогда, когда говорится о предмете, кому-нибудь принадлежащем, с кем-нибудь связанном. В таком случае на предмет, естественно, распространяются все те условности, которые характерны для лица.

Условности эти идут по той же линии: по линии обозначения принадлежности данного предмета к «высшему» или «низшему,

или — в другом разрезе — ко 2-му или 3-му лицу, а также к 1-му. Японский язык обладает средствами самим названием предмета обозначить его принадлежность ко 2-му или 3-му лицу; для этого существуют особые префиксы: о お — для слов японского происхождения, go 御 — для слов китайского происхождения. Каждый из этих префиксов имеет свое специальное применение.

а) Наиболее общими и распространенными являются префиксы о и go. Их можно встретить при самых разнообразных словах. Например: uchi 家 — дом, o-uchi お家 — ваш (его) дом; kao 顏 — лицо, o-kao お顏 — ваше (его) лицо; nozomi 望 — желание, o-nozomi お望 — ваше (его) желание; karada 身體 — тело, o-karada お身體 — ваше (его) тело; ryōshin 兩親 — родители, go-ryōshin 御兩親 — ваши (его) родители; kibō 希望 — желание, go-kibō 御希望 — ваше (его) желание; kigen 氣嫌 — самочувствие, go-kigen 御氣嫌 — ваше (его) самочувствие и т. д.

Употребление этих префиксов, особенно *о*, настолько широко, что во многих случаях *о* совершенно сливается с существительным в одно слово без всякого оттенка принадлежности. Так, например, японец в живом разговоре скажет не просто cha 茶 — чай, а o-cha お茶, хотя бы речь шла и о своем чае; также и o-sake お酒 — рисовая водка, вместо просто sake 酒, o-sakana お肴 — закуска, вместо sakana 肴, o-kane お金 — деньги, вместо просто kane 金, o-tenki お天氣 — погода, вместо tenki 天氣 и т. д. Существует целый ряд названий самых обиходных предметов, которые включили в свой звуковой состав этот префикс, превратившийся только в признак «разговорности» этого слова. Также и с префиксом go: gohan 御飯 — обед и т. д.

Примечание. Необходимо отметить, что приурочение префикса *о* к японским по происхождению словам, а префикса go к словам китайским является лишь общим правилом, в которое языковая практика вносит серьезные поправки, касающиеся главным образом префикса *о*. Этот префикс может присоединяться и ко многим китайским словам. Например: o-taku (お宅) — ваш (его) дом; o-bōshi (お帽子) — ваша (его) шляпа; o-tenki (お天氣) — погода; o-shōgatsu (お正月) — январь (новый год) и т. п. Повидимому, эти слова совершенно не ощущаются как kango 漢語.

б) Более почтительным, прилагаемым только к ограниченному кругу слов, является префикс mi み (при японских словах). В основе это — префикс таких слов, как «божество», «правитель» и т. д. В дальнейшем он получил более широкое распространение, но в таком же, очень «возвышенном» плане. Например, yo 代 — век, поколение; miyo 御代 — «августейший» век, царствование (такого-то императора); kokoro 心 — сердце, mikokoro 御心 — «августейшее» сердце; koe — голос, mikoe 御聲 — голос императора или — очень «возвышенно» — 2-го или 3-го лица.

Следует отметить, что с этим суффиксом произошло отчасти то же, что и с *о*: с некоторыми словами он слился настолько,

что образовал с ними одно целое. Таковы, например, слова: mikoshi 御輿 — паланкин божества (от koshi 輿 — паланкин), mikado 御門 — метафорически: император (от kado 門 — ворота).

Возможно соединение этих двух основных почтительных префиксов в один сложный. Так получаются максимально почтительные omi おみ, или даже ōmi おほみ, т. е. с сохранением, повидимому, первоначальной долготы префикса о お, восходящего к тому же корню, что и в прилагательном ōi 大い — большой. Эти префиксы могут встречаться исключительно в особых словах и притом в закрепленном, в сущности, неотделимом от них виде: в словах, обозначающих божество, как, например, ōmikami 大御神 — великая богиня (про Аматэрасу). В связи с этим они звучат не только сверхпочтительно, но и архаически. Впрочем, возможно и неожиданное omi-ashi おみ足 — ваша (его) нога.

Вероятно, из такого же слияния о и mi образовалось и более распространенное on 御(おん), воспринимаемое сейчас как несколько старомодное и поэтому более официальное, чем простое о. Этот префикс также имеет ограниченное употребление, применяясь, главным образом, при словах, в которых ощущается еще отзвук старого классического языка. Например: on-yowai 御齢 — ваш (его) возраст, on-sode 御袖 — ваш (его) рукав и т. п.

§ 36. С помощью таких префиксов достигается включение предмета в конкретный социальный обиход и, следовательно, внесение в понятие предмета различных социальных оттенков. А это последнее вызывает необходимость соответствующего согласования и в сказуемом.

В основном дело сводится к употреблению тех же форм сказуемого, которые свойственны речи о лицах. Поэтому, если фраза «еда — невкусная» в отвлеченном, письменном виде будет звучать: meshi-wa mazui 飯は不味い, то она же, перенесенная в «социальный контекст», будет иметь другой вид:

Meshi-wa mazui (-n)-des 飯は不味い(ん)です; go-han-wa mazū-gozaimas 御飯は不味うござゐます (см. § 34).

§ 37. Перенесение речи о лицах в план речи о предметах также состоит в распространении норм речи о предметах на речь о лицах. В основном это сводится к употреблению в качестве сказуемого прилагательного без всяких вспомогательных глаголов. Так что фраза «он — высок», звучащая в плане речи о лицах: anohito-wa takai (-n)-des あの人は高い(ん)です, в плане речи о предметах прозвучит: anohito-wa takai あの人は高い.

Такое перенесение соединено, как сказано выше, с известным «снижением» того лица, о котором идет речь: говорить о нем как о предмете—значит говорить о нем «менее почтительно». Кроме того, поскольку такая речь о предмете характерна для письменного языка, то и соответствующие обороты в речи о лицах также носят несколько «письменный» оттенок.

II. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СКЛОНЯЕМЫЕ—КАК СКАЗУЕМОЕ

§ 38. Помимо прилагательных упомянутого типа, т. е. оканчивающихся в предикативной (и аттрибутивной) форме на i, в японском языке существует категория слов, которые по своему вещественному значению являются понятиями качественными, своей же формой резко отличны от этого типа прилагательных. Они не являются в то же время и «опредмеченным» понятием качества, т. е. существительными. От прилагательных их отличает то, что они сами по себе не обладают двумя основными свойствами японского прилагательного — аттрибутивной и предикативной функциями, т. е. они не могут сами по себе быть определениями и сказуемыми. От существительных они отличаются тем, что опять-таки сами по себе не могут выступать в роли подлежащего. Если они соединены с глаголом-связкой, они могут становиться составным сказуемым, т. е. образовывать особый род предложений качества, тех самых, которые обычно выражаются сказуемым-прилагательным.

Эти слова, которые можно назвать прилагательными склоняемыми, имеют свой устойчивый признак: они оканчиваются на ka. Например, odayaka 穏か — спокойный, shizuka 静か — тихий, akiraka 明か — ясный, hanayaka 華か — блестящий и др. Вспомогательными глаголами-связками при них могут быть все перечисленные выше с присущими им социальными оттенками. Например, такую фразу, как «море — спокойно», можно сказать следующим образом:

Umi-wa odayaka-da 海は穏かだ
Umi-wa odayaka-des 海は穏かです
Umi-wa odayaka-de gozaimas 海は穏かでござゐます
Umi-wa odayaka-de aru 海は穏かである.

§ 39. Совершенно по такому же образцу формирует составное сказуемое и еще один разряд слов, также являющихся понятиями качественными, но по своей форме представляющими некую склоняемую категорию — подобно прилагательным на ka か. В противоположность вышеуказанным — по своему происхождению чисто японским словам, эти слова — китайского происхождения. Таковы слова: rippa 立派 — великолепный, kirei 綺麗 — красивый, shinsetsu 親切 — любезный, fukuzatsu 複雑 — сложный и т. д. Превращаясь в сказуемое, они требуют так же, как и японские склоняемые прилагательные на ka, соединения со связками, с соблюдением всех тех правил соединения со связкой, которые устанавливаются для существительных. Таким образом, фраза «цветок — красив» может быть передана следующим образом:

Hana-wa kirei-da 花は綺麗だ
Hana-wa kirei-des 花は綺麗です
Hana-wa kirei-de gozaimas 花は綺麗でござゐます
Hana-wa kirei-de aru 花は綺麗である.

§ 40. Помимо китайских слов этого типа, являющихся качественными понятиями по своей вещественной природе, возможно образование качественных понятий и от таких китайских слов, которые по своему вещественному содержанию являются понятиями предметными в смысле обозначения отвлеченных понятий. От этих отвлеченных предметных понятий и могут быть образованы качественные. Это достигается посредством присоединения к такому слову суффикса teki 的. Например, kojin 個人 — индивидуум, kojinteki 個人的 — индивидуальный; kagaku 科學 — наука, kagakuteki 科學的 — научный; seiji 政治 — политика, seijiteki 政治的 — политический; tōsō 鬪爭 — борьба; tōsōteki 鬪爭的 — боевой и т. д. Эти производные качественные понятия могут, подобно обычным китайским прилагательным, служить именной частью составного сказуемого. Для этого они — как и японские склоняемые прилагательные на ka, как китайские прилагательные — соединяются со связкой на общих основаниях. Например:

Sayokuteki-na kumiai-nomi-wa tōsōteki-de aru 左翼的な組合のみは鬪爭的である — только левые профсоюзы — боевые.

§ 41. Существует, наконец, и еще один разряд слов, также могущих входить в состав составного сказуемого в качестве его предикативного члена. Эти слова близки к понятию склоняемых прилагательных, но в отличие от них они являются не первообразными, самостоятельными, но производными: они образуются от прилагательных и глаголов путем присоединения к корню прилагательного или глагола суффикса sō さう. Ввиду этого и значение их особое: они образуют понятия качественные, но с оттенком возможности, ожидаемости наличия данного качества. Это не есть предположение, исходящее от говорящего; это — свойство данного качества, явленное наблюдающему. Таким образом, если ureshii 嬉しい будет означать «радостный», ureshisō 嬉しさう будет иметь смысл «как будто радостный»; omoshiroi 面白い — интересный, omoshirosō 面白さう — как будто интересный, должно быть интересный; itai 痛い — больной, itasō 痛さう — имеющий вид больного, должно быть болезненный. Так же и с глаголами: если hareru 晴れる означает «светлеть», haresō 晴れさう будет значить «как будто светлеющий»; если iku 行く значит «уходить», ikisō 行きさう — как будто уходящий; если dekiru 出來る — быть готовым, dekisō 出來さう — по виду готовый, как будто готовый и т. д. Например:

Hon-wa omoshirosō-des 本は面白さうです — книга как будто (должно быть) интересна.

Такие же понятия чего-нибудь ожидаемого, возможного могут получиться путем присоединения этого суффикса sō и

к японским склоняемым прилагательным на ka, и к китайским. При этом такой суффикс присоединяется непосредственно к слову. Например, odayaka 穏か —спокойный, мирный, odayakasō 穏かさう — на вид спокойный; taisetsu 大切 — важный, дорогой, taisetsusō 大切さう —как будто важный.

Сходные образования могут получиться и через прибавление суффикса sō даже к тому, что может считаться наречием — как японского, так и китайского происхождения. Например: takusan たくさん(澤山) — много, takusansō 澤山さう — как будто много; aware 哀れ — печально, awaresō 哀れさう — как будто печально, на вид печально.

Примечание 1-е. Такое толкование значения sō основано на той этимологической версии, которую дает этому суффиксу Мацусита Дайдзабурō в своей грамматике (Hyōjun Nippon kōgohō 標準日本口語法, Shōwa, 5, стр. 192). По его мнению, sō отнюдь не восходит к sama — образ, вид; sō есть, как он думает, измененное sa さ, то самое sa, которое наряду со своими собратьями — суффиксами sa, mi み, ge げ, ra ら присоединяется к корню прилагательных или глаголов для образования предметных понятий — существительных, например: kiyosa 清さ, kiyomi 清み, kiyoge 清げ, kiyora 清ら — от kiyoi 清い — чистый. Из этих суффиксов ge имеет оттенок долженствования — того, что *должно бы быть*, т. е. соединение *долженствования* в точном смысле этого слова с *возможностью;* по-русски это может передаваться либо частицей «бы» при слове «должно», либо словом «пожалуй». Но это ge — удел старого языка и сейчас сохранилось лишь в определенных словах. И вот его заместителем в современном языке и явился суффикс sō, отделившийся от номинативного суффикса sa, сохранившегося со своим значением в современном языке полностью и поэтому для получения *другого оттенка* значения изменившего свой звуковой облик. Таким образом, мы наблюдаем как бы процесс распада прежде единого суффикса sa на два новых: sa и sō, в связи с тем, что этому суффиксу пришлось выделить заместителя другому, стоящему рядом, но постепенно исчезавшему.

Кстати сказать, толкование, даваемое Мацусита суффиксу ge, расходится с обычным. А это также обусловлено той этимологией, которую он этому суффиксу дает. Обычно ge сближают со старым ke — дух, вид, отчего и толкуют ge как суффикс видимости и чаще всего говорящий о внутреннем содержании, а не о внешней оболочке. Мацусита же полагает, что ge восходит к еще более старинному (зафиксированному в Man'yōshū) gani がに, имеющему именно такое значение *долженствования* и *возможности* одновременно.

Примечание 2-е. Суффикс sō близок к другому суффиксу—beki べき, имеющему также значение *долженствования* и *возможности* одновременно. Суффикс этот восходит к письменному вспомогательному прилагательному beshi べし, имеющему там полное спряжение. В современном же разговорном языке как устном, так и письменном он сохраняется только в одной форме beki, получившей характер простого суффикса при глаголах с указанной функцией: образование особого рода качественных понятий. Следы его происхождения сохранились только в том, что его присоединение отчасти подчиняется правилам старого феодального языка: он присоединяется к современной заключительной форме (3-й основе) всех глаголов, кроме suru する — делать: здесь он присоединяется не к современной заключительной форме, т. е. к suru, а к старой — su. Таким образом, от таких глаголов, как iku いく — итти, furu 降る — итти (о дожде, снеге), форма, сложная с beki, будет iku-beki 行くべき, furu-beki 降るべき, от suru же — su-beki.

Впрочем, современная живая практика ликвидирует и этот последний

«остаток феодализма»: уже встречаются benkyō-suru-beki 勉強するべき рядом с benkyō-su-beki 勉強すべき.

Значение и употребление beki аналогично с тем же, что наблюдается и у sō. Другими словами, форму на beki мы можем в смысле качественного понятия (хотя и образованную от глагола) встретить на конце предложения, как сказуемое. При ней требуется, как и при sō, наличие той или иной связки — из числа употребляющихся при сказуемых-существительных. Таким образом, наряду с фразой: ame-ga furisō-des 雨が降りさうです — «должно быть, пойдет дождь» можно встретить фразу: ame-ga furu-beki-des 雨が降るべきです — должен пойти дождь.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СКАЗУЕМЫМ-ГЛАГОЛОМ

§ 42. Третьим основным видом предложений являются предложения, характеризующие субъект со стороны действия.

Естественно, что если предметная характеристика дается предметным словом, существительным, качественная — качественным словом, прилагательным, то характеристика со стороны действия дается глаголом. Таким образом, все эти три основных типа предложений грамматически отличаются друг от друга сказуемыми: в первом случае оно — существительное (вместе со связкой), во втором — прилагательное, в третьем — глагол.

Японский язык и здесь устанавливает то же общее различие, которое он делает и для двух предыдущих типов предложений: свою специфику имеет речь о лицах, и свои особенности имеет речь о предметах. И опять-таки, как и там, и в этих предложениях основной процесс заключается в столкновении этих двух планов речи в их переплетении, взаимном вытеснении или соединении с изменением самого качества их.

I. РЕЧЬ О ЛИЦАХ

§ 43. Специфическим отличием речи о лицах от речи о предметах для современного языка является наличие специального вспомогательного глагола-суффикса mas ます. Это значит, что всякий глагол, образующий сказуемое в такого рода предложениях, оканчивается на mas. Суффикс этот присоединяется ко 2-й основе глаголов, т. е. от глаголов 1-го спряжения, вроде yomu 讀む (читать), форма, соединенная с mas, будет yomimas 讀みます; от глаголов 2-го спряжения — вроде miru 見る (смотреть) — mimas 見ます, neru 寢る (спать) — nemas 寢ます; от неправильных глаголов kuru 來る (приходить) и suru する (делать) — kimas 來ます и shimas します. Таким образом, наличие при глаголе суффикса mas в основе говорит о том, что этот глагол прилагается к лицам.

1. «СОЦИАЛЬНЫЕ» ГЛАГОЛЫ

§ 44. Это, однако, не является единственной особенностью речи о лицах. Суффикс mas свидетельствует только о том, что речь идет о лицах, но о каких лицах, об этом он умалчивает.

Иначе говоря: для выражения социальных оттенков речи, т. е. для передачи в языке всех сложных общественных взаимоотношений, одного суффикса mas мало. А именно эти взаимоотношения играют, как мы видели на примере именных предложений, существенную роль, определяя собой конкретный облик фразы.

Простейшим способом выразить эти социальные оттенки является применение особых «социальных» глаголов, специально обозначающих действия лиц определенной социальной категории, т. е., коротко говоря,— в соответствии с общим порядком классового общества,— лиц «высших» и лиц «низших». В связи с таким своим социальным содержанием глаголы эти воспринимаются: первые — как «вежливые», а поэтому могущие применяться только к действиям 2-го и 3-го лица, вторые — как «скромные», следовательно прилагаемые к действиям 1-го лица. Японский язык знает целый ряд таких глаголов, имеющих только такое применение и охватывающих при этом основные виды бытовой деятельности человека.

1. Глаголы, обозначающие действие в самом общем смысле этого слова (русское — делать).

2. Глаголы со значением «давать».

3. Глаголы, обозначающие движение в основных его проявлениях (русские — итти, уходить, приходить, находиться на месте).

4. Глаголы, обозначающие главнейшие виды конкретных действий (русские — есть, пить, говорить, одеваться, обуваться).

§ 45. Наиболее разработанным в смысле возможности передачи самых разнообразных социальных оттенков является глагол «делать». Shimas します (от suru する) означает «делать» вообще, нейтрально, без оттенения лица (строго говоря, этот глагол характерен для речи о предметах); о себе самом следует сказать — itashimas 致します (от itasu 致す); о другом, если данное лицо считается как бы высшим,— nasaimas なさいます (от nasaru なさる). Этого, однако, мало: 2-е и 3-е лицо может быть очень «высоким», и тогда к нему следует применить уже не nasaimas, а asobashimas あそばします (от asobasu あそばす). С другой стороны, и о себе в этом случае, для выражения большей скромности, указания на «незначительность» своего положения лучше взять не глагол itashimas, а mōshimas 申します (от mōsu 申す).

Примечание. Если речь идет о своих действиях по отношению к верховной власти, о «служении императору»,—со значением «делать» выступают глаголы tatematsuru 奉る, tsukamatsuru 仕る *); с другой стороны, для обозначения действий императора в этих случаях существует ряд особых форм.

*) В специальном языке официальных писем (sōrōbun 候文) эти же глаголы встречаются и для обозначения своих действий по отношению ко 2-му лицу вообще.

§ 46. На втором месте по социальной разработке стоит глагол «давать». Если я говорю о «высшем», который мне что-нибудь дает, я применяю к его действиям глагол kudasaimas 下さいます (от kudasaru 下さる — спускать); если я ему даю, т. е. о своем действии, я скажу глаголом agemas 上げます (от ageru 上げる — поднимать) или sashiagemas 差し上げます (от sashiageru 差し上げる — подносить). Если мне дает не «высший», а «равный», — скажем, мой приятель, — его действие будет с моей точки зрения kuremas くれます (от kureru くれる — давать); если я ему что-нибудь даю, мое действие может обозначаться глаголом yarimas やります (от yaru やる — бросать); этим же yarimas やります будет обозначаться и мое действие по отношению к «низшим».

§ 47. Достаточной разработкой отличается и глагол «питаться» (есть и пить). В обычном разговоре, без особых оттенков вежливости или, наоборот, фамильярности, я о себе скажу: tabemas 食べます (от taberu 食べる — есть) — ем, nomimas 飲みます (от nomu 飲む — пить) — пью; в беседе с лицом «высшим», говоря о своем действии, я скажу: itadakimas 戴きます (от itadaku 戴く) — одинаково и «ем» и «пью», о себе же в разговоре с равным или приятелем (среди мужчин) употреблю в смысле «есть» глагол kuimas 食ひます (от kuu 食う); этот же глагол могу применить в таких случаях и к собеседнику. Но когда речь заходит о действиях лица «высшего», то это лицо будет, с моей точки зрения, уже не «есть», а «кушать» — agarimas 上がります (от agaru 上がる), или даже «вкушать» — meshiagarimas 召し上がります (от meshiagaru 召し上がる) — как в смысле «есть», так и «пить». Существует несколько глаголов и для понятия «говорить». В приложении к лицу «высшему» или просто вежливо о 2-м и 3-м лице говорят глаголом osshaimas (от ossharu); о себе, о своей речи по отношению ко 2-му и 3-му лицу говорят глаголом mōshimas (от mōsu), еще вежливее — mōshiagemas (от mōshiageru); нейтральным глаголом является iimas (от iu).

«Надевать» в приложении к себе и «нейтрально» будет kimas (от kiru), «обуваться» о себе и «нейтрально» будет hakimas (от haku). Эти же действия, совершаемые 2-м или 3-м лицом, при вежливом обозначении будут передаваться глаголом meshimas (от mesu).

§ 48. Очень своеобразен глагол irasshaimas いらつしやいます (от irassharu いらつしやる), совмещающий в себе одновременно два противоположных понятия: «хождения» (тоже в двух противоположных значениях: уходить и приходить) и «пребывания на месте» (быть, находиться). Этот же глагол иногда может служить и глаголом-связкой, т. е. превращаться из глагола, обладающего полным вещественным значением, в глагол формальный. По отношению к «высшим» он заменяет собой «нейтральный» kuru 來る — приходить, iku いく — уходить, iru ゐる, oru をる — быть, находиться. Наряду с irassharu в таком же

значении употребляются: oidenasaimas おいでなさいます (от oidenasaru おいでなさる) и oideninarimas おいでになります (от oideninaru おいでになる).

Соответствующими глаголами о своих действиях, т. е. о действиях лица, являющегося как бы «низшим» по отношению к собеседнику, будут глаголы mairimas まゐります (от mairu まゐる) — в смысле «уходить» и «приходить», imas (от iru) и orimas (от oru) — в смысле «находиться». Однако, наряду с mairimas в смысле «приходить» употребляется еще один глагол: agarimas あがります (от agaru あがる), буквально — «подниматься», имеющий сравнительно с mairimas еще дополнительный оттенок: приходить — в смысле «навещать», «посещать». Таким образом, оказывается, что точное обозначение направления движения (от говорящего или к говорящему) делается только в разговоре «вообще» (в основе — о предметах); в конкретной же обстановке, т. е. когда речь идет о движении того или иного лица, центр тяжести в обозначении переносится на социальный оттенок, вопрос же о направлении не только отступает, но даже совсем стирается: о направлении приходится судить только по падежу существительного. Даже второй глагол о своих действиях — agarimas, и тот существует не столько для того, чтобы обозначить направление действия (я к вам приду), сколько для выражения особого социального оттенка действия: мое действие по отношению к «высшему» (я позволю себе посетить вас).

§ 49. Вышеприведенные глаголы (кроме «давать») характерны тем, что существуют в трех вариантах: «вежливом», «скромном» и «нейтральном». Есть, однако, глаголы этого же типа, существующие только в двух вариантах: либо в вежливом и нейтральном, либо в скромном и нейтральном. Примером первых может служить глагол «думать»: oboshimeshimas 思召します (от oboshimesu 思召す — о «высших», вежливо); omoimas 思ひます (от omou 思ふ — о себе, нейтрально); примером вторых могут быть глаголы «слушать»: uketamawarimas 承ります (от uketamawaru 承る) — о себе, очень скромно, kikimas 聞きます (от kiku 聞く) — слушать вообще; «получать»: itadakimas 戴きます (от itadaku 戴く) — о себе, скромно, moraimas 貰ひます (от morau 貰ふ) — вообще.

§ 50. Кроме всех этих как тройных, так и двойных глаголов, существует целый ряд глаголов подобного же значения, образованных от китайских слов. Образование это происходит по обычному способу, по которому от очень многих китайских существительных может в японском языке получиться глагол: путем присоединения к этому существительному глагола suru — делать. Получается выражение, имеющее буквально смысл «делать то-то». Например: benkyō 勉強 — учение, старание, работа, benkyō-suru 勉強する — буквально: «делать учение, работу», или просто «учиться, стараться, работать». В разбираемом нами случае глагольные понятия получаются таким же путем, опреде-

ленный же социальный оттенок идет от реального, вещественного значения самого китайского слова. Таким образом, в данном случае мы имеем дело, по существу, с особыми словами в полном смысле этого слова.

Большинство этих глаголов говорит о действиях «низших» по отношению к «высшим»,— значит, применяется к себе, звучит скромно: sanjō-shimas 参上します — посещать, навещать, равносильно японскому agarimas 上がります (см. § 48); shinjō-shimas 進上します — давать «высшему», равносильно японскому agemas 上げます, sashiagemas 差し上げます; chōdai-shimas 頂戴します — принять, получить, есть, пить, равносильно японскому itadakimas 戴きます; haishaku-shimas 拜借します (itashimas 致します) — почтительно заимствовать, взять, одолжиться, равносильно японскому karimas 借ります (от kariru 借りる) — брать взаймы.

Список этих глаголов может быть продолжен и дальше, приведенные являются только наиболее употребительными. Место таких глаголов в японском языке очень велико. Необходимо только отметить, что иногда с помощью таких китайских слов японский язык формирует полную триаду глаголов типа, показанного выше, если для этого нет соответствующих средств из арсенала японского языка. Так, например, в современном языке следующим путем образуется «социальная триада» глагола «видеть», «смотреть»:

нейтрально, вообще — mimas 見ます (от miru 見る);

о «высших», вежливо — goran-nasaimas 御覽なさいます (от китайского goran 御覽 — ваш взгляд и японского nasaru — делать — о 2-м и 3-м лице);

о себе, скромно — haiken-itashimas 拜見致します (от китайского haiken 拜見 — почтительное смотрение и itasu 致す — делать — о 1-м лице).

Несколько отлична по образованию другая, подобная же триада глагола «знать»:

нейтрально, вообще — shirimas 知ります (от shiru 知る);

о себе, скромно — zonjimas 存じます (от китайского zon 存 и shimas します);

о «высших», вежливо — go-zonji-des 御存じです (от того же слова zon 存, соединенного со 2-й основой глагола suru — shi, с почтительным префиксом go 御 и с последующей связкой des です).

2. СОЦИАЛЬНОЕ СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ

§ 51. Употребление особых социальных глаголов представляет собою первый способ, к которому прибегает японский язык для обозначения социальных оттенков речи в глагольных конструкциях. При всей своей значительности этот способ, однако, не всегда применим. Не все действия могут быть обозначены раз-

ными словами, говорящими специально о поступках разных в социальном смысле лиц. Поскольку же обозначение социальных оттенков является обязательным, постольку язык должен иметь и другие способы их выражения. Вторым таким способом, и притом наиболее распространенным, применимым ко всяким действиям, является употребление особых форм глагола, образующих в совокупности «социальное спряжение».

§ 52. Это социальное спряжение распадается на два основных вида: одни его формы говорят о «моем» действии, другие — о «вашем» или «его» действии. В основе этого различия лежит различие в общественном лице говорящих и проистекающие отсюда различия в их взаимоотношениях; при этом важно, конечно, чтобы это различие осознавалось, и притом осознавалось в «нормальном» для классового общества порядке, т. е. чтобы «низший» говорил о себе как о «низшем», о собеседнике же как о «высшем». Существо этого различия сохраняется и в современном понимании этих форм только с сильнейшим расширением на этой базе их значения: формы, прилагаемые к действиям «высших», трактуются современным речеведением как почтительно-вежливые; формы, прилагаемые к действиям «низших»,— как скромно-вежливые; или, в другом преломлении, как формы 2-го и 3-го лица — в первом случае, формы 1-го лица — во втором.

§ 53. Как те, так и другие формы образуются с помощью вспомогательных глаголов из числа приведенных выше, имеющих самое широкое значение «действия», иначе говоря — глаголов «делать». Так как этих глаголов, по крайней мере, четыре — itashimas 致します (от itasu 致す), mōshimas 申します (от mōsu 申す), nasaimas なさいます (от nasaru なさる), asobashimas あそばします (от asobasu あそばす) — на все случаи социальных взаимоотношений, то они, соединенные с другими глаголами, придают действию, заключенному в этих глаголах, нужный социальный оттенок.

Соединение этих глаголов, выступающих, таким образом, как вспомогательные, с основными происходит по общему способу образования глагольных понятий от предметных; для этой цели берется такая форма глагола, которая играет роль отглагольного существительного, а именно — 2-я основа, и к ней присоединяется глагол «делать» в нужном варианте; кроме того, для того, чтобы подчеркнуть общую вежливость этих форм, перед таким отглагольным существительным ставится почтительный префикс «о» お. Таким образом, если взять глагол kaku 書く — писать, получатся следующие формы социального спряжения:

я пишу:

а) к «высшим», вежливо-скромно — o-kaki-itashimas お書きいたします;

б) к «высшим», еще более скромно — o kaki-mōshimas お書き申します;

вы пишете, он пишет:

а) о «высших», вежливо-почтительно — o-kaki-nasaimas お書きなさいます;

б) о «высших», еще более вежливо — o-kaki-asobashimas お書きあそばします.

Другие примеры: o-hanashi-itashimas お話しいたします, o-hanashi-mōshimas お話し申します — я говорю, рассказываю (вам, ему); o-hanashi-nasaimas お話しなさいます, o-hanashi-asobashimas お話しあそばします — вы рассказываете, он рассказывает; o-negai-itashimas お願ひ致します, o-negai-mōshimas お願ひ申します — я прошу (вас, его); o-yasumi-asobashimas おやすみあそばします — вы отдыхаете, спите, он отдыхает, спит.

§ 54. Формы 2-го и 3-го лица могут, кроме указанного способа, образовываться и иначе: с помощью других глаголов. Один из них — глагол-связка des, второй — глагол-полусвязка naru — делаться, становиться (о ней см. § 92).

Образование вежливо-почтительных форм с помощью связки des происходит по типу образования составного сказуемого. Это значит, что от основного глагола берется та его форма, которая может играть роль отглагольного существительного, т. е. 2-я основа, притом — с предшествующим почтительным префиксом «о», и к этой форме, как к существительному, присоединяется связка. Таким образом, от глагола kaku 書く — писать такое образование будет o-kaki-des お書きです — вы пишете, он пишет; от hanasu 話す — рассказывать, говорить — o-hanashi-des お話しです — вы говорите, рассказываете, он говорит, рассказывает; от yasumu 休む — отдыхать — o-yasumi-des お休みです — вы отдыхаете, он отдыхает и т. п.

Образование вежливо-почтительных форм с помощью глагола naru происходит по общему типу сочетаний этого глагола с подчиненными ему существительными. Это значит, что основной глагол ставится опять-таки в форме отглагольного существительного, т. е. во 2-й основе, но это существительное стоит в том падеже, который требуется глаголом naru, т. е. дательном (на ni). При этом перед 2-й основой ставится префикс «о». Таким образом, от глагола kaku 書く соответствующая форма будет o-kaki-ni narimas お書きになります — вы пишете, он пишет; от hanasu 話す — o-hanashi-ni narimas お話しになります — вы разговариваете, он разговаривает и т. п.

§ 55. Итак, для обозначения действий 2-го и 3-го лица, трактуемых как «высшие», существует три формы: одна — образованная при помощи глагола «делать» в его двух социальных вариантах nasaimas и asobashimas; вторая — образованная при посредстве глагола-связки des; третья — при помощи глагола naru, являющегося полусамостоятельным, полусвязкой.

При всей общей однородности этих трех форм каждая все же имеет свои особенности, свои оттенки. Первая носит несколько подчеркнуто вежливый характер; третья — в ходу в обычном

вежливом разговоре; вторая же носит несколько упрощенный характер.

Все эти формы рассчитаны на «высших» или «равных». Как же будет обозначено действие того же 2-го или 3-го лица, но когда оно является по отношению к собеседнику «низшим»? Крайне характерно, что современный литературный язык не дает таких форм; живая практика буржуазного языка их, конечно, имеет, но берет их из другой классовой языковой среды, из так называемого «простонародного» языка. Там существует, как более или менее обычный, вспомогательный глагол agaru あがる (обычно в сочетаниях звучит как yagaru やがる), сочетающийся с другими глаголами, взятыми во 2-й основе. Таким образом, в языковой практике рабочего класса или городского мещанства в Токио мы находим (среди всех других) такие формы 2-го и 3-го лица: kiyagaru 来やがる — от kuru 来る — приходить; shiyagaru しやがる — от suru する — делать и т. п. И вот, этот глагол, имеющий нормальное хождение в «низшей» среде, воспринимается буржуазным языком как «грубый» и, как таковой, применяется для образования «грубых» форм 2-го и 3-го лица, форм, обращаемых к «низшим», или в другой трактовке — форм «бранных». Необходимо отметить, что в литературный язык эти формы не включаются и не являются равноценными по своему распространению со всеми предыдущими.

§ 56. Таким образом, картина социального спряжения глаголов будет иметь такой вид:

1. О своих действиях по отношению ко 2-му или 3-му лицу:

а) вежливо, с оттенком некоторой официальности: o-hanashi-itashimas お話し致します;

б) вежливо, с оттенком некоторой близости или особой почтительности: o-hanashi-mōshimas お話し申します;

в) вежливо-обычно: hanashimas 話します.

2. О действиях 2-го и 3-го лица:

а) вежливо-официально: o-hanashi-nasaimas お話しなさいます;

б) вежливо, с оттенком близости или почтительности: o-hanashi-ni narimas お話しになります;

в) вежливо-упрощенно: o-hanashi-des お話しです.

§ 57. Все это представляет лишь один вид социального спряжения. Все формы его говорят о действиях 1-го, 2-го и 3-го лица вообще, безотносительно к направленности этих действий. Однако, практика социального общения устанавливает случаи, когда действие одного лица совершается для другого, относится к нему, ориентируется на него. Именно этот признак направленности и составляет характерный признак второго вида социального спряжения. Само собой разумеется, что эта направленность имеет в основе совершенно конкретный смысл: она говорит о том, что мое действие совершается для другого лица или же действие этого 2-го или 3-го лица совершается для меня. В связи с этим и существуют две формы этого спряжения.

Образуются они опять-таки с помощью вспомогательных глаголов. «Мое действие» для 2-го и 3-го лица обозначается, когда это 2-е и 3-е лицо — «высшее», глаголом agemas あげます (от ageru あげる, буквально — «поднимать»); когда оно — «равное» или «низшее» — глаголом yarimas やります (от yaru やる, буквально — «бросать», «давать», «делать»). Присоединяются эти глаголы к так называемой деепричастной форме глагола, оканчивающейся на te (о ней см. § 131). Действия 2-го и 3-го лица, обращенные ко мне, совершаемые для меня, обозначаются другими вспомогательными глаголами: kudasaimas 下さいます (от kudasaru 下さる — kudasu 下す, буквально — «опускать») и kuremas (от kureru, буквально — «давать»). Эти глаголы также присоединяются к деепричастной форме на te. Таким образом, мы получаем второй вид социального спряжения:

я пишу:

а) для «высшего» — kaite-agemas 書いてあげます;

б) для «равного» или «низшего» — kaite-yarimas 書いてやります;

вы пишете, он пишет:

а) лицо «высшее» — для меня — kaite-kudasaimas 書いて下さいます;

б) лицо «равное» — для меня — kaite-kuremas 書いてくれます.

Примечание. Наряду с глаголом kureru существует еще один глагол того же значения и социального оттенка: tamau 給ふ.

Он также может употребляться для обозначения действий 2-го лица, чаще в соединении с глаголом kureru и притом большей частью в повелительной форме: kure-tamae くれ給へ. Так что при фамильярном обращении между равными, приятелями (мужчинами) можно постоянно встретить такие формы: kui-tamae 食ひ給へ — ешь! yatte-kure-tamae やつてくれ給へ — сделай! дай!

II. РЕЧЬ О ПРЕДМЕТАХ

§ 58. Речь о предметах в своей чистой форме имеет вид совершенно отличный от речи о лицах. Если там основным специфическим признаком являлось наличие во всякой глагольной форме вспомогательного глагольного суффикса, то здесь глагол дается в своем основном, так сказать, чистом виде. Если брать этот глагол как сказуемое в законченном предложении, т. е. брать его в заключительной форме, он будет иметь такой вид:

глаголы 1-го спряжения: tatsu たつ (отправляться, стоять), furu 降る (лить — о дожде), tobu 飛ぶ (летать);

глаголы 2-го спряжения: sugiru 過ぎる (проходить), moeru 燃える (гореть);

неправильные глаголы: kuru 来る (приходить), suru する (делать).

Таким образом, получаются такие фразы:

Kisha-ga tatsu 汽車がたつ — поезд отправляется
Ame-ga furu 雨が降る — дождь идет
Hikōki-ga tobu 飛行機が飛ぶ — аэроплан летает
Natsu-ga sugiru 夏が過ぎる — лето проходит
Hi-ga moeru 火が燃える — огонь горит.

III. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ПЛАНОВ РЕЧИ

§ 59. Речь о предмете в чистом виде представляет собой удел письменного языка, поскольку только там возможно отвлечение речи о предмете от всякой конкретной обстановки. Поэтому в живой устной речи, в условиях непосредственного общения происходит постоянное перемещение речи о предметах в план речи о лицах. Оно же означает, что и сюда вторгается специфика этой последней, т. е. все глаголы начинают принимать вспомогательный суффикс mas ます. Таким образом, если фраза «дождь идет» говорится в обращении к кому-нибудь, она прозвучит как ame-ga furimas 雨が降ります; «лето проходит» — как natsu-ga sugimas 夏が過ぎます и т. п.

С другой стороны, наблюдается и обратное: перенесение речи о лицах в план речи о предметах. В таком случае исчезает mas и глаголы предстают в своем чистом виде. Так что фразу «я пишу» можно встретить и в таком облике: boku-wa kaku 僕は書く.

Такое перемещение плана сопровождается изменением самого качества «речи о предметах» и имеет вполне конкретное значение: трактовка «лица» как «предмета», естественно, означает устранение из речи всякого оттенка «вежливости»; речь приобретает простой, фамильярный или несколько грубый оттенок. Вследствие этого говорить о лицах глаголами без mas значит: либо говорить о них фамильярно или грубо, либо отвлеченно от конкретных социальных отношений, т. е. как о предметах. И, наоборот, говорить о предмете глаголами с mas — значит вводить этот предмет в общую социальную обстановку, т. е. учитывать, кому говорится об этом предмете, в присутствии кого и т. д.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЧАСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ДОПОЛНЕНИЕ

I. ДОПОЛНЕНИЯ ПРИ ГЛАГОЛАХ

§ 60. Соединение подлежащего и сказуемого представляет собой вид словосочетания самостоятельного, т. е. может образовывать вполне законченную фразу. Все же прочие словосочетания, могущие быть во фразе, этой самостоятельности не имеют:

так или иначе, прямо или косвенно они находятся в грамматической зависимости от основного словосочетания. Так, например, в фразе «белый снег падает на землю» словосочетание «снег падает», т. е. соединение подлежащего и сказуемого, имеет вполне законченный смысл целого предложения; все же прочие словосочетания — «белый снег», «падает на землю» — смысла законченной фразы не имеют; каждое из них может мыслиться лишь как часть какого-то целого. Первое («белый снег») требуется дополнить указанием, «что делает этот снег?», например: «падает на землю», «падает хлопьями» и т. п., т. е. сказуемым; второе нужно дополнить указанием, «что или кто падает на землю?», например: «снег», «град» и т. п., т. е. подлежащим.

Поскольку подлежащее и сказуемое могут образовывать законченную фразу, они являются главными членами предложения, все же прочие слова, входящие с ними в те или иные сочетания‘ поскольку они не образуют с каждым из них самостоятельной фразы, являются второстепенными.

После изучения основного словосочетания — сочетания подлежащего и сказуемого — следует перейти к изучению прочих словосочетаний, могущих оказаться в предложении. Как видно из предыдущего, это будут: а) сочетания сказуемого с каким-нибудь второстепенным членом, б) сочетания подлежащего с каким-нибудь второстепенным членом.

Сказуемое в разбираемом нами предложении выражено глаголом. Поэтому соединение сказуемого с второстепенным членом есть соединение глагола с какой-нибудь другой частью речи.

Этой другой частью речи бывает в первую очередь предметное слово — существительное.

Каждый глагол, т. е. слово, обозначающее понятие действия, имеет свое определенное лексическое значение. Это его значение часто оказывается внутренне связанным с каким-нибудь другим понятием. Для того, чтобы дать действительно точное и полное представление об этом действии, требуется часто по самой сути дела дополнить этот глагол другим словом. Например, глагол «читаю». Все значение действия «читаю» будет полностью реализовано только в том случае, если при этом указать, *что* читаю,— например, «читаю книгу» и т. д. Одно «хлопочу» недостаточно понятно; «хлопочу о деле» уже передает все действие целиком. Иначе говоря, ряд глаголов по самой сути своего лексического значения требует для полного и точного раскрытия этого значения дополнения в виде раскрытия того объекта, на который это действие направлено. Грамматически это значит, что при таких глаголах существует новое какое-то подсобное слово, и поскольку оно дополняет смысл глагола, постольку оно и называется *дополнением*. Поскольку же это слово целиком зависит от глагола, постольку оно принимает специальные грамматические формы, обнаруживающие эту зависимость.

§ 61. Сейчас мы говорим о том случае, когда это зависимое

слово является существительным. Формальное, даваемое в самом слове выражение зависимости существительного от глагола есть падеж.

Конечно, не все глаголы требуют для полноты своего значения такое дополнение. Если значение «читаю» становится полнее с дополнением «книгу», то «кашляю» может никаких особых дополнений не требовать, оно может обойтись и без них. С точки зрения именно этого своего свойства — требовать дополнения или нет — глаголы и подразделяются на две группы: а) переходные и б) непереходные. При первых дополнения обычно бывают или подразумеваются, при вторых — их может и не быть.

Дополнения при переходных глаголах могут быть разного типа. Это находится прежде всего в зависимости от лексического значения самого глагола. В русском языке глагол «читаю» по своему реальному значению требует винительного падежа, — иначе говоря, управляет винительным падежом существительного: читаю — что? «Завидую» управляет дательным падежом: завидую — кому? и т. п. В японском языке переходные глаголы также управляют своими определенными падежами.

1. ФОРМЫ ДОПОЛНЕНИЙ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 62. Первым из падежей дополнения является винительный. Его внешние признаки, подобно падежу именительному, двояки. Они определяются: а) формой слова — присоединением к слову (в изолированной позиции) суффикса wo (произносится в токиоском как «о»); например, tegami — письмо, винительный — tegami-wo; б) местом слова — постановкой его перед управляющим глаголом. Если «письмо» по-японски будет tegami, а «пишу» — kakimas, словосочетание «пишу письмо», т. е. сочетание управляющего глагола-сказуемого с управляемым существительным-дополнением, будет: tegami-wo kakimas 手紙を書きます.

Примечание. Образование винительного падежа с помощью суффикса wo носит агглютинативный характер. Однако, живой японский язык уже настолько прочно включает этот суффикс в состав самого слова, что винительный падеж образуется как бы по типу флексии. Так, например, винительный от hana 花 будет hanā (→ hana + wo を), от kiku 菊 — kikō (→ kiku + wo を), от toko 床 — tokō (→ toko + wo を), от tsuki 月 — tsukyō (→ tsuki + wo を). Иными словами, произошло слияние конечного гласного склоняемого слова с падежным суффиксом, причем это слияние дало следующие окончания:

Конечное a + wo дает ā
Конечное u + wo дает ō
Конечное o + wo дает ō
Конечное i + wō дает yō (в двух- и многосложных словах).

Такое образование винительного падежа наблюдается главным образом в говоре г. Токио. В этом говоре нет подобного же образования у слов, оканчивающихся на «е», т. е. винительный от mise будет mise-wo; однако, в других диалектах и в этом случае возможен винительный mishō, от sake — sakyō, т. е. e + wo дает yō (Мацусита, op. cit., p. 235).

Вторым из падежей дополнения является дательный. Грамматические признаки его также двояки: а) форма — соединение с суффиксом ni; б) место — впереди глагола.

Таким образом, если «он» будет по-японски anohito, а «даю» будет agemas 上げます, словосочетание «даю ему», согласно этим двум правилам, будет: anohito-ni agemas あの人にあげます.

Третьим падежом дополнения является падеж направления. Он применяется при глаголах, значение которых развертывается полнее, если указать при этом, в каком направлении происходит действие. И так как признак направления обычно существует при глаголах, обозначающих движение, то этот падеж обычно как бы отвечает на вопрос «куда».

Признаки этого падежа: а) суффикс e; б) место — перед глаголом. «Школа» будет по-японски gakkō, «иду», «еду» — ikimas; «иду в школу», таким образом, будет gakkō-e ikimas 學校へいきます.

Примечание. Суффикс падежа направления e в живом разговорном языке может слышаться иногда как i. Например: koko-i kuru ここい来る — приходить сюда, gakkō-i iku 學校いいく — итти в школу. Этого не бывает только после конечного n (см. Мацусита, op. cit., p. 240).

Четвертый падеж из разряда дополнительных — исходный. Он возможен при глаголах, по своему лексическому значению требующих или подразумевающих указание на то место, откуда действие исходит. В своем основном и в самом простом виде этот падеж возможен, следовательно, при некоторых глаголах движения.

Его признаки: а) суффикс kara; б) место — перед глаголом. Gakkō — школа, kaerimas — возвращаюсь; возвращаюсь из школы — gakkō-kara kaerimas 學校から歸ります.

Пятый падеж дополнения может быть назван падежом совместного действия или соединительным. Это значит, что лексическое значение данного глагола, обозначаемое им действие для своего выявления нуждается в контрагенте: сражаюсь *с кем*, встречаюсь *с кем* и т. п. Его признаки: а) суффикс to; б) место — перед глаголом. «Враг» по-японски teki, «сражаюсь» — tatakaimas; «сражаюсь с врагом» будет, следовательно: teki-to tatakaimas 敵と戰ひます.

Шестой падеж может быть назван сравнительным. Его употребление при глаголах-сказуемых очень ограничено. Основное его употребление — при прилагательных, как словах, обозначающих качество и поэтому в первую очередь допускающих сравнение двух предметов со стороны качества или количества. При глаголах же, т. е. словах, обозначающих действие, это сравнение возможно только в том случае, если это действие по своему характеру может иметь качественный или количественный оттенок и допускает поэтому сравнение; в одном случае оно носит, так сказать, более интенсивный характер, в другом — менее.

Признаки этого падежа: а) суффикс yori, присоединяемый к существительному; б) место — перед глаголом. Так, если «японец» по-японски будет nipponjin, а «работать», «учиться» будет benkyō-shimas, то сочетание nipponjin-yori benkyō-shimas 日本人より勉強します (буквально: сравнительно с японцами, работают) будет означать: «работают больше японцев».

Седьмым падежом дополнения является творительный. Он существует при глаголах, которые по своему лексическому значению требуют (или могут требовать) указания, чем именно действует предмет. Его признаки: а) суффикс de; б) место—впереди глагола. Таким образом, если «карандаш» по-японски будет empitsu, а «пишу» — kakimas, то «пишу карандашом» будет empitsu-de kakimas 鉛筆で書きます.

Таким образом, для японского языка устанавливается семь косвенных (т. е. управляемых) падежей:

1) винительный, 2) дательный, 3) направления, 4) исходный, 5) соединительный, 6) сравнительный, 7) творительный.

Примечание. Обычно к числу падежных показателей относят и made и говорят в таких случаях о «предельном» или «ограничительном» падеже. Практически это бывает удобно, но теоретически вряд ли это будет верно. Дело в том, что made резко выпадает из ряда падежных показателей указанного типа уже потому, что оно сохраняет свое собственное значение — «даже», в то время как ни один из прочих падежных показателей такого дополнительного значения не имеет. Кроме того, существительное с made, даже в смысле «до», скорее отвечает на вопрос «как», чем на вопрос «докуда». Так, например, в предложении watakushi-wa sakunen Kyūshū-e Fukuoka-made itta 私は昨年九州へ福岡まで行った — в прошлом году я ездил на Кюсю до Фукуока — глагол itta — «ездил» имеет своим дополнением Kyūshū-e, слово же Fukuoka-made является скорее обстоятельственным словом, характеризуя понятие «ездил» с точки зрения «как ездил». (Ср. Мацусита, op. cit., p. 244). Ввиду этого в данной работе я причисляю made к словам типа bakari, dake, gurai и т. д.

§ 63. Как в русском, так и в японском целый ряд глаголов может управлять одновременно разными падежами. Например: давать можно *кому* и *что*, т. е. глагол «давать» может управлять дательным и винительным падежами. Но не трудно подметить, что из этих двух управляемых падежей, так сказать, ближе к глаголу винительный; связь глагола с ним более необходимая, более тесная, чем с дательным. Ввиду этого винительный при таком глаголе является падежом ближайшего или прямого объекта, дательный — отдаленного или косвенного объекта. Поскольку такое различие в отношении к управляемому глаголу существует, постольку оно как-нибудь и должно отмечаться в словосочетании. Отмечается оно тем, что ближайший объект ставится ближе к глаголу; иными словами, порядок слов в таком сочетании будет таков: 1) дательный падеж, 2) винительный падеж, 3) глагол:

Anata-ni hon-wo agemas あなたに本をあげます — даю вам книгу.

Это правило соблюдается во всех прочих случаях управления двумя (и более) падежами. Порядок управляемых глаголом слов определяется степенью их связи с глаголом. Так, например, в словосочетании «иду в школу с товарищем» глагол «иду» — ikimas управляет сразу падежом направления (gakkō-e ikimas 學校へいきます) и падежом совместного действия (tomodachi-to ikimas 友達といきます); поскольку, однако, по своему вещественному значению (движение) он теснее связан с понятием направления, связь же с понятием *с кем* совершенно не обязательна, постольку и обозначение этого направления будет поставлено сразу перед глаголом, обозначение же *с кем* — перед обозначением направления: tomodachi-to gakkō-e ikimas 友達と學校へいきます. Глагол «пишу» также может управлять двумя падежами: пишу *что* и пишу *чем*, но по своему вещественному значению понятие «пишу» связано, главным образом, с объектом — пишу *что*, т. е. с винительным падежом; понятие же орудия писания, т. е. творительный падеж, может быть включено в сочетание, но с гораздо меньшей степенью необходимости, чем понятие объекта. Таким образом, в фразе: «пишу карандашом письмо» слово «письмо» — tegami wo, т. е. винительный падеж, будет стоять непосредственно перед глаголом, слово же «карандашом» — empitsu-de — дальше от глагола; таким образом, фраза будет иметь вид: empitsu-de tegami-wo kakimas 鉛筆で手紙を書きます.

§ 64. Все предыдущие примеры имели целью пояснить способы и формы сочетания глагола с существительными, когда глагол управляет этим существительным. Если теперь соединить эти словосочетания, слагающиеся из сказуемого и дополнения, с предыдущим сочетанием сказуемого с подлежащим, то получится то, что можно назвать распространенным предложением.

Для того, чтобы такое предложение построить, нужно взять в основу главное словосочетание — подлежащее и сказуемое, например: gakusei-wa kaerimas 學生は歸ります — студент возвращается, раздвинуть эти оба основных члена и на освободившееся место, т. е. между подлежащим и сказуемым, поместить нужное дополнение. Если такое дополнение одно, т. е. фраза будет состоять из трех слов, например: «студент возвращается домой», порядок слов будет ясным: 1) подлежащее, 2) дополнение, 3) сказуемое: gakusei-wa uchi-e kaerimas 學生は家へ歸ります. Если же их несколько, например: «студент возвращается домой из училища с товарищем», внутренний порядок этих дополнений определяется степенью близости этих дополнений к глаголу по смыслу. В данной фразе, поскольку глагол «возвращаться» ближайшим образом связан с дополнением на вопрос *куда*, то слово «домой» будет стоять всего ближе к нему; из двух других дополнений — «из училища» и «с товарищем» — первое будет, несомненно, ближе, потому что говорит о втором признаке «возвращения», которое определяется не только понятием *куда*,

но и *откуда*; второе же — «с товарищем» никакой обязательной связи с глаголом возвращения не имеет: с товарищем можно гулять, работать, спорить и т. п. Поэтому распределение дополнений между подлежащим и сказуемым в этом предложении будет таково: ближе всего к глаголу — «домой», затем — «из училища», всего дальше от глагола — «с товарищем»; и вся фраза получит следующий вид: на первом месте первый главный член — подлежащее — «студент», затем три дополнения: «с товарищем», «из училища», «домой», и на конце — второй главный член — сказуемое — «возвращаться»:

Gakusei-wa tomodachi-to gakkō-kara uchi-e kaerimas 學生は友達と學校から家へ歸ります.

§ 65. Необходимо отметить, что это правило порядка дополнений является условным, так как оно основано на учете только одного фактора речи: вещественного значения слов. На расстановку же слов в предложении не менее сильно влияет и второй фактор: цель высказывания, *что* именно хочет сказать говорящий. Поэтому реальный порядок дополнений определяется объективным фактором речи — вещественным значением слов и субъективным — намерением говорящего. Это значит, что огромное значение имеет логический и эмоциональный акцент речи: какие смысловые оттенки хочет внести говорящий в свою фразу, и какие эмоции он туда вкладывает. Если говорящий хочет подчеркнуть — «книгу я даю именно *вам*», он говорит:

Hon-wo anata-ni agemas 本をあなたにあげます.

Если нужно подчеркнуть, что «студенты идут домой именно *из школы*», порядок слов будет таков:

Gakusei-wa uchi-e gakkō-kara kaerimas 學生は家へ學校から歸ります.

Коротко говоря, ближе к глаголу ставится то дополнение, которое с точки зрения намерения говорящего более всего *в данном случае* с этим глаголом связано.

Главное отличие порядка слов в японском предложении от русского и заключается в том, что в японском языке всякое управляемое глаголом слово ставится перед глаголом, в русском же оно, как правило, ставится после глагола. Отсюда и характерный признак японской фразы: наличие сказуемого всегда на конце фразы.

§ 66. Из приведенных примеров видно, что не все японские падежи соответствуют русским. В связи с этим ставится вопрос и о переводе японской фразы на русский язык. Несоответствие идет, главным образом, по линии самого характера управления. Как известно, в русском языке управление бывает непосредственное, когда глагол управляет падежом прямо (пишу *что*), и опосредствованное, когда он управляет существительным с помощью предлога (еду *в*...). В японском этого различия в харак-

тере управления нет: глаголы управляют косвенными падежами непосредственно. Возможно, правда, считать слова типа tsuite («относительно», «о») японскими предлогами, и тогда словосочетания вроде Tanaka-kun-ni tsuite hanashimas — «расскажу о г. Танака» придется рассматривать как случай управления глаголом (hanasu) существительным (Tanaka-kun) посредством предлога (tsuite). Однако, такие явления еще не разъяснены и требуют специального освещения морфологией. Поэтому при переводе на русский язык всегда нужно руководствоваться не формальной картиной японской фразы, а реальным соотношением понятий, данных в ней: пусть в фразе предлога нет, но коль скоро по-русски на вопрос *откуда*, т. е. в случае исходного падежа, требуется предлог, — нужно его добавить. Более того, в некоторых случаях, как, например, в случае сравнительного падежа, несоответствие русской и японской формы словосочетания становится еще более явственным: там, где в японском — непосредственное управление (nihonjin-yori benkyōshimas 日本人より勉強します), по-русски — не только опосредствованное — с помощью предлога «с», но этот предлог еще дополнен вспомогательным словом «сравнительно с» (буквально: сравнительно с японцами работают, т. е. работают больше, лучше японцев). При переводе все дело решает не формальное, а реальное соотношение понятий — вещественная природа глагола.

Именно эту словарную, вещественную сторону глагола и нужно учитывать в первую очередь при разборе японских падежей дополнения. Наличность того или иного падежа при глаголе зависит прежде всего и больше всего от его реального значения. Известную роль при этом играет, конечно, и значение существительного, выполняющего роль дополнения. Иначе говоря, если наличность винительного падежа при глаголе обусловливается лексической природой этого глагола, его, так сказать, непосредственной установкой на какой-нибудь объект, то самый характер этого винительного падежа, его оттенок определяется уже взаимодействием вещественного значения данного глагола и данного существительного. Таким образом, получаются, например, в русском языке разные винительные: а) винительный внешнего объекта — пишет письмо, б) винительный времени — провел лето, в) винительный места — всю дорогу ехал молча и т. п.

Могут быть и разные творительные: а) орудия — пишу карандашом, б) предикативный — стать студентом, в) способа действия — итти толпой и т. п.

Все зависит от словарного значения глагола в первую очередь и от существительного — во вторую. Поэтому так разнообразны и так многочисленны бывают значения каждого из косвенных падежей. Описать их все — это значит взять все существующие в данном языке глаголы, управляющие, например, винительным падежом, сочетать их со всеми возможными по смыслу

существительными, собрать все одинаковые случаи в группы и их характеризовать. Эта задача — абсолютно невыполнимая и ненужная. Достаточно установить только общие типы такого управления применительно к каждому отдельному падежу.

2. ПАДЕЖИ ДОПОЛНЕНИЙ

Винительный падеж (-wo)

§ 67. Первый тип винительного падежа — и основной — наиболее многочисленный, такой же, как и в русском,— *винительный внешнего объекта*; в этом винительном ставится существительное, являющееся тем *предметом* (в широком смысле этого слова), на который непосредственно направлено действие глагола. Таковы винительные падежи в словосочетаниях: hon-wo yomimas 本を讀みます — читаю книгу, mizu-wo nomimas 水を飲みます — пью воду и т. п. Частным случаем этого винительного может считаться винительный падеж при глаголах, стоящих в форме побудительного залога (об этом подробнее см. § 203); например, kodomo-ga inu-wo hashiraseru 子供が犬を走らせる — ребенок гоняет (буквально: «заставляет бегать») собаку, haha-ga ko-wo nemuraseru 母が子を眠らせる — мать убаюкивает (буквально: «заставляет спать») ребенка.

Второе значение винительного также может быть найдено и в русском — это *винительный времени*. Таков винительный падеж в словосочетаниях: natsu-wo okurimas 夏を送ります — провожу лето, isshō-wo kurashimas 一生を暮します — провожу всю жизнь, sannen-wo sugoshimas 三年を過します — провожу три года.

Примечание. В этом последнем случае, если исходить из аналогии с русским языком, можно, пожалуй, было бы говорить и о винительном *количества*; я не делаю этого потому, что слова san (три) и nen (год) слились здесь в одно целое, в специальное точно определенное в количественном смысле временнóе слово. Так же обстоит дело, например, в словосочетании sannin-wo yobimas 三人をよびます — позвать троих, где san (три) и nin (человек) слились в одно слово, выступающее в фразе как объект непосредственного приложения действия глагола. Поэтому я думаю, что случаи винительного падежа с числительным, как составной частью сложного слова, принципиально не выделяются в особый винительный. Тем более не отличаются от винительного объекта случаи винительного падежа от числительных в чистом виде: они выступают опять-таки как обыкновенный объект действия. Например, shi-wo (ni-de) warimas 四を(二で)割ります — делю четыре (на два): здесь отношение понятия «делить» к понятию «четыре» ничем принципиально не отличается от отношения его, скажем, к слову «деньги» в словосочетании «делить деньги».

Третье значение винительного — *винительный места*. Например:

Yama-wo noborimas 山を登ります — взбираюсь на гору
Kawa-wo watarimas 川を渡ります — переправляюсь через реку

Ie-wo demas 家を出ます — выхожу из дому
Sora-wo tobimas 空を飛びます — летаю по небу
Michi-wo arukimas 道を歩きます — хожу по дороге
Kuni-wo saru 郷里(くに)を去る — уезжаю с родины
Kōbe-wo tachimas 神戸を立ちます — выезжаю из Кобэ.

Примечание. В некоторых случаях при переводе фразы на русский язык прямым дополнением оказывается то слово, которое по-японски стоит в именительном падеже, т. е. как будто является подлежащим, например: shibai-ga suki-des 芝居が好きです — люблю театр, bīru-ga kirai-des ビールが嫌いです—не люблю пива, kore-ga hoshii これが欲しい — хочу это, mizu-ga nomitai 水が飲みたい — хочу выпить воды.

Это обстоятельство, т. е. явление, получаемое при переложении японской синтаксической конструкции на русскую, дает повод иногда говорить, что падеж на ga может быть падежом не только подлежащего, но и дополнения. Это неверно. Японская синтаксическая конструкция никаких признаков превращения именительного в винительный в этих случаях не дает. Слова shibai, bīru, kore, mizu продолжают оставаться стоящими в именительном падеже и играют роль подлежащих. Все дело в том, что фраза по-японски строится иначе, чем по-русски. Как видно из приведенных примеров, подобного рода случаи имеют место при словах и оборотах, выражающих желание. Представление о том, что в данных случаях падеж на ga указывает на дополнение, вызывается предположением, что все эти слова являются глагольными формами. На деле же все эти слова по-японски — прилагательные: suki и kirai являются прилагательными типа ōki (-na), chīsa(-na); hoshii представляется прилагательным обычного типа (т. е. спрягаемым); так называемое желательное наклонение на tai также по форме — прилагательное. Прилагательное же в японском языке может управлять сравнительным, дательным, исходным и соединительным падежами, но не винительным; само собою разумеется, что оно может сочетаться с существительным и в именительном падеже. Поэтому и в приведенных примерах падеж на ga означает подлежащее, а не дополнение. Чтобы это ощутить и по-русски, нужно только вместо глагола подставить на место этих слов пригодное по смыслу прилагательное «желательный» или взять оборот «мне нравится»: shibai ga suki — мне нравится театр, kore-ga hoshii— (мне) желательно это, bīru-ga kirai — пиво мне не нравится. Разумеется, это не значит, что так всегда следует переводить: это означало бы недопустимую пересадку японской конструкции в русский язык там, где этого делать нельзя.

Дательный падеж (-ni)

§ 68. Этот падеж является наиболее сложным и разнообразным среди всех косвенных падежей. Его постановка при глаголе самым тесным образом зависит от специального управления, от того именно, что данному глаголу с его вещественным значением свойственно иметь при себе. Поэтому установление разных типов дательного, если исходить из этого вещественного значения, может продолжаться бесконечно. Положение будет осложняться еще тем, что в очень многих случаях управление глагола в русском и японском языках будет расходиться; не говоря уже о несовпадении в смысле непосредственного (беспредложного) управления и опосредствованного (предложного), даже при совпадении этих видов управления русский глагол часто будет требовать один падеж, японский — другой. Поэтому нужно опре-

делить сначала общий характер японского дательного и затем найти его основные типы.

Наиболее общей характеристикой дательного будет то, что он ставится при глаголах, значение которых для своего полного выявления нуждается в некоей предметной опоре, понимаемой, конечно, в самом широком смысле. Например, действие глагола noru 乗る — ехать в словосочетании fune-ni noru 船に乗る — «ехать на лодке» полностью реализуется только в том случае, когда указывается предмет, на котором едут; yorikakaru より掛る — опираться — фактически возможно только на что-нибудь, — например на стол — tsukue-ni yorikakaru 机によ り掛る; пребывать — iru ゐる — возможно только где-нибудь, — например, дома — uchi-ni iru 家にゐる и т. п. Во всех этих случаях понятия «лодка», «стол», «дом» являются «опорными» для происходящего действия. Эти «опорные слова» и ставятся по-японски в дательном падеже, т. е. с суффиксом ni.

§ 69. Таким образом, дательный падеж всегда указывает на предмет, на который действие, выражаемое данным глаголом, так или иначе опирается. При более детальном изучении этой связи обнаруживается, что она бывает трех главнейших типов.

Первый тип имеет в виду предмет, который обусловливает самое возникновение действия. Это значит, что без него действие не могло бы возникнуть, появиться. Другими словами, действие восходит к этому предмету как к своему источнику. Например: sake-ni you 酒に酔ふ — опьянеть от вина, ame-ni nureru 雨に濡れる — промокнуть от дождя, kaji-ni odoroku 火事に驚く — испугаться пожара. «Вино», «дождь», «пожар» являются теми предметами, которые обусловили *возникновение* действия «опьянеть», «промокнуть», «испугаться». Этот дательный может быть назван поэтому *дательным источника действия*.

Частным случаем такого дательного может считаться дательный падеж при глаголах, стоящих в форме страдательного залога (Passiv), например: watakushi-wa chibusu-ni nayamasareta 私はチブスになやまされた — я мучился от тифа. Haha-ga ko-ni nakareru 母が子に泣かれる — мать оплакивается детьми. Kinō kyaku-ni korareta 昨日客に来られた — вчера ко мне пришли гости (см. § 193 и след.)

Второй тип имеет в виду предмет, являющийся как бы обстановкой, в которой данное действие осуществляется. Это значит, что без указания такой обстановки значение глагола полностью не реализуется. Иначе говоря, если действие осуществляется, то его осуществление предполагает какую-то обстановку. Например: uma-ni noru 馬に乗る — ехать на лошади; слово «лошадь» в данном словосочетании указывает на то, с чем связано *осуществление* того или иного действия. Такой дательный может быть назван *дательным обстановки действия*.

Не трудно подметить, что наиболее общими условиями осуществления какого-нибудь действия являются пространство и

время: действие вообще может конкретно протекать в этих двух координатах. Отсюда, самый частый случай этого дательного — когда он указывает на место и время действия и отвечает на вопрос *где* и *когда*: uchi-ni iru 家にゐる — находиться в доме, shichiji-ni okiru 七時に起きる — вставать в семь часов и т. п.

Частным случаем именно этого дательного (дательного места и времени) является дательный, подчиненный глаголу aru (быть, иметься), когда существительное, стоящее в дательном падеже, обозначает понятие лица, живого существа вообще.

Watakushi-ni (wa) tokei-ga arimas| 私に(は)時計があります — у меня часы есть (имеются).

Этот дательный отвечает на вопрос «у кого»' — в случае предмета одушевленного, что полностью соответствует вопросу «где» — в случае предмета неодушевленного.

Третий тип есть указание на предмет, на который действие ориентируется в своем развитии, на предмет, представляющий собою, так сказать, адресат действия в условиях развертывания последнего. Это значит, что без указания такого предмета значение действия полностью реализовано быть не может. Oyobu 及ぶ — доходить — понятие действия, по своей природе к чему-то направленного: «доходить» вообще — нельзя. Отсюда необходимость опорного пункта где-то впереди этого развивающегося действия: konnichi-ni oyobu 今日に及ぶ — доходить до сегодняшнего дня. Sakanoboru さかのぼる — восходить — также имеет смысл развивающегося действия. Отсюда необходимость опорного пункта для этого развития. Можно «восходить» к чему-нибудь, — например, kako-ni sakanoboru 過去にさかのぼる — восходить к прошлому. Makaseru 任せる — «поручать» — действие, ориентирующееся на кого-нибудь, — например, kare-ni makaseru 彼に任せる — поручать ему. Owaru 終 — кончаться — действие, развитие которого связано с каким-то концом, — например, shippai-ni owaru 失敗に終る — кончаться неудачей. Такой дательный может быть назван *дательным направления действия*.

Не трудно подметить, что частным случаем именно этого дательного будет дательный лица, или так называемый дательный второго объекта при глаголах, управляющих ближайшим образом винительным падежом. Iu 云ふ — говорить — управляет прежде всего винительным падежом — «говорить *что*»; но при нем возможен и второй объект — адресат действия — «говорить *кому*». Отсюда словосочетание jochū-ni kogoto-wo iu 女中に小言を云ふ — делать выговор служанке. Таким именно дательным второго объекта может считаться дательный падеж при глаголах, стоящих в форме побудительного залога, — например, shujin-wa ie-wo tatesaseru 主人は家を建てさせる — хозяин дает плотникам (заставляет плотников) строить дом. Кроме того, так как общий принцип этого дательного — направленность действия — так же, как и в предыдущем случае, может иметь в виду место и время, нередки

случаи, когда соответствующие опорные слова являются понятиями места и времени, т. е. такой дательный будет отвечать на вопрос *куда*, *до чего*. Например: kuni-ni kaeru 故郷に歸る — возвратиться на родину, myōnen-ni itaru 明年に至る — дойти до будущего года и т. п.

Таким же частным случаем этого дательного может считаться дательный падеж, в котором ставится отглагольное существительное (2-я основа глагола), подчиненное глаголу, — например:

Sake-wo nomi-ni itta 酒を飲みに行つた — ушел пить сакэ.

Uchi-e tsuge-ni kita 家へ告げに來た — пришел домой сказать.

Этот дательный отвечает на вопрос «зачем», «для чего» и может быть назван поэтому дательным цели.

§ 70. Этими тремя типами в сущности исчерпываются все случаи применения дательного в японском языке. Первый тип имеет место тогда, когда делается акцент на зарождении, возникновении действия; второй — когда этот акцент делается на осуществлении этого действия, на его протекании; третий — когда центр тяжести в действии переносится на признак устремленности его к чему-либо. И так как огромная масса глаголов предполагает какой-нибудь из этих трех моментов, дательный падеж имеет самое широкое и разнообразное применение в японской фразе.

Это легко уяснить себе, если сопоставить то, что в японском фигурирует в форме дательного, с тем, что в этой же форме имеется в русском. Кроме частного случая дательного на вопрос *кому*, *чему*, при таких глаголах, как «давать», «поручать», «напоминать», «нравиться» и т. д., т. е. имеющих беспредложное управление, дательного падежа требует целая масса глаголов с предложным управлением — с предлогами *в*, *на*, *к*, *от*, *с* и т. д. Это значит, что и русский дательный имеет очень широкое применение. Поэтому при переводе на русский язык японских глаголов с дополнением в дательном падеже следует определить только, в каком духе может быть *по смыслу* связь действия с объектом, в чем здесь по существу главное: в возникновении, протекании или в устремлении действия, и подставлять тот русский падеж — с предлогами или без них, — который для русского языка возможен применительно к вещественному значению данного глагола.

Примечание 1-е. Может возникнуть вопрос, стоит ли вообще именовать этот падеж дательным. Я думаю, что не только стоит, но и нужно. При всем разнообразии все его случаи объединяются одним общим признаком — некоей направленностью действия к предмету: либо как к своему источнику, либо как к своим координатам, либо как к своей цели. Направленность же является главным признаком и русского дательного. (См. А. М. Пешковский, «Русский синтаксис в научном освещении», ГИЗ, 1928 г., стр. 347—348).

Примечание 2-е. Необходимо отметить несколько случаев дательного, когда он получает как-будто особое значение. Первый из них — когда дательный по смыслу как бы заменяет существительное в соединительном

падеже с последующим «shite». В этом случае дательный отвечает на вопрос «в качестве чего», — например, kono hon-wo kyōkasho-ni (-to shite) mochiiru この本を教科書に(として)用ひる — употребляют эту книгу в качестве учебника; o-iwai-no shirushi-ni (-to shite) sashiagemas お祝ひのしるしに(として)差し上げます — приношу вам в знак поздравления. Второй случай — когда дательный, обычно с последующим wa, по смыслу как бы заменяет существительное в дательном падеже с последующим «totte». В этом случае дательный отвечает на вопрос «для кого», «для чего»,—например: sore-wa watakushi-ni wa dekinai それは私には出来ない, — это для меня недоступно (не по моим силам).

Падеж направления (-e)

§ 71. Этот падеж чрезвычайно прост по своему значению и употреблению. Он встречается при тех глаголах, действие которых соединяется с указанием на его направление. Ввиду того, что тот объект, к которому направляется действие, может быть различным по своей вещественной природе, и этот падеж также может быть различным:

а) *Падеж направления-места.* Он встречается в тех случаях, когда объект, к которому стремится действие, является понятием места. Например:

Tōkyō-e iku 東京へ行く — ехать в Токио
Kuni-e kaeru くにへ歸る — возвращаться на родину
Koko-e kuru こゝへ來る — являться сюда
Naka-e hairu 中へ入る — входить внутрь.

б) *Падеж направления-предмета.* Этот падеж имеет место в тех случаях, когда объект, к которому направляется действие, — понятие предметное. Например:

Tēburu-e noseru テーブルへ載せる — класть на стол
Atama-e kaburu 頭へかぶる — надевать на голову
Fune-e noru 舟へ乘る — садиться в лодку.

в) *Падеж направления-лица.* Падеж этот встречается в тех случаях, когда объектом, к которому направлено действие, оказывается лицо. Например:

Kodomo-e yuzuru 子供へ譲る — уступить ребенку
Hito-e azukeru ひとへ頂ける — поручить другому.

Примечание. Приведенные в двух последних пунктах примеры могут показаться искусственными или даже невозможными. Тем не менее они реальны и возможны. На возможность таких именно случаев употребления падежа направления указывают научные японские грамматики; их приводит, в частности, Мацусита (op. cit., p. 235—239). Возможный протест против них объясняется двумя причинами: а) эти случаи падежа направления в других диалектах, кроме токиоского, не существуют; поэтому для не-токиосцев такие примеры невозможны; б) эти случаи падежа направления в настоящее время — под влиянием кансайского языка — вытесняются и в Токио, почему могут быть чужды и многим токиосцам. Кроме того, чтобы понять применение этих случаев падежа направления, необходимо представить себе конкретную картину действия, что при изолированной данной фразе, без общего контекста — трудно.

§ 72. Вся эта характеристика падежа направления обнаруживает, что этот падеж в известной мере близок к одному из вариантов дательного — к дательному направления. Несомненно, эта близость существует. Но при всем этом оба эти падежа не совпадают.

а) Основное различие этих двух падежей состоит в том, что дательный направления предполагает не простую направленность действия, но соединенную с его развитием. Соответственно этому и объект принимает характер того опорного пункта, с которым развитие данного глагола связано. Падеж же направления имеет в виду направленность действия в чистом виде, отчего и объект превращается как бы в простую мишень действия без каких бы то ни было иных, более тесных связей с ним. Отсюда два различных смысла этих падежей. Например: seki-ni tsuku 席につく — занять место и seki-e tsuku 席へつく также — занять место; в первом случае — дательный, во втором — падеж направления. По-японски оба эти словосочетания будут иметь разный смысл: первое — «я занимаю место» в смысле «я сижу на нем», второе — «я занимаю место» в смысле — «я перехожу на это место с другого». В первом случае подчеркивается результат развившегося действия, во втором — самый процесс его. В первом случае оба понятия «занимаю» и «место» тесно связаны, равно важны; во втором — глагольное понятие только механически связано с предметом и акцент стоит не на предмете.

Таково же соотношение понятий и в следующих словосочетаниях: ashi-ni haku 足にはく и ashi-e haku 足へはく; и то и другое будет означать «надеть на ноги». В первом случае в смысле «иметь на ногах», во втором — в смысле «взять какой-нибудь предмет и надеть его на ноги».

Примечание. Не трудно заметить, что постановка того или другого падежа зависит от того, на чем ставится смысловой акцент высказывания. Если главное во фразе слово *занимаю*, если на этом понятии делается ударение, нужно поставить дательный — seki-ni tsuku. Если же фраза отвечает на вопрос «что вы занимаете?», т. е. ударение делается на слове *место*, нужно ставить падеж направления — seki-e tsuku.

б) Второе различие в применении дательного направления и падежа направления заключается в том, что последний не может стоять, если объект — *предмет* в собственном смысле этого слова, — как одушевленный, так и неодушевленный, материальный и отвлеченный. Поэтому «садиться на лошадь» будет обязательно uma-ni noru 馬に乗る, а не uma-e noru 馬へ乗る; садиться в лодку — fune-ni noru 舟に乗る, а не fune-e noru 舟へ乗る; давать кому-нибудь — hito-ni yaru 人にやる; просить у кого-нибудь — hito-ni tanomu 人に頼む; апеллировать к человеческому чувству — ninjō-ni uttaeru 人情に訴へる; пустить в воду — mizu-ni nagasu 水に流す и т. д.

Но если в словосочетании фигурирует понятие места, или же если предмет, фигурирующий в нем, рассматривается как *место*, тогда требуется падеж направления. Так, например, «садиться

на спину лошади» будет uma-no senaka-e noru 馬の脊中へ乗る; садиться в середину лодки — fune-no mannaka-e noru 舟の眞中へ乗る; если «давать кому-нибудь» говорится в смысле не непосредственной передачи лицу, а отдачи, так сказать, в другое место, нужно сказать: hito-no tokoro-e yaru 人の所へやる; «обращаться с просьбой к учреждению (в учреждение)» будет: jimusho-e tanomu 事務所へ賴む; апеллировать в суд (к суду) — saibansho-e uttaeru 裁判所へ訴へる; пускать в реку — kawa-e nagasu 川へ流す.

Примечание. Разумеется, возможны и такие высказывания, в которых те же наименования лиц и предметов рассматриваются говорящими как обозначение мест. Если, например, трактовать «лошадь» не как живое существо, а как место для сидения, фраза «сесть на лошадь» с таким именно смыслом будет по-японски иметь вид uma-e noru.

Такое отличие этих двух падежей объясняется их основным характером. Поскольку дательный направления говорит о предмете, тесно связанном с действием данного глагола в его развитии, постольку таким предметом и может быть предмет полноценный в смысле своего бытия и отсюда — значения, представляющий собою некое самостоятельное явление. Поскольку же падеж направления говорит о предмете, к которому действие просто направлено, без всякой необходимой связи с ним, постольку такой предмет и должен быть простым обозначением места по существу или же трактоваться в этом смысле.

Поэтому, строго говоря, единственным, принципиально особым видом падежа направления будет только первый из трех описанных вариантов. Второй — падеж предмета и третий — лица возможны лишь в том случае, если эти предмет и лицо трактуются сознанием как некое обозначение места. Слово «голова» — atama в фразе «надеть на голову» — atama-e kaburu 頭へかぶる — трактуется именно как место; слово «лодка» в словосочетании «садиться в лодку» — fune-e noru 舟へ乗る — трактуется не как предмет, приспособленный для плавания по воде, а просто как место.

Примечание. Все указанные отличия дательного направления от падежа направления касаются только токиоского диалекта. В других диалектах, как, например, в киотоском и ряде западных, вообще падежа направления на e нет вовсе: где нужно e — ставится ni. Вместе с прочими влияниями кансайских говоров эта форма понемногу проникает и в стандартный язык: сейчас и в Токио нередко говорят ni там, где нужно было бы сказать e,—например: gakkō-ni iku — 學校に行く — итти в школу. В северо-восточных диалектах падеж направления обозначается суффиксом sa, — например: tōkyō-sa iku 東京さ行く — ехать в Токио. В старом языке e служило общим обозначением направления; для конкретного — служило ni; в китайско-переводном стиле e вообще нет, оно всегда заменяется ni.

Исходный падеж (-kara)

§ 73. Этот падеж ставится при глаголах, обозначающих действие, откуда-нибудь исходящее, — например, «слезать», «выхо-

дить», «удаляться» и т. п. Поскольку такое значение является специфическим, характерным для целой особой группы глаголов, объект, ими управляемый, ставится в особом падеже, который поэтому и может быть назван исходным.

Необходимо при этом отметить, что таким «исходным» значением могут обладать и не одни специально «исходные» глаголы. Такое значение могут иногда принимать, в зависимости от соотношения вещественных значений сочетаемых слов, и другие глаголы,— например, «осматривать» — сам по себе глагол не исходный, в словосочетании же «осматривать отсюда» (с этого места) он получает значение исходного.

Исходный падеж может встретиться в шести вариантах:

а) *Исходный места.* В нем ставится слово, обозначающее место и управляемое исходным (или получающим исходный смысл) глаголом. Например:

Ame-ga ten-kara furu 雨が天から降る — дождь падает с неба

Ido-kara mizu-ga deru 井戶から水が出る — из колодца выступает вода

Toshokan-kara hon-wo kariru 圖書館から本を借りる — берут книги из библиотеки.

Исходный места возможен в первую очередь, конечно, у тех существительных, которые сами по себе обозначают понятие места.

Dairen-kara kita 大連から來た — приехал из Дайрена.

Но этот же падеж возможен и при существительных, обозначающих понятие предмета, если этот предмет в условиях данной фразы трактуется как место,—например: uma-kara orita 馬から下りた — слез с лошади.

б) *Исходный времени.* В нем ставится слово, обозначающее временное понятие и управляемое исходным (или становящимся исходным) глаголом. Например:

Asa-kara hataraku 朝から働く — работаю с утра.

в) *Исходный предмета* — большей частью при глаголах, становящихся исходными. Например:

Anata-kara hajimemashō あなたから始めませう — начнем с вас.

г) *Исходный материала.* Существительное в исходном падеже обозначает материал для осуществления действия, выраженного глаголом. Например: kaisui-kara shio-wo toru 海水から鹽をとる — из морской воды добывают соль.

д) *Исходный сравнения.* Существительное в исходном падеже обозначает тот предмет, с которым сравнивается какой-нибудь другой. Исходный сравнения обычно бывает при глагольных формах mireba 見れば, miru-to 見ると, omoeba 思へば и т. п. Например:

Kinō-kara mireba kyō-wa atatakai 昨日から見れば今日は暖かい — по сравнению со вчерашним днем, сегодня — тепло
Tōkyō-kara miru-to Kyōto-wa shizuka-da 東京から見ると京都は靜かだ — по сравнению с Токио, Киото — тихое место
Sore-kara omoeba kono hō-ga benri-da それから思へばこの方が便利だ — по сравнению с тем, это — удобнее.

Примечание. Не трудно заметить, что смысл сравнения получается в таких случаях благодаря общему контексту. Возможно считать, что здесь мы имеем лишь один из вариантов исходного предмета. Это можно ощутить при переводе: «если смотреть (на Киото), исходя из Токио, Киото (покажется) тихим (городом)». Выделение этого случая в особый вид исходного падежа производится мною на том основании, что такого рода исходный падеж, во-первых, возможен только при глаголах и глагольных формах указанного типа; во-вторых, он обычно фигурирует в таком контексте, где по смыслу имеет место сравнение.

е) *Исходный причины.* Существительное в исходном падеже обозначает тот предмет, из-за которого имеет место данное действие. Например: fuchūi-kara machigaimashita 不注意から間違ひました — ошибся из-за (по) невнимательности.

§ 74. Из сопоставления всего сказанного об исходном падеже с тем, что было сказано о дательном, явствует, что исходный имеет как будто что-то общее с одним из вариантов дательного, именно с дательным источника действия. Так оно на деле и есть, и возможны случаи, когда при переводе на русский оба эти падежа будут передаваться с формальной стороны одинаковыми словосочетаниями.

После того, что было сказано о различии дательного направления и падежа направления, не трудно понять и различие между дательным и исходным. Это станет ясным сразу же, если указать, что исходный падеж по своему значению прямо противоположен падежу направления. Он говорит о том пункте, от которого действие исходит, тот же — о том пункте, к которому действие стремится. Оба эти падежа — самостоятельные обозначения именно этих видов дополнения. Дательный же совмещает в себе, как было сказано, три функции: источника, обстановки и направления, вследствие чего те его значения, которые как будто родственны этим падежам (дательный источника действия — исходному, дательный направления — падежу направления), отнюдь не самостоятельны, а представляют собой лишь варианты одного общего значения — «опоры» действия. Поэтому и отличие исходного от дательного в общем то же, что и у падежа направления с дательным: оно состоит, во-первых, в том, что исходный падеж указывает на более механический характер связи действия глагола с объектом его, дательный же источника действия — на более органический; оно состоит, во-вторых, в том, что дательный источника действия имеет в виду очень тесную связь действия с объектом, причем этот объект является понятием предмета как некоего самостоятельного явления, исходный же падеж предполагает более механическую связь глагола с объектом, причем объек-

том бывает понятие места — в буквальном или переносном смысле, т. е. иногда и обозначение лица может трактоваться как обозначение места. Это значит, что в случае дательного к объекту относится само вещественное значение глагола как таковое; в случае исходного — к нему обращен только признак «исходности». Таким образом, словосочетание «начинаю с вас» будет по-японски: anata-ni hajimeru あなたに始める, если слово *вы* в данном случае играет главную роль, и anata-kara hajimeru あなたから始める, если говорящий указывает просто на последовательность, с кого именно по порядку начинают, не придавая никакого особого значения тому, что начинают именно с данного человека. Не трудно видеть, что в последнем случае лицо — anata (вы) трактуется как «место».

Соединительный падеж (-to)

§ 75. Этот падеж в первую очередь применяется при глаголах, предполагающих двух деятелей, как, например: спорить — arasou 爭ふ — *с кем*, сражаться — tatakau 戰ふ — *с кем*. Помимо таких глаголов, целый ряд и других в известных условиях становится по смыслу им подобными: гулять — asobu 遊ぶ, пить — nomu 飲む и т. д.

По своему смыслу этот падеж может иметь следующие варианты:

а) *Соединительный совместный*. Этот падеж показывает, что субъект (подлежащее), совершающий данное действие (сказуемое), осуществляет его с кем-либо (чем-либо) другим (дополнение). Например:

teki-to tatakau 敵と戰ふ — сражаться с противником
tomodachi-to asobu 友達と遊ぶ — гулять с друзьями.

б) *Соединительный сопоставления*. Этот падеж возможен в тех учаях, когда глагол имеет два дополнения: одно — прямое, другое — косвенное, и это прямое по смыслу сопоставляется с косвенным. Такое сопоставление может иметь значение уподобления:

kare-wo jibun-no chichi-to agameru 彼を自分の父とあがめる — почитает его как своего отца
kare-wo jibun-no teashi-to tanomu 彼を自分の手足とたのむ — полагается на него как на свои руки и ноги.

Примечание. Уподобление, выражаемое существительным в соединительном падеже, возможно и при непереходных глаголах. Это значит, что в таких случаях нет сопоставления одного понятия с другим, а есть только характеристика процесса действия, как, например: ame arare-to furu 雨霰と降る — дождь падает как град. Ср. также такие словосочетания: kemuri-to kieru 煙と消える — исчезает как дым, yama-to tsumiageru 山と積上げる — нагружают с гору.

Эти словосочетания близки по смыслу к словосочетаниям из глагола и наречия с суффиксом to, как, например: ukauka-to susumu うかうかと進む — лениво продвигается (плетется); komagoma-to kaku こまごまと書く —

подробно пишет и т. п. Таким образом существительное в соединительном падеже в подобных случаях как бы перестает быть дополнением и приближается к обстоятельственному слову. Иногда это приближение бывает настолько реальным, что существительное с суффиксом to приходится рассматривать уже как наречие,—например, fui-to kieru 不意と消る—внезапно исчезнуть (fui 不意 — «внезапность», «неожиданность»).

Уподобление может иногда принимать характер отожествления. Это особенно отчетливо проявляется при таких глаголах, как iu 云ふ — «называть», miru 見る —«смотреть», kiku 聞く — «слышать», omou 思ふ — «думать»; например: kaze-wo ame-to kiku 風を雨と聞く —принимают шум ветра за шум дождя; hana-wo shirayuki-to miru 花を白雪と見る—принимают цветы за белый снег; boku-wo ani-to omoi-tamae 僕を兄と思ひたまへ— считай меня своим старшим братом; kono kuni-wo Nippon-to iu この國を日本と云ふ—эту страну называют Японией; teki-wo mikata-to suru 敵を味方とする — считают врагов друзьями.

в) *Соединительный предикативный.* В этом падеже ставится существительное, выступающее как предикативный член составного сказуемого при глаголах-полусвязках, т. е. глаголах, имеющих полное вещественное значение, но могущих выступать в роли связки (см. §§ 92—93). Главнейшими из этих глаголов являются глаголы «говорения» и «думания» (как их часто называют в грамматиках русского языка), в первую очередь — глагол iu и все его эквиваленты, а также все глаголы, могущие быть родственными по значению. Например:

kono kuni-wa Nippon-to iu この國は日本と云ふ—эта страна называется Японией.

Примечание. Отличить соединительный сопоставления от соединительного предикативного, подчиненных глаголу iu, не трудно: в первом случае глагол («называть») сохраняет полностью свое вещественное значение, является переходным и управляет двумя падежами — винительным и соединительным; во втором случае глагол iu («называться») выступает как полусвязка, является непереходным и управляет одним падежом — соединительным.

Наряду с глаголами «говорения» дополнение в соединительном предикативном может иметь и ряд других глаголов, как, например, naru — «становиться», «превращаться», kawaru — «превращаться», mieru — «представляться» и др.

Mizu-ga yu-to natta 水が湯となつた—вода превратилась в кипяток

Ki-ga aka-to kawatta 黄が赤と變つた—желтое превратилось в красное

Kare-ga isha-to mieru 彼が醫者と見える— он кажется врачом (имеет вид врача).

Дополнение в предикативном падеже на to может иметь при себе и глагол suru — «делать»:

Tanaka-kun-wa konogoro sensei-to shite hataraite-iru 田中君はこのごろ先生として働いてゐる — Танака в последнее время работает преподавателем.

Примечание. Отличить соединительный сопоставления от соединительного предикативного, подчиненных глаголу suru, не трудно: в первом случае suru сохраняет свое вещественное значение полностью, является переходным и управляет двумя падежами: винительным и соединительным,— например: teki-wo mikata-to suru — считают противника другом; во втором случае глагол suru выступает как полусвязка, является непереходным и управляет одним падежом — соединительным,—например: Tanaka-kun-wa sensei-to shite hataraite-iru — Танака работает преподавателем.

Соединительный предикативный возможен, наконец, и при глаголе aru. Это значит, что наряду с формой предикативного спряжения существительных ...de aru возможна и форма ...to aru. Например:

Sōryo-to aru mono-ga furachi-shigoku-da 僧侶とあるものが不埒至極だ — люди, являющиеся буддийскими монахами, исключительно наглы.

Отличие первой формы от второй в том, что в первом случае мы имеем именное сказуемое, в котором существительное в падеже на de является предикативным членом обычного типа; во втором же случае существительное в падеже на de несколько выходит за рамки простого предикативного члена и приближается к обстоятельственному слову, в смысле существительного с to shite, так что sōryo-to aru близко по смыслу sōryo-to shite aru (см. § 93).

Сравнительный падеж (-yori)

§ 76. Поскольку сравнение, т. е. сопоставление разных степеней качества, возможно при словах, обозначающих качество т. е. прилагательных, — этот падеж и применяется в подавляющем большинстве случаев при прилагательных. Тем не менее он возможен и при глаголах, правда, в гораздо меньшем количестве случаев. Поэтому он может быть зачислен в список и приглагольных падежей.

а) При глаголах этот падеж возможен в том случае, если действие данного глагола по своей природе таково, что допускает разную интенсивность, разные степени осуществления; иными словами, имеет признак в известной мере общий с качественными словами — прилагательными. Таков, например, глагол «заниматься», «работать», что можно делать в большей или меньшей степени. Отсюда возможность таких фраз:

Doitsujin-wa nipponjin-yori benkyō-suru ドイツ人は日本人より勉強する — немцы работают больше японцев
Teki-yori mikata-no hō-ga odoroita 敵より味方の方が驚いた — свои испугались больше врагов
Honnin-yori mite-iru hito-ga naita 本人より見てゐる人が泣いた — те, кто смотрел, плакали больше, чем он сам.

Такой сравнительный может быть назван *сравнительным степени действия.*

Характерным применением такого сравнительного падежа является тот случай, когда глагол дан в так называемом потенциальном залоге, т. е. когда в глаголе дано не только обыкновенное значение, но еще и дополнительный признак возможности этого действия для субъекта. Поскольку же такая возможность допускает различные степени, постольку при таких глаголах и допусти сравнительный падеж. Например: boku-wa kimi-yori nomeru 僕は君より飲める — я могу выпить больше тебя.

б) При глаголах, стоящих в отрицательной форме, возможен особый вариант сравнительного падежа, который может быть назван сравнительным ограничения. Например:

Kyō-wa pan-yori (hoka) arimasen 今日はパンより[外]ありません — сегодня, кроме хлеба, нет ничего

Koko-yori (shika) suwaru tokoro-ga nai ここより[しか]坐るところがない — кроме этого места, сесть негде

Tatta futari-yori (ka) nai たつた二人より[か]ない — кроме двоих, нет никого

Shiroi-no-yori nokotte nai 白いのより殘つてない — кроме белых, не осталось ничего.

Примечание. Необходимо отметить, что в большинстве случаев фразы этого типа строятся с постановкой после yori слов hoka, shika или даже частицы ka (как это указано в скобках). В связи с этим некоторые (например, Ямада Такео, Nippon kōgohō kōgi, Shōwa, 3, стр. 156) склонны считать, что в таких случаях мы имеем по существу пропуск hoka, shika. Если это так, сравнительный падеж в таких случаях надлежит признать подчиненным не глаголу, а этим словам.

Творительный падеж (-de)

§ 77. Основное значение этого падежа — указывать на то орудие, посредством которого осуществляется действие, выраженное данным глаголом. Поэтому наиболее простую и вместе с тем наиболее чистую форму его дают такие словосочетания, в которых это орудие выступает как материальный предмет. Например: fude-de kaku 筆で書く — писать кистью, ashi-de aruku 足で歩く — ходить ногами. Выделенный в особую разновидность этот творительный может быть назван *творительным орудия.*

§ 78. Понятие орудия, однако, может пониматься и не только в смысле материального инструмента: оно может браться и в широком смысле. Отсюда прочие, уже производные разновидности творительного:

а) одну из таких разновидностей, очень близкую к основному типу, представляют случаи, когда это орудие — также предмет вещественного характера — рассматривается как материал для данного действия. Например: gyūnyū-de bata-wo koshiraeru 牛乳でバタをこしらへる — изготовлять из молока масло. Такой творительный может быть назван *творительным материала;*

б) следующая разновидность появляется там, где орудием действия оказывается не материальный предмет, а какое-нибудь

другое понятие. В таких случаях слово в этом падеже означает уже не то, *чем* производится действие физически, а *посредством чего, благодаря чему* оно происходит. Например: byōki-de shinu 病氣で死ぬ — умереть от болезни, ame-de nureru 雨で濡れる — промокнуть от дождя. В связи с таким значением этот творительный может быть назван *творительным причины*;

в) когда орудием действия в этом последнем смысле служит понятие временнóе, этот творительный становится *творительным времени*. Например: ato-de hanasu あとで話す — рассказать потом (сравни русское «утром», «вечером»: по форме — творительный падеж, по смыслу — наречие времени);

г) если орудием действия в таком же смысле является понятие места, получается *творительный места*. Например: gakkō-de kiku 學校で聞く — слышать в школе (сравни русское «дорогой слышал»);

д) если орудие действия — понятие лица, причем множественного или собирательного значения, получается *творительный совместного действия*. Например: mina-de iku 皆で行く — итти всем (сравни русское «итти всей компанией»);

е) этот творительный может выступить и в сложном значении, сочетая в одной падежной форме *обозначение* и *действователя* и *место действия* одновременно. Таков этот падеж, например, в фразе: watakushi-no uchi-de shinnenkai-wo yarimas 私の家で新年會をやります — устраиваю у себя в доме новогоднее торжество: watakushi-no uchi-de — одновременно и «я» устраиваю и «у себя в доме» устраиваю;

ж) такое сложное значение имеет и творительный, сочетающий в своем лице *косвенное дополнение* и *место действия*. Например: shōnin-ga ginkō-de kane-wo kariru 商人が銀行で金を借りる — купец берет в банке в кредит деньги: ginkō-de одновременно означает и «где» берет (*в банке*, как месте) и «от кого» берет (*из банка*, как учреждения);

з) и, наконец, творительный падеж является *творительным предикативным*, т. е. падежом существительного, стоящего в составе сказуемого в качестве его предикативного члена перед связкой aru (arimas), gozaimas, отрицательным nai. Об этом падеже шла речь уже выше, почему объяснение его здесь приводить излишне.

Необходимо только оговорить случай, когда творительный предикативный стоит в середине предложения один, без последующей связки, как, например, в фразе: kodomo-de tabako-wo nomu 子供で煙草をのむ. В этих случаях обычно глагол-связка подразумевается, и притом в формах aru keredomo, attemo или arinagara, вследствие чего налицо по существу сложное предложение, составленное из главного и придаточного уступительного: kodomo-de aru keredomo (arinagara) tabako-wo nomu. Поэтому и перевод такой фразы должен включать в себя этот оттенок: «ребенок, а курит».

§ 79. Необходимо и тут указать на кажущееся совпадение одного из видов творительного — творительного места с одним из видов дательного — дательным места.

Отличие этих двух падежей друг от друга усматривается из следующих трех признаков:

а) дательный места ставится обычно при глаголах, обозначающих *местонахождение, пребывание*, пассивное действие вообще. Поэтому фразу «Токио находится в Японии» по-японски следует сказать так: Tōkyō-wa Nippon-ni arimas 東京は日本にあります.

В противоположность этому творительный места ставится обычно при глаголах, обозначающих *действие активное*. Поэтому фразу «я учусь в школе» следует сказать так: watakushi wa gakkō-de benkyō-shimas 私は學校で勉強します;

б) творительный места ставится всегда там, где это место служит как бы *орудием данного действия*, а не просто той обстановкой или тем местом, где это действие протекает. Поэтому фраза «я езжу в школу на трамвае» по-японски будет звучать так: watakushi-wa gakkō-e densha-de ikimas 私は學校へ電車で行きます. «Трамвай» в данном случае есть то «орудие», каким я добираюсь до школы;

в) когда акцент фразы делается *на дополнении*, на предмете, ставится творительный: shokudō-de tabemas 食堂でたべます — обедаю в столовой.

Если же он делается *на сказуемом*, действии, ставится дательный: shokudō-ni tabemas 食堂にたべます — в столовой обедаю.

Несомненно, решающим признаком, отличающим эти два падежа, является второй; первый и третий являются лишь развитием или следствием второго и самостоятельной роли не играют.

Примечание. Считаю возможным говорить о de как о падежном суффиксе, несмотря на то, что по своему происхождению это de — деепричастие от старого глагола, от которого сейчас сохранилась лишь одна 2-я основа ni. De восходит к nite, что ясно удостоверяется, между прочим, и литературным языком, где на месте разговорного de всегда стоит nite. И в современном разговорном этот глагольный характер de не исчез. Он проявляется в том, что это de может иметь чисто предикативное значение — так называемого срединного сказуемого в сложном предложении. Тем не менее современным языковым мышлением de в таких случаях, как восемь перечисленных, несомненно, уже не воспринимается как глагол; тут налицо несомненное восприятие его как падежной частицы. Благодаря этому стало возможным включение конструкции существительное + de в разряд форм, управляемых глаголом, т. е. падежей. И очень маловероятно, чтобы современный японец воспринимал фразу: kogatana-de empitsu-wo kezuru 小刀で鉛筆を削る — чинить карандаш перочинным ножом — так: dōgu-wa kogatana-de empitsu-wo kezuru 道具は小刀で鉛筆を削る, т. е. «орудие — перочинный нож, я чиню карандаш», как это утверждает, например, Мацусита (op. cit., p. 208).

Таковы падежи, возможные при глаголах. Одни из них — на wa, или на ga — есть падежи подлежащего, прочие — на wo, ni, e, kara, to, yori, de — являются падежами дополнения.

§ 80. Помимо всех этих падежей, при глаголах существует еще один падеж, могущий быть названным *неопределенным* или *общим*. По своей звуковой характеристике он совпадает со словом как таковым, т. е. со словом в том его облике, в котором оно существует изолированно, вне словосочетания, в словаре. Иными словами, это — падеж бессуффиксальный, т. е. не имеющий никаких особых окончаний. В старом языке он целиком совпадал с именительным, так как нынешняя форма именительного на ga прежде играла роль родительного (определительного) падежа, сам же именительный был бессуффиксальным. Теперь же, с превращением падежа на ga в именительный (за исключением некоторых особых случаев, см. § 98) этот бессуффиксальный падеж стал применяться в другом, более широком значении, заменяя собою некоторые другие падежи, а именно:

а) именительный — gohan mada dekimasen 御飯まだ出來ません — кушанье еще не готово;

б) винительный — mizu nondewa ikenai 水飲んではいけない — воду пить нельзя;

в) направления — boku myōnichi-kara gakkō iku 僕明日から學校行く — я с завтрашнего дня иду в школу.

Примечание. В настоящее время в живой разговорной практике бессуффиксальный падеж, служа винительным, приобретает часто особую звуковую характеристику: конечный гласный его превращается в долгий. Например: hī tsukeru 火つける — зажигать огонь, kū tsukuru 句つくる — сочинять стихи, kutsū haku 靴はく — надевать обувь, tē kiru 手切る — порезать руку, sakē nomu 酒飲む — пить водку, meshī kuu 飯くふ — есть обед. (См. Мацусита, op. cit., p. 235).

§ 81. Все вышеописанное представляет собой перечень способов сочетаний глагола с существительным, когда этот глагол является сказуемым, существительное же — либо дополнением к нему, либо подлежащим. Однако, все способы управления, перечисленные выше, относятся ко всякому сочетанию глагола с существительным, т. е. относятся и к тем случаям, когда управляющий глагол стоит в предложении не как сказуемое, а в какой-нибудь другой синтаксической позиции. Другими словами, синтаксическая позиция глагола не влияет на способы сочетания его с существительными как дополнениями.

II. ДОПОЛНЕНИЯ ПРИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

1. ПАДЕЖИ ДОПОЛНЕНИЙ ПРИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 82. Дополнения могут быть не только при глаголе, они существуют и при прилагательных. Иначе говоря, прилагательное также может управлять существительным. Однако, из всех дополнений, возможных при глаголах, при прилагательных встречаются только следующие:

а) дополнение, выраженное дательным падежом, например: ie-ga yama-ni chikai 家が山に近い — дом близок к горам, kō-ga otsu-ni hitoshii 甲が乙に等しい — первое одинаково со вторым;

б) дополнение, выраженное исходным падежом, например: watakushi-no uchi-wa gakkō-kara tōi 私の家は學校から遠い — мой дом далеко от института;

в) дополнение, выраженное сравнительным падежом, например: kore-wa sore-yori ii これはそれよりいゝ — это лучше того, karasu-wa uzura-yori kuroi 烏は鶉より黑い — ворон чернее перепелки;

г) дополнение, выраженное соединительным падежом, например:

kō-ga otsu-to hitoshii 甲が乙と等しい — «А» одинаково с «Б»
kore-wa sore-to onaji-da これはそれと同じだ — это то же, что и то
kore-wa mizu-to (wa) karui これは水と[は]輕い — это легко, как вода;

д) дополнение, выраженное творительным падежом, например: shiken-de isogashii 試驗でいそがしい — из-за экзаменов занят.

Примечание. Дополнения возможны не только при прилагательных японских, как во всех вышеприведенных примерах, но и при китайских. Например: Shina-wa Nippon-to bekko-no kuni-de aru 支那は日本と別個の國である — Китай является государством, отдельным от японского. Kono chi-no hitobito-wa teki-to dōyō-da この地の人々は敵と同樣だ — здешний народ все равно, что враги.

Китайское прилагательное сохраняет свое управление и в том случае, когда оно входит в состав сложного слова, хотя бы это слово и было существительным: boku-wa kimi-to dōiken-da 僕は君と同意見だ — я с тобой одинакового мнения.

2. СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТЕПЕНЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 83. Здесь необходимо отметить одно очень характерное для современного языка явление. В последнее время все чаще замечается стремление отделить суффикс сравнительного падежа yori より от существительного, к которому он обычно присодиняется, и отнести его к последующему прилагательному в качестве специального префикса сравнительной степени. Как известно, японский язык не знает сравнительной степени прилагательных как особой формы. Смысл сравнительной степени получался путем вышеуказанной конструкции—сочетания сравнительного падежа существительного с прилагательным, например: anohito-wa anata-yori takai あの人はあなたより高い — он выше вас (буквально: он высок сравнительно с вами). В настоящее же время можно установить широкое употребление специальной формы сравнительной степени; так, например, мы встречаем сейчас такие образования: yoritakaku より高く — выше, yoriyoku よりよく — лучше, yoriōku より多く — боль-

ше, yorihiroku より廣く — шире, yoriatarashiku より新しく — новее. Возможна, конечно, и не только эта наречная форма, встречаются и обычные: yoritakai より高い — более высокий, yoriyoi よりよい — лучший и т. д.

Крайне характерно, что такого рода сравнительная степень стала образовываться не только от японских, но и от китайских прилагательных. Таким образом, стали возможными следующие образования: yorishimpoteki より進步的 — более прогрессивный, yorishajitsuteki より寫實的 — более натуралистический, yoriyūkō より有効 — более действительный.

Подобного рода прилагательные в сравнительной степени в настоящее время имеют хождение, главным образом, в публицистическом языке, особенно в политико-экономических статьях и исследованиях. Оттуда они просачиваются и в разговорный язык, но опять-таки в особую среду — журналистов, публицистов, политических деятелей, преимущественно из радикального, левобуржуазного и пролетарского лагеря. Литературным языком эта сравнительная степень еще не принята и в стандартный язык не включена, что не мешает ей иметь довольно широкое распространение.

III. ДОПОЛНЕНИЯ ПРИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 84. Дополнения возможны и при существительных, т. е. существительное может управлять существительным. Основным падежом управления существительным является родительный падеж. Однако, его наиболее удобно рассматривать в отделе определений, поскольку его основная функция — служить определением. Здесь же должны быть рассмотрены только случаи дополнения.

Дополнения при существительных могут быть выражены следующими падежами, т. е. в качестве управляемых при существительном могут быть следующие падежи.

Дательный падеж

§ 85. Этот падеж встречается в таких словосочетаниях существительного с существительным, в которых второе является в особом смысле противостоящим первому. Это бывает почти исключительно в готовых выражениях — в поговорках. Например: tsuki-ni murakumo 月に叢雲 — на луну — и облако, hana-ni kaze 花に風 — на цветы — и ветер (смысл этих выражений приблизительно таков: луна — красива, но есть облака, которые эту красоту могут закрыть; цветы — красивы, но существует и ветер, который эту красоту может развеять).

Как видно из этих примеров, такой дательный встречается в безглагольных конструкциях: все эти словосочетания не имеют сказуемого. Конечно, может быть и допустимо было бы эти фразы дополнить, снабдить их глагольными сказуемыми и считать тогда, что дательный падеж вызывается глаголом. Однако, это

было бы слишком искусственно; для обыкновенного японского сознания эти фразы, несомненно, представляют собой сочетания одних только существительных, почему и дательный падеж здесь может быть назван присубстантивным.

Вторым типом присубстантивного дательного является дательный соединительный, т. е. тот случай, когда в дательном падеже ставится существительное, подчиняющееся другому существительному на правах присоединяемого к нему слова. Например:

kodomo-ni, onna-ni, toshiyori-dake da 子供に女に年寄だけだ — одни старики, да женщины, да дети

anata-ni, watakushi-ni, konokata-ni subete sannin-des 貴下に私にこの方にすべて三人です — всего трое — вы, да я, да он.

Сравнительный падеж

§ 86. Этот падеж встречается в трех вариантах:

а) Он ставится прежде всего в том случае, если управляющие существительные по своему вещественному значению допускают сравнения. Таковы, например, существительные ue 上 — верх, shita 下 — низ, mae 前 — перед, nochi, ato 後 — последующее, дальнейшее и т. п. Предложения с такими словами переводить на русский приходится, меняя конструкцию так, что управление их существительными становится совершенно неощутимым. Так, например, фразу kore-yori ue-wa mō arimasen これより上はもうありません приходится переводить: «выше (лучше) этого нет»; goji-yori mae-ni o-ukagai-itashimas 五時より前にお伺ひ致します — я приду к вам до пяти часов.

б) Второе применение этого сравнительного имеет место в готовых оборотах типа поговорок: hana-yori dango 花より團子 — пирожки (т. е. съедобное) лучше цветов (т. е. красивого). Наличие здесь сравнительного падежа обусловливается присутствием опущенного глагола-сказуемого, указывающего именно на большую или меньшую важность чего-нибудь. В данном случае таким сказуемым будет глагол masaru 勝る — превосходить (быть лучшим). Но так как этот глагол в таких выражениях уже не ощущается как обязательный, то и сравнительный здесь также может считаться присубстантивным.

в) Сравнительным присубстантивным можно считать и сравнительный падеж при слове hoka (с последующим глаголом в отрицательной форме). Например:

Gakumon-yori hoka (ni) dōraku-wa nai 學問より外[に]道樂はない — кроме науки, нет никакого другого удовольствия.

Винительный падеж

§ 87. Таким же присубстантивным падежом может, пожалуй, считаться и винительный в словосочетаниях вроде следующих: onna-wo aite-no kenka 女を相手の喧嘩 — ссора с женщиной;

shiro-wo makura-no uchijini 城を枕の討死 — смерть в бою перед зáмком. Формально здесь винительным — onna-wo (женщина) управляет существительное aite (противник), винительным — shiro-wo (зáмок) — существительное makura (изголовье). Однако, если даже в предыдущих присубстантивных падежах зависимость этих падежей от скрытых глаголов может быть обнаружена, тем более она ясна в данном случае. В самом деле, оба управляющих существительных — aite и makura — являются лишь составной частью словосочетания, образованного, как это часто встречается в японском языке, из существительного и глагола suru する — делать. Такое соединение происходит в одних смысловых случаях с помощью винительного падежа существительного, как, например: sentaku 洗濯 — стирка (белья), sentaku-suru 洗濯する — стирать; в других — с помощью дательного, как, например: shosei-ni suru 書生にする — делать секретарем. В первых случаях суффикс винительного падежа обычно опускается, так что мы получаем в полной мере одно слово — составной глагол; во вторых случаях суффикс дательного падежа сохраняется, ибо иначе shosei-ni suru можно было бы понять, как shosei-wo suru 書生をする, т. е. в смысле «быть секретарем». Так и здесь, в этих примерах налицо собственно словосочетания: aite-ni suru 相手にする — делать противником (иметь своим противником), makura-ni suru 枕にする — делать изголовьем (быть, находиться около чего-нибудь); поэтому и винительный здесь зависит не непосредственно от существительных, входящих в такие словосочетания, но от опущенного глагола suru, соединенного с этими существительными в готовое выражение и управляющего винительным падежом.

Соединительный падеж

§ 88. Этот падеж существует в двух вариантах:

а) Во-первых, его можно найти при таких существительных, которые имеют однокоренные с собой глаголы, или являются просто производными от глаголов. Таково, например, приведенное выше существительное aite 相手 (противник, собеседник, партнер), идущее от глагола au 相 (сталкиваться, встречаться) и обозначающее (при помощи суффикса te 手 — рука) «деятеля» — того человека, с которым сталкиваются, или имеют дело вообще. Такая связь с глаголом сказывается в том, что существительное начинает требовать при себе тот же падеж, что и однокоренной глагол (сравни русское «встречаться с кем» и «встреча с кем»). Глагол au, как «взаимный» по залогу, управляет совместным падежом; этот же падеж присутствует поэтому и при идущем от этого глагола существительном aite. Например: kimi-to aite-wa dare-da? 君と相手は誰だ？ — буквально: сталкивающийся с тобой человек — кто?, т. е. кто твой партнер (собеседник, противник и т. п.).

б) Этот же соединительный падеж встречается, во-вторых, и для обозначения того, что данное существительное представляет собой источник действия или, наоборот, объект действия глагола не одно, а совместно с другим существительным, являющимся главным и поэтому управляющим. При этом это управляющее существительное может стоять в любом падеже. Например: Ōsaka-to Kōbe-e iku 大阪と神戸へ行く — ехать в Кобэ с Осака (т. е. в Кобэ и Осака); neko ippiki to inu ippiki-wo katte-oku 猫一匹と犬一匹を飼つておく — держу у себя кошку с собакой.

Этот соединительный может подчинять одно существительное другому не только тогда, когда первое однородно со вторым, как в приведенных примерах; нередко второе существительное представляет собой по смыслу как бы обобщение. Например:

Kimi-to futari-de ikō 君と二人で行かう — пойдем вместе с тобой.

в) Возможен случай, когда соединительный падеж служит для взаимного подчинения; когда оба существительных, стоящие в падеже на to, обоюдно подчинены друг другу. Однако, так как при этом остается неизвестным, какое место они занимают во фразе в целом, т. е. каким членом предложения они совместно друг с другом являются, после второго из них (или последнего, если таких существительных несколько) ставится суффикс того падежа, который требуется по смыслу фразы. Например: Kyōto-to Ōsaka-to Kōbe-to-ni yōji-ga aru-no-des 京都と大阪と神戸とに用事があるのです — (у меня) есть дела в Киото, Осака и Кобэ. Otoko-no ko-to onna-no ko-to-ga asonde-iru 男の子と女の子とが遊んでゐる — играют вместе мальчики и девочки.

Такое взаимное подчинение может иметь смысл сопоставления. Например: Eikoku-to Doitsu-to-wa dochira-ga tsuyoi-ka? 英國と獨逸とはどちらが強いか？— Англия и Германия, кто из них сильнее?

Исходный падеж

§ 89. Этот падеж возможен при особых существительных означающих расстояние или направленное как в смысле места так и времени. Например: saki — то, что находится впереди, что предстоит в будущем; kore-kara saki — то, что предстоит в дальнейшем, впереди; kore-kara saki-wa kurai これから先は暗い — дальнейшее — темно: kore-kara kita-ni これから北に — на север отсюда; kore-kara ue — наверх (кверху) отсюда (от этого места); kore-kara ue-wa noborigatai これから上は登り難い — выше взбираться трудно; tsugi — то, что следует; kore-kara tsugiwa muzukashii — следующее трудно.

Примечание 1-е. Дополнения — в тех же падежах, что и при глаголах — могут стоять при таких существительных, которые образовались от глаголов. Такое производное от глагола существительное сохраняет

возможность управления в духе того глагола, от которого это существительное образовалось. Так, например, любое соответствующее дополнение может стоять при 2-й основе глагола, которая, как известно, может выступать как отглагольное существительное, — например: kōhī-wo nomi-ni ikimashō コーヒーを飲みに行きませう — идем пить кофе.

Примечание 2-е. Необходимо отметить, что дополнения в тех же падежах, что и при глаголах, возможны и при таких существительных (большей частью китайских), которые образовались из двух элементов: начального — глагола и последующего — существительного. Таково, например, существительное kikyō 歸京 — «возвращение в столицу», составленное из ki (kaeru) 歸 — «возвращаться» и kyō 京 — «столица». Поэтому при существительном kikyō возможны те же падежи, что и при глаголе kaeru, — например: Nagasaki-kara kikyō-no nochi-ni 長崎から歸京の後に — по возвращении в столицу из Нагасаки...

IV. ДОПОЛНЕНИЯ ПРИ ДРУГИХ ЧАСТЯХ РЕЧИ

1. ДОПОЛНЕНИЯ ПРИ НАРЕЧИЯХ

§ 90. Дополнения возможны не только при глаголах, прилагательных и существительных. Их можно найти и при наречиях. Правда, такие дополнения возможны, повидимому, только в одном падеже — соединительном; кроме того они допустимы только при тех наречиях, которые по своему вещественному значению говорят о совместности или сопоставлении, как, например: tomoni 共に — «вместе», «сообща», issho-ni 一緒に — «вместе». betsuni 別に — «отдельно».

Kimi-to tomoni 君と共に — вместе с тобой
Anata-to go-isshoni 貴下と御一緒に — вместе с вами
Kimi-to betsuni 君と別に — отдельно от тебя.

Примечание. Необходимо учитывать, что такое подчинение существительного наречию обычно имеет место тогда, когда это наречие является производным и восходит либо к существительному, либо к прилагательному.

2. ДОПОЛНЕНИЯ ПРИ НЕКОТОРЫХ ДЕЕПРИЧАСТИЯХ

§ 91. Дополнения могут стоять при глаголе независимо от того, в какой форме этот глагол стоит сам. Это значит, что дополнения могут быть подчинены и глагольному деепричастию на te. Когда это деепричастие сохраняет полностью свое глагольное значение, особо оговаривать такие случаи дополнений не приходится: здесь наблюдается та же картина, что и в случаях приглагольных дополнений вообще. Существует, однако, ряд таких глагольных деепричастий, которые по своей функции уже перестали быть глагольными формами и стали играть роль, близкую к русским предлогам. Наиболее часто встречающимися из таких деепричастий будут следующие:

А. Деепричастия, управляющие дательным падежом:

1) tsuite (деепричастие от tsuku 附く — «касаться», «находиться у чего», «состоять при ком») в значении — «о», «относительно» («по», «при», «с», «за»); kono jiken-ni tsuite この事件について — об этом инциденте; nagare-ni tsuite 流れに

ついて — по течению; Tanaka kyōju-ni tsuite benkyō shimas 田中教授について勉強します — занимаюсь у проф. Танака; chichi-ni tsuite ikimas 父について行きます — иду с отцом; ichidāsu-ni tsuite yonjissen 一ダースについて四十錢 — за дюжину 40 сэн;

2) totte (от toru 取る — «брать»), в значении — «для»; watakushi-ni totte (wa) ichidaiji-da 私にとつて[は]一大事だ — для меня это — целое событие;

3) yotte (от yoru 依る — «опираться»), в значении — «согласно», «благодаря», «с помощью»; kono jōyaku-ni yotte この條約に依つて — согласно этого договора; kare-no joryoku-ni yotte 彼の助力に依つて — благодаря его помощи;

4) tsurete (от tsureru 連れる — «итти с кем»), в значении — «вместе с», «вслед за»; shimpo-ni tsurete 進歩に連れて — вместе с прогрессом;

5) shitagatte (от shitagau 從ふ — «следовать»), значении — «вслед за...»; «на основании»; kokuhō-ni shitagatte 國法に從つて — по законам государства;

6) sōte (от sou 沿ふ — итти вдоль), в значении — «вдоль», «по»; kaigan-ni sōte 海岸に沿ふて — вдоль морского берега;

7) shite (от suru する — делать), в значении — «для»; shichigatsu-ni shite (wa) suzushii 七月にして[は]涼しい — для июля — прохладно;

8) oite (от okeru 於ける — «находиться»), в значении — «в», «на», «при», «у»; Tōkyō-ni oite 東京に於て — в Токио; ōkisa-ni oite (wa) kore-ga ichiban-da 大きさに於て[は]これが一番だ — по величине это — самое лучшее.

Примечание. В языке публицистическом, а также в современной форме феодального литературного языка число глагольных деепричастий такого типа сильно возрастает. К числу их принадлежат, например, такие деепричастия, как: ōjite — «в соответствии», «в ответ на», «согласно»; kanshite — «относительно», «в связи с»; watatte — «на протяжении», «в продолжение»; megutte — «вокруг»; mukatte — «по направлению к»; taishite — «к», «в отношении», «против» и ряд других. Необходимо отметить, что параллельно с такими деепричастиями в такой же функции фигурируют вторые основы многих из этих глаголов, как, например: kanshi, taishi, watari, и даже третьи основы: kansuru, taisuru и др.

Б. Деепричастия, управляющие винительным падежом:

1) tsūjite (от tsūzuru 通ずる — «проходить»), в значении — «чрез», «посредством», «по», «в»; Tanaka-san-wo tsūjite 田中さんを通じて — чрез (посредство) г. Танака; zenkoku-wo tsūjite 全國を通じて — по всей стране; kakukaikyū-wo tsūjite 各階級を通じて — во всех классах общества;

2) hete (от heru 經る — «проходить»), в значении — «чрез»; «по прошествии»; Shiberiya-wo hete シベリヤを經て — чрез Сибирь; sannen-wo hete 三年を經て — по прошествии трех лет; shiken-wo hete 試驗を經て — после экзамена.

Примечание. В публицистическом языке, а также в феодальном литературном из таких деепричастий, близких к предлогам, очень широкое применение имеют motte и shite, требующие перед собою винительного падежа. В этих случаях motte может создавать смысл и винительного падежа и творительного; shite также может иметь два смысла — винительного падежа при глаголе в побудительном залоге и творительного,—например: inki-wo motte shitatamubeshi インキを以て認むべし — надлежит писать чернилами; guntai-wa sokoku-wo bōei-suru koto-wo motte saikō-no nimmu-to shiteiru 軍隊は祖國を防衛することを以て最高の任務としてゐる — армия считает высшей своей обязанностью защиту отечества; hito-wo shite iwashimu 人をして云はしむ — давать кому-нибудь (заставить кого-нибудь) сказать; Hanshin ryōkō-wo shite enshū-wo okonau 阪神兩港をして演習を行ふ — производить маневры в двух портах — Осака и Кобэ.

В. Деепричастия, управляющие соединительным падежом:

1) shite (от suru する — «делать»), в значении — «в качестве», «как»; watakushi-wa chichi-to shite damatte-wa irarenai 私は父として黙つてはゐられない — я, как отец, не могу молчать;

2) chigatte (от chigau 違ふ —«отличаться»), в значении — «в отличие от»; boku-to chigatte otōto-wa benkyōka-da 僕と違つて弟は勉強家だ — в отличие от меня, мой младший брат человек прилежный.

Примечание. Разумеется, приведенными деепричастиями отнюдь не исчерпывается список таких деепричастий, которые получают особое значение, близкое к предлогам. Их — очень много, и притом как в разговорном, так и в письменном языках.

V. СЛУЧАИ ОСОБЫХ ДОПОЛНЕНИЙ

1. ДОПОЛНЕНИЯ ПРИ ГЛАГОЛАХ NARU И MIERU

§ 92. Из всех случаев управления глаголов необходимо выделить управления отчасти типа дополнений, отчасти типа составных сказуемых. Дело в том, что, помимо вышеперечисленных глаголов-связок, некоторые глаголы могут иногда превращаться в род связки. Наиболее характерным из них является глагол naru 成る — становиться, делаться. Сам по себе он имеет вполне самостоятельное, вещественное значение, но благодаря тому, что это вещественное значение имеет очень общий характер, является более отвлеченным, чем у других глаголов, он может превращаться в род формального глагола, т. е. в род связки. В таких случаях он требует особого падежа на to, который и может быть назван соединительным-предикативным или вторым предикативным *).

Глагол naru как самостоятельный управляет одним из видов дательного — дательным направления, поскольку понятие «делаться», «становиться» означает действие развиваю-

*) Первым предикативным является творительный-предикативный (на de).

щееся. Конечный, результативный пункт (становиться «чем») этого развития и является дополнением к этому глаголу. Этот оттенок, специально присущий дательному при этом глаголе, и может быть назван дательным результата. Например: kare-wa gakusei-ni naru 彼は學生になる — он становится студентом. Русский перевод этой фразы, в которой глагол naru является самостоятельным и, как таковой, управляет дательным результата, и перевод фразы kare-wa gakusei-to naru 彼は學生となる, в которой глагол naru является вспомогательным и управляет предикативным падежом, большей частью бывает совершенно одинаков: «он становится студентом». Для японского же языка эти две фразы имеют различное значение, вскрываемое из анализа значения словосочетания gakusei-ni naru и словосочетания gakusei-to naru.

Если глагол самостоятелен, он полностью сохраняет то вещественное значение, которое ему присуще. Поэтому в фразе kare-wa gakusei-ni naru 彼は學生になる — три члена: подлежащее (он), сказуемое (становится) и дополнение (студентом). Это значит, что слово «становится» не пропускается сознанием, а занимает в нем такое же место, как и прочие слова, и вся фраза говорит о процессе становления, заканчивающемся определенным результатом.

Если же глагол вспомогательный, он это свое вещественное значение в значительной степени утрачивает, поэтому в фразе kare-wa gakusei-to naru 彼は學生となる — два члена: подлежащее (он) и составное сказуемое (становится студентом). Это значит, что слово «становится» как бы скрывается для сознания и на первое место выступает слово «студентом». Несколько упрощая положение, можно сказать так: в первой фразе ударение делается на глаголе «становиться», во второй — на существительном «студент». В первом случае нет никакого приравнивания, отожествления понятия подлежащего с понятием сказуемого, во втором — к этому отожествлению приближаются. Так, например, если в фразе «дом (сгорел и) превратился в пепел» = «стал пеплом» говорящий близок к мысли «дом теперь уже пепел», т. е. к полному отожествлению этих понятий, он говорит naru с предикативным падежом to; если же он имеет в виду самый процесс превращения, он говорит naru с дательным падежом на ni.

Глагол naru может образовывать составное сказуемое такого типа не только с существительным; он может соединяться на правах связки и с прилагательным. В таком случае прилагательное ставится в форме на ku. Например: atsuku naru 暑くなる — становится жарко, omoku naru 重くなる — становится тяжело и т. д.

Глагол naru является наиболее характерным примером полусвязки. Наряду с ним существует ряд глаголов, вполне самостоятельных по своему вещественному значению, кото-

рые в известных условиях теряют свою конкретность и превращаются в более формальное понятие, т. е. становятся близкими к связке. Таков, например, глагол mieru 見える, означающий собственно «виднеться», «быть видным», но могущий употребляться и в смысле «казаться».

Поскольку этот глагол обладает полным вещественным значением, т. е. не стоит сам по себе, по своей природе на какой-то средней позиции между формальными и вещественными, как naru, постольку он управляет тем падежом, который обусловливается его реальным смыслом. Так, например, глагол mieru 見える, как вспомогательный, управляет предикативным падежом на to: kare-wa isha-to mieru 彼は醫者と見える — он имеет вид врача; как самостоятельный, он управляет дательным обстановки (в смысле места): asuko-ni yama-ga mieru あすこに山が見える — там виднеются горы.

2. ДОПОЛНЕНИЯ ПРИ ГЛАГОЛАХ IU, OMOU И SURU

§ 93. Глаголы naru и mieru являются глаголами непереходными, превращение которых в связки поэтому облегчено. Помимо них, в роли связки выступают полновесные по своему значению глаголы и переходные. Оставаясь переходными, они управляют двумя падежами одновременно: винительным и соединительным. Например:

Kuni-wo Nippon-to iu 國を日本と云ふ — страну зовут Японией

Kare-wo (jibun-no) shosei-to suru 彼を(自分の)書生とする — делаю его своим секретарем.

Превращаясь в глаголы-полусвязки, эти глаголы становятся непереходными: iu 云ふ получает значение не «называть», а «называться», suru する — не «делать», а «делаться» или даже «быть». В таких случаях винительный падеж при этих глаголах исчезает, заменяясь иногда именительным, а соединительный сопоставления переходит в свою разновидность — соединительный предикативный (см. § 75).

Превращаться в такого рода связки могут те глаголы, которые по своему характеру в состоянии в какой-то мере ослаблять свое вещественное значение. Это встречается, главным образом, у глаголов, обозначающих в прямом или переносном значении ощущения, чувства, акты мысли и речи во всех разновидностях этих понятий. Именно они могут легко обращаться в полувещественные, полуформальные глаголы: «представляться», «казаться», «ощущаться». Составное сказуемое при этих глаголах настолько распространено, что нередко говорят даже о специальном падеже на to と перед глаголами «dicendi» — «говорения» (типа iu いふ — говорить) и «cogitandi» — «думания»

(типа omou 思ふ — думать). Разумеется, эти глаголы могут выступать и как самостоятельные.

Может превращаться в связку и глагол suru する — делать. Будучи переходным, он, как самостоятельный, управляет двумя падежами — винительным и дательным, причем поскольку «делать» по своему вещественному значению говорит о процессе, о развивающемся действии, постольку этот дательный будет иметь тот же оттенок, как и при глаголе naru, т. е. быть дательным результата. Таким образом, фраза: isha-wa gakusei-wo shosei-ni suru 醫者は學生を書生にする — доктора делают студентов (медиков) своими помощниками — состоит из четырех элементов: подлежащего (доктора́), сказуемого (делают), прямого дополнения (студентов) и косвенного дополнения (помощниками). Если же глагол suru является связкой, т. е. фраза будет иметь вид: isha-wa gakusei-wo shosei-to suru 醫者は學生を書生とする, она будет состоять из трех частей: подлежащего (доктора), составного сказуемого (делают помощниками) и прямого дополнения (студентов). В первом случае слово «делать» имеет полное значение, во втором — оно уступило основную роль предикативному члену. Центр тяжести в первой фразе на слове «делают», во второй — на слове «помощниками».

Примечание 1-е. Для более отчетливого выявления этих двух оттенков при переводе на русский язык бывает иногда удобно прибегать к замене обычного перевода глагола suru, а также соответствующего ему непереходного naru, когда они оба являются вспомогательными словами, русскими словами «делать» и «делаться», «становиться» — какими-либо другими словами, оставив эти «делать» и «становиться» для этих глаголов, как самостоятельных. Очень удобными в таких случаях являются русские глаголы «превращаться» — взамен «становиться», и «считать» — взамен «делать». «Дом превратился в пепел» — ближе к «дом — уже пепел», чем «дом стал пеплом»; «я считаю его виновником этого преступления» — ближе к мысли: «(для меня) он виновник этого преступления», чем «я делаю его виновником (ответственным) этого преступления (за это преступление)».

Примечание 2-е. Глагол suru имеет в японском языке очень широкое и разнообразное синтаксическое употребление, приводящее и к различному смыслу получаемых выражений:

1) глагол suru может сочетаться с существительным в винительном падеже; если это существительное по своему вещественному значению может служить непосредственным объектом глагола «делать», получается обычное сочетание глагола с прямым дополнением: shigoto-wo suru 仕事をする — делать работу; если это существительное является обозначением должности, профессии, рода занятий и т. п., получается по сути дела производный глагол, образованный от данного существительного: sensei-wo suru 先生をする состоять учителем, учительствовать;

2) глагол suru может сочетаться с существительным в соединительном падеже; при этом образуется либо сочетание глагола с косвенным дополнением, либо составное сказуемое: kare-wo jibun-no chichi-to suru 彼を自分の父とする — почитать его за отца; kare-wa sensei-to shiteiru 彼は先生としてゐる — он является учителем;

3) глагол suru может сочетаться с существительным в дательном падеже; в этом случае получается сочетание глагола и косвенного дополнения со значением — в зависимости от конкретного значения существительного — либо «делать чем» («обращать во что»), либо «останавливаться на чем» («ре-

шать на чем»): kare-wo shihainin-ni suru 彼を支配人にする — делать его управляющим; kore-ni suru これにする — остановиться на этом;

4) глагол suru в сочетании с существительным в именительном падеже может создавать сложное выражение, имеющее смысл глагола, образованного от данного существительного: ki-ga suru 氣がする — «казаться», oto-ga suru 音がする — «раздаваться» (о звуке);

5) глагол suru в сочетании с существительными в бессуфиксальной форме образует новый глагол, произведенный от этого существительного: benkyō-suru 勉強する — «заниматься»;

6) глагол suru в сочетании с прилагательными склоняемыми (японскими и китайскими), стоящими в дательном падеже, образует глагольное понятие, идущее от этого прилагательного: taisetsu-ni suru 大切にする — «дорожить», «беречь», «любить».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

§ 94. Все до сих пор рассмотренные словосочетания касались либо случаев согласования существительного, как подлежащего, с глаголом, как его сказуемым,— будь это последнее простым, т. е. глаголом или прилагательным, или же составным, т. е. существительным или прилагательным со связкой; либо случаев управления со стороны глагола подчиненными ему существительными — дополнениями к нему; либо же случаев управления со стороны прилагательного или даже существительного поставленными с ним в связь существительными-дополнениями. Короче говоря, до сих пор были разобраны предложения, состоящие из трех элементов: подлежащего, сказуемого и дополнения.

Однако, предложение, оставаясь простым по своей структуре, может включать в свой состав и другие элементы — определения и обстоятельства. Первые, находясь при существительных, входящих в предложения, восполняют их смысл; вторые делают то же при глаголах и прилагательных. В дальнейшем мы и переходим к разбору этих словосочетаний.

I. ОПРЕДЕЛЕНИЯ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

1. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СПРЯГАЕМЫЕ — КАК ОПРЕДЕЛЕНИЯ

§ 95. Определения могут выражаться прежде всего качественными словами, т. е. прилагательными. Первым типом прилагательного является прилагательное с окончанием на i, т. е. спрягаемое. В этом случае соединение такого определения со своим определяемым, т. е. прилагательного с существительным, происходит в японском языке по законам согласования, а именно: прилагательное должно принять специальную определительную (аттрибутивную) форму и стать перед существительным. Иными словами, и в данном случае действуют оба основных правила японских словосочетаний: правило формы слова и правило порядка слов.

Определительная форма такого прилагательного в современном языке тождественна предикативной-заключительной, т. е. так же,

как и последняя, оканчивается на i: takai 高い — «высок» и в то же время «высокий», shiroi 白い — (бумага) бела и белая (бумага). В старом языке эти две формы отличались: определительная оканчивалась на ki — shiroki kami 白き紙 — белая бумага, заключительная на shi — kami-wa shiroshi 紙は白し — бумага бела. Таким образом, в настоящее время японский язык ликвидировал формальное различение аттрибутивной и предикативной функций прилагательного в предложении, т. е. сделал то же, что и современный русский язык, почти ликвидировавший так называемые прилагательные с кратким окончанием. Например:

Aoi ha 青い葉 — зеленый лист (сравни ha-ga aoi 葉が青い — лист зеленый)
Furui kutsu 古い靴 — старый сапог (сравни kutsu-ga furui 靴が古い — сапог старый)
Samui-kaze 寒い風 — холодный ветер (сравни kaze-ga samui 風が寒い — ветер холодный)
Nagai yoru 長い夜 — долгая ночь (сравни yoru-wa nagai 夜は長い — ночь долга)
Utsukushii hana 美しい花 — красивый цветок (сравни hanaga utsukushii 花が美しい — цветок красив)
Atarashii kimono 新しい着物 — новое платье (сравни kimono-ga atarashii 着物が新しい — платье ново).

2. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СКЛОНЯЕМЫЕ — КАК ОПРЕДЕЛЕНИЯ

§ 96. Определения могут выражаться также понятиями, близкими к прилагательным по своему вещественному значению и применению в предложении и близкими к существительным своею способностью образовывать падежи. Это, во-первых, так называемые склоняемые прилагательные на ka, как, например, shizuka 静か, odayaka 穏か и др.; во-вторых — слова китайского происхождения, обозначающие качественные понятия, т. е. являющиеся прилагательными по смыслу, как, например, rippa 立派, shinsetsu 親切; в-третьих — описанные выше производные прилагательные на sō, т. е. слова типа ureshisō 嬉しさう, omoshirosō 面白さう; в-четвертых — особые прилагательные, существующие наряду с обычными, т. е. оканчивающимися на i, — например: ōki 大き — большой (ср. ōkii 大きい), chiisa 小さ — маленький (ср. chiisai 小さい), okashi おかし — смешной (ср. okashii おかしい); в-пятых — особые прилагательные, полученные от глаголов во 2-й основе через изменение окончания на n, как, например: sakan 盛ん — цветущий (от sakaru 盛る — sakari 盛り — цвести).

Во всех этих случаях к этим словам, выступающим как определение, присоединяется особый аттрибутивный суффикс na. Так, например:

а) odayaka-na umi 穏かな海 — спокойное море, shizuka-na heya 静な部屋 — тихая комната;

б) shinsetsu-na hito 親切な人 — любезный человек, rippa-na ie 立派な家 — великолепный дом;

в) ureshisō-na kao 嬉しさうな顔 — радостное лицо, haresō-na tenki 晴れさうな天氣 — улучшающаяся погода, taisetsusō-na mono 大切さうなもの — важная (на вид) вещь;

г) ōki-na heya 大きな部屋 — большая комната, chiisa-na hito 小さな人 — маленький человек;

д) sakan-na undō 盛んな運動 — сильнейшее движение.

Примечание. Суффикс na восходит к глаголу. Это—современная определительная форма глагола nari в значении — «являться», «быть» (чем-нибудь), т. е. глагола-связки в письменном языке. Поэтому словосочетание rippa-na ie 立派な家 является по существу сочетанием определяемого (ie) с глагольным определением. Таким образом, точный перевод rippa-na ie был бы: дом, являющийся великолепным; odayaka-na umi—море, являющееся спокойным. Переводить так, однако, было бы ошибочным, так как в русском нет особой категории таких прилагательных: для нас слово «великолепный»— такое же прилагательное, как и «белый». Для перевода же нужно брать то, что соответствует содержанию данного языкового явления, а не его форме. Кстати сказать, и в современном языке, в публицистическом стиле встречается полное naru, вместо сокращенного na, — например: sakan naru kangei 盛なる歡迎 — блестящий прием.

3. ОПРЕДЕЛЕНИЯ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ НА TEKI

§ 97. Некоторые особенности представляют собой только те производные китайские прилагательные на teki, о которых шла речь выше, при изложении составного сказуемого. Эти прилагательные могут, служа определением, ставиться перед своим определяемым и с na, т. е. по общему правилу всех склоняемых прилагательных, и без na, т. е. без всяких суффиксов, непосредственно примыкая к определяемому слову. Например: seijiteki-na kōka 政治的な效果 — политический результат, chimeiteki-na gobyō 致命的な誤謬 — роковая ошибка, kihonteki-na kankei 基本的な關係 — основное соотношение, komponteki-na senjutsu 根本的な戰術 — основная тактика и т. д. С другой стороны, мы имеем seijiteki tōsō 政治的鬪爭 — политическая борьба, kakumeiteki tōsō 革命的鬪爭 — революционная борьба, kagakuteki shimpo 科學的進步 — научный прогресс, kaikyūteki rigai 階級的利害 — классовые интересы, sekaiteki kyōkō 世界的恐慌 — мировой кризис, kairyōshugiteki rōdōkumiai 改良主義的勞働組合 — реформистские профсоюзы, teikokushugiteki ryakudatsu 帝國主義的掠奪 — империалистический захват.

Когда нужно ставить с суффиксом na, и когда без него? Ответить на этот вопрос довольно трудно, так как современная практика допускает во многих случаях те же самые

сочетания в обоих вариантах. Единственное, что можно отметить, что соединение определения с определяемым без определительного суффикса дает словосочетание близкое к единому, хотя и сложному выражению, в то время как соединение посредством суффикса дает словосочетания с ясно выраженными двумя самостоятельными элементами. Так, например, сочетания benshōhōteki yuibutsuron 辯證法的唯物論 — диалектический материализм, dokusenteki shihonshugi 獨占的資本主義 — монополистический капитализм — для японского сознания представляют собою единые сложные слова, а не сочетания отдельных слов. Однако, когда внутреннее соотношение двух понятий нужно выявить, т. е. подчеркнуть, что одно здесь — главное, а другое — только определение к нему, тогда это определение принимает суффикс na な.

Примечание. В настоящее время можно встретить вместо суффикса na его исходную форму — вспомогательный глагол старого языка nari — быть, в его определительной основе — naru. Так, например, наряду с handōteki-na dantai — реакционная организация, можно встретить handōteki naru dantai 反動的なる團體. С другой стороны, попадаются случаи и постановки вместо суффикса na суффикса no. Например: dentōteki-no tōshū 傳統的の踏襲 — традиционные обычаи, chimeiteki-no kōsoku 致命的の拘束 — фатальная связанность.

Так обстоит дело в тех случаях, когда определение на teki стоит перед китайским существительным. То же повторяется и тогда, когда оно стоит перед существительным японским. В таком случае возможно, повидимому, и na, как, например: sayokuteki-na kumiai 左翼的な組合 — левые профсоюзы; возможно и одно teki, как, например: handōteki torishimari 反動的取締 — реакционное руководство.

Необходимо отметить, что образования на teki 的 допустимы не только от китайских слов, но и от заимствованных европейских; в последнее время это встречается все чаще и чаще. В одной только статье современного публицистического журнала можно найти:

Marukushizumuteki マルクシズム的 — марксистский
Proretariateki プロレタリア的 — пролетарский
Rearizumuteki レアリズム的 — реалистический
Ideorogīteki イデオロギー的 — идеологический
Demagogīteki デマゴギー的 — демагогический
Infurēshonteki インフレーション的 — инфляционный
Boikottoteki ボイコット的 — бойкотистский
Kabareteki カバレ的 — кабаретный.

Свобода в этом направлении, повидимому, почти не ограниченная, по крайней мере сейчас, когда этот процесс еще не вошел в рамки. Иногда даже трудно бывает подыскать соответствующее прилагательное для перевода на русский, поскольку в русском языке не от всяких иностранных слов возможны подобные образования. Так, например, если еще можно с некоторым затруд-

нением jazzuteki ジャズ的 перевести «джазовый» (как, например, в словосочетании jazzuteki-na yume ジャズ的な夢 — джазовые грезы, джаз-сон), то как перевести urutorateki ウルトラ的, качественное прилагательное от «ультра», например, в сочетании urutorateki henkō ウルトラ的變更 — ультраизменения?

Образования на teki возможны и от японских слов. Например: o-hanashiteki engeki お話的演劇 — пьеса в стиле o-hanashi (рассказа, как особого эстрадного жанра); dorobōteki shudan 泥棒的手段 — разбойничьи приемы.

Как видно хотя бы из этих примеров, сочетания прилагательных на teki, произведенные от европейских и японских слов, следуют тем же правилам, что и произведенные от китайских.

II. ОПРЕДЕЛЕНИЯ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

1. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ КАК ОПРЕДЕЛЕНИЯ К ДРУГОМУ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМУ

§ 98. Определения могут выражаться и предметными словами, т. е. существительными. В этом случае соединение такого определения-существительного со своим определяемым-существительным происходит по законам управления, т. е. первое подчиняется второму. Это значит, что оно ставится в определенном падеже и в определенном месте. Падеж этот — родительный (или аттрибутивный), место — перед определяемым.

Родительный (аттрибутивный) падеж существительного образуется через прибавление к этому существительному, взятому в бессуффиксальной форме, суффикса no. Таким образом, словосочетания «дом отца», где слово «отец» (chichi 父) есть определение к слову «дом» (ie 家), по-японски будет иметь вид: chichi-no ie 父の家; цветы (hana 花) сливы (ume 梅) — ume-no hana 梅の花; воды (mizu 水) моря (umi 海) — umi-no mizu 海の水; верх (ue 上) стола (tēburu テーブル) — tēburu-no ue テーブルの上; начало (hajime 初め) осени (aki 秋) — aki-no hajime 秋の初め.

С точки зрения смысла получаемых словосочетаний определение может обозначать следующее:

1) принадлежность — на вопрос «чей» как в смысле «принадлежащий кому», так и в смысле «исходящий от кого»: chichi-no zaisan 父の財產 — отцовское имущество, Tsurayuki-no uta 貫之の歌 — стихотворение Цураюки;

2) местонахождение — как в смысле географического местоположения, так и в смысле местопребывания или наличия какого-нибудь действия в данном месте; в первом случае это определение по смыслу равно дательному места с глаголом aru, во втором — тому же дательному с oite, — например: Tōkyō-no Sumidagawa 東京の隅田川 — (река) Сумидагава в Токио, Hōten-no tatakai 奉天の戰 — сражение при Мукдене;

3) материал, из которого сделан предмет: kin-no tokei 金の時計 — часы из золота;

4) отношение — на вопрос: «относящийся к чему», «касающийся чего», «какой». Например: daisū-no shiken 代數の試驗 — экзамен по алгебре, zutsū-no kusuri 頭痛の藥 — средство (лекарство) от головной боли; ie-no iriguchi 家の入口 — вход в дом;

5) родовое понятие — по отношению к видовому или понятие общего — по отношению к понятию части: Taira-no Kiyomori 平の淸盛 — Киёмори из (рода) Тайра, shomotsu-no sansatsume 書物の三册目 — третий том книги. Определение может играть также роль приложения: Fuji-no yama 富士の山 — гора Фудзи, tsuyu-no inochi 露の命 — жизнь — росинка.

Примечание. Сочетание определения-существительного с определяемым-существительным может производиться и посредством падежа на ga. Дело в том, что, как уже было упомянуто, суффикс ga в современном языке является суффиксом именительного падежа; в старом языке именительным падежом был бессуфиксальный, падеж на ga именно и был в первую очередь аттрибутивным. Теперь он это значение в основе утратил, но все же оно иногда всплывает. Это бывает главным образом в следующих случаях:

а) в собственных именах — главным образом в названиях местностей, составленных из определяемого — нарицательного существительного (shima — остров, saki — мыс и т. п.) и определения-существительного, в данном случае играющего роль имени собственного, когда и определение и определяемое сливаются в одно слово. Dōgashima 堂ヶ島, Chigasaki 茅ヶ崎;

б) в несколько архаизированных выражениях; таковы, например, все сочетания с древним местоимением wa — я: waga kuni 吾國 — наша родина; ono — сам: onoga mono — своя вещь; ta — кто: taga shiwaza — чье (чьих рук) дело? Однако, это же встречается и в таких чисто разговорных сочетаниях, как wagamama 我が儘 — моя (своя) воля (произвол, своеволие); waga shin'yū 吾が親友 — мой друг; иногда при числительных: mitsu-ga ichi 三つが一 — один из трех;

в) в сочетаниях со словами yō, tame, yue, naka, ue, shita, mae, hodo и т. д., т. е. с такими существительными, которые иногда несут функции, по смыслу сходные с функциями предлогов, — например: kore-ga yō-ni これが樣に — «наподобие этого», kore-ga tame-ni これが爲に — «ради этого» (из-за этого), kore-ga yue-ni これが故に — «по причине этого»;

г) в собственных именах — названиях местностей, где собственное имя (географическое название) служит приложением к последующему существительному, являющемуся общим, родовым обозначением данного рода предметов; Asama-ga take 淺間が嶽 — гора Асама, Sado-ga shima 佐渡が島 — остров Садо;

д) в сочетаниях двух числительных, когда определяемое понятие по смыслу как бы противопоставляется определению: man-ga ichi 萬が一 — один на 10 000, метафорически — «если паче чаяния», tō-ga hitotsu 十が一つ — один на десять;

е) в сочетаниях, где отношение определения к определяемому является отношением частного к общему: kyō-ga hi-made shirazu-ni ita 今日が日まで知らずにゐた — до сегодняшнего дня пребывал в неведении.

Число таких сочетаний очень ограничено, так что родительный падеж на ga, строго говоря, в современном языке встречается лишь в некоторых установленных словосочетаниях.

В роли определения могут выступать все три основные разновидности существительного: собственно-существительное, местоимение и числительное. В этих случаях при передаче на

русский язык могут получаться различные словосочетания, по форме не соответствующие японским:

а) стоящее в качестве определения собственно-существительное может передаваться на русском языке и родительным падежом, как во всех приведенных примерах, и прилагательным. Так, например, chichi-no ie 父の家 может быть переведено «дом отца» и «отцовский дом», umi-no mizu 海の水 — «воды моря» и «морская вода», sakura-no hana 櫻の花 — «цветы вишни» и «вишневые цветы»;

б) когда определением является местоимение, по-русски возможны либо соответствующие прилагательные (притяжательные местоимения), либо родительный падеж того же местоимения. Например: watakushi-no hon 私の本 — моя книга, anohito-no hon あの人の本 — его книга;

в) если определением является числительное количественное, по-русски дается такое же с родительным падежом исчисляемого предмета. Иначе говоря, картина получается обратная: по-русски в словосочетании «два стула» главное — в числительном «два», которое и управляет родительным падежом соединяемого с этим числительным слова «стул», по-японски же в таком сочетании главное — в слове «стул», слово же «два», как его определяющее в количественном отношении, ему подчинено и стоит поэтому в аттрибутивном падеже. Таким образом, по-японски это словосочетание будет иметь вид: futatsu-no isu 二つの椅子. Если определением служит числительное порядковое (являющееся по-японски склоняемым прилагательным), по-русски налицо такое числительное порядковое, рассматриваемое как прилагательное: daiichi-no maki 第一の卷 — первый том.

Аттрибутивный падеж имени существительного на no в современной живой практике может сливаться с последующим словом, т. е. с определяемым существительным. В этом случае no сокращается в n. Это явление замечается обычно в тех случаях, когда определяемое существительное само начинается со звука n. Так, например, это почти всегда бывает со словом naka 中 — середина: heya-n naka 部屋ん中 — внутренность комнаты, kōjō-n naka 工場ん中 — внутренность завода (на заводе), uchi-n naka 家ん中 — в доме (ср. также ставшее одним словом mannaka 眞ん中 — самая середина). Однако, это n встречается и в других случаях, например перед t: son-toki そん時 — то время, kaji-n toki 火事ん時 — во время пожара, koko-n toko こゝんとこ — это место, здесь [ср. ставшие самостоятельными словами akanbō (akambō) 赤ん坊, tachinbō (tachimbō) 立ん坊].

§ 99. Среди различных случаев сочетаний определения-существительного с определяемым-существительным необходимо отметить сочетания с такими существительными, вещественное значение которых либо имеет формальный характер, либо может

таковой иметь, в связи с чем они и могут давать словосочетания, близкие по смыслу к сочетаниям существительных с предлогами. Это будут существительные типа mae 前 — то, что впереди (до чего-нибудь), ushiro 後 — то, что позади, nochi 後 — то, что потом, saki 先 — то, что впереди, yoko 横 — то, что рядом, soba 側 — то, что сбоку, около, aida 間 — то, что между, промежуток и т. д.; иначе говоря, слова, обозначающие расположение предмета как в смысле места, так (некоторые из них, например saki 先) и в смысле времени. Это будут, далее, слова типа yō 様 (образ, способ), tame 爲 (польза), tōri 通り (прохождение, следование), которые могут терять свое самостоятельное значение и превращаться во вспомогательные слова, с точки зрения синтаксической — в род предлогов: как (yō), для, ради, за (tame), согласно, по (tōri). Например: gakkō-no mae-ni 學校の前に — перед институтом, watakushi-no ushiro-ni 私の後に — позади меня (за мной), heya-no naka-ni 部屋の中に — в комнате, sakka-no uchi-de 作家の內で — среди писателей, ichinen-no nochi-ni 一年の後に — по прошествии года (через год), ike-no soba-ni 池の側に — около пруда, ki-no aida-ni 樹の間に — между деревьями, tsukue-no ue-ni 机の上に — на столике, tsukue-no shita-ni 机の下に — под столиком, mado-no soto-ni 窓の外に — за окном, kono gen'in-no hoka-ni この原因の外に — кроме (помимо) этой причины; anohito-no yō-na gakusha あの人の様な學者 — (такой) ученый, как он; kichigai-no yō-ni hashiru 氣違ひの様に走る — бегает, как сумасшедший; mukashi-no yō-ni 昔の様に — как в старину; sokoku-no tame-ni shinu 祖國の爲に死ぬ — умереть за родину; kodomo-no tame-ni hon-wo kau 子供の爲に本を買ふ — покупать для детей книги; keikaku-no tōri 計劃の通り — согласно плана.

Указанный смысл перечисленные и им подобные слова получают тогда, когда они стоят в дательном падеже (места и времени) и творительном (места). Тот же смысл может получиться и тогда, когда эти слова стоят в родительном падеже, т. е. когда они вместе со своим определением сами служат определением к другому существительному. Когда же они стоят в других падежах, например — в именительном, они могут выступать как полноценные существительные: heya-no naka-ni 部屋の中に — «в комнате», но heya-no naka-ga 部屋の中が — «внутренность комнаты».

2. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ КАК ОПРЕДЕЛЕНИЯ К ПРИЛАГАТЕЛЬНОМУ И ГЛАГОЛУ

§ 100. Существительное в родительном падеже может служить определением не только к существительному же, как в приведенных случаях, но и к прилагательному и глаголу. Это возможно, однако, только в одном синтаксическом случае: когда определяемое прилагательное или глагол сами определяют

последующее существительное, т. е. служат не сказуемым, а определением. В таком случае определение-существительное в родительном падеже и определяемое им прилагательное или глагол образуют, вместе взятые, единое сложное, составленное из двух элементов определение к последующему слову, — например: sei-no takai hito 背の高い人 — человек высокого роста; ki-no mijikai hito 氣の短い人 — человек вспыльчивого нрава; kaze-no fuku hi 風の吹く日 — день с ветром; ame-no furan kisetsu 雨の降らん期節 — сезон без дождей.

Примечание. Прилагательное или глагол, при котором стоит определение-существительное, как сказано, должно само служить определением к последующему слову. Это правило распространяется и на те случаи, когда фактически этого последующего существительного нет: это значит только, что оно подразумевается. Это бывает обычно в тех случаях, когда это пропущенное существительное по своему вещественному значению имеет формальный характер и может выступать как «тайгэнизатор» ёгэнов, т. е. превращать глаголы или прилагательные в тайгэн, в существительное. Такими словами могут быть: mono もの — «вещь», «предмет», koto 事 — «дело», tokoro 所 — «место». Получающийся субстантивный характер глагола обнаруживается при переводе: uguisu-no naku (no)-wa ii mono-da 鶯のなく(の)はいゝものだ — пенье соловья — хорошая вещь.

Глагол или прилагательное, при котором стоит определение-существительное в родительном падеже, может быть и обстоятельственным словом, например деепричастием, т. е. определять собою не существительное, а глагол. Общее правило при этом сохраняется, так как это деепричастие вместе с последующим глаголом образует единое целое, определяющее последующее существительное. Например: uguisu-no kite naku ume-no ki 鶯の來て鳴く梅の樹 — сливовое дерево, на котором, прилетев, поет соловей.

3. ОПРЕДЕЛЕНИЕ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ СЛОВО

§ 101. Наблюдается еще один случай употребления в предложении существительного в родительном падеже. Он заключается в том, что такое существительное стоит одно, без последующего определяемого, как некое самостоятельное слово, служащее подлежащим, дополнением или сказуемым (как предикативный член составного сказуемого). Это имеет место тогда, когда родительный падеж существительного образует определение притяжательного типа, вроде watakushi 私 — «я», watakushi-no 私の — «мой» (свой), chichi 父 — «отец», chichi-no 父の — «отцовский», dare 誰 — «кто», dare-no 誰の — «чей», hito 人 — «человек» (посторонний человек), hito-no 人の — «чужой» и т. п. Получающиеся слова становятся предметными понятиями, т. е. включают в свой состав подразумеваемое понятие «предмет», «вещь». Например: anata-no fude mo, watakushi-no mo koko-ni arimas あなたの筆も私のもこゝにあります — и ваша кисть и

моя находятся здесь; watakushi-no kara dashimas 私のから出します — я дам из своих; kono shina-wa hito-no des この品は人のです — эти вещи — чужие; watakushi-no dake torimas 私のだけ取ります — я возьму только свои (вещи).

III. ОПРЕДЕЛЕНИЯ-ГЛАГОЛЫ

§ 102. В качестве определения могут выступать и глаголы. Это будет случай, соответствующий русским словосочетаниям из существительного-определяемого с глагольным причастием-определением. В японском языке глагол, чтобы стать определением, должен принять, подобно прилагательному, особую форму, которую можно назвать определительной (атрибутивной). При этом так же, как и у прилагательных, эта определительная форма глагола в современном языке одинакова с предикативной-заключительной: aruku 歩く — одинаково будет фигурировать и как сказуемое в главном предложении, — например: hito-ga michi-wo aruku 人が道を歩く — человек идет по дороге, и как определение: michi-wo aruku hito 道を歩く人 — идущий по дороге человек. В старом языке эти формы совпадали только в глаголах 1-го спряжения. В прочих они различались: во 2-м спряжении заключительная otsu 落つ, определительная otsuru 落つる (теперь обе — ochiru 落る); заключительная uku 受く, определительная ukuru 受くる (теперь обе — ukeru 受ける). Определением может служить и форма прошедшего времени глагола, по-русски могущая соответствовать причастию прошедшего времени: haitta hito はいつた人 — вошедший человек, moratta kane 貰つた金 — полученные деньги. Иногда эта форма прошедшего времени является совершенно застывшей, превратившейся в особого рода качественное слово, т. е. в род прилагательного. Так, например, toshiyotta 年寄つた является формой прошедшего времени от глагола toshiyoru 年寄る — стариться, стареть и, конечно, может употребляться в таком значении «состарился»; однако, она же выступает часто и как прилагательное «старый»; так что toshiyotta hito 年寄つた人 будет означать не «состарившийся человек», а просто «старый человек». Или еще пример: hiraketa 開けた представляет собою прошедшее время от hirakeru 開ける — быть открытым, в переносном смысле — просвещенным; оно может в этом смысле и употребляться; и одновременно с этим слово hiraketa 開けた может выступать в роли прилагательного «просвещенный»: hiraketa hito 開けた人 — человек просвещенный.

§ 103. Аналогичные случаи представляют собою образования с прошедшим временем глагола suru する — делать: shita. Этот глагол, как было сказано выше, обычно применяется в японском языке для превращения какого-нибудь неглагольного слова (особенно китайского) в глагол, как, например: benkyō 勉強 — занятия, benkyō-suru 勉強する — заниматься. Это shita

した нередко прямо служит признаком особого рода прилагательных, как, например, taishita たいした — чрезвычайный, важный, серьезный, taishita koto たいした事 — дело серьезное.

IV. ОПРЕДЕЛЕНИЯ-НАРЕЧИЯ

§ 104. Определениями могут быть и наречия. Служа определениями при существительном, они рассматриваются как обычные существительные и требуют поэтому такого же суффикса no, как и те. Например: katsute 曾て — некогда, когда-то; katsute-no onna-dōshi 曾ての女同志 — бывшие когда-то приятельницами; katsute-no daihyō 曾ての代表 — когда-то бывший делегат; shibaraku 暫く — некоторое время; shibaraku-no aida 暫くの間 — в течение некоторого времени; masaka まさか — невозможно, masaka-no toki まさかの時 — критический момент; chotto — 寸 — чуть-чуть; chotto-no henka — 寸の變化 — маленькое изменение; mata 又 — опять, mata-no oide 又のおいで — вторичный приход. Если при этом такое наречие имеет при себе суффикс ni に, этот суффикс отпадает. Например: yatarani やたらに — без разбора, как попало; yatara-no michi-wo tōru-to iu wake-ni wa ikanai やたらの道を通るといふわけにはいかない — не годится итти неразборчивым путем (сравни также somosomo-no... 抑々の, moshimo-no... 若しもの и т. п.).

Очевидно, эти наречия воспринимаются иногда, как своего рода качественные понятия, иначе говоря, по форме — как склоняемые прилагательные. В этих случаях для того, чтобы стать определением при существительном, эти наречия принимают не no, а na. Например: kanari 可成 — достаточно, kanari-na dekigoto 可成な出來事 — серьезное происшествие.

V. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

1. НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ КАК ОПРЕДЕЛЕНИЯ

§ 105. Существует ряд слов, которые могут служить определениями при существительных, на тех же основаниях, что и все вышеперечисленные. Однако, эти слова отличаются тем свойством, что в иной роли, кроме как в роли определений при существительных, они не встречаются. Их в японском языке так немного, что они могут быть приведены полностью:

а) kono この — этот, sono その — тот, ano あの — тот, dono どの — который;

б) aru 或る — некий, некоторый, saru 然(さ)る — надлежащий, akuru 明くる — будущий, предстоящий, следующий, saru 去る — прошлый, минувший, kakaru かゝる — такой;

в) arayuru 凡ゆる — всякий, весь, iwayuru 所謂 — так называемый;

г) umino 生みの — родной, kudanno 件の — данный;

д) tonda とんだ — невероятный.

§ 106. Одна часть этих слов произошла от существительных-местоимений: ko こ, so そ, a あ, do ど — этот, тот, тот, который (как предметы) через присоединение к ним обычного определительного суффикса no の. Сейчас эти существительные-местоимения как предметные слова встречаются только в облике kore これ, sore それ, dore どれ. Другими словами, мы имеем такую картину:

основное существительное-местоимение: ko こ, so そ, a あ, do ど — этот, тот, тот, который (а также: он, кто);

от него существует правильно образованная аттрибутивная форма (родительный падеж): kono この, sono その, ano あの, dono どの — его, кого (чей);

эта форма постепенно превратилась в самостоятельное местоимение-прилагательное: этот, тот, тот, который (как определение предмета);

параллельно с этой адъективной формой образовалась и субстантивная форма — местоимения-существительные: kore これ, sore それ, are あれ, dore どれ — этот, тот, тот, который (он, кто), полученная посредством присоединения к первоначальным местоимениям-существительным суффикса re れ, имеющего субстантивное значение (сравни ware われ — от старинного wa わ — я, вышедшее сейчас из употребления nare なれ — от старого na な — ты, kare かれ — от ka か — он, tare たれ — сейчас dare — от старого ta た — кто).

Однако, и в современном языке еще полностью существует и первоначальное значение kono, sono, ano, dono, как родительного падежа от ko, so, a, do. Например:

Koko-ni hako-ga aru こゝに箱がある — здесь находится ящик; kono naka-ni hon-ga aru この中に本がある — в нем лежат книги (буквально — внутри его)

Seito-ga sotsugyō-shita 生徒が卒業した — ученик кончил курс; sono ani-mo sotsugyō-shita その兄も卒業した — его старший брат также кончил курс

Seinan-no eki-wa Meiji jūnen-de aru 西南の役は明治十年である — юго-западная кампания была в 10-м году Мэйдзи; ano toki Saigō Takamori-ga shinda あの時西郷隆盛が死んだ — во время ее умер Сайгō Такамори

Eikoku-kara mo, Beikoku-kara mo taishi-ga kita 英國からも，米國からも大使が來た — и из Англии, и из Америки прибыли послы; dono kuni-no taishi-mo jimbutsu-da どの國の大使も人物だ — послы и той и другой страны были известными людьми.

Иначе говоря, во всех тех случаях, когда kono, sono, ano, dono появляются в фразах, указывая на те предметы, о которых шла речь *до этого*, эти kono, sono, ano, dono могут рассматриваться как родительный падеж от ko, so, a, do и соответственно этому переводиться: «его», «ее», «их» и т. п., и

только в том случае, когда эти kono, sono, ano, dono даются независимо от предыдущего, без связи с каким-нибудь ранее упоминавшимся предметом, когда они обозначают исключительно местонахождение предмета или его отношение к лицу, — тогда они означают вообще «этот», «тот», «который» (ср. фразы: seito-ga sotsugyō-shita 生徒が卒業した — ученик кончил курс, и sono ani-mo sotsugyō-shita その兄も卒業した — его брат также кончил курс; с другой стороны, такую фразу: kono seito-wa Nakamura-san-no musuko-des この生徒は中村さんの息子です — этот ученик — сын г-на Накамура).

Происхождение слов kono, sono, ano, dono от существительных местоимений ko, so, a, do, родительным падежом которых они являются, а также наличие и в современном языке этих родительных падежей в их прямом значении обусловливают то, что в этих прилагательных kono, sono, ano, dono налицо один только указательный смысл: «этот», «тот предмет». Если же нужно обозначить качественную сторону предмета, эти слова допускают новые образования, получаемые от присоединения суффикса na な. Так образуются новые слова: konna こんな — такой, sonna そんな — такой, anna あんな — такой, donna どんな — какой. Получаются новые прилагательные такого же типа, как и склоняемые прилагательные, т. е. имеющие троякое употребление и соответственно этому две формы:

а) с суффиксом na, как определение перед существительным, т. е. как прилагательное: konna koto こんな事 — такое дело, sonna hito そんな人 — такой человек, anna mono あんなもの — такая вещь, donna hito どんな人 — какой человек;

б) с суффиксом ni, как обстоятельство при глаголе, т. е. как наречие: konnani yasuku こんなに安く — так дешево, annani hidoku あんなにひどく — так свирепо.

§ 107. Второй тип определительных слов — aru ある — некоторый, saru 然(さ)る — надлежащий, akuru 明くる — следующий, saru 去る — минувший, kakaru かゝる — такой — употребляется тоже только как определение при существительных: aru hito ある人 — некий человек (некто), saru tokoro さる所 — надлежащее место, saru tōka 去る十日 — прошлое 10-е число, akuruhi あくる日 — следующий день, kakaru hito かゝる人 — такой человек.

По своему происхождению эти слова также идут от других частей речи, а именно — от глаголов. Одни из них будут происходить от глаголов непосредственно: они представляют собой простую определительную форму глаголов: akuru от aku (современное akeru 明ける) — открываться, светлеть (об утре после ночи), saru — от saru 去る — уходить, проходить; другие представляют сложные образования: saru — от наречия sa さ — так, соединенного с глаголом aru ある — быть; kakaru — от наречия kaku かく — так и глагола aru — быть. Посколь-

ку во всех этих случаях фигурирует аттрибутивная глагольная форма, постольку ясно, что эти слова являются только получившими самостоятельное применение определительными основами глаголов.

§ 108. Третий тип неизменяемых недостаточных прилагательных — слова arayuru あらゆる — всякий, весь и iwayuru 所謂 — так называемый. В настоящее время они прилагательные, но по своему происхождению также восходят к глаголам: aru ある — быть, и iu いふ — говорить, называть. Пример их употребления: arayuru shudan-wo tsukushita あらゆる手段を盡した — исчерпал все средства, iwayuru ippan-no dokusha 所謂一般の讀者 — так называемый общий читатель. Еще примеры:

Hito-wa arayuru hon-wo yomu-koto-wa dekinai 人はあらゆる本を讀む事は出來ない — человек не может перечитать все книги

Kaisha-gawa-to-no kōshō-wa sarani zokkō-suru koto-ni natte-iru 會社側との交渉は更に續行することになつてゐる — переговоры (стачечного комитета) с Компанией продолжаются. Kōshō iinchū ...wa sudeni dasareta-n-da 交渉委員中…は旣に出されたんだ — из делегатов, выделенных для переговоров... (такие-то) уже выгнаны (уволены) — iwayuru kōshō-no tameni... 所謂交渉の爲に — из-за этих самых переговоров...

§ 109. Четвертый тип представлен словами umino 生みの — родной и kudanno 件の — данный. Например: umino haha 生みの母 — родная мать, kudanno hanashi 件の話 — данный разговор. По своему происхождению слово umino 生みの представляет собой родительный падеж от неупотребительного теперь отглагольного существительного umi 生み, образованного от глагола umu 生む — рождать. Сходного происхождения и слово kudanno: оно происходит от отглагольного существительного kudan 件, образованного от глагола kudaru 下る — спускаться.

§ 110. Пятый тип представлен только одним словом tonda とんだ — невероятный, ужасный: tonda sainan とんだ災難 — ужасное несчастье, tonda o-jama itashimashita とんだお邪魔致しました — я вам ужасно помешал (буквально: доставил вам ужасную помеху), tonda koto-wo itashimashita とんだ事を致しました — сделал ужасную вещь, tonda me-ni aimashita とんだ目に會ひました — столкнулся с ужасными обстоятельствами (= попал в беду).

§ 111. К числу особого рода прилагательных, выступающих как определения, можно отнести и еще одну категорию. Это слова типа bakageta 馬鹿げた, akachaketa 赤茶けた и т. п.

Образованы они от существительных: первое от baka 馬鹿 — дурак, второе от сложного слова akacha 赤茶 (aka от akai 赤

い — красный, cha — чай) — бурое, красноватое; к этим перво-основам добавлены суффиксы: ge в первом случае, ke — во втором. Суффиксы эти имеют значение видимости, говорят о видимой свойственности предмету данного признака. Конечный суффикс ta превращает все вместе взятое в тип прилагательного. Таким образом, слово bakageta получает смысл «глупый», «дурацкий», слово akachaketa — бурый; например: bakageta hanashi 馬鹿げた話 — дурацкий разговор, akachaketa iro 赤ちやけた色 — красноватый цвет. Суффикс ta восходит к старому вспомогательному глаголу tari たり, имеющему свойство, присоединяясь к существительным, превращать их в качественные понятия. Например: Kusunoki Masashige-wa chūshin tari 楠正成は忠臣たり — Кусуноки Масасигэ — верный вассал, — в том смысле, что качество «верный вассал» является отличительным свойством Масасигэ (сравни другой такой же вспомогательный глагол старого языка — nari なり, который только делает как бы знак равенства между двумя понятиями, не делая одно из них качественным признаком другого. Так, та же фраза с nari, т. е. Kusunoki Masashige-wa chūshin nari 楠正成は忠臣なり, не будет иметь того качественного оттенка, как tari. Она будет означать просто сближение двух понятий: Масасигэ — верный вассал). Это качественное tari, в определительной форме taru たる, и дало в конечном результате ta. Отсюда и качественный смысл слов bakageta, akachaketa и им подобных.

2. КИТАЙСКИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

§ 112. Китайский язык, перешедший в Японию, знает тип слов, подобных японским неизменяемым недостаточным прилагательным типа aru 或る — некоторый, saru さる — такой, kono この — этот и т. п. Эти слова также могут выступать только в одной функции — определения при китайском же существительном. Таковы, например, слова: gai 該 — означенный, gai mondai 該問題 — означенный вопрос; tō 當 — данный, настоящий, этот, наш, tō ginkō 當銀行 — этот (данный) банк; myō 明 — будущий, myō nijūgo nichi 明二十五日 — будущее 25-е число; saku 昨 — прошлый, saku mikka 昨三日 — прошлое 3-е число. Другие слова этого рода, как, например, ko 故 — покойный, прежний, kaku 各 — каждый, всякий, весь, имеют эту функцию рядом с другой: иногда они служат явными определениями при существительных, т. е. вполне отделимы от них, как, например: ko shimpu, 故親父 — покойный отец, kaku chūgakkō 各中學校 — все средние школы; иногда же они неотделимы от того слова, с которым соединяются, образуя вместе с ним одно понятие, как, например: kojin 故人 — покойный (о человеке), kakusho 各所 — повсюду, везде.

ГЛАГОЛЫ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ФУНКЦИЯХ ИМЕНИ

I. ФОРМЫ ГЛАГОЛА И ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО КАК ПОДЛЕЖАЩЕЕ И ДОПОЛНЕНИЕ

§ 113. Каждая из частей речи играет в предложении в первую очередь ту синтаксическую роль, которая ей свойственна по основной вещественной природе обозначаемого ею понятия. Так, например, существительное в первую очередь бывает подлежащим, дополнением, определением, а также, как будет видно из дальнейшего, и обстоятельственным словом. Прилагательное в первую очередь бывает сказуемым и определением, а также и обстоятельственным словом. В тех же синтаксических функциях выступает и глагол. Однако, синтаксическое употребление отдельных частей речи шире, чем это показано выше. Уже отмечалось, что существительное вместе со связкой служит в предложении сказуемым. Это обусловлено тем, что существительное является не только склоняемым словом, но отчасти и спрягаемым: формы его сочетания со связкой могут быть рассматриваемы как формы предикативного спряжения существительных. Существуют и некоторые другие формы спряжения существительных, как, например, условная форма на nara.

Со своей стороны глагол и прилагательное могут образовать в предложении те части, которые обычно образует существительное: они могут служить подлежащими и дополнениями. Это обусловлено тем, что глагол и прилагательное являются не только словами спрягаемыми, но и склоняемыми.

Склоняемые прилагательные уже были приведены выше: это прилагательные с окончанием на ka и все китайские. Их склонение является неполным, так как они имеют три падежа: дательный на ni, определительный на na, предикативный на de. Гораздо большее число падежей имеют спрягаемые прилагательные, т. е. оканчивающиеся на i. Точно так же и глаголы: они обладают почти полным склонением.

Главной склоняемой формой глагола и прилагательного является словарная форма (у глаголов — на u, у прилагательных — на i), т. е. форма, синтаксически являющаяся аттрибутивно-предикативной. От нее возможно образование почти всех падежей как прямых, так и косвенных, кроме, повидимому, падежа направления (для глаголов и прилагательных), а также и винительного (для прилагательных). Наличие же падежей делает возможным выступление этой формы в предложении не только в качестве определения или сказуемого, но и в других синтаксических функциях.

А. Аттрибутивно-предикативная форма как подлежащее:

1. В выделительном падеже:

Shimpai-saseru-wa warui 心配させるは悪い—причинять беспокойство — не хорошо

Karui-wa hane-de, omoi-wa ishi-da 軽いは羽根で，重いは石だ легкое — это перо, тяжелое — это камень.

2. В именительном падеже:

Makeru-ga kachi-da 負けるが勝だ — проиграть — значит выиграть

Nagai-ga ii 長いがいゝ — лучше — длинное.

Б. Аттрибутивно-предикативная форма как дополнение:

1. В винительном падеже:

Shujin-no kaeru-wo matte-iru 主人の歸るを待つてゐる ждут возвращения хозяина.

2. В дательном падеже:

Dekakeru-ni mō osoi 出掛けるにもうおそい — для отправления уже поздно

Atarashii-ni koshita koto-wa nai 新しいに越したことはない нет ничего лучшего, чем новое.

3. В исходном падеже:

Deru-kara kaeru-made sanjikan kakaru 出るから歸るまで三時間かゝる — от ухода до возвращения проходит три часа

Takai-kara ochite-kuru 高いから落ちて來る — падают с высоты.

4. В соединительном падеже:

Miru-to minai-to-wa ōini chigau 見ると見ないとは大いに違ふ — видеть и не видеть — большая разница.

5. В сравнительном падеже:

Uchi-ni iru-yori deteiku hō-ga ii 家に居るより出て行く方がいゝ — лучше уйти, чем сидеть дома

Ureshii-yori kanashii koto-ga ōi 嬉いより悲しい事が多い — больше печального, чем радостного.

В. Аттрибутивно-предикативная форма в составном сказуемом:

1. В предикативном падеже на de:

Shikarareru-de mo naku, homerareru-de mo nai 叱られるでもなく譽られるでもない — не то чтобы меня бранили, и не то чтобы меня хвалили

Nagai-de mo naku mijikai-de mo nai 長いでもなく短いでもない — не то чтобы длинное, и не то чтобы короткое.

2. В предикативном падеже на to:

Kite-iru-to mo mienai 來てゐるとも見えない — не кажется, чтобы он пришел

Kanashii-to mo mienai 悲しいとも見えない — не кажется, чтобы было печально.

Среди различных случаев сочетания глагола в третьей основе с падежными показателями необходимо выделить один, представляющий ту особенность, что глагол, стоящий с суффиксом ni, подчинен тому же самому глаголу, стоящему в отрицательной форме потенциального залога. Иначе говоря, мы имеем такую конструкцию: iu-ni iwaren いふにいはれん, naku-ni na-

karen 泣に泣かれん. Это соответствует русским выражениям: «словами не сказать», «слезами не выплакать». В подобных случаях глагол с суффиксом ni, повидимому, служит обстоятельственным словом к последующему глаголу.

Глагол в третьей основе с суффиксом ni, обычно с последующим wa, может подчиняться второму такому же глаголу, стоящему в форме настоящего или прошедшего времени. Иначе говоря, мы имеем такую конструкцию: iku-ni-wa iku-ga... 行くには行くが, yomu-ni-wa yonda-ga... 讀むには讀んだが. Это соответствует русским выражениям: «пойти-то я пойду»; «читать-то я читал...»

Такие же обороты возможны и при прилагательных: kurai-wa kurai-ga... 暗いは暗いが — «темно-то темно, но...»

§ 114. Кроме аттрибутивно-предикативной формы, подлежащим и дополнением могут служить и некоторые другие формы глагола. Например:

А. Формы, которые формально являются прилагательными: желательное наклонение на tai, отрицательная форма на nai:

Ikitai-wa yamayama-de aru 行きたいは山々である — желания итти у меня — целые горы

Ikanai-wa yokunai 行かないはよくない — не пойти — не хорошо.

Б. Форма прошедшего времени:

Kiita-wa machigai-de atta 聞いたは間違ひであつた — то, что я слушал, явилось ошибкой

Mita-ni tsuite shitta 見たについて知つた — я узнал об этом в связи с тем, что видел

Mita-yori kuwashiku shitte-iru 見たよりくはしく知つてゐる — знаю подробнее, чем если бы видел.

В. Форма будущего времени:

Эта форма может сочетаться с глаголом suru и принимает при этом суффикс to. Такое сочетание синтаксически может быть рассматриваемо как составное сказуемое, состоящее из глагола в предикативном падеже и глагола suru, играющего роль связки. Такое сочетание настолько устойчиво, что может быть определено как особый смысловой оборот, служащий для выражения намерения:

Ima-ni kaerō-to shimas 今に歸らうとします — предполагаю сейчас же отправиться домой.

Г. Подлежащим и дополнением в предложении может служить, конечно, и вторая основа глаголов, являющаяся одним из видов отглагольного существительного. Она может поэтому иметь полное склонение; например: negai-wo dasu 願を出す — подаю просьбу; todoke-ga nai — доставки нет; ate-ni suru あてにする — питаю надежду (на что).

Как уже отмечалось выше, вторая основа с показателем датель-

ного падежа, подчиненная глаголу, обозначающему движение, имеет обычно значение дательного цели и переводится на русский язык инфинитивом:

Mono-wo tori-ni iku 物を取りに行く — иду брать вещи
Shigoto-wo shi-ni kita 仕事をしに來た — пришел делать работу.

Необходимо отметить одно специфическое употребление 2-й основы: в соединении с суффиксом wa она может стоять при том же самом глаголе, стоящем в другой какой-нибудь форме, как, например: kui-wa kutta ga... 喰ひは喰つたが; ki-wa kita-ga suguni kaetta 來は來たがすぐに歸つた. Эти обороты по-русски имеют следующий смысл: «есть-то я ел, но...», «притти-то он пришел, но сразу же ушел».

Примечание. Как известно, вторая основа глагола в сочетании с глаголом suru образует новое глагольное выражение,—например: negau — просить, negai — просьба, negai-suru — просить. В этих случаях мы имеем иногда вариант, состоящий в том, что вторая основа имеет после себя суффикс wa,—например: kiki-wa suru. Это сочетание, повидимому, равносильно сочетанию kiki-wo suru, так как суффикс wa может заменять собою (вернее— вытеснять) суффикс wo.

Дополнение в исходном падеже, т. е. с падежным показателем kara, может образовать деепричастие на te. При этом, поскольку в данном случае речь идет о действии, исходный падеж — в связи со значением этого деепричастия как деепричастия совершенного вида — придает этому дополнению при переводе на русский язык характер обстоятельства времени на вопрос «с какого времени?», «после чего?». Например:

kaette-kara 歸つてから — со времени ухода, после ухода.

Подобно тому, что мы наблюдаем при глаголе, и у прилагательного дополнением может служить не только одна аттрибутивно-предикативная форма. В функции дополнения может выступать и обстоятельственная (наречная) форма прилагательного, причем это дополнение может выражаться разными падежами — направления, исходным, творительным и др.

Kimi-no chikaku-e utsuru 君の近くへうつる — переезжаю поблизости к тебе
Chikaku-de kiite-iru 近くで聞いてゐる — слушает здесь поблизости.

Прилагательное в этой основе может служить и определением, т. е. соединяться с суффиксом no; например: chikaku-no yama 近くの山 — горы поблизости.

Примечание. Как видно из приведенных примеров, глаголы и прилагательные в том случае, когда они служат подлежащими и дополнениями, приходится передавать по-русски либо отглагольными существительными, либо инфинитивами — в случае глагола, и прилагательным среднего рода — в случае прилагательных, т. е. прибегать к словам, имеющим смысл существительных: shujin-no kaeru-wo matte-iru — ждут возвращения хозяина; dekakeru-ni mō osoi — для отправления уже поздно; karui-wa hane-de, omoi-wa ishi-da — легкое — это перо, тяжелое — это камень.

II. ПРОСУБСТАНТИВНАЯ ФОРМА ГЛАГОЛОВ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ЕЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

§ 115. Глаголы и прилагательные могут склоняться непосредственно, т. е. принимая падежные показатели прямо на какую-нибудь из своих основ; они могут склоняться и в своей просубстантивной форме, которая образуется через прибавление к аттрибутивно-предикативной форме просубстантивного суффикса no. Склонение в этом случае следует по типу склонения существительных; следовательно, глагол и прилагательное в этой форме могут быть подлежащим, дополнением, определением и именной частью составного сказуемого.

А. Просубстантивная форма как подлежащее:

1) В выделительном падеже:
Nokoruno-wa mikan-kiri da 殘るのは蜜柑きりだ — что осталось — только одни мандарины
Nagaino-wa fuyō-de aru 長いのは不用である — длинные не годятся (не нужны).

2) В именительном падеже:
Sake-wo nomuno-ga kirai 酒を飲むのがきらい — не люблю пьющих
Akaino-ga ōi 赤いのが多い — красных больше.

Б. Просубстантивная форма как дополнение:

1) В винительном падеже:
Yomuno-wo yameru 讀むのを止める — перестаю читать
Nemuino-wo koraeru 眠いのを堪へる — преодолеваю сонливость.

2) В дательном падеже:
Sore-wo kiruno-ni naifu-ga iru それを切るのにナイフが要る— чтобы резать это, нужен нож
Samusa-no hageshiino-ni osorete-iru 寒さの嚴しいのに恐れてゐる — (он) страшится суровости холодов.

3) В творительном падеже:
Ichinichi tatte-iruno-de koshi-ga itaku-naru — 一日立つてゐるので腰が痛くなる — от стояния целый день болит спина
Utsukushiino-de kodomo-ga toritagaru 美しいので子供が取りたがる — дети хотят брать (это) из-за красоты.

4) В сравнительном падеже:
Karada-no yowaino-yori mashi-da 體の弱いのより増しだ — лучше, чем слабость телом.

5) В соединительном падеже:
Kaze-ga fukuno-to, michi-no nukaru no-to-de komatta 風が吹くのと道のぬかるのとでこまつた — мне было трудно и от порывов ветра и от размытости дороги.

В. Просубстантивная форма как определение (в родительном падеже):

Nagaino-no hō-ga ii 長いのゝ方がいゝ — длинные (предметы) лучше.

Г. Просубстантивная форма в составном сказуемом:

в предикативном падеже на de:

Kaeruno-de-wa nai 歸るのではない — нет, не возвращается
Mijikaino-de-wa-nai 短いのではない — нет, не короткий.

Примечание. Просубстантивную форму могут иметь все те формы глаголов, которые несут аттрибутивно-предикативную функцию, а также формы, равносильные прилагательному в той же аттрибутивно-предикативной функции; например: matte-iruno-wa tsurai 待つてゐるのは辛い — быть ожидающим — тяжело; ikitaino-wo gaman-shite-iru 行きたいのを我慢してゐる — он подавляет в себе желание итти.

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ДВОЙНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ

I. ОДНО СЛОВО В ПОЗИЦИИ ДВУХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 116. В японском языке существительное, стоящее в каком-нибудь падеже, т. е. имеющее падежный показатель, может сверх него принимать второй показатель, т. е. стоять как бы в двойном падеже. Это возможно, во-первых, в тех случаях, когда падежи, образуемые каждым из этих показателей, обозначают разнородные с синтаксической точки зрения члены предложения. Такими разнородными членами предложения являются 1) подлежащее логическое (выделительный падеж), 2) подлежащее грамматическое (именительный падеж), 3) дополнение (падежи: винительный, дательный, исходный, сравнительный, творительный, соединительный и направления) и 4) сказуемые (предикативные падежи). Благодаря этой разнородности, возможно сочетание в одной форме признаков: 1) дополнения и логического подлежащего, 2) дополнения и грамматического подлежащего, 3) дополнения и определения, 4) дополнения и сказуемого, 5) сказуемого и логического подлежащего.

А. Примером двойного падежа — дополнения и одновременно логического подлежащего — могут быть:

1) винительный-выделительный:

Cha-wo-ba nomu, sake-wo-ba noman 茶をば飲む，酒をば飲まん — чай пью, водку не пью;

2) дательный-выделительный:

Hito-ni-wa otoran 人には劣らん — другим не уступает;

3) направления-выделительный:

Minami-e-wa mukau 南へは向ふ — к югу обращаются;

4) исходный-выделительный:

Mon-kara-wa dasanai 門からは出さない — из ворот не выпускают;

5) сравнительный-выделительный:
Yuki-yori-wa shiroi 雪よりは白い — снега белее;
6) творительный выделительный:
Koko de-wa benkyō-ga dekinai こゝでは勉強が出來ない — здесь занятия невозможны;
7) соединительный-выделительный:
Asa-to ban-to-wa isogashii 朝と晩とは忙がしい — утром и вечером занят.

Примечание. Суффикс wa, соединяемый с суффиксом wo, обычно вытесняет его, так что винительный-выделительный передается обычно одним показателем wa; например: cha-wa nomu, sake-wa nonan. В том случае, если показатель винительного падежа не вытесняется суффиксом wa, он звучит ba, как в первом из вышеприведенных примеров.

Б. Примером падежа дополнения и одновременно грамматического подлежащего может служить исходный-именительный:

Kore-kara-ga daiji-na tokoro-da これからが大事なところだ — отсюда — важное место.

В. Примером падежей дополнения и одновременно определения могут служить:

1) соединительный-родительный:
Tomodachi-to-no kenka 友達との喧嘩 — ссора с товарищами;
2) исходный-родительный:
Nagasaki-kara-no tegami 長崎からの手紙 — письмо из Нагасаки;
3) направления-родительный:
Kodomo-e-no miyage 子供への土產 — подарок детям;
4) творительный-родительный:
Kōbe-de-no kanemochi 神戸での金持 — богачи в Кобэ.

Примечание. Необходимо учитывать, что при переводе на русский язык признак определения формально исчезает; он остается только как логический: «в Кобэ» отвечает на вопрос «какие богачи», а не на вопрос «где богачи», т. е. это слово подчинено не глаголу, а существительному.

Г. Примером падежей дополнения сказуемого могут служить:
1) винительный-предикативный:
Shomotsu-wo-to nozomu 書物をと望む — желают книг;
2) дательный-предикативный:
Migi-e-to hashiru 右へと走る — бегут вправо;
3) исходный-предикативный:
Goji-kara-to sadameru 五時からと定める — назначают с пяти часов.

Д. Примером падежа сказуемого, являющегося, с точки зрения логического акцента, главным словом предложения, могут служить:

1) творительный-предикативный с суффиксом wa:
Kore-wa machigai-de wa arimasen これは間違ひではありません — это не ошибка;

2) соединительный-предикативный с суффиксом wa:
Kore-wa honmono-to-wa mienai これは本物とは見えない — эта вещь не кажется настоящей.

II. ОДНОВРЕМЕННОЕ ПОДЧИНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМУ И ГЛАГОЛУ

§ 117. Двойные падежи возможны еще в другом случае: когда соединяемые падежные показатели образуют падежи, устанавливающие, так сказать, двойное подчинение данного слова двум разнородным частям речи — существительному и глаголу. Это бывает при описанном выше перекрестном соединительном падеже, т. е. когда два существительных взаимно подчинены друг другу, что обозначается суффиксом to, присоединяемым к каждому из них, как, например: Dairen-to Ryojun-to 大連と旅順と — Дайрен и Порт-Артур. Если эти взаимно подчиненные друг другу существительные ставятся в какое-то отношение к последующему глаголу, для обозначения именно этого отношения и оказывается нужным второй падежный показатель.

Примером двойных падежей этого типа могут служить:

1) соединительный-именительный:
Kuni-to kuni-to-ga arasou 國と國とが爭ふ — ссорятся страны друг с другом;
2) соединительный-винительный:
Fude-to kami-to-wo motsu 筆と紙とを持つ — имеют кисти и бумагу;
3) соединительный-дательный:
Fune-wa hiru-to yoru-to-ni deru 船は晝と夜とに出る — пароходы уходят днем и ночью;
4) соединительный-направления:
Kihei-ga minami-no hō-to kita-no hō-to-e kakete-iru 騎兵が南の方と北の方とへ驅けてゐる — кавалеристы скачут на юг и на север;
5) соединительный-исходный:
Dairen-to Ryojun-to-kara kuru 大連と旅順とから來る — приезжают из Дайрена и Порт-Артура;
6) соединительный-творительный:
Uchi-to soto-to-de ōkina koe-wo suru 內と外とで大きな聲をする — громкими голосами кричат в домах и на улице;
7) соединительный-сравнительный:
Pen-to empitsu-to-yori fude-no hō-ga ii ペンと鉛筆とより筆の方がいゝ — чем перо и карандаш, лучше кисть.

Возможен и обратный случай: когда два существительных подчинены в равной степени одному глаголу, но вместе с тем подчинены и друг другу. Возможен поэтому и такой падеж как, например, исходный-соединительный: migi-kara-to hidari-kara-to

ichidoki-ni kita 右からと左からと一時に來た — подошли одновременно справа и слева.

Примечание. Быть двойными членами предложения, т. е. стоять с двумя разными падежными показателями, могут и некоторые глагольные формы, например: kaette-kara-no tegami 歸つてからの手紙 — письмо (отправленное, полученное) после отъезда (возвращения).

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ СЛОВА

I. НАРЕЧИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ СЛОВА

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 118. Обстоятельства, играющие роль определений при глаголах и прилагательных, отличаются от определений при существительных тем, что в то время как последние определяют собою вещественную сторону имени существительного, его конкретное смысловое содержание, первые определяют не вещественную сторону как таковую, а ее применение, т. е. характеризуют, как применяется действие данного глагола или качество данного прилагательного. При этом такое «как» может иметь самое широкое значение: в одних случаях это будет «как» в смысле количественном (очень, крайне, едва), в других — в качественном (хорошо, быстро, весело). Именно такого рода характеристика и представляет собою наиболее непосредственное, прямое определение того, как применяется признак глагола или прилагательного. Однако, возможны и более отдаленные, косвенные определения, характеризующие внешние условия, обстоятельства, обстановку, не имеющие прямого отношения к содержанию определяемого понятия, а лишь примыкающие к нему по смыслу, сопутствующие ему. Таковыми обстоятельствами могут быть: временные (вчера, давно), указывающие на момент, в который действие происходит, местные (здесь, повсюду) и ряд других. Возможность такого разнообразия типов обстоятельственных слов обусловливает многообразие их и по форме. Кроме того, смысловое содержание этих обстоятельств делает возможным и образование их от самых разнообразных слов. Естественно, например, что слова количественные по своему вещественному содержанию — числительные — могут являться количественными обстоятельствами; что слова качественные по своей природе — прилагательные — становятся обстоятельствами качественного порядка; что слова, обозначающие понятие времени, т. е. существительные, делаются обстоятельствами времени; обозначающие место — обстоятельствами места и т. д. Поэтому в роли таких обстоятельств мы и находим целый ряд числительных, прилагательных и существительных, фигурирующих как в своей словарной форме, т. е. никак специально не приспособленных, так и в приспособленном, несколько измененном виде, т. е. с каким-нибудь формальным признаком того, что

это существительное, числительное или прилагательное в данном словосочетании играет роль обстоятельственного слова.

§ 119. Существует, однако, категория слов, которые играют роль обстоятельств при глаголах или прилагательных и в то же время не являются ни существительными, ни числительными, ни прилагательными, ни глаголами. Эта категория — наречия.

Примерами наречий в японском языке могут служить: hotondo 殆ど — почти, nao なほ — еще более, moppara 専ら — исключительно, mottomo 最も — очень, sukoshi 少し — немного, yohodo よほど — значительно, kanari 可なり — достаточно, yagate やがて—вскоре, katsute 嘗て —когда-то, hanahada 甚だ— чрезвычайно, mō もう — уже—yōyaku ようやく — наконец, mattaku 全く, marude 丸(全)で — совершенно, yahari 矢張り — также, tatta たつた — только и т. д.

Все они относятся к словам неизменяемым, т. е. не склоняются, как существительные, и не спрягаются, как глаголы и прилагательные. Они существуют всегда в одной и той же форме. Этим и обусловливается ограниченность их применения: они могут выступать в речи только в одной роли — в роли обстоятельства при глаголе и прилагательном (о случаях употребления их при существительных см. § 163). Исходя из аналогии синтаксической роли, все прочие обстоятельства можно назвать также наречиями, в отличие только от этих, являющихся наречиями в собственном смысле этого слова, — наречиями производными. При этом, если налицо собственно-наречие, никаких сомнений в том, что в данном случае мы имеем дело с обстоятельством, относящимся к глаголу или к прилагательному, — нет, это ясно из простой справки в словаре. Иначе обстоит дело в тех случаях, когда налицо наречия, производные от других частей речи: от существительных, прилагательных, числительных, глаголов. Внешний облик этих производных наречий может еще не давать точных указаний в том смысле, что в данном случае эти слова являются наречиями, т. е. играют роль обстоятельств. В таких случаях, для того чтобы сделать это ясным, японский язык прибегает к двоякому средству: характеризует данное слово, как обстоятельство (наречие), признаком формы и признаком синтаксического взаимоотношения этого слова с глаголом и прилагательным. Иначе говоря, помочь распознать производное наречие могут: грамматическая форма слова и его смысловое взаимоотношение с другими. В одних случаях главную роль играет первый признак, а в других — второй. Возможны, конечно, и простые случаи, т. е. когда для распознания наречия достаточно одного только признака.

2. ТИПЫ НАРЕЧИЙ

§ 120. Соответственно сказанному словосочетания с наречиями-обстоятельствами могут иметь следующий вид:

А. Собственно-наречия

Способ сочетания — простое примыкание к определяемому глаголу или прилагательному: byōki-wa hotondo naotta 病氣は殆ど治つた — болезнь почти прошла. Слово hotondo — почти — есть чистое наречие и поэтому ни в какой другой роли, иначе как в роли обстоятельства при глаголе или прилагательном оно выступать не может. Поэтому и достаточно поставить его без всяких изменений рядом с соответствующим глаголом или прилагательным

Б. Производные наречия

Простые случаи:

а) Для распознания наречия (обстоятельства) достаточно только одного синтаксического признака: boku-wa kyō ōsaka-e iku 僕は今日大阪へ行く — я сегодня еду в Осака. Слово kyō в японском языке является существительным и означает буквально: сегодняшний день; его форма kyō есть форма бессуффиксальная. В том случае, если это слово в таком именно облике входит в состав фразы, это значит, что оно стоит в бессуффиксальном падеже. Но, как было указано выше, этот падеж может заменять собою три падежа: именительный, винительный и направления. Следовательно, слово kyō может быть подлежащим и дополнением. Но наряду с этим это же kyō может в другой смысловой связи служить обстоятельством при глаголе, т. е. выполнять функции наречия. Это и узнается по смыслу фразы: boku-wa — подлежащее, Ōsaka-e — косвенное дополнение на вопрос «куда», iku — сказуемое; понятно, что kyō не будет ни подлежащим (оно есть), ни косвенным дополнением (оно также налицо), ни прямым дополнением (оно при данном глаголе не возможно); так что остается четвертая возможность — kyō как наречие-обстоятельство времени «сегодня».

б) Для распознания наречия (обстоятельства) достаточно одного только признака формы: boku-wa tomodachi-to futari-nagara hon-wo yonda 僕は友達と二人ながら本を讀んだ — мы с товарищем вдвоем читали книгу. Слово futari в японском языке — существительное: «двое», «оба». Следовательно, оно может стоять в разных падежах. Например, в именительном, как подлежащее: futari-wa hon-wo yomu 二人は本を讀む — оба они читают книгу. Однако, достаточно только прибавить к этому существительному суффикс nagara ながら, как становится совершенно ясным, независимо даже от смысловых отношений, что оно превратилось в наречие и является обстоятельством при глаголе: читали «как»? — вдвоем.

Смешанные случаи:

а) Для распознания наречия необходимо учесть и признак формы и признак смысловой, но с перевесом в сторону первого: kono keshiki-wa makoto-ni kirei des この景色は誠に綺麗です — этот вид поистине красив. Слово makoto — существительное, имеющее значение «истина». Таким образом, форма makoto-ni может рассматриваться как какой-нибудь из вариантов дательного падежа. В то же время эта форма может являться, как это будет объяснено ниже, и наречной. Так что в данном случае для распознания того, что здесь такое — существительное в дательном падеже или наречие, — приходится прибегать к комбинированному методу: сама форма на ni дает некоторое «подозрение на наречие», но твердо установить это возможно, только произведя смысловой анализ словосочетания.

Однако, в данном случае перевес будет, пожалуй, на первом признаке, т. е. признаке формы: найти фразу, в которой могло бы быть слово makoto 誠 в дательном падеже в его японском применении, не так легко. Впрочем, этот перевес будет, конечно, весьма условным и имеет значение только в том смысле, с чего легче и естественнее начать при анализе — с признака формы или смысла. Для отчетливого распознания необходимо прибегать к взаимной проверке одного признака другим.

б) Для распознания наречия необходимо учитывать оба признака, причем перевес падает на смысловой: kyō-wa hidoku samui 今日はひどく寒い — сегодняшний день ужасно холодный. Слово hidoku есть так называемая наречная основа прилагательного hidoi — ужасный. Эта основа может, однако, играть различную роль в предложении: она может быть и обстоятельством, как в данном примере, и сказуемым в первом из двух соединяемых предложений, как, например: kaze-ga hidoku, umi-ga arai 風がひどく海が荒い — ветер ужасный, и море бурное. В других случаях она может быть и первым сказуемым в слитном предложении: kanojo-wa wakaku utsukushii 彼女は若く美しい — она — молода и красива. Следовательно, одна только форма hidoku еще ничего определенного не говорит и для того, чтобы установить, с чем мы имеем дело — со сказуемым или обстоятельством, — нужно обратиться к смыслу. Конечно, и здесь со смыслового анализа только удобнее начинать: необходимо проверять смысл данного словосочетания и со стороны формы, в данном случае — порядка слов в предложении.

Примечание. Необходимо иметь в виду, что примыкание обстоятельств к определяемым словам может быть непосредственное, т. е. такое наречие стоит непосредственно перед словом, к которому оно относится, и косвенное, когда такое наречие отделено от этого слова другими. Примеры первого случая: kirei-ni dekita 綺麗に出来た — сделано красиво, ichiban yoku dekita 一番よく出来た — сделано самым лучшим образом; в данном примере обстоятельств два: одно — yoku стоит прямо перед словом, к которому относится, — dekita, другое — ichiban 一番 прямо перед

тем, к которому оно относится, — yoku. Примеры второго случая: kinō Tōkyō-ni tsukimashita きのふ東京に着きました — вчера прибыл в Токио; здесь слово «вчера» отделено от «прибыл» словом «Токио»; shibaraku tomodachi-no kuru-no-wo machimashō 暫く友達の来るのを待ちませう — подождем немного прихода товарища.

II. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИ ГЛАГОЛАХ

1. Собственно-наречия

§ 121. Обстоятельствами при глаголах могут быть в первую очередь собственно-наречия. Они могут определять действие глагола, строго говоря, с одной стороны — со стороны количественной, указывая, в какой степени, в каком размере проявляется это действие. Например:

Hanahada oshimu 甚だ惜しむ — очень жалеть
Kanari naoru 可なり治る — достаточно поправиться (от болезни)
Hotondo naoru 殆ど治る — почти выздороветь
Hobo niru ほゞ似る — быть почти похожим
Minna tsukau みんなつかふ — полностью израсходовать.

Примечание. Слово minna при переводе на русский язык обычно утрачивает облик наречия. Так, например, фразу kane-wo minna tsukaimashita 金をみんな使ひました по-русски удобнее всего перевести: все деньги израсходовал. По сути же дела и по форме minna — наречие со смыслом: сплошь, полностью, целиком.

Yohodo yowaru 余程弱る — сильно ослабеть
Shibaraku matsu 暫く待つ — немного ждать
Nagaraku o-jama-suru 長らくお邪魔する — долго сидеть (в гостях)
Sukoshi wakaru 少し解る — немного понимать
Mō kaetta もう帰つた — уже вернулся
Mada kaeranai まだ帰らない — еще не вернулся
Yōyō kyūka-wa tsukimas やうやう休暇は盡きます — понемногу каникулы приходят к концу.

К числу собственно-наречий могут быть отнесены и такие слова, как kotoni 殊に — особенно, sarani 更に — снова, sutekini 素敵に — шикарно, harukani 遙に — значительно (гораздо), suguni 直ぐに — немедленно, tadachini 直に — сейчас, tachimachini 忽に — вдруг (сразу).

Примечание. Tachimachini возможно и без конечного ni: hikōsen-wa tachimachi sugata-wo naku-shita 飛行船は忽姿をなくした — воздушный корабль моментально исчез из виду.

§ 122. Одни из них, как и предыдущие, могут также считаться определяющими степень проявления действия глагола, только с некоторым качественным оттенком: harukani sugureru 遙に勝れる — значительно превосходить; kotoni komaru 殊に困る — особенно затрудняться; sutekini dekiru 素敵に出來る — шикарно получиться; sudeni kaetta 既に歸つた — уже вернулся.

Примечание. Harukani при глаголах «видеть», «смотреть» имеют по-русски смысл: «вдали», «вдаль»: harukani mieru 遙に見える — виднеется вдали; harukani nozomu 遙に望む — смотреть вдаль.

Sudeni для современного языка несколько старо; это слово употребляется больше в письменном языке.

§ 123. Другие слова определяют не столько степень проявления действия, сколько характер этого проявления: suguni kuru 直に來る — притти сейчас, немедленно; tadachini tsūchisuru 直に通知する — сейчас же сообщить; sarani iu 更に云ふ — снова говорить; tachimachini okoru 忽に怒る — сразу рассердиться. Однако, это определение характера действия глагола носит в значительной мере формальный оттенок: характеристика того, как действие проявляется, касается не внутренней стороны, а исключительно внешней. Этим собственно-наречия и отличаются от прочих производных наречий, могущих характеризовать действие глагола именно с внутренней стороны.

Не трудно заметить, что эти наречия отличаются от чисто количественных и по форме: все они оканчиваются на ni. Это окончание по существу есть суффикс, превращающий слова sugu 直ぐ sara 更, koto 殊 в наречия. Поэтому вполне возможно рассматривать эти слова не как собственно-наречия, а как производные. Однако, появление этих слов в другой синтаксической роли, т. е. нэ в роли обстоятельств, в современном языке настолько редко что сейчас возможно считать эту их наречную форму за основную.

Примечание. В современном живом языке иногда можно встретить в качестве собственно-наречий и такие слова, как katsute 曾て — когда-то (некогда), yagate やがて — вскоре. Они как будто говорят о существовании и еще одной смысловой категории собственно-наречий, кроме перечисленных двух наречий времени. Однако, поскольку для современного языка они не характерны, постольку о них здесь можно ограничиться только простым упоминанием.

2. Производные наречия

§ 124. Обстоятельствами при глаголе могут быть наречия производные. Они могут образовываться от всех прочих частей речи — от существительных, глаголов и прилагательных — и определять собою действие глагола со всех точек зрения — с количественной, качественной, — при этом уже не только внешне, но и по существу, а также с точки зрения условий, в которых это действие проявляется, обстановки его проявления в смысле времени и места.

Обстоятельства количества

§ 125. С чисто количественной стороны глагол могут определять слова, которые сами по себе являются обозначениями количества. Это будут, конечно, те существительные, которые по своей природе являются счетными словами, т. е. числительные: hitotsu 一つ — один, futatsu 二つ — два и т. д. Превращаясь в на-

речия, т. е. становясь обстоятельственными словами при глаголе, они, не изменяясь в форме, примыкают к глаголу. Например: hon-wo hitotsu kau 本を一つ買ふ — покупаю одну книгу; isu-wa futatsu aru 椅子は二つある — стульев имеется два. При переводе на русский язык наречное употребление этих числительных скрадывается. В японском же оно совершенно ясно: hon-wo — книгу — дополнение, kau — покупаю — сказуемое, hitotsu — одну — обстоятельство при глаголе (покупаю книгу... *сколько?*, в каком количестве?); isu-wa — стулья — подлежащее, aru — имеются — сказуемое, futatsu — два — обстоятельство (стульев имеется... *сколько?* в каком количестве?).

При указании на неопределенное, приблизительное количество ставятся так называемые числительные приблизительные, образованные путем соединения в одно сложное слово двух рядом стоящих числительных. Например: mitsu 三つ — три, yotsu 四つ — четыре; hon-wa mitsu-yotsu aru 本は三つ四つある — книг имеется три-четыре.

Если указание на количество имеет в виду разделительный смысл, применяются так называемые числительные разделительные, образуемые посредством соединения числительных количественных с разделительным суффиксом zutsu づつ, т. е. hitotsu 一つ — один, hitotsuzutsu 一つ宛(づつ) — по одному; mitsu 三つ — три, mittsuzutsu 三つ宛 — по три; ringo-wo hitotsuzutsu ageru 林ごを一つ宛あげる — дать по одному яблоку.

§ 126. Возможно при определении количественной стороны действия глагола с помощью производных наречий давать указания на степень проявления этого действия, т. е. делать то, что обычно бывает при собственно-наречиях. Это достигается с помощью наречий, получаемых от существительных, причем признаком превращения существительного в наречие служит суффикс ni. Например: hontō 本當 — правда, hontōni 本當に — по правде, makoto 誠 — истина, makotoni 誠に — поистине; makotoni odorokimashita 誠に驚きました — поистине перепугался. Еще пример: baka 馬鹿 — дурак, bakani 馬鹿に — дурацки (в смысле «в высшей степени»); bakani odorokimashita 馬鹿に驚きました — страшно перепугался. Не трудно заметить, что такого рода обстоятельства имеют, подобно собственно-наречиям на ni (kotoni 殊に, sarani 更に), не только значение степени проявления действия, но и некоторый качественный оттенок.

Обстоятельства качества

§ 127. С качественной стороны глагол могут определять прежде всего слова, являющиеся по своей природе качественными понятиями, т. е. прилагательными. Здесь возможны различные варианты:

1. Наиболее чистым видом качественного обстоятельства при глаголе, выраженного именем прилагательным, является 2-я ос-

нова прилагательного, обычно и называемая наречной формой. От спрягаемых прилагательных она образуется через присоединение к корню суффикса ku. Например: takai 高い — высокий, takaku 高く — высоко; yoi 良い — хороший, yoku 良く — хорошо; hayai 早い — быстрый, ранний, hayaku 早く — быстро, рано и т. д. Соединение наречной основы прилагательного с глаголом происходит путем примыкания: наречие, как обстоятельство, стоит перед глаголом. Например: takaku noboru 高く登る — высоко взбираться, yoku hanasu よく話す — хорошо говорить, hayaku okiru 早く起きる — рано вставать.

2. Наличие в японском языке другого вида качественных понятий—склоняемых прилагательных на ka — делает возможным постановку и их в роли определений-обстоятельств. В этих случаях они принимают суффикс ni, который, таким образом, и является признаком превращения их в наречное образование (сравни ni в наречиях kotoni, sarani и др.). Например: odayaka 穏か — мирный, koto-ga odayakani osamaru 事が穏に治まる — дело уладилось мирно; shizuka 靜か — тихий, shizukani hanasu 靜かに話す — тихо разговаривать; akiraka 明か — ясный, akirakani arawareru 明かに現れる — явственно проявляться.

3. Спрягаемые прилагательные (на i) могут (правда, в очень ограниченном количестве случаев) встречаться в роли обстоятельств и в других формах:

а) в форме корня, соединенного с суффиксом ni, и здесь являющимся, следовательно, формантом наречия. Например: komakai こまかい — мелкий, детальный, подробный, komakani こまかに — мелко (нарезать), детально (обследовать), подробно (рассказывать) и т. д. В современном языке, повидимому, нет никакого отличия по смыслу komakani от komakaku;

б) в форме корня, повторенного два раза. Например: usui 薄い — тонкий, легкий, usuusu 薄々 — тонко, легко (слегка), usuusu wakaru うすうす解る — слегка понимать, usuusu shiru うすうす知る — немножко знать. Отличие usuusu от usui 薄い — в некотором усилении качественного признака, даваемого прилагательным.

4. Можно добавить к этому, что обстоятельствами бывают и производные склоняемые прилагательные на sō, как, например, ureshisō うれしさう — радостный. В этих случаях они также требуют для превращения в наречия суффикса ni. Например: ureshisōni warau 嬉しさうに笑ふ — радостно смеяться, omoshirosōni iu 面白さうに云ふ — с интересом (оживленно) говорить.

§ 128. С такой же качественной стороны, только с несколько другим оттенком могут определять действие глагола производные наречия, образованные от глагола. Это возможно только от таких глаголов, вещественное значение которых, т. е. действие, окрашено или может быть окрашено в какой-то качественный оттенок:

а) наречие образуется в этих случаях по типу склоняемых прилагательных, т. е. берется 2-я основа глагола и соединяется с суффиксом ni. Например: midaru 亂る — быть путанным, в беспорядке; 2-я основа midari 猥り, производное наречие midarini 猥りに — беспорядочно, без толку: midarini hito-wo iretewa naranai 猥りに人を入れてはならない — беспорядочно впускать людей нельзя; midarini hito-wo utsu-no-dewa arimasen みだりに人を打つのではありません — зря людей не бьют;

б) в некоторых случаях такого рода наречия сохранились от глаголов, теперь уже вышедших из употребления, так что превратились по существу в настоящие наречия, глагольное происхождение которых выясняется только из анализа. Таково, например, наречие shikirini 頻に — непрестанно, от вышедшего из употребления глагола shikiru 切仕る: shikirini kangaeru 頻に考へる — непрестанно думать;

в) возможны случаи, когда такое производное наречие образуется от 2-й основы глагола, повторенной два раза. Получаемое наречие имеет значение усиления качественного признака, т. е. то же, что бывает и при повторении корня прилагательных. Например: toridorini とりどりに — по-разному, от глагола toru 取る — брать, выбирать, shiki-no nagame-wa toridori ni ii 四季の眺はとりどりにいゝ — картины четырех времен года хороши по-разному.

§ 129. С такой же качественной стороны, но уже чисто формально, определяют глагол и особые наречия: kō かう, sō さう, ā あゝ так, dō どう — как. Пространственные отношения в этих наречиях сохраняются те же, что и в образованных от тех же корней местоимениях kore, sore, are, dore, т. е.: так, как здесь (у меня); так, как здесь (у вас); так, как там (у них). Например: kare-wa sō itta 彼はさう云つた — он сказал так.

§ 130. Возможны, наконец, качественные обстоятельства, выраженные наречиями, образованные от существительных посредством того же суффикса ni. Например: itazura いたづら — шалость, проказа, itazurani いたづらに — понапрасну, в шутку, itazurani togameru 徒に咎める — понапрасну обвинять.

Обстоятельства действия

§ 131. Если действие одного глагола характеризуется с той стороны, что оно протекает в соединении с каким-нибудь другим действием, т. е. если общий вопрос *как* конкретизируется «в соединении с каким действием?» — для такого определения берется наречие, образованное от глагола, как слова, обозначающего по своей природе действие. При этом здесь возможно несколько типов таких производных наречий-глагольных обстоятельств.

Очень часто в роли глагольного обстоятельства выступает деепричастная форма глагола, получающаяся от соединения 2-й основы глагола с суффиксом te て (со всеми особенностями этого присоединения в 1-м спряжении). Например: miru 見る — смотреть, 2-я основа mi 見, наречная форма mite 見て; oboeru 覺える — помнить, знать, 2-я основа oboe 覺え, наречная форма oboete 覺えて. На русский язык эта форма может переводиться по-разному, в зависимости от обстоятельств, но в первую очередь той формой, которая и в русском языке является отглагольным наречием, т. е. деепричастием. Например:

Naite hanasu 泣いて話す — с плачем рассказывать (плача рассказывать)
Tatte hanasu 立つて話す — рассказывать стоя
Kaette hanasu 歸つて話す — рассказывать вернувшись.

§ 132. Глагольная форма на te является по существу деепричастием прошедшего времени, или, вернее, деепричастием совершенного вида. Это значит, что naite 泣いて следует переводить — заплакав, tatte 立つて — встав, kaette 歸つて — вернувшись. Однако при передаче на русский язык переводить форму на te таким деепричастием не всегда было бы правильным. Словосочетание tatte hanasu означает буквально: встав рассказывать, т. е. человек встал и, оставшись в таком положении, рассказывает; это по-русски возможно передать и словами «стоя рассказывает». Иными словами, японское деепричастие прошедшего времени (совершенного вида) означает действие совершившееся, но в таком виде продолжающее существовать и дальше. Если делать ударение на первом, т. е. что оно совершилось, это деепричастие можно переводить и по-русски деепричастием прошедшего времени; если же делать ударение на втором, на продолжающемся результате, можно переводить русским деепричастием настоящего времени.

Равным образом, такое словосочетание, как naite hanasu, отнюдь не обязательно переводить — «заплакав рассказывать». Его можно передать и иначе: «с плачем, со слезами рассказывать». Важно сохранить лишь основное смысловое соотношение понятия, выраженного формой на te, с понятием глагола, чтобы первое слово характеризовало второе на вопрос *как?*

§ 133. Необходимо особо оговорить случаи, когда наречная форма глагола на te соединяется с глаголами бытия — iru ゐる или oru をる (находиться, быть, пребывать). Для японского языка эти случаи синтактически ничем принципиально не отличаются от всех прочих случаев определения одного глагола другим с помощью деепричастной формы. Единственно, что можно здесь сказать, это то, что в японском такое соединение может наблюдаться при всяких глаголах, т. е. что глагол iru может сочетаться с любым другим глаголом, чего нельзя ска-

зать про иные глаголы. По-русски же этим соединениям будут соответствовать несколько особые конструкции.

Возьмем фразу: kodomo-ga naite iru 子供が泣いてゐる. В ней kodomo (ребенок) — подлежащее, iru (пребывает) — сказуемое, naite (плача) — обстоятельство на вопрос *как?* Точный перевод на русский язык этой фразы будет: ребенок плачет. Иначе говоря, сочетания типа naite iru, т. е. деепричастие прошедшего времени (совершенного вида) от какого-нибудь глагола с глаголом iru или oru, могут давать по-русски эффект настоящего времени с оттенком протяженности действия, длительности, или же с указанием на действительность совершившегося действия и в данный момент:

Tatte iru 立つてゐる — (он) стоит (буквально: он встав пребывает)
Yonde iru 讀んでゐる — (он) читает
Kaite iru 書いてゐる — (он) пишет
Mite iru 見てゐる — (он) смотрит
Nete iru 寢てゐる — (он) спит
Hanashite iru 話してゐる — (он) рассказывает
Tabete iru 食べてゐる — (он) ест
Nonde iru 飲んでゐる — (он) пьет.

§ 134. Однако, считать сочетание глагольного деепричастия на te с глаголом iru (или oru) равным или хотя бы равносильным русскому настоящему времени с длительным оттенком было бы неправильно. Неправильно потому, что в самом словосочетании, как таковом, никакого признака времени нет; он содержится только в одной части сочетания — глаголе — и поэтому может быть различным: если iru ゐる стоит в настоящем времени — iru ゐる, imas ゐます, получается смысл настоящего; если в прошедшем — ita ゐた, imashita ゐました или в будущем — iyō ゐやう, imashō ゐませう, получается прошедшее и будущее время. Например: kaite imas 書いてゐます — пишу, kaite imashita 書いてゐました — писал, kaite imashō 書いてゐませう — буду писать.

§ 135. Неверно также считать это словосочетание и выражением несовершенного вида. В самом словосочетании видового признака нет; если он существует, то в одной части сочетания — в деепричастии, и притом в смысле совершенного вида. Кроме того, эти сочетания могут быть образованы от всяких глаголов, в том числе и глаголов совершенного вида. Поэтому перевод такого сочетания на русский язык может быть различным. Например: tatte imas 立つてゐます — стою (сейчас), но — kite imas 來てゐます — (он) пришел, dekite imas 出來てゐます — сделано, готово. По-японски здесь всюду одно и то же: состояние — imas (я пребываю, он, она пребывает), соединенное с определяющим признаком совершенного вида — tatte (встав, от tatsu 立つ — встать), kite (явившись, от kuru 來る — приходить),

dekite 出来て (будучи сделано, от dekiru 出来る — изготовляться); буквально: «пребываю встав», т. е. «стою»; «явившись пребывает», т. е. «пришел», «есть»; «будучи изготовленным, пребывает», т. е. «готово, сделано».

§ 136. Необходимо отметить, что современная живая разговорная практика уже прочно сливает обе части таких словосочетаний в одну сложную форму. При этом звук i в начале глагола iru пропадает. Таким образом, вместо kaite iru 書いてゐる мы имеем kaiteru 書いてる, вместо kaite ita 書いてゐた — kaiteta 書いてた, вместо kaite imas 書いてゐます — kaitemas 書いてます, вместо kaite imashita 書いてゐました — kaitemashita 書いてました и т. д. Это значит, что вместо сложного сочетания — деепричастие = обстоятельство + глагол iru — фигурирует одна сложная форма Perfect'a, могущая существовать в трех временах.

§ 137. Необходимо отметить сочетания деепричастной формы глаголов на te с глаголом aru ある, также означающим *быть* только в приложении к «неодушевленным» предметам. С точки зрения японского языка конструкция и смысл получаются те же, что и в сочетании формы на te с глаголом iru, только с поправкой на то, что речь идет именно о «неодушевленном» предмете. Иначе говоря, если kaite iru 書いてゐる в приложении к человеку означает буквально: (он) пребывает (iru) начав писать (kaite), т. е. — он (сейчас) пишет, то эта же форма kaite в соединении с глаголом aru, могущая прилагаться только к неодушевленному предмету, например — письму, т. е. фраза tegami-ga kaite aru 手紙が書いてある будет означать буквально: письмо пребывает написанным, т. е. письмо написано (его написали и оно сейчас в этом виде и находится).

Как в первом, так и во втором случае по-русски получаются совсем особые обороты: kaite iru может передаваться длительным настоящим: он (сейчас) пишет; kaite aru 書いてある — страдательным причастием с пропуском глагола «быть» — письмо написано. Это страдательное причастие хотя и называется причастием прошедшего времени, но означает действие совершившееся и в этом своем виде пребывающее и в данный момент. Поэтому kaite ita будет означать длительность в прошлом — он писал (когда я к нему пришел, он писал, т. е. находился в процессе писания); kaite atta — совершившийся факт в прошлом — письмо было написано.

§ 138. Такое определение при посредстве деепричастия одного глагола действия другого может быть не только положительным, как во всех приведенных примерах, но и отрицательным, т. е. отглагольное наречие-деепричастие может быть отрицательным. Во фразе kare-wa tegami-wo kaite kaerimashita 彼は手紙を書いて歸りました — он ушел, написав письмо, деепричастие «написав» определяет собою глагол «ушел» положительно. Если же нужно сказать: «он ушел, не написав письма», япон-

ское деепричастие должно быть поставлено в отрицательной форме. Эта форма образуется от 1-й основы глагола путем прибавления к ней отрицательного суффикса zu, соединяемого с наречным суффиксом ni. Так, например: kaku 書く — писать, 1-я основа — kaka 書か, отрицательное деепричастие — kakazuni 書かずに.

Таким образом, фраза получит следующий вид: kare-wa kakazu-ni kaerimashita 彼は書かずに歸りました — он вернулся, не написав. Еще пример: miru 見る — смотреть, 1-я основа — mi 見, отрицательное деепричастие — mizuni 見ずに: kare-wa mizuni kaetta 彼は見ずに歸つた — он ушел, не взглянув.

Наряду с отрицательными деепричастиями на zuni существуют такие же деепричастия, образуемые от 1-й основы глаголов посредством другого отрицательного суффикса nai, соединенного с последующим суффиксом de. Таким образом, получаются формы: kakanaide 書かないで, minaide 見ないで, равносильные по смыслу kakazuni 書かずに, mizu-ni 見ずに. Например:

Henji mo shinaide doko-e-ka itta 返事もしないでどこへか行つた — не дав ответа, (он) куда-то ушел.

Деепричастие на naide является более «разговорным», более характерным для живого токиоского языка, чем деепричастие на zu-ni.

Подобного рода соединения возможны и с глаголом iru (или oru). В таких случаях по-русски может получаться смысл отрицательного длительного: Kodomo-ga nakazuni iru 子供が泣かずにゐる — ребенок не плачет.

§ 139. Наречный характер глагольных форм на te (деепричастие) как нельзя лучше подтверждается тем, что некоторые такие образования уже вполне утратили смысл деепричастий и в современном языке фигурируют как самые обыкновенные наречия. Таковыми могут быть и положительные формы на te и отрицательные на zuni. Например: kaette 却つて — деепричастие от глагола kaeru 却る (поворачиваться), теперь — наречие «наоборот»; kiwamete 極めて — деепричастие от глагола kiwameru 極める (доводить до предела), теперь — наречие «крайне»; sugurete 勝れて — деепричастие от глагола sugureru 勝れる (превосходить), теперь — наречие «в высшей степени»; kesshite 決して — деепричастие от kessuru 決する (решать), теперь — наречие «решительно» (с отрицательным глаголом в смысле — никак, ни в коем случае). Примерами отрицательных наречий могут служить: taezu 絶えず — отрицательное деепричастие от taeru 絶える (прекращаться), теперь — наречие «беспрестанно»; nokorazu 殘らず — деепричастие от nokoru 殘る (оставаться), теперь — наречие «без остатка, все»; oboezu 覺えず — от глагола oboeru 覺える (сознавать, помнить, знать), теперь — наречие «бессознательно». Таковы также: mashite まして — тем более (от masu 増す — увеличиваться), shiite

強いて — насильно (от shiiru 強いる — принуждать), sadamete 定めて—по всей вероятности (от sadameru 定める—решать), shitagatte 從つて — следовательно (от shitagau 從ふ— следовать), taete 絶えて — совершенно (от taeru 絶える—прекращаться), subete 總て — сполна, вообще (от suberu 總る — объединять).

§ 140. Во всех приведенных примерах форма на te て характеризует действие глагола на вопрос *как* в смысле соединения с каким-нибудь другим действием: *как* рассказывает? — плача (naite 泣いて), *как* говорит? — стоя (tatte 立つて) и т. д. Возможны, однако, при этой же форме и другие оттенки в соотношении обстоятельственного слова, т. е. деепричастия и глагола, к которому оно примыкает. Это бывает тогда, когда действие, указываемое деепричастием, непосредственно зависит от другого предмета; иначе говоря, действие того глагола, от которого образованы деепричастия, приписывается непосредственно другому предмету, а не тому, которому приписывается действие определяемого глагола. Тогда получается как бы ответ не на вопрос *как*, а на вопрос *почему*. Так, например, когда говорится tatte hanashimas 立つて話します — (он) разговаривает стоя, то и сказуемое «разговаривает» и обстоятельство «стоя» одинаково приписываются одному и тому же подлежащему — «ему». Если же сказать: ame-ga 雨が (дождь) futte 降つて (деепричастие от глагола «итти» про дождь) soto-e 外へ (наружу) demasen 出ません (не выйду, не выхожу), то глагол furu 降る (итти), от которого образовано деепричастие, будет относиться непосредственно к слову ame (дождь), а не к тому подлежащему, к которому относится определяемый глагол demas 出ます (выхожу), т. е. к слову «я» (в японской фразе подразумеваемому). Поэтому и смысловое соотношение этого futte с demasen получается иное — причинное, отчего вся фраза по-русски может быть передана так: «так как идет дождь, я наружу не выхожу». Отличие этого случая от всех предыдущих с синтаксической точки зрения в том, что глагол demasen (не выхожу) определяется не одним простым отглагольным наречием (деепричастием) futte, а этим наречием в соединении с существительным ame (дождь), которое является подлежащим для глагольного значения furu, т. е. для основного исходного значения этого слова. Иначе говоря, обстоятельством к demasen служит не одно слово futte, а целое словосочетание ame-ga futte, в котором заключена по существу целая фраза, в самостоятельном виде имевшая бы форму: ame-ga furu 雨が降る— дождь идет. Для японского сознания эти элементы фразы соединяются приблизительно так: *чем, каким действием* определяется то, что я не выхожу наружу? —тем, что «идет дождь». Иначе говоря, оттенок причинной связи появляется как производный от главного.

Другой пример: yōji-ga 用事が (дела) atte あつて (деепричастие от глагола aru — быть) Kyōto-e 京都へ (в Киото) dema-

shita 出ました (уехал). Здесь также по существу две фразы: первая — yōji-ga atte, вторая — Kyōto-e demashita; первая имеет смысл «есть дела», вторая — «уехал в Киото». Но первая, поскольку сказуемое в ней стоит в деепричастной форме, играет роль обстоятельства к глаголу-сказуемому второй — demashita. Значит, она определяет этот глагол с оттенком причинности: «он уехал в Киото, так как у него там есть дела».

Не трудно заметить, что причинный оттенок связи деепричастия с глаголом получается тогда, когда это деепричастие заключает в себе сильнейшую долю предикативности. Фраза ame-ga futte soto-e demasen 雨が降つて外へ出ません фактически состоит из двух предложений: ame-ga futte — дождь идет и soto-e demasen — (я) наружу не выхожу. При этом эти два предложения соединены так, что первое из них определяет второе. Грамматически это выражается тем, что сказуемое-глагол первого предложения ставится в деепричастной форме. Однако, от этого предикативное значение глагола furu не исчезает, и форма futte приобретает двойную функцию: по отношению к слову ame она играет роль сказуемого, по отношению же к слову demasen — роль обстоятельства вместе со своим подлежащим, т. е. в виде целого словосочетания.

§ 141. Подобным же образом определять глагол может и наречие особого типа, производное от прилагательного. Описанные выше наречные формы прилагательного, а именно: на ku, корень с суффиксом ni, корень, повторенный два раза, являются наречиями, образованными от прилагательного непосредственно, и говорят о признаке, в нем заключенном, также непосредственно. Однако, в японском прилагательном заключены предикативные свойства; в этом отношении оно мало чем уступает глаголу. Поэтому возможна и такая наречная форма прилагательного, в которой признак, заключенный в прилагательном, будет трактоваться не просто как признак, а как признак в действии: качество будет приписываться не само по себе, а в действии. По-русски получается соединение с глаголом «быть», т. е. не просто «большой», а «быть большим», хотя формально глагола *быть* по-японски нет. Такого типа наречная форма прилагательного образуется таким же путем, как и деепричастие совершенного вида глаголов, т. е. присоединением суффикса te ко 2-й основе: yoi 良い (хороший), yoku 良く — 2-я основа (хорошо), yokute よくて — деепричастие (хорошо); hayai 早い (быстрый), hayaku 早く — 2-я основа, hayakute 早くて — деепричастие (быстро).

В этих случаях и соотношение между таким наречием-обстоятельством глаголом будет также иметь оттенок причинной зависимости. Например: atsukute 暑くて (деепричастие от atsui 暑い — жаркий) soto-e 外へ (наружу) deraremasen 出られません (нельзя выйти) — наружу выйти нельзя, так как жарко; undōba-ga 運動場が (гимнастическая площадка) hirokute 廣くて (дее-

причастие от hiroi 廣い — широкий) yakyū demo 野球でも (безбол) nandemo 何んでも (что угодно) dekiru 出来る (можно) — «так как гимнастическая площадка просторная, на ней можно заниматься и безболом и чем угодно». Тут опять, как и в случаях глагольных наречий, нужно заметить, что этот причинный оттенок не является основным: в первой фразе предикативное наречие atsukute определяет собою глагол deraremasen — нельзя выйти, на вопрос — *каким образом?* Какое *действие* определяет «невозможность выйти»? — то, что «сейчас жарко». В самом вопросе *каким образом* заложена возможность причинного смысла, поэтому и все соотношение получает — особенно для русского языка — причинный оттенок. Во второй фразе предикативное наречие hirokute определяет собою глагол dekiru, причем оттенок причинности вкладывается в вопрос — *каким образом?*

§ 142. Подобного же рода обороты возможны и при склоняемых прилагательных на ka или на sō. При этом и здесь причинный смысл получается при наличии в прилагательном большой доли предикативности. Вследствие же того, что эти прилагательные — склоняемые и сами по себе не могут служить сказуемым, предикативность их обусловливается соединением с глаголом aru — быть, для чего такие прилагательные ставятся, подобно существительным в аналогичных случаях, в предикативном падеже на de. Получается форма de aru である, как, например, shizuka-de aru 静かである; она бывает, однако, только тогда, когда предикативность дается в полном виде, т. е. когда данное прилагательное является сказуемым главным, конечным. Для выражения же той доли предикативности, которая может содержаться в наречии, достаточен один предикативный падеж, т. е. shizuka-de 静かで; и тогда фраза heya-wa shizuka-de benkyō-ga dekiru 部屋は静かで勉強が出来る будет означать: так как комната тихая, заниматься в ней можно. Еще пример: hon-ga omoshirosō-de hayaku yomeru 本が面白さうで早く讀める — так как книга как будто интересная — прочитать ее можно быстро.

§ 143. Современный разговорный язык наряду с деепричастной формой прилагательного на te допускает и форму на tte, причем в токиоском наречии она даже вытесняет собою первую. Иначе говоря, наряду или вместо takakute 高くて (от takai 高い — высокий) существует takakutte 高くつて. Это tte, повидимому, идет от слова shite して, морфологически представляющего собою обычную деепричастную форму глагола suru — делать, так что все вместе буквально означает «делая», «сделав». Однако, уже с давних пор это shite して стало иметь смысл atte, т. е. деепричастия от глагола aru — быть, по-русски — «находясь», «пребывая». Например (в «Man'yōshū» 萬葉集 памятнике VIII века): koko-ni shite こゝにして = koko-ni atte こゝにあつて — находясь в этом месте. В дальнейшем shite стало

постепенно утрачивать самостоятельное употребление, превратившись по смыслу в деепричастие от aru, как от вспомогательного глагола, т. е. вроде русского «будучи», и таким образом стало соединяться с наречной формой прилагательного: takaku shite 高くして—будучи высоким, tōku shite 遠くして—будучи далеким, atarashiku shite 新しくして — будучи новым. В конце концов shite потеряло и самостоятельный внешний облик, слившись с наречным прилагательным совсем и превратившись в суффикс. Таким путем и получились образования: takakutte 高くつて, tōkutte 遠くつて, atarashikutte 新しくつて, kurushikutte 苦しくつて, рядом с образованиями другого типа: takakute 高くて, tōkute 遠くて, atarashikute 新しくて, kurushikute 苦しくて (см. Мацусита, op. cit., p. 271—272).

Однако, первоначальный глагольный смысл tte, как бывшего деепричастия от глагола, т. е. как shite, не исчез совершенно бесследно. Следы его обнаруживаются в том, что наречная форма прилагательного на tte получает особо отчетливый предикативный характер. А это значит, что и причинный характер связи этого наречия с глаголом делается еще более явственным. Поэтому, если takakute kaenai 高くて買へない означает: не могу купить (kaenai), так как дорого (takakute), то тем более этот смысл имеет словосочетание takakutte kaenai 高くつて買へない. Также и в словосочетаниях tōkute komaru 遠くて困る и tōkutte komaru 遠くつて困る — затрудняюсь (komaru), так как далеко (tōkutte и tōkute); kurushikute tamaranai 苦しくてたまらない и kurushikutte tamaranai 苦しくつてたまらない — не могу вынести (tamaranai), так как тяжело (kurushikute).

Примечание. Словосочетания с глаголами komaru и tamaranai, ввиду особого значения и употребления этих глаголов в японском языке, представляют собою, строго говоря, идиоматические выражения. Так, слово komaru — затрудняться — употребляется часто в смысле «плохо», «скверно». Поэтому tōkutte komaru 遠くつて困る по-русски, собственно, значит: «плохо, что далеко». Слово же tamaranai — отрицательная форма изъявительного наклонения глагола tamaru たまる — терпеть, т. е. буквально: не могу вынести, стерпеть,—употребляется в сочетании с деепричастием от прилагательного часто в смысле превосходной степени этого прилагательного. Так что выражение его atsukutte tamaranai 暑くつてたまらない будет иметь смысл: нестерпимо жарко, kurushikutte tamaranai 苦しくつてたまらない — нестерпимо тяжело.

§ 144. Кроме вышеописанных случаев, определение действия одного глагола другим может даваться еще двумя формами отглагольных наречий. Первая из них представляет собою повторение 3-й основы глагола, например: naku 泣く — плакать, nakunaku 泣く泣く — с плачем. Как и в аналогичных случаях с прилагательными (usuusu 薄々), повторение создает не только эффект наречия, но и усиление признака, содержащегося в этом наречии, так что такую фразу, как nakunaku shitai-wo hikitotta 泣く泣く死體を引き取つた, можно было бы перевести:

с горькими слезами они унесли останки. Еще пример: nigamu 苦む — чувствовать горечь, nigamunigamu 苦む苦む — с горечью; masu 増す — усиливаться, увеличиваться, masumasu 増々 — все увеличиваясь, все более и более. Вторая форма представляет собою тоже повторение, но уже не 3-й, а 2-й основы. Например: oi 追ふ — гнаться, преследовать, oioi 追々 — с каждым шагом: oioi oboeyasuku naru 追々覺え易くなる — с каждым шагом становится все легче для усвоения; oioi kaihō-ni omomuite orimas 追々解放に趣いてをります — с каждым шагом идет к освобождению.

Обстоятельства состояния

§ 145. Наречия на nagara ながら. Определять глагол можно и с точки зрения соединения его с признаком какого-нибудь другого состояния. Такую роль играют наречия, полученные от существительных, прилагательных и глаголов посредством специального суффикса nagara. Суффикс этот присоединяется:

а) к существительному — в его бессуффиксальной форме;

б) к прилагательному — в его аттрибутивно-предикативной форме на i;

в) к глаголу — к его 2-й основе, а также к отрицательной форме на n, nai.

Это значит, что если «кожа» по-японски будет kawa 皮, то соответствующее наречие — kawanagara 皮ながら; если прилагательное «длинный» будет nagai 長い, соответствующее наречие — nagainagara 長いながら; если глагол «стоять» будет tatsu 立つ, соответствующее наречие — tachinagara 立ちながら.

Все эти наречия, подобно прочим наречиям, обрисовывают действие глагола, к которому они относятся, в общем в смысле ответа на вопрос *как*, однако со следующим специфическим для данного случая оттенком: наречия этого типа отвечают на вопрос *как* в духе ответа — «вместе с». При этом в зависимости от того, от чего будет образовано наречие — от существительного, прилагательного или глагола, получаются, конечно, различные варианты этого общего смысла. Когда наречие образовано от существительного, это «вместе с» касается предмета. Например: ringo-wo kawanagara taberu 林ゴを皮ながら食べる. Ringo-wo — прямое дополнение — яблоки, taberu — сказуемое — едят, kawanagara — обстоятельство-наречие от существительного kawa 皮 — кожура; все целое отвечает на вопрос *как* едят яблоки? — едят с кожурой.

Когда наречие образовано от прилагательного, это «вместе с» сохраняется, но относится уже к признаку-качеству, свойству. Например: kono orimono-wo nagai-nagara kirazuni tsukau この織物をながいながら切らずに使ふ. Kono orimono-wo — прямое дополнение — эту материю, tsukau — сказуемое — употребляют, kirazuni — обстоятельство-наречие (отрицательное — от глагола

«разрезать»); вся фраза имеет, следовательно, такой смысл: эту материю употребляют не разрезая — как она есть, в длинном виде.

Тот же смысл заключается и в наречиях на nagara, образованных от глаголов. Kare-wa tachinagara hanashimas 彼は立ちながら話します. Kare-wa — подлежащее — он, hanashimas — сказуемое — рассказывает, tachinagara — обстоятельство к этому сказуемому; таким образом, вся фраза имеет смысл: он разговаривает стоя.

Примечание. Очень часто наречия на nagara, образованные от глагола, соответствуют русским деепричастиям настоящего времени. Так, например, переведено tachinagara 立ちながら — стоя. Это возможно, конечно; более того, это — часто необходимо. Тем не менее отожествлять эти две формы полностью было бы неверно. Поскольку русское «стоя» отвечает на вопрос *как*, постольку оно ближе к японскому отглагольному наречию на te; но в то же время оно уже японского наречия на te, поскольку то, несомненно, включает в себя в первую очередь и смысл русского деепричастия прошедшего времени. С другой стороны, русское «стоя» будет шире японского tachinagara, так как смысл «так, как есть» является лишь одним из возможных смысловых вариантов русского слова «стоя», в то время как японское tachinagara только этот один смысл и имеет. Поэтому японские tatte и tachinagara возможно переводить одинаково русским «стоя» в первом случае, когда упор делается на длительное состояние, как результат совершенного действия, во втором — когда упор делается на смысле «вместе с чем».

§ 146. Необходимо отметить и еще один производный смысл отглагольных наречий на nagara. Поскольку в этих случаях значение «вместе с» выражено глагольным понятием, постольку и получается, что действие главного глагольного понятия происходит совместно с ним. Такая совместность, когда речь идет о действиях, фактически превращается в одновременность. Поэтому и возможны такие фразы, как namida-wo nagashinagara hanashimas 涙を流しながら話します, переводить на русский: он рассказывает (hanashimas), проливая (nagashinagara) слезы (namida-wo), или же: он рассказывает и проливает слезы. Tachinagara hanasu 立ちながら話す — рассказывает стоя, и стоит и рассказывает. Не нужно забывать только, что для японского языка здесь все же не два равноправных, параллельно развивающихся действия, а одно — главное, основное, другое же — подчиненное ему. Подлинная одновременность двух действий, трактуемых как самостоятельные, выражается по-японски иначе.

§ 147. Употребление наречий на nagara вскрывает несколько различных смысловых оттенков, могущих получиться при соединении этих наречий (как обстоятельств) с глаголами. Таких оттенков два.

а) Первый оттенок — основной, в смысле «вместе с». Примером может служить как вышеприведенная фраза ringo-wo kawanagara taberu 林ごを皮ながら食べる — ем яблоко с кожурой, так и такие фразы: futarinagara yuku 二人ながら行く — уходят вместе, вдвоем, jibunnagara okashii 自分ながらおかしい — мне самому смешно и т. д. Если при этом наречие обра-

зуется от числительного или счетных слов вообще, то получается опять-таки несколько особый оттенок; например: tō-nagara dekiru 十ながら出來る — готовы все десять, mikka nagara ame-ga futta 三日ながら雨が降つた — все три дня лил дождь.

Тот же оттенок получается и при прилагательном, как это было видно в примере: nagainagara kirazuni tsukau 長いながら切らずに使ふ — употреблять (материю) не разрезая, cha-wo tsumetainagara nomu 茶を冷いながら飲む — пить чай холодным.

Тот же оттенок и при глаголе: tachinagara hanasu 立ちながら話す — рассказывает стоя, utarenagara nigeru 打たれながら逃げる — его бьют, а он бежит (бежит под ударами).

б) Второй оттенок имеет место тогда, когда наречие-обстоятельство как бы несколько противопоставляется глаголу. Это бывает при существительных:

Seitonagara sensei ni masaru 生徒ながら先生に勝る — ученик, а превосходит учителя.

Бывает и при прилагательных:

Wakainagara nakanaka yoku ki-ga tsuku 若いながらなかなかよく氣が付く — молод, а соображает недурно.

Бывает и при глаголах:

Kodomo-wa nanimo shirannagara namida-wo koboshite iru 子供は何にも知らんながら涙をこぼしてゐる — ребенок ничего не знает, а плачет.

§ 148. Наречия на nari なり. Они также могут образоваться и от существительных (в бессуффиксальной форме) и от глаголов (от 3-й основы и прошедшего времени).

Суффикс nari по существу — самостоятельное существительное nari なり (вид, облик). Он придает всему наречному выражению смысл «в таком виде».

а) Примером таких наречий, образованных от существительных, могут служить:

Ringo-wo kawanari taberu 林ごを皮なり食べる — ем яблоки с кожурой. (Русский перевод получается такой же, как и перевод фразы ringo-wo kawanagara taberu).

Sorenari yanda それなり止んだ — оставил в таком виде, на этом покончил.

б) Пример наречия на nari от глаголов:

Deteittanari kaette konai 出て行つたなり歸つて來ない — как ушел, так и не возвращался назад.

Впрочем, образования с nari могут представлять собою что-то вроде наречия далеко не всегда. Большею частью nari сохраняет

свое основное значение существительного и выступает в словосочетании как таковое, становясь во всех падежах, которые нужны. Таковы nari в следующих примерах:

Hito-no iu nari-ni natte iru 人の云ふなりになつてゐる — получается так, как говорят (буквально — получается в том виде, в каком говорят люди).

Здесь nari — обычное полнозначное существительное, управляемое глаголом naru и стоящее поэтому в дательном падеже. В свою очередь при нем имеется определение: глагол iu (говорить) со своим подлежащим hito (человек). Так что характер nari, как самостоятельного существительного, обнаруживается с двух разных сторон.

Nagai nari-de tsukatta hō-ga ii 長いなりで使つた方がいい — употреблять лучше в длинном виде.

И здесь слово nari — несомненное самостоятельное существительное, поскольку оно стоит в творительном падеже на de, будучи подчинено глаголу tsukatta; перед ним стоит и определение — прилагательное nagai, что может быть именно только перед существительным.

§ 149. Наречия на mama まゝ. Возможно встретить в роли наречий — и притом с значением также близким к nari — существительные, прилагательные и глаголы, соединенные со словом mama. Это слово имеет собственное значение — образ, состояние, положение. Однако, его самостоятельное употребление весьма ограничено, если не исключено совсем. Обычно оно употребляется с каким-нибудь определением перед собою. Это определение может быть и формальным, т. е. выраженным местоимениями-прилагательными: kono この, sono その, ano あの, dono どの — этот, тот, который; например: kono mama-de sumumai このまゝですむまい — при таком положении он вряд ли проживет. Может оно быть и вспомогательным словом:

а) при существительном: fukuro 袋 (мешок)-no mama, например: fukuro-no mama-ni shite okō 袋のまゝにしておかう — оставим как оно есть — в мешке;

б) при прилагательном: nagai 長い (длинный) mama, например: nagai mama-de tsukau 長いまゝで使ふ — употребляют в длинном виде;

в) при глаголе: taoreru 倒れる (падать) mama, например: taoreta mama-ni sutete oita 倒れたまゝに捨てゝおいた — бросили в том виде, как оно упало.

Именно такое превращение слова mama во вспомогательное существительное и делает возможным превращение выражений с mama в род наречий. В таких случаях мы имеем, как и всюду при наречиях, ответ на вопрос *как* и простое (даже без посредствующего ni に) примыкание к глаголу, например: fukuro-no mama yarō 袋のまゝやらう — дадим в мешке.

§ 150. Определение действия глагола с точки зрения приурочения его к какому-либо предмету — в смысле совместности с ним или раздельности также имеет место в японском языке.

а) Такого рода определения даются словами, обозначающими предмет вообще, т. е. указательными местоимениями. Таково, например, местоимение sore それ — этот, это, тот, то, ono (re) おの(れ) — сам. Соответствующие наречия образуются из повторения этих местоимений sorezore それぞれ, onoono 各々, отчего получается так же, как и во всех прочих аналогичных случаях, оттенок усиления признака, заключенного в понятии, обозначаемом местоимением. Но ввиду того, что это усиление касается предметного понятия, оно получает смысл перечисления предметов с выделением каждого из них, т. е. получается разделительный смысл. Например:

Kanri-wa 官吏は (чиновники) — sorezore それぞれ (каждый в отдельности) kakuchi-ni 各地に (во все места) haken-sareta 派遣された (посланы) — чиновники разосланы во все места

Imi-ga 意味が (смысл) sorezore それぞれ (каждый в отдельности) chigaimas 違ひます (отличается) — смысл в каждом отдельном случае иной

Minna-wa みんなは (все) onoono 各々 (каждый) omou tokoro-wo 思ふところを (то, что они думают) nobeta 述べた (изложили) — все изложили то, что думает каждый из них

Mono-wa ものは (предметы) onoono 各々 (каждый) sei aru 性ある (имеют свойства) — предметы имеют — каждый по-своему — особые свойства.

Такое же наречие может получиться и от соединения двух разных указательных местоимений. Например: arekore あれこれ от are — тот и kore — этот. Смысл получается тот же, т. е. разделительный, только касающийся уже не однородных предметов, как при sorezore и onoono, а разнородных. Например:

Kare-wa 彼は (он) arekore iimas あれこれ云ひます (говорит) — он говорит и так и этак.

б) С точки зрения приурочения действия к предмету с оттенком раздельности могут определять глагол наречия, образованные от существительных предметных, а также от числительных. Образуются такие наречия также посредством повторения основного слова, только с добавлением суффикса ni *). Например:

Kuchi 口 (рот), kuchiguchini 口々に — во всех устах kuchiguchini sakebu 口々に叫ぶ — перекликаться из уст в уста (от одного к другому).

---

*) Это ni возможно и при наречиях, образованных от местоимений, особенно при sorezore: наряду с sorezore возможно и sorezoreni それぞれに.

в) С точки зрения совместности могут определять глагол наречия, образованные от соответствующих по смыслу существительных путем присоединения shite して:

Kyōdai-shite dekakeru 兄弟して出掛る — выходят братья все вместе

Gonin-shite hipparu 五人して引張る — тянут впятером.

Обстоятельства повторяемости

§ 151. Указание на обстановку, условия действия глагола с точки зрения сопряженности его с повторением какого-либо обстоятельства, в смысле «в каких повторяющихся обстоятельствах?».

а) Наречия, указывающие на обстановку, условия действия глагола с этой стороны, образуются посредством суффикса gotoni 毎に. Суффикс этот может присоединяться к глаголу в 3-й основе, и тогда получается «повторение» в точном смысле этого слова. Например:

Hiraku 開く — распускаться (о цветах), hiraku-gotoni 開く毎に — каждый раз, когда (цветы) распускаются

Haru-no hana-ga hiraku-gotoni seinen jidai-wo omoidasu 春の花が開く毎に青年時代を思ひ出す — каждый раз, когда распускаются весною цветы, я вспоминаю о днях молодости

Kuru 來る — приходить, kuru-gotoni 來る毎に — каждый раз, когда (он) приходит

Kare-wa kuru-gotoni kane-wo kariru 彼は來る毎に金を借りる — при каждом приходе он берет взаймы деньги.

б) Кроме глаголов, суффикс gotoni 毎に может присоединяться к существительным. Наречия, получаемые таким образом, имеют смысл *повторения обстоятельств* в несколько измененном виде. Когда такое существительное обозначает время, как, например, haru 春 — весна, то соответствующее наречие haru-gotoni 春毎に еще близко по смыслу к соответствующим отглагольным наречиям. Например:

Haru-gotoni 春毎に (каждую весну) yama-e 山へ — (в горы) iku 行く (еду) — каждую весну (каждый раз, как наступает весна) я еду в горы

Futsuka 二日 — второе число, второй день, futsuka-gotoni 二日毎に — каждый второй день.

Несколько иначе приходится передавать по-русски такие наречия, которые образованы от чисто предметных существительных, как, например, hito 人 — человек, hitori 一人 — один (человек):

Hito-gotoni iken-wo koto-ni suru 人毎に意見を異にする — у каждого человека — разные взгляды

Wareware-wa hitori-gotoni heya-wo motsu 我々は一人毎に部屋を持つ — мы имеем комнаты по-одному.

Однако, во всех случаях общий смысл *повторения обстоятельств* остается неизменным: «различие взглядов» повторяется с каждым отдельным человеком»; «владение комнатой» повторяется «при каждом отдельном человеке».

Этот суффикс возможен и при китайских словах. Например:

Ichinichi 一日 — 1-е число, ichinichi-gotoni 一日毎に — каждое 1-е число

Kisha-wa sanjippun-gotoni hassha-suru 汽車は三十分毎に發車する — поезда отправляются каждые полчаса.

Обстоятельства места

§ 152. Такого рода обстоятельства ни в коем случае нельзя соединять с обстоятельственными словами, выраженными такими русскими наречиями, как *здесь*, *там* и т. д. По-русски эти слова — наречия, по-японски же они будут не наречиями, а существительными, стоящими в дательном места (на ni). Существительное будет koko ここ и означает оно «это место» и, как таковое, может быть, например, подлежащим: koko-wa atsui こゝは暑い — это место — жаркое. Соответственно этому и soko そこ будет означать — то место, asuko あすこ — то место. Когда же эти существительные стоят в дательном места, т. е. в форме koko-ni こゝに, soko-ni そこに, asuko-ni あすこに, — они получают в предложении смысл косвенных дополнений, отвечая на вопрос *где*?

Этим объясняется, между прочим, крайняя ограниченность наречий места в японском языке. Все эти русские «впереди», «позади», «рядом», «около» в японском будут косвенными дополнениями, т. е. существительными в дательном места:

Mae 前 — то, что впереди (в смысле места), то, что было до (в смысле времени): mae-ni 前に — впереди; раньше

Saki 先 — то, что находится впереди (в смысле места и времени), saki-ni 先に — впереди; прежде

Ushiro 後 — то, что позади, ushiro-ni 後に — позади

Nochi 後 — то, что потом, nochi-ni 後に — потом

Yoko 横 — то, что около, сбоку, yoko-ni 横に — сбоку, около

Aida 間 — промежуток, aida-ni 間に — между.

Еще резче разница японского и русского языков сказывается в таких словах, как ue 上 — верх, ue-ni 上に — наверху, на (по-русски — предлог); shita 下 — низ, shita-ni 下に — внизу, под (предлог); tokoro 所 — место, tokoro-ni 所に — в месте, в. Ср. также: soba-ni 側に — рядом, до; soto-ni 外に — вне, снаружи, за. Этими и подобными словами заменяются в японском русские наречия и — в соединении с существительными — даже предлоги:

Watakushi-no mae-wa anata des 私の前はあなたです — предо мною — вы

Watakushi-no mae-ni tēburu-ga aru 私の前にテーブルがある — предо мной находится стол

Tēburu-no ue-ni テーブルの上に — на столе

Tēburu-no shita-ni テーブルの下に — под столом

Watakushi-no tokoro-ni 私の所に — у меня

Soto-wa hijō-ni samui des 外は非常に寒いです — снаружи очень холодно

Mado-no soto-ni 窓の外に — за окном.

Иначе обстоит дело с наречным обозначением места действия: и там, и здесь — atchi-kotchi あつちこつち; кое-где, и в этом месте, и в том — tokoro-dokoro ところどころ.

Как видно из этих примеров, обычный вид этих наречий — повторение: либо одного и того же слова (tokorodokoro), либо двух с противоположным смыслом (atchikotchi).

Обстоятельства времени

§ 153. Обозначение действия глагола с точки зрения времени могут быть двух видов:

а) Указывать на время действия глагола могут наречия, образованные от существительных, обозначающих время. При этом здесь, как и в предыдущем случае, наречие образуется либо путем повторения одного и того же существительного, либо соединения двух существительных с противоположным значением. Так, например: hi 日 — день, hibi 日々 — ежедневно; toki 時 — время, tokidoki 時々 — время от времени, иногда; asa 朝 — утро, yū 夕 — вечер, asayū 朝夕 — по утрам и вечерам.

Для тех же целей могут употребляться существительные, временное значение которых является только косвенным, как, например, слово tabi 度 — раз, которое может иметь временной смысл, как и русское — «один раз», «однажды». Поэтому возможно наречие tabitabi 度々 со смыслом — раз за разом, часто.

б) На вопрос *когда* могут отвечать и существительные времени, вроде kyō 今日 — сегодняшний день, asu 明日 — завтрашний день, kotoshi 今年 — этот год, ima 今 — настоящее время, mukashi 昔 — древность, старина, itsu 何時 — какое время, itsumo 何時も — любое время. Все эти слова — полноценные существительные и, как таковые, могут быть в предложении и подлежащим, и дополнением, и определением. Например:

Kyō-wa atsui hi-des 今日は暑い日です — сегодняшний день жаркий

Asu-no shigoto-wa muzukashii 明日の仕事はむづかしい — работа завтрашнего дня — трудна

Ima-wo sugosu 今を過す — пережить настоящее время.

В то же время эти самые существительные в бессуффиксальном падеже могут играть роль наречий: kyō тогда будет соответ-

ствовать русскому «сегодня», asu — завтра, ima 今 — теперь, itsu — когда, itsumo — всегда: watakushi-wa kyō Ōsaka-e ikimas 私は今日大阪へ行きます — сегодня я еду в Осака.

Примечание. Эти же и подобные им существительные могут играть роль наречий, если поставлены в выделительном падеже: kyō-wa 今日は — сегодня, haru-wa 春は — весною, ima-wa 今は — теперь. Разумеется, это не исключает возможности употребления этих существительных в выделительном падеже и в функции подлежащего.

3. Китайские обстоятельственные слова

§ 154. Все вышеизложенное касалось наречий, являющихся словами чисто японского происхождения. Однако, в арсенал японского языка входит огромное количество слов, идущих из китайского. Одна часть усвоена японским языком полностью, т. е. понятна на слух без обращения к помощи иероглифического письма; другая усвоена лишь частично — в определенных общественных слоях. Максимум усвоения китайского слова выражается в обращении с ним как с японским словом и грамматически. Так, например, китайское слово kirei 綺麗 — красивый допускает теперь иногда — пока еще, правда, не в литературном языке — спряжение по типу обычных японских прилагательных: оно может иметь 2-ю основу — kireku 綺麗く по образцу хотя бы utsukushiku 美しく (от японского utsukushii 美しい — красивый) *).

Иногда от китайских слов производятся новые — по правилам японского словообразования. Так, например, китайские прилагательные допускают в настоящее время образование существительных при помощи того же самого суффикса sa, посредством которого образуются такие существительные от обычных японских прилагательных: atsui 暑い — жаркий, atsusa 暑さ — жара; seikaku 正確 — точный (китайское качественное понятие), seikakusa 正確さ — точность.

Возможно от китайских существительных образовать и глаголы, по внешности аналогичные с японскими: ryōri 料理 — еда, приготовление кушанья, ryōru 料る — готовить; gebi 下卑 — низменное, gebiru 下卑る — быть низменным; riki 力 — сила, усилие, rikimu 力む — силиться, стараться.

Максимумом чуждости китайского слова являются неологизмы, пускаемые в оборот каким-нибудь автором, неологизмы — как составляемые заново, так и представляющие собою призванные к новой жизни какие-нибудь старинные китайские слова. На первых порах эти неологизмы имеют обычно самое ограниченное хождение.

---

*) Такому превращению kirei в японское прилагательное, вероятно, несколько способствует формальное сходство с этим последним: конечное i напоминает обычное окончание прилагательных (хотя и нужно учитывать, что среди японских прилагательных нет оканчивающихся на ei).

Между этими двумя полюсами лежит целая вереница градаций, и большинство китайских слов принадлежит именно к этим средним ступеням.

Однако, каково бы ни было по степени своего вхождения в японский язык китайское слово, оно, попадая в японскую фразу, начинает подчиняться ее законам, может играть роль и подлежащего, и сказуемого, и дополнения, и определения. Может оно быть и обстоятельственным словом, т. е. выполнять функцию наречия. В этом случае возможны различные типы таких наречных китайских слов.

Собственно-наречия

§ 155. Некоторые китайские слова могут быть выделены в группу собственно-наречий. Это значит, что иначе, как в роли наречий, они обычно не встречаются. Это будут такие слова, как: takusan 澤山 — много, taisō 大層 — очень, issai 一切 — полностью, все, kinrai 近來 — в последнее время и т. д.

Среди таких слов можно выделить группу, имеющую устойчивый формальный наречный признак — суффикс zen. Таковы, например, слова: shizen 自然 — естественно, gūzen 偶然 — случайно, kōzen 公然 — официально, открыто и т. д.

Некоторые китайские слова, превращаясь в наречия, получают наречный суффикс ni. Таковы, например, слова: jitsuni 實に — поистине, jūbunni 充分に — достаточно и т. д. Кстати сказать, и предыдущие наречия на zen также обычно имеют при себе это окончание ni.

Производные наречия

§ 156. Прочие случаи китайских наречий относятся к разряду производных. Эти производные также могут быть различными.

1. В роли наречий количественных могут выступать счетные слова в бессуффиксальном падеже. Ими могут быть: количественные — issatsu 一册 — один том (о книгах), hon-wo issatsu kau 本を一册買ふ — купить одну книгу; nijū 二十 — двадцать, ringo-wa nijū aru 林ごは二十ある — яблок имеется двадцать; порядковые daiichi 第一 — первый, daiichi, kyō-wa samui 第一, 今日は寒い — во-первых, сегодня холодно; наречные — nido 二度 — два раза, дважды, sambai 三倍 — тройная величина, втройне. Другими словами, они могут определять действие глагола с количественной точки зрения во всех смыслах.

2. В роли наречия, определяющего глагол с качественной стороны, могут выступать те китайские слова, которые сами по себе являются качественными понятиями. Это те китайские прилагательные, о которых шла речь при разборе составных сказуемых, как, например: rippa 立派 — великолепный, shinsetsu 親切 — любезный и т. д. Наречная форма от них образуется через прибав-

ление суффикса ni, так что получается: rippani 立派に — великолепно, shinsetsuni 親切に — любезно.

3. В роли качественных определений могут выступать также существительные, обозначающие как предмет, так и всякое «опредмеченное» понятие. В этих случаях возможны два варианта:

а) Существительное, обращаясь в наречие, принимает суффикс ni по аналогии с соответствующим японским случаем: fushigi 不思議 — чудо, fushigini 不思議に — странно, чудом; shidai 次第 — порядок, shidaini 次第に — постепенно; yūri 有利 — выгода, yūrini 有利に — выгодно и т. д. Например:

Fushigini tasukatta 不思議に助かつた — спасся чудом
Shidaini tomu 次第に富む — постепенно богатеет.

б) Бывают случаи, когда такое соединение с ni сопровождается повторением самого существительного, т. е. возможны формы: shidaishidaini 次第々々に, betsubetsuni 別々に (от betsu ni 別に — отдельно, особенно).

Это значит, что дается усиление признака, содержащегося в данном слове, что в свою очередь в соединении с вещественным значением слова обусловливает оттенок «разделительности», т. е. картина та же, что и в соответствующих японских случаях:

Shidaishidaini 次第々々に — на каждой отдельной ступени
Betsubetsuni 別々に — в каждом случае, отдельно.

От некоторых китайских существительных наречия образуются посредством составного суффикса to shite として. Например: zentai-to shite 全體として — в целом, izen-to shite 依然として — попрежнему (от слов: zentai 全體 — целое, izen 以前 — прежнее).

§ 157. Такое превращение в наречие посредством присоединения ni обычно бывает с теми словами, которые сами по себе указывают по преимуществу на качественный признак. Если же китайское слово само по себе этого качественного оттенка не имеет, оно, прежде чем превратиться в наречие, должно этот оттенок получить. Этот оттенок достигается путем соединения его со специальным суффиксом teki 的. Например: kakumei 革命 революция, kakumeiteki 革命的 — революционный, kakumeitekini 革命的に — революционно; seiji 政治 — политика, seijiteki 政治的 — политический, seijitekini 政治的に — политически; ningen 人間 — человек, ningenteki 人間的 — человеческий, ningentekini 人間的に — по-человечески.

§ 158. Некоторую аналогию с образованиями на teki представляют собою образования с вспомогательными словами fū 風 — образ, дух, вид, и shiki 式 — форма, стиль. Соединяясь с предметными существительными, эти суффиксы придают им качественный оттенок. Например: Nippon 日本 — Япония, nipponfū 日本風 — японский (свойственный Японии, в япон-

ском духе), nipponshiki 日本式 — японский (такой, какой бывает в Японии, в японском стиле). В дальнейшем, посредством ni получается наречие: nipponfūni 日本風に — по-японски, в японском духе, nipponshikini 日本式に — по-японски, в японском стиле. Отличие этих выражений от nipponteki 日本的, означающего тоже «по-японски», в том, что в последнем случае дается чисто качественное определение, в первых же двух — с дополнительным оттенком «в духе» или «в стиле». Иначе говоря, teki от себя никакого значения не вносит, будучи чистым суффиксом; fū же и shiki такой оттенок вносят, поскольку они являются значащими словами.

§ 159. В роли наречия, определяющего действие глагола со стороны времени, могут выступать китайские существительные, обозначающие время. Здесь также возможны два варианта:

а) существительное дается составное. При этом оно может быть двойным, т. е. повторением одного и того же слова, как, например: nen 年 — год, nennen 年々 — ежегодно; nichi 日 — день, nichinichi 日々 — ежедневно. Оно может быть и соединением из двух слов с противоположным значением каждого: chū 晝 — день, ya 夜 — ночь, chūya 晝夜 — денно и нощно; shi 始 — начало, shū 終 — конец, shijū 始終 — от начала до конца, все время;

б) существительное дается с особым суффиксом chū (в сочетаниях jū 中), придающим всему целому значение полноты в смысле времени. Например: nen 年 — год, nenjū 年中 — весь год, круглый год *).

Любопытно отметить, что этот чисто китайский суффикс, подобно teki, встречается и при японских существительных и, также как при китайских, превращает существительные в наречия. Например: natsu 夏 — лето, natsujū 夏中 — все лето, круглое лето; machi 町 — город, machijū 町中 — по всему городу; mura 村 — деревня, murajū 村中 — по всей деревне **).

III. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Собственно-наречия

§ 160. Все вышеизложенное касалось обстоятельств, когда они определяют действие глагола или указывают на обстановку этого действия. Однако, наречия-обстоятельства могут определять также и качество, т. е. прилагательное. Такого рода обстоятельства, строго говоря, сводятся к одному виду:

*) Сочетания с jū могут, однако, оставаться существительными. Тогда они ставятся в нужном падеже: shintai 身體 — тело, shintaijū-ni 身體中に — во всем теле (косвенное дополнение).

**) Однако, как и при китайских словах, возможно сохранение этих образований, как существительных: heyajū-ga damatte ita 部屋中がだまつてゐた — вся комната молчала.

они определяют интенсивность качественного признака, выраженного прилагательным.

Определять собою интенсивность качества могут, прежде всего, собственно-наречия. На высшую степень интенсивности указывают наречия: hanahada 甚だ — очень, sukoburu 頗る — чрезвычайно, mottomo 最も — в высшей степени (по-русски — «самый», как знак превосходной степени). Например:

Hanahada omoshiroi 甚だ面白い — очень интересный
Sukoburu uruwashii 頗る麗はしい — замечательно красивый; чрезвычайно оживленный, бодрый
Mottomo yoroshii 最もよろしい — самый лучший.

Таковы же и китайские наречия: taisō — 大層 — очень, taihen 大變 — чрезвычайно, ichiban 一番 — в высшей степени (самый) и др.

На меньшую степень интенсивности указывают наречия: kanari 可なり — довольно, yohodo 餘程 — в достаточной мере, sukoshi 少し — немного, yaya やゝ — несколько и т. д. Например:

Kanari takai 可なり高い — довольно дорогой
Yohodo takai 餘程高い — в достаточной мере дорогой
Yaya takai やゝ高い — несколько дорогой.

На другой оттенок интенсивности указывают наречия: hotondo 殆ど, hobo ほゞ — почти, motto もつと — более, amari あまり слишком, nao なほ — еще более и т. д. Например:

Hotondo onaji 殆ど同じ — почти одинаковый
Motto takai もつと高い — более дорогой
Amari takai あまり高い — слишком дорогой
Nao ii なほいゝ — еще более хороший (лучший).

Та же интенсивность, только с некоторым качественным оттенком определяется собственно-наречиями на ni: kotoni 殊に — особенно, harukani 遙に — гораздо. Таковы же и китайские tokuni 特に — особенно и т. д. Например:

Kotoni omoshiroi 殊に面白い — особенно интересный
Harukani ii 遙にいゝ — гораздо лучший.

Производные наречия

§ 161. Интенсивность определяют собою некоторые из производных наречий.

Такими могут быть наречия, образованные от существительных при помощи суффикса ni に, как, например: makotoni omoshiroi 誠に面白い — поистине интересный, bakani takai 馬鹿に高い — страшно дорогой; таковы же и китайские: jitsuni kirei 實に綺麗 — поистине красивый, fushigini omoshiroi 不思議に面白い — удивительно интересный.

Такими могут быть наречия, образованные от глаголов с суффиксом te, впрочем из числа тех, которые уже полностью

превратились в готовое наречие, как, например: kiwamete omoshiroi 極めて面白い — чрезвычайно интересный.

Китайские наречия на teki

§ 162. В качестве наречий при прилагательных могут стоять и китайские слова на teki 的. Они встречались уже при глаголах, причем там они обычно, служа обстоятельством при глаголе, имели при себе суффикс ni. При прилагательных этот суффикс обычно не требуется. Так, например, если при глаголе нужно сказать tekini: tetteitekini shokuminchi-ni tenka-suru 徹底的に植民地に轉化する — «полностью обращаются в колонию», то при прилагательном достаточно одного teki: hikakuteki ōi 比較的多い — сравнительно много, hikakuteki hayai 比較的早い — сравнительно быстрый.

IV. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

§ 163. В японском языке встречаются обстоятельства и при существительных. Они возможны, однако, только в тех случаях, когда вещественное значение этих существительных допускает какие-то градации.

а) Это бывает большею частью с существительными, обозначающими расстояние, направление или величину, размер. Как то, так и другое может иметь такие градации. Например, при существительных направления:

Tonari 隣 — окрестность, соседство, sugu tonari すぐ隣 — сейчас же по соседству: sugu tonari-ga yuya des すぐ隣が湯屋です — тут же рядом — баня

Migi 右 — правая сторона, sukoshi migi 少し右 — немного вправо: sukoshi migi-wo muku 少し右を向く — повернуть немного правее

Higashi 東 — восток, motto higashi もっと東 — больше к востоку: motto higashi-ni aru もっと東にある — находиться больше к востоку

При существительных величины:

Ichinen 一年 — один год, tatta ichinen たつた一年 — только один год

Hitori 一人 — один (про людей), mō hitori もう一人 — еще один

Hitotsu 一つ — один (про предметы), ima hitotsu 今一つ — еще один

Sanri 三里 — три мили, wazuka sanri 僅か三里 — всего три мили.

б) Встречаются такие наречия и при существительных, непосредственно не обозначающих направление или величину, но могущих на время такое значение принимать. Так, например,

если слово watakushi 私 — я воспринимать в смысле количественном, при нем возможно наречие tada たゞ — только; например: tada watakushi たゞ私 — только я один. Если слово tetsugaku 哲學 — философия получает некоторый количественный оттенок, при нем может стоять такое наречие, как moppara 專ら — исключительно: moppara tetsugaku-wo kenkyū-suru 專ら哲學を研究する — заниматься исключительно философией.

Все описанные случаи дают собственно-наречия без суффикса ni. Возможны, однако, такие же наречия и с этим суффиксом. Например:

Masani 正に — как раз, masani jūroku 正に十六 — как раз 16 (лет), masani sakari 正に盛り — как раз расцвет (самый расцвет).

Примечание. Описанные случаи соединения существительного с наречием имеют в виду именно наречное обстоятельство в точном смысле этого слова, т. е. выраженное грамматически примыканием. От них нужно отличать те случаи, когда какое-нибудь наречие определяет существительное так же, как определяет это последнее другое существительное, т. е. по способу управления, иначе — в родительном падеже на no. Например: shibaraku-no aida 漸くの間 — некоторый промежуток времени, в течение некоторого времени, chotto-no henka 一寸の變化 — маленькое изменение и т. д. Если при этом такое наречие имеет суффикс ni, этот суффикс отпадает, например: yatara-ni やたらに — без разбору, как попало; yatara-no michi-wo tōru-to iu wake-ni mo ikan やたらの道を通るといふわけにも行かん — выбирать путь без разбору не годится.

Точно также возможны случаи, когда собственно-наречие определяет существительное и посредством суффикса na: kanari-na dekigoto 可成な出來事 — небольшое происшествие.

V. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИ НАРЕЧИЯХ

§ 164. Возможны обстоятельства и при наречиях, и прежде всего при наречиях производных. В виду этого они представляют собою, в сущности, лишь простое видоизменение прежде описанных случаев. Если прилагательное или глагол, а также существительное может иметь при себе наречное обстоятельство, то это обстоятельство может сохраниться при нем и тогда, когда оно само превращается в наречие. Так, например, прилагательное yoi よい — хороший может иметь при себе наречное определение taihen 大變 — очень; и это определение остается и тогда, когда yoi よい превращается в форме yoku よく в наречное обстоятельство — «хорошо», стоящее при каком-нибудь глаголе, вроде, например, глагола dekiru 出來る — получиться, быть изготовленным: taihen yoku dekita 大變よく出來た — получилось очень хорошо. Склоняемое прилагательное shizuka 靜か — тихий может иметь при себе наречное определение sukoshi 少し — немного, как, например: koko-wa sukoshi shizuka-des こゝは少し靜かです — здесь немного тише. Оно может сохраняться и с переходом прилагательного shizuka 靜か в форме shizukani 靜かに в наречное обстоятельство при ка-

ком-нибудь глаголе, как, например: sukoshi shizukani itte-kudasai 少し静かに云つて下さい — говорите немного тише.

То же самое может наблюдаться и при отглагольных наречиях. Если можно сказать hidoku naku ひどく泣く — сильно плакать, т. е. поставить наречное определение hidoku при глаголе naku, то можно это hidoku сохранить и при превращении глагола naku в форме naite 泣いて или nakinagara 泣きながら в наречие: hidoku ひどく naite 泣いて (или nakinagara 泣きながら) hanasu 話す — рассказывать, сильно плача.

Ничего нового не представляют также и случаи наречных обстоятельств при существительных, когда те сами превращаются в наречия. Так, например, если можно сказать mō hitotsu もう一つ — еще один или tada hitori たゞ一人 — только один, как существительное с наречным обстоятельством, то эти же сочетания могут быть и при обращении числительного hitori 一人 и hitotsu 一つ в наречие: kashi-wo mō hitotsu kudasai 菓子をもう一つ下さい — дайте мне еще одно пирожное; ani-wa uchi-ni tada hitori orimas 兄は家にたゞ一人をります — брат сидит дома только один.

§ 165. Возможна постановка наречных обстоятельств и при собственно-наречиях, при таких именно, которые имеют некоторый качественный оттенок в своем значении. Таково, например, наречие sukoshi 少し, которое можно определить другим наречием mō もう — еще: mō sukoshi kudasai もう少し下さい — дайте еще немного; наречие shibaraku しばらく — несколько, некоторое время, которое можно определить другим наречием ima いま — еще: ima shibaraku matte kudasai いましばらく待つて下さい — подождите еще немного *).

VI. ЗВУКОВЫЕ ОБРАЗЫ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ СЛОВА

1. ЗВУКОВЫЕ ОБРАЗЫ ЯПОНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

§ 166. Обстоятельственными словами в предложении являются также так называемые звуковые образы. Японский язык обладает огромным количеством таких звуковых образов, и живая разговорная речь обычно бывает обильно уснащена ими. Задача их — дать представление о чем-нибудь в виде живого образа, т. е. пополнить понятийное содержание речи образным. Это может касаться самых различных сторон восприятия.

Ряд таких «слов» призван вызывать слуховое представление; таковы звуковые образы типа gorogoro ゴロゴロ — раскаты грома, potsupotsu ポツポツ — накрапывание дождя, sawasawa サワサワ — шелест листьев и т. д.

---

* Не смешивать ima — еще с ima — настоящее время, теперь, а также mō — «еще» с mō — «уже».

Другие такие «слова» должны дать зрительное представление: pikapika ピカピカ — блеск молний, mukumuku ムクムク — копошение, burabura ブラブラ или burari ブラリ — свисание, болтание в воздухе, guruguru グルグル или gururi グルリ — обегание кругом и т. д.

Некоторые подобные «слова» стремятся дать некое «идейное» представление: pinpin ピンピン — жизнерадостность, бойкость; tekipaki テキパキ — резвость, проворство; guzuguzu グズグズ — брюзгливость, ворчание; nikoniko ニコニコ — улыбчивость, веселость и т. д.

Иногда посредством этих «слов» стремятся дать представление о динамике действия: sūto スーと, zūto ズーと — постепенное, но быстрое нарастание какого-нибудь действия; jitto ヂッと, satto サッと, futto フッと — напряженная концентрация действия и т. д.

Бывают случаи, когда такие слова вызывают представление смешанного типа, либо идейно-зрительного: nikoniko — одновременно и зрительный образ улыбающегося человека и идейный образ веселого нрава; либо зрительно-слухового: dokudoku ドクドク — клокотанье, одновременно слуховой образ и образ зрительный.

Все такие звуковые образы для японца выполняют свои функции не чем другим, как только своим звуковым составом, подбором звуков: сами звуки должны вызывать то или иное представление у слушающего.

§ 167. Эти звуковые образы, входя в состав предложения, по необходимости превращаются в «слова» и «грамматизируются», т. е. превращаются в некую часть речи, и далее — в какую-то часть предложения. Таким образом, с точки зрения грамматики они являются: по линии морфологии — наречиями, по линии синтаксиса — обстоятельственными словами.

Превращаясь в наречия, такие звуковые образы могут принимать специальный наречный суффикс to, могут и не принимать его. Здесь возможны три варианта:

а) при некоторых из этих звуковых образов суффикс to необходим:

Gyotto odoroku ギョッと驚く — остолбенеть (от изумления или страха)
Gyotto niramu ギョッと睨む — зорко (или сердито) глядеть
Donto kane-wo mōkeru ドンと金を儲ける — нажить кучу денег
Patto hirogeru パッと擴げる — мгновенно распространиться;

б) при некоторых из этих звуковых образов суффикс to может быть, а может и не быть:

Dosshiri (to) hataraku ドッシリ(と)働く — основательно поработать

Bisshori (to) nureru ビッショリ(と)濡れる — насквозь промокнуть;

в) многие из этих звуковых образов не требуют суффикса to:
Guzuguzu iu グズグズ云ふ — брюзжать, ворчать
Doshidoshi yattsukeru ドシドシやつつける — расправляться «раз-два».

Примечание. О степени необходимости присоединения to в том или ином случае можно сказать только то, что, повидимому, здесь намечается такое правило:

а) односложные звуковые образы присоединяют to обязательно; вернее, окончание to входит уже в состав их собственной звуковой характеристики;

б) звуковые образы, имеющие окончание ri, могут присоединять суффикс to, могут обходиться и без него;

в) звуковые образы, состоящие из повторения какого-нибудь звукового комплекса (чаще всего двухслогового), обычно не нуждаются в to.

2. ЗВУКОВЫЕ ОБРАЗЫ КИТАЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

§ 168. Звуковые образы даются и китайским языком, в котором они играют не менее важную роль, чем в японском, осложняясь еще тем, что в то время как в японском они действуют только подбором своих звуков, в китайском они действуют и своей иероглифической картиной, могущей вызывать не менее яркий образ, чем звуковой подбор. Поэтому в китайском языке распространение звуковых образов даже шире, чем в японском, так как возможность воздействия иероглифической картиной открывает широкое поле для пользования ими не только в слышимой звуковой речи, но и в речи немой, т. е. письменной.

«Грамматическими формантами» таких китайских звуковых образов, т. е. формантами, превращающими их в наречия, являются обычные наречные суффиксы китайского языка: zen или nen 然, en 焉, ko 乎 и ji 爾; ср., например, наречия bakuzen 漠然 — туманно, неопределенно; kotsuen 忽焉 — вдруг, моментально; danko 斷乎 — решительно; kanji 莞爾 — с улыбкой.

Звуковые образы китайского происхождения могут иметь следующие формы:

а) простое повторение двух звуковых комплексов: kyūkyū 汲々 — без отдыха, усердно, рачительно;

б) повторение двух одинаковых звуковых комплексов с одним из вышеуказанных формантов, преимущественно zen 然 и ko 乎: shunshunzen 蠢々然 — кишмя (кишит), shinshinko 駸々乎 — галопом;

в) соединение двух близких или аналогичных по значению звуковых комплексов: shukkotsu 倏忽 — внезапно;

г) соединение двух повторений: shishi-kitsukitsu 孜々拮々 — ревностно.

§ 169. Входя в японскую фразу, эти китайские звуковые образы подвергаются уже японской грамматической обработке. Здесь возможны следующие случаи:

а) эти китайские слова не принимают никаких японских суффиксов;
б) они принимают вспомогательное образование toshite;
в) они принимают японское to;
г) они принимают японское ni.

СКАЗУЕМОЕ

§ 170. Как видно из всего предыдущего, сказуемое в японском предложении, обычно, бывает выражено либо глаголом, либо прилагательным. Даже в том случае, когда налицо так называемое сказуемое именное, т. е. составленное из имени (предикативного члена) и связки, все равно, без глагола, хотя бы и в виде связки, дело не обходится. Поэтому и можно сказать, что — если исключить особые случаи — сказуемым бывает либо глагол, либо прилагательное. Лишь эти части речи обладают свойством быть сказуемым, свойством предикативности.

В дальнейшем мы и перейдем к разбору того, как может это сказуемое изменяться в зависимости от тех смысловых заданий, которые даются высказыванию, заключенному в предложении: как оно изменяется в зависимости от тех дополнительных признаков, которые вносятся в состав понятия сказуемого, не нарушая, конечно, его вещественного, присущего ему по природе значения. Так как при этом сказуемым могут быть два различных типа слов — глагол и прилагательное, то каждый из этих типов имеет свои формальные особенности. Ввиду этого и приходится их рассматривать отдельно.

Те изменения, которые может претерпевать сказуемое вообще, наиболее полно представлены глагольным сказуемым. Изменения, которым может подвергаться такое сказуемое, сводятся к добавлению к тому вещественному содержанию, которое присвоено понятию данного действия, дополнительного признака: залога, наклонения, времени и вида. Эти четыре признака и составляют те главнейшие оттенки, которые могут придаваться понятию какого-нибудь действия в зависимости от цели и содержания высказывания.

I. ВРЕМЯ И ВИД

1. ВРЕМЯ И ВИД СКАЗУЕМОГО-ГЛАГОЛА

§ 171. Времена в японском языке, как и во всяком ином языке, бывают трех основных видов: настоящее, прошедшее и будущее. Для каждого из них существует своя собственная грамматическая форма.

1. Значение настоящего времени изъявительного наклонения имеет 3-я основа глагола: yomu 讀む, miru 見る, taberu 食べる, kuru 來る, suru する, masu ます. Например:

Tori-ga tobu 鳥が飛ぶ — птица летает
Hito-ga oyogu 人が泳ぐ — человек плавает
Kim-kun-wa nippongo-wo hanashimas 金君は日本語を話します — Ким говорит по-японски.

2. Прошедшее время изъявительного наклонения образуется от 2-й основы глагола с присоединением суффикса ta (с соблюдением необходимых для глаголов 1-го спряжения правил этого присоединения): yomu 讀む — yonda 讀んだ, tobu 飛ぶ — tonda 飛んだ, shinu 死ぬ — shinda 死んだ; toru 取る — totta 取つた; utsu 打つ—utta 打つた, morau 貰ふ—moratta 貰つた; kaku 書く — kaita 書いた, sawagu 騒ぐ — sawaida 騒いだ; taberu 食べる — tabeta 食べた, miru 見る — mita 見た; suru する — shita した; kuru 來る — kita 來た; masu ます — mashita ました. Например:

Kōba-de hataraita 工場で働いた — работал на заводе
Kesa shichiji-ni okimashita 今朝七時に起きました — сегодня утром встал в 7 часов.

3. Значение будущего времени изъявительного наклонения имеет 5-я основа глагола: yomō 讀まう, miyō 見やう, tabeyō 食べやう, shiyō しやう, koyō 來やう, mashō ませう. Например:

Watakushi-mo nippongo-wo naraimashō 私も日本語を習ひませう — я тоже буду заниматься японским языком
Ato-kara ikō あとから行かう — я пойду вслед.

К этому нужно добавить следующие оговорки:

а) Форма настоящего времени может, как и в русском языке, употребляться в приложении к действиям, имеющим свершиться, если это действие произойдет обязательно:

Kon'ya-wa jūniji-goro yasumimas 今夜は十二時頃やすみます — сегодня вечером я ложусь спать (лягу спать) в 12 часов
Rainen-wa Nippon-e ikimas 來年は日本へ行きます — в будущем году я еду (поеду) в Японию.

Эта же форма настоящего времени может употребляться — опять-таки, как и в русском — в приложении к действиям, имевшим место в прошлом, если эти действия рассматриваются как бы происходящими на глазах:

Issakunen-wa mizu-ga deru; sakunen-wa ryūkōbyō-ga hayaru. Kono nisannen-wa warui koto-bakari tsuzuku — 一昨年は水が出る, 昨年は流行病がはやる。この二三年は悪いことばかり續く — в позапрошлом году (было) — наводнение, в прошлом (была) — эпидемия; эти два-три года все время продолжаются одни только бедствия.

б) Форма прошедшего времени может употребляться в значении точного настоящего:

Arimashita ありました — (как же, конечно) есть.

в) Форма будущего времени может употребляться в смысле предполагаемого настоящего:

Arimashō ありませう — вероятно, есть.

Та же форма может употребляться и в смысле призыва к действию:

Sā, ikimashō さあ, 行きませう — ну, пойдем!

Примечание. В токиоском диалекте существует форма прошедшего времени, имеющая, повидимому, чисто повествовательный характер. Эта форма образуется присоединением к обычному прошедшему времени суффикса kke: attakke 有つたつけ, ittakke 行つたつけ и т. п. Kono-aida Chieko-kara tegami-ga kitakke この間千枝子から手紙が来たつけ — Да... на-днях пришло письмо от Тиэко.

По мнению Мацусита (op. cit., p. 184), эту форму употребляют, когда о прошедшем действии говорят, как бы припоминая. Мацусита указывает одновременно, что сейчас в самом Токио этой формы уже почти нет, но в окружающем районе она все еще нередко употребляется. Этот суффикс можно встретить и после связки da, как, например, sō dakke.

§ 172. Таковы общие положения о японских временах. Они требуют, однако, ряда уточнений, иначе понимание их и употребление может быть очень ошибочно. И вообще японские времена представляют собою явление, для перевода на русский язык достаточно сложное.

Прежде всего необходимо помнить, что каждое из перечисленных времен является настоящим, прошедшим и будущим в самом общем смысле, настолько общем, что иногда в сущности даже теряет конкретный признак времени, превращаясь в высказывания общего характера. Так, например, tori-ga tobu 鳥が飛ぶ (tobimas 飛びます) — птица летает, означает не то, что «такая-то птица в данный момент летит», а что «существо, именуемое птицей, вообще летает», т. е. «обладает способностью летать». Тот же смысл имеет и фраза «человек плавает» или «он говорит по-японски». В этой последней фразе содержится лишь указание, что данное лицо вообще умеет говорить по-японски, а вовсе не то, что оно вот сейчас на японском языке говорит.

Так же обстоит дело и с прошедшим временем. Оно имеет самое общее значение прошедшего, прошедшего вообще; иначе говоря, фраза ame-ga futta 雨が降つた означает, что «дождь вообще шел», но шел ли он в определенный момент в прошлом, или в какой-то длительный период, начал ли он только итти в прошлом, или тогда же и закончился, этого в ней не дано.

Также и с будущим: оно означает, что действие вообще относится к будущему без всяких каких бы то ни было уточнений. Shiken-wo ukeyō 試験を受けやう означает «буду держать экзамен» вообще, и вовсе не обязательно то, что я, скажем, собираюсь завтра итти на экзамен.

Этот общий характер временных значений и следует отметить, прежде всего, при разборе японского времени. В неразрывной связи с этим находится и второе свойство японского вре-

мени: само по себе оно никаких видовых признаков не имеет. Иначе говоря, фраза tsuki-ga demashita 月が出ました (deta 出た) не означает точно ни «луна всходила», ни «луна взошла». В самой форме demashita (deta) нет точного признака, позволяющего утверждать, что мы имеем здесь какой-то дополнительный оттенок, кроме простого обозначения прошедшего времени — в самом общем смысле.

§ 173. Фактически необходимое — в определенных условиях высказывания — уточнение временных обозначений идет прежде всего по линии точного приурочивания действия к определенному моменту в настоящем, прошедшем и будущем.

а) Это делается не при помощи какой-нибудь глагольной формы, — для этого есть существительные-наречия, представляющие собою именно такое точное обозначение времени. Поэтому достаточно соединить глагол с существительным, вроде kyō (konnichi) けふ (今日) — сегодня, ima 今 — в настоящее время, сейчас, как становится ясным, что дело происходит не вообще, а в точном смысле этого слова в настоящее время, и такая фраза, как, например: kyō ame-ga furimas (furu) 今日雨が降ります (降る), будет означать точно настоящее время: сегодня идет дождь; ima benkyō shimas (suru) 今勉強します (する) будет означать: в настоящее время я занимаюсь.

Слова sakujitsu 昨日 (kinō きのふ), issakujitsu 一昨日 (ototoi おとゝい) — вчера, третьего дня и т. д. придают такой же уточненный смысл и прошедшему времени: sakujitsu ame-ga furimashita (futta) 昨日雨が降りました (降つた) — вчера шел дождь. Слова вроде asu あす (myōnichi 明日) — завтра, asatte あさつて (myōgonichi 明後日) — послезавтра, myōnen 明年 — будущий год и т. п. делают то же с будущим временем: myōnichi shiken-wo ukemashō (ukeyō) 明日試験を受けませう (けやう) — завтра буду держать экзамен.

б) Однако, все эти уже вполне уточненные — в смысле момента действия — обозначения времени не содержат указаний на то, существует ли данное действие сейчас, как свершившееся; совершалось ли оно только в прошлом, или совершилось; совершится ли оно в будущем, или только будет совершаться.

В японском языке сама форма об этом ничего не говорит. Так же, как и при уточнении момента действия, тот или иной ее смысл в этом направлении получается извне от дополнительных, в самом глаголе не содержащихся моментов.

§ 174. Первым моментом, определяющим этот — назовем его «видом» — оттенок действия глагола, является безусловно контекст, т. е. общий смысл фразы. Так, например, прошедшее время от глагола deru 出る — «выходить» будет deta. Как понимать это deta? — «вышел» или «выходил»? Это становится ясным не из формы deta, которая может означать и то и другое, но из соотношения всех понятий, входящих в высказывание, и даже больше — из самой обстановки, в

которой это высказывание происходит. Так, например, если я скажу: tsuki-ga deta 月が出た, то эта фраза, вполне законченная сама по себе, еще все же не дает точного указания на то, о чем именно идет здесь речь: о том ли, что «луна всходила», или «луна взошла». Но если я скажу: goran nasai! tsuki-ga deta 御覧なさい！月が出た, т. е. прибавлю слово «взгляните», то станет ясным, что иначе, как «луна взошла», эту фразу понять нельзя.

§ 175. Вторым моментом, определяющим видовой признак действия, будет наличие специальных приглагольных обстоятельств — особых наречий, своим вещественным значением говорящих о том, что действие совершилось или еще совершается. Одним из таких наречий является mō もう — уже. Оно придает оттенок совершенного вида как прошедшему, так и настоящему времени. Так, например, если простое прошедшее от kaeru 歸る — возвращаться — kaetta 歸つた может означать и «возвратился», и «возвращался», то в соединении с mō, т. е. сочетание mō kaetta もう歸つた, будет означать «уже вернулся»; mō kaita もう書いた — «ужé написал». Так же и с настоящим временем: kaku 書く значит «пишу» вообще; mō kaku もう書く означает совершенный вид настоящего времени: «уже пишу».

В таком же смысле, как mō, употребляется принадлежащее книжному языку наречие sudeni 旣に, переводимое на русский язык также словом «ужé».

Примечание. Не нужно забывать, что в русском языке наречие «ужé» не имеет того исключительного значения, как японское mō. В русском оно может сочетаться формально и с несовершенным видом; например, возможен вопрос: «вы уже читали эту книгу?» И ответ: «да, уже читал». Также возможно и иначе: «вы уже прочитали эту книгу?» — «да, уже прочитал». Дело в том, что в русском видовой оттенок действия дается, в сущности, не глагольной формой и не контекстом, а совершенно иным глаголом (в данном случае «читать» и «прочитать»). Поэтому и нет надобности в том, чтобы этот видовой оттенок шел откуда-нибудь извне, и слово «ужé» имеет чисто временнóе значение, указывая на то, что действие вообще происходило в прошлом. Иначе говоря, с помощью русского «ужé» можно достигнуть того оттенка, который дается японским прошедшим временем, как таковым. Поэтому русскую фразу «я эту книгу уже читал», в которой содержится указание только на то, что действие имело место в прошлом, эту фразу по-японски нужно передать простым прошедшим временем, без всякого mō, т. е.: watakushi-wa hon-wo yomimashita 私は本を讀みました. Фраза же watakushi-wa mō hon-wo yomimashita 私はもう本を讀みました по-русски будет означать — «я эту книгу прочитал».

Слову mō もう противостоит наречие mada まだ — еще (еще не), обычно сочетающееся с отрицательной формой глагола. По своему вещественному значению mada означает действие, еще не совершившееся или не совершающееся, так что может быть и при настоящем времени и при прошедшем. Так, например: mada kaeranai まだ歸らない — еще не возвращается; mada kaeranakatta まだ歸らなかつた — еще не вернулся (его еще не было). Однако, не следует упускать из виду, что признак, вносимый как mō, так и mada, мы называем видовым

только условно, поскольку в русском нет особого оттенка законченности и незаконченности действия, иначе как в форме вида. Поэтому mada kaeranai можно по-русски передать и словами: «он еще не вернулся» (вернулся — в данном случае будет и по-русски не прошедшее время, т. е. не то, что происходило в прошлом, а настоящее, именно то, что происходит сейчас: «его еще нет»).

Если наличием специальных временных слов, вроде kyō けふ — сегодня, kinō きのふ — вчера, asu あす — завтра, определяется более точно момент действия, то двумя условиями: 1) контекстом, как словесным, так и в виде обстановки, и 2) соединением с определяющим наречием mō (sudeni), mada, определяется более точно характер настоящего, прошедшего и будущего времени с точки зрения видовой.

§ 176. Значение вида в точном смысле этого слова имеет форма глагола, передающая оттенок длительности.

Длительность действия в японском языке имеет совершенно определенное грамматическое выражение: она обозначается описательным способом при посредстве глаголов iru ゐる, oru をる — быть, находиться — для лиц, aru ある — быть, находиться — для предметов. Центр тяжести в таком случае переносится на эти глаголы, так как таково их собственное вещественное значение, говорящее именно о длительности, о процессе. Тогда основной глагол превращается в простое обстоятельство к этим глаголам и ставится в деепричастной форме на te. Таким образом, получается форма kaite iru (imas) 書いてゐる（ゐます）, что будет означать «пишу» в смысле: «я (сейчас) занят писанием»; ame-ga futte iru (imas) 雨が降つてゐる（ゐます）— дождь идет (именно сейчас); anohito-wa tatte iru (imas) あの人は立つてゐる（ゐます） — он стоит — в смысле: «он сейчас стоит».

Также и с длительностью в прошедшем времени. Для этого нужно только поставить глагол iru (oru) в прошедшем времени. Получаются обороты: kaite ita (imashita) 書いてゐた（ゐました）— я писал, ame-ga futte ita (imashita) 雨が降つてゐた（ゐました） — дождь шел, anohito-wa tatte ita (imashita) あの人は立つてゐた（ゐました） — он стоял.

То же и с будущим: kaite imashō 書いてゐませう — буду писать, ame-ga futte imashō 雨が降つてゐませう — дождь будет итти, anohito-wa tatte imashō あの人は立つてゐませう — он будет стоять.

Такой же оттенок длительности в приложении к предметам будет иметь сочетание деепричастной формы глагола с глаголом aru: tegami-ga kaite arimas (aru) 手紙が書いてあります（ある）— письмо (есть) написано — указывает на то, что письмо существует в данное время в написанном виде; tegami-ga kaite arimashita (atta) 手紙が書いてありました（あつた） — письмо было написано — говорит о том, что письмо в таком виде суще-

ствовало в прошлом; то же в отношении будущего и во фразе: tegami-ga kaite arimashō (arō) 手紙が書いてありませう(あらう) — письмо будет написано.

Как в свое время было сказано (см. § 133), эта форма длительности может соответствовать и совершенному виду. Так всегда бывает при сочетаниях глагольного деепричастия на te с глаголом aru (отрицательно — nai): kaite aru — написано, sutete aru — брошено, kimete aru — решено. Получаемые формы соответствуют настоящему совершенному, прошедшему совершенному, будущему совершенному. Так же бывает и при сочетаниях глагольного деепричастия с глаголом iru, если это глагольное деепричастие образовано от глагола, говорящего о законченном действии: kuru — приходить, kite iru — пришел (а не приходит), dekiru — быть готовым, dekite iru — готов (а не готовится).

Примечание. Нет надобности распространяться, что все эти сочетания с iru (oru) и aru ничего специфического по существу не представляют: все это лишь один из случаев сочетаний отглагольных наречий на te, как определений к глаголу, с этим главным глаголом. И только общий характер вещественного значения этих глаголов, создавая возможности постановки при них любого глагольного определения, выделяет эти сочетания из всей массы подобных. Поэтому, по существу, достаточно было сказать об этих сочетаниях при разборе соединений глагольных определений на te с глаголами. Вторичное упоминание этих сочетаний здесь обусловлено только необходимостью подчеркнуть универсальность глаголов iru (oru) и aru и ту роль, которую они сами играют в отношении всех прочих глаголов, с сохранением в силе всех оговорок, которые там сделаны, как относительно временного значения сочетаний, так и видового.

§ 177. Значение вида имеет форма на tari たり (2-я основа с суффиксом tari). Она имеет смысл, близкий к русскому многократному виду, так как обозначает действие повторяющееся.

а) Форма на tari сама по себе не содержит никаких иных признаков, кроме признака повторяемости действия; поэтому эта форма, как таковая, может встречаться в предложении только в тех случаях, когда все прочее, чем характеризуется действие — признак времени, наклонения и т. д.,—а также зависимость данного действия от другого выражены другими глаголами. Это значит, что без всяких суффиксов она может встречаться в предложении только как срединное сказуемое в сочиненном предложении, т. е. тогда, когда смысл времени и прочее дается вторым глаголом — главным сказуемым:

Kare-wa ikudomo nomettari kuigi-ni hitai-wo uchitsuketa 彼は幾度ものめつたりくひぎに額を打ちつけた — он все время спотыкался и, наконец, ударился лбом о крепежную балку

Minna-wa nedoko-kara karada-wo noridashite hiyakashitari jōdan-wo itta みんなは寢床から身體を乘り出して冷かしたり冗談を云つた — все, повысунувшись с коек, все время острили и отпускали шутки.

В этих примерах срединные сказуемые nomettari のめつたり, hiyakashitari 冷かしたり являются равноправными с конечными uchitsuketa 打ちつけた, itta 云つた, и поскольку эти последние определяют собой общее время действия всего предложения, постольку форма на tari и стоит без всяких дополнительных суффиксов.

б) Однако, когда этой равносильности нет, когда глагол в форме на tari сам должен иметь признак времени или когда этот глагол зависит от другого, тогда форма на tari по необходимости принимает суффикс, с помощью которого оказывается возможным обозначить и синтаксическую зависимость глагола в форме на tari от другого, и время, наклонение и т. п. Роль такого суффикса играет глагол suru — делать.

Это становится необходимым прежде всего тогда, когда глагол в форме на tari стоит в качестве конечного сказуемого:

> Sannin, gonin, aruiwa jūshigonin mo tsunagizuna-no kireta kobune-no yō-ni butsukari, motsure soshite kyū-ni hanaretari shita 三人, 五人, 或は十四五人もつなぎ綱の切れた小舟の様に打つかり, 縺れそして急に離れたりした — трое, пятеро, все 14—15 человек, как лодки, у которых оторвались причальные канаты, сталкивались, сбивались в кучу и вдруг рассыпáлись.
>
> Fuito mata kyū-ni barabara-ni kuzuretari shita フイトまた急にバラバラに崩れたりした — и вдруг опять сразу распадались на куски
>
> Kodomo-no yō-ni nakidashitari suru 子供のやうに泣き出したりする — и все время, как ребенок, начинает плакать.

Постановка suru бывает необходима и тогда, когда глагол в форме на tari подчинен какому-нибудь другому глаголу:

> Kare-wa te-wo futtari, wameitari shite kōdō-wo hashiridashita 彼は手を振つたり喚いたりして坑道を走り出した — все время размахивая руками и испуская вопли, он бросился бежать по проходу в шахте.

В этом примере первая форма futtari (размахивая) равносильна последующей wameitari (испуская вопли), которая подчинена главному глаголу hashiridashita (бросился бежать), как обстоятельственное слово, почему и потребовалось для обозначения этого подчинения присоединить к форме wameitari глагол suru, поставив его в обстоятельственной форме на te (деепричастие).

в) Форма на tari может встречаться в предложении в сочетании с другой такой же. Это значит, что мы имеем соединение или сопоставление двух (или нескольких) действий.

Примером такого соединения может служить вышеприведенная фраза: kare-wa te-wo futtari, wameitari shite kōdō-wo hashiridashita 彼は手を振つたり喚いたりして坑道を走り出し

た — все время размахивая руками и испуская вопли, он бросился бежать по проходу в шахте.

г) Иногда такое соединение двух или нескольких действий может быть скрытым, т. е. может называться только первое, прочие же, обычно сходные по смыслу, подразумеваются:

Kono hen-ni tattari shite-wa ikemasen この邊に立つたりしてはいけません — здесь стоять (и вообще находиться) нельзя

Hito-ni warawaretari suru-to, gaibun-ga warui 人に笑はれたりすると外聞が惡い — нехорошо для репутации, если над тобою будут смеяться (подразумевается — и вообще пренебрежительно относиться).

д) Если сопоставляются два действия, друг другу противоречащие, получается смысл не только повторения, но и чередования этих двух действий:

Ame-wa futtari, yandari shita 雨は降つたり止んだりした — дождь то шел, то переставал.

Такое чередование двух действий особенно явно выступает, когда обе формы на tari образованы от одного и того же глагола, только первая стоит в положительном обороте, вторая — в отрицательном:

Ame-wa futtari, furanakattari shimas 雨は降つたり降らなかつたりします — дождь то идет, то не идет.

Примечание. В общелитературном языке встречается иногда форма многократного вида на mi, которая принадлежит письменному языку. Эта форма обычно употребляется для обозначения двух чередующихся и противоположных по значению действий: nisannichi-yori furimi, furazumi — adakamo samidare-no gotoshi 二三日より降りみ降らずみあだかも五月雨の如し — последние два-три дня то льет, то перестанет — точно майский дождь; nakimi waraimi 泣きみ笑ひみ — то плачет, то смеется.

§ 178. Признак совершенного вида может вноситься и новым глаголом, сочетаемым с основным. В роли таких глаголов могут выступать kuru 來る — приходить, oku 置く(おく) — класть, shimau 終ふ — кончать. Главный глагол при этом ставится в форме деепричастия на te: katte kimas 買つてきます — куплю (а не «буду покупать»); kaite okimas 書いて置きます — запишу, напишу (а не «буду писать»); yonde shimaimas 讀んで終ひます — прочту (а не «буду читать»). То же и в прошедшем времени: katte kimashita 買つて來ました — купил, kaite okimashita 書いて置きました — записал, yonde shimaimashita 讀んで終ひました — прочитал (кончил читать).

Не трудно заметить, что синтаксически мы имеем здесь явление, сходное с сочетанием деепричастия какого-нибудь глагола с глаголами iru, oru и aru. С точки зрения японской синтаксической конструкции управляющим глаголом являются kuru, oku, shimau, глаголы же kau 買ふ, kaku 書く, yomu 讀む в форме

katte 買つて kaite 書いて и yonde 讀んで являются всего лишь обстоятельственными словами при них. Поэтому, строго говоря, katte kimashita 買つて來ました значит — купив, пришел, kaite okimashita 書いて置きました — написав, положил, yonde shimaimashita 讀んで終ひました — прочитав, закончил. Наличие у этих дополнительных глаголов известной самостоятельности сказывается и в том, что каждый из них вносит признак совершенного вида со своим особым оттенком: kuru указывает еще и на направление действия — к себе или для себя; oku — на то, что данное действие совершено в расчете на его результат и в дальнейшем; shimau — на окончание процесса действия.

Примечание. Необходимо отметить, что соединение глаголов с глаголами oku и shimau в современном разговорном живом языке имеет все признаки особой формы спряжения глаголов: дополнительные глаголы oku и shimau совершенно сливаются с основными глаголами; например: kaite 書いて oku+置く дает в живом языке kaitoku 書いとく; kaite 書いて + shimau 終ふ дает в живом языке две возможные формы: kaitchimau 書いつちまう и kaitchau 書いつちやう.

Таким образом, в приложении к разговорному языку эту часть учения о спряжении глаголов можно было бы построить так:

простые времена: kaku, kaita, kakō

прогрессивная форма: kaiteru

совершенный вид: а) форма завершенности действия с точки зрения эффективности его — kaitoku; б) форма законченности действия с точки зрения процесса — kaitchimau или kaitchau.

2. ВРЕМЯ СКАЗУЕМОГО-СВЯЗКИ

§ 179. Образование времен в составных сказуемых, т. е. в сказуемых, составленных из существительного как предикативного члена и вспомогательного глагола как связки, представляет собою, собственно говоря, частный случай общей системы образования времен у глаголов, поскольку признак времени дается не существительным, остающимся всегда неизменным, а вспомогательным глаголом. Поэтому речь может итти только о том, как конкретно образуются времена от различных связок.

Глагол gozaimas 御座ゐます, могущий играть только роль связки, по существу же являющийся полнозначным глаголом, образует времена по правилам глагола masu, с которым он соединен: настоящее — gozaimas 御座ゐます; прошедшее — gozaimashita 御座ゐました; будущее — gozaimashō 御座ゐませう.

Специальные глаголы связки da и des имеют следующее образование времен: настоящее — da, des だ, です; прошедшее — datta, deshita だつた, でした; будущее — darō, deshō だらう, でせう.

3. ВРЕМЯ СКАЗУЕМОГО-ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

§ 180. Прилагательные сами по себе по временам не изменяются. Простое спряжение прилагательных знает только формы: заключительную (она же определительная) — 3-я основа, обстоятель-

ственную (наречную) — 2-я основа, с образуемой от нее в дальнейшем деепричастной (на te) и уступительной (на tomo), и условную — 4-я основа, соединенная с суффиксом ba. Например:

2-я основа:

washi-wa takaku tobimas 鷲は高く飛びます — орел летает высоко; koko-wa takakutte miharashi-ga ii こゝは高くて見晴しがいゝ — здесь высоко и вид хорош; koko-wa takakutomo atsui-des こゝは高くとも暑いです — здесь хоть и высоко, но все же жарко;

3-я основа:

kono yama-wa zuibun takai この山は随分高い — эта гора очень высока

kore-wa zuibun takai yama-desu これは随分高い山です — это очень высокая гора;

4-я основа:

yama-ga takakereba, yuki-ga aru 山が高ければ雪がある — если горы высоки, (на них) бывает снег.

§ 181. Таким образом, простое спряжение прилагательных состоит из форм, имеющих только одно синтаксическое значение. Временные формы даются сложным спряжением, образуемым путем соединения прилагательного, которое для этого берется во 2-й основе, с глаголом aru — быть. Временные формы этого aru как в положительной, так и в отрицательной форме служат временными формами всего целого. Например:

Konnichi-wa atsuku aru (atsukunai) 今日は暑くある（暑くない） — сегодня (не) жарко

Sakujitsu-wa atsukatta (atsukunakatta) 昨日は暑かつた（暑くなかつた） — вчера (не) было жарко

Myōnichi-wa atsukarō (atsukunakarō) 明日は暑からう（暑くなからう） — завтра (не) будет жарко.

Как видно из приведенных примеров, при сочетании 2-й основы прилагательного, оканчивающейся на ku, с прошедшим и будущим временем глагола aru в положительной форме, т. е. с atta あつた и arō あらう, конечное u в окончании ku выпадает и прилагательное сливается с atta и arō в одно слово. Глагол aru может соединяться с суффиксом mas, т. е. выступать в форме arimas あります. В таком случае при соединении с прилагательным слияния в одно слово не получается, конечное u в окончании ku поэтому не выпадает, и мы имеем:

Atsuku arimas (arimasen) 暑くあります（ありません） — (не) жарко

Atsuku arimashita (arimasen deshita) 暑くありました（ありませんでした） — (не) было жарко

Atsuku arimashō (arimasen deshō) 暑くありませう（ありませんでせう） — (не) будет жарко.

Нужно заметить также, что форма настоящего времени в положительном обороте, т. е. atsuku aru 暑くある, в современном живом разговорном языке, как таковом, не употребляется. Если она и существует, то как форма письменного языка. Поэтому взамен этой формы обычно употребляется сама 3-я основа прилагательных: atsui 暑い, так что фраза «сегодня жарко» будет иметь вид: kyō-wa atsui 今日は暑い.

Согласно сказанному выше, фраза kyō-wa atsui может иметь и такой облик: kyō-wa atsui des 今日は暑いです. Иначе говоря, сказуемое-прилагательное, стоящее на конце предложения в 3-й, заключительной основе, может иметь после себя глагол-связку des. В таком случае времена образуются от этого des: atsui des 暑いです — настоящее, atsui deshita 暑いでした — прошедшее, atsui deshō 暑いでせう — будущее.

§ 182. Нет необходимости повторять, что все эти различные способы образования времен связаны с определенными социальными оттенками речи и образуют в целом социальное спряжение прилагательного по временам.

Одна и та же фраза «это лето жаркое» будет иметь, в зависимости от обстановки, следующий вид:

а) в речи о предметах «нейтрально», или в речи, обращенной к «низшему», а также к «равному», но при несколько фамильярном отношении к нему, применяется предметное спряжение: kono natsu-wa atsui (=atsuku aru) この夏は暑い(=暑くある);

б) в речи, обращенной к лицам «высшим», официально-почтительной применяется спряжение с глаголом gozaimas ござゐます: kono natsu-wa atsū gozaimas この夏は暑うござゐます;

в) в речи, обращенной к «равным», наиболее нейтрально, вообще — спряжение с глаголом des: kono natsu-wa atsui des この夏は暑いです.

Прошедшее время, т. е. фраза «лето прошлого года было жаркое», будет соответственно иметь вид: kyonen-no natsu-wa atsukatta 去年の夏は暑かつた, atsū-gozaimashita 暑うござゐました, atsui-deshita 暑いでした или atsuku-arimashita 暑くありました.

Будущее, т. е. фраза «лето будущего года будет жаркое», будет иметь вид: rainen-no natsu-wa atsukarō, atsū-gozaimashō, atsui-deshō или atsuku-arimashō 來年の夏は暑からう, 暑うござゐませう, 暑いでせう, 暑くありませう.

§ 183. Такова схема употребления времен прилагательных. Однако, живая разговорная практика устанавливает — как стандартное (в токиоском диалекте), т. е. как наиболее употребительное — следующее спряжение прилагательных, в котором отдельные времена берутся из разных перечисленных типов спряжений:

В положительной форме:

Настоящее время atsui (n) des 暑い(ん)です
Прошедшее время atsukatta (n des) 暑かつた(んです)
Будущее время atsui deshō 暑いでせう

В отрицательной форме:

Настоящее время atsuku (wa) nai (des, n des) 暑く(は)ない(です, んです)
Прошедшее время atsuku (wa) nakatta (des, n des) 暑く(は)なかつた(です, んです)
Будущее время atsuku (wa) nai (n) deshō 暑く(は)ない(ん)でせう

Примечание. В отрицательных формах — при соответствующем стиле речи — вместо nai могут стоять отрицательные формы от arimas: atsuku (wa) arimasen 暑く(は)ありません, atsuku (wa) arimasen deshita 暑く(は)ありませんでした, atsuku (wa) arimasen deshō 暑く(は)ありませんでせう.

II. НАКЛОНЕНИЯ

§ 184. Глагол в японском языке может подвергаться изменениям по наклонениям. Таких наклонений в японском языке три: 1) повелительное, 2) дубитативное, 3) желательное. Кроме этих наклонений, можно говорить также и о наклонениях условном и уступительном. Однако, первые три наклонения являются основными, употребляются в законченных предложениях,— иначе говоря, могут служить сказуемым в главном предложении. Наклонения условное и уступительное являются вторичными: некоторые из основных наклонений, как, например, желательное, могут ставиться и в условном и в уступительном; кроме того, эти два наклонения могут встречаться только в качестве сказуемых придаточного предложения.

1. ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Приказ или повеление в японском языке выражается специальной глагольной формой, которая может, таким образом, называться формой повелительного наклонения. Эта форма образуется: у глаголов 1-го спряжения самой 4-й основой, как таковой; у глаголов 2-го спряжения — 2-й основой с добавлением специального суффикса ro. Например: ike 行け — иди (от iku 行く — итти), tore 取れ — бери (от toru 取る — брать), miro 見ろ — смотри (от miru 見る — смотреть), dero 出ろ — ступай (от deru 出る — выходить), okiro 起きろ — вставай (от okiru 起きる — вставать), ukero 受けろ — получай (от ukeru 受ける — получать). Глагол suru образует повелительную форму от 2-й основы с добавлением также суффикса ro, т. е. shiro しろ — делай; глагол kuru 來る образует эту форму от первой основы с добавлением суффикса i, т. е. koi 來い — иди сюда.

Кроме того, у некоторых глаголов значение повелительного наклонения имеет их современная 2-я основа:

а) группа «вежливых» глаголов 1-го спряжения: nasaru なさる (делать), kudasaru 下さる (давать), ossharu おつしやる (го орить), irassharu いらつしやる (итти, приходить, находиться) имеет повелительное: nasai なさい, kudasai 下さい, osshai おつしやい, irrasshai いらつしやい;

б) глагол 2-го спряжения kureru 呉れる (давать) имеет повелительное наклонение kure 呉れ.

В военной команде повелительное наклонение у глаголов 2-го спряжения также выражается одной 2-й основой без суффикса.

Примечание. Необходимо отметить, что повелительное наклонение от suru — shiro употребляется с дополнением в дательном падеже в смысле союза «будь»: hontō-ni shiro, uso-ni shiro 本當にしろ噓にしろ — будь это правда, будь это ложь...

Такова картина образования повелительного наклонения. Она, однако, разнообразится и усложняется различными дополнительными элементами.

Прежде всего необходимо заметить, что форма повелительного наклонения глаголов 2-го спряжения (а также suru) с окончанием на ro воспринимается как исключительно грубая. Она как будто близка к русскому повелительному наклонению в единственном числе, т. е. к форме «иди», «смотри», «ступай» и т. д. Но в то время как русская форма имеет самое широкое употребление в смысле оттенков: от грубого оклика, приказа до почти что просьбы, японская содержит в себе скорее один только первый смысл: она употребляется для приказания или же в случаях особо грубоватой фамильярности: isoide tabero! 急いで食べろ！— ешь скорей! kore-wo miro! これを見ろ！— взгляни на это! sō shiro! さうしろ！ — сделай так! Поэтому в живой речи она заменяется различными другими выражениями, в зависимости от социальных оттенков речи.

§ 185. Так, иногда прибегают к суффиксу na.

Чаще всего он соединяется со 2-й основой глагола. Например:

Kono hon wo yonde mina! この本を讀んでみな！— прочитай эту книгу!

Watakushi-to issho-ni oidena! 私と一緒においでな！— пойди вместе со мной!

Hayaku soko-wo orina! 早くそこを降りな！— скорей слезай оттуда!

Возможно, однако, встретить этот суффикс для придания того же смысла повелительного наклонения и после наречной формы глаголов на te:

Kore-wo koko-ni oitena! これをこゝにおいてな！— положи это здесь!

Возможен этот суффикс и после китайских существительных, как частей глагольного выражения: hayaku goran-na! 早く御覧

な！— смотри скорей! (goran — взгляд, как часть глагольного выражения goran-nasaru 御覧なさる — смотреть); goji-ni okoshite chōdai-na! 五時に起して頂戴な！— разбуди в пять часов (chōdai — получение, как часть глагольного выражения chodai-suru 頂戴する — получать; здесь — как вспомогательный глагол, указывающий на то, что действие направлено в сторону говорящего).

Эти формы на na отличаются от всех предыдущих именно тем, что повеление в них звучит не так категорически, не в виде безапелляционного приказа. Здесь может быть и оттенок предложения, и обращения внимания, и даже просьбы. Поэтому переводить ее по-русски можно и единственным числом «смотри» и множественным «смотрите», в зависимости от того, как говорят данные лица: на *ты* или на *вы*, т. е. от качества отношений разговаривающих в социальном, служебном, родственном, дружеском и т. п. смыслах и от общей обстановки самого разговора. Во всяком случае смысла грубого приказа эта форма глаголов иметь не может.

§ 186. Вместо формы на ro употребляется особая форма повелительного наклонения, образуемая у глаголов 2-го спряжения из 1-й основы с суффиксом i. Так, например: kono mondai-wo toite mii この問題を解いて見い — попробуй разрешить этот вопрос (mii от miru 見る — смотреть; здесь — как вспомогательный глагол «пробовать»); sō shite kurei そうしてくれい — сделай так (kurei — от kureru くれる — давать; здесь kureru — как вспомогательный глагол).

Эта же форма на i встречается и у глагола suru (присоединяется к 1-й основе), поскольку suru нормально дает повелительное shiro しろ. Например: kochira-no hō-ni sei こちらの方にせい— сделай так (остановись на этом). Она же, как единственная, существует у глагола kuru 来る — приходить: koi 来い. Например: hayaku koi 早く来い — скорей приходи. Но поскольку kiro 来ろ невозможно и koi эту форму заменяет, постольку это koi воспринимается как грубый приказ.

§ 187. То же стремление избегнуть «грубой формы» на ro заставляет язык использовать в качестве суффикса повелительного наклонения и восклицательную частицу yo よ. Частица эта встречается в различных случаях: и после изъявительного наклонения, и после восклицательных оборотов (см. ниже, § 361); ее функция — усиливать предыдущее. Она может усиливать также и обыкновенное повелительное у глаголов 1-го спряжения. Там тоже вполне возможны, например, такие сочетания: mate yo! 待てよ！— подожди! стой! (mate — 4-я основа, — повелительное наклонение от глагола matsu 待つ — ждать); uchi-e kaette hanashite ike-yo! 家へ歸つて話して行けよ！— пойди домой и расскажи! (ike — 4-я основа, — повелительное наклонение от iku 行く — итти).

Впрочем, в живой речи это «подкрепление» повелительного у

глаголов 1-го спряжения часто придает всему целому оттенок известной риторичности, приподнятости стиля. Например:

Fuke-yo, kaze... Agare-yo, sudare... 吹けよ風…あがれよ簾…— Вей, речной ветер! Взвивайся, бамбуковая штора!;
Ayume-yo, kouma... hashire-yo, kouma... 歩めよ小馬…走れよ小馬…— Шагай, лошадка!.. беги, лошадка!..

Иначе говоря, восклицательное происхождение yo не исчезает бесследно.

У глаголов 2-го спряжения эта восклицательная частица yo, однако, употребляется как заменяющая собою суффикс ro, только со значительным смягчением резкости и категоричности последнего. Так, вместо miro 見ろ можно встретить miyo 見よ, вместо tabero 食べろ — tabeyo 食べよ и т. д. Также и seyo せよ вместо shiro しろ. Употребление yo в таком смысле настолько распространено, что заставляет грамматики даже иногда говорить о двух суффиксах повелительного наклонения для глаголов 2-го спряжения: ro и yo. Это, конечно, неверно, так как основное значение и употребление yo совершенно иное — восклицательное, и только косвенно оно играет роль повелительную.

Примечание 1-е. Частица yo встречается и в безглагольных повелительных оборотах; именно она тогда как бы и несет всю полноту функций повелительного наклонения. Например: gomen-yo! 御免よ！ — извини, извините; dō narō-to mama-yo! どうならうとまゝよ！ — предоставь делу итти, как оно идет; sate-yo! さてよ！ — ну! (в смысле — ну, делай же, начинай!). Правда, все эти обороты могут быть легко развиты в глагольные повелительные: стоит только вставить как будто пропущенное nasai なさい — gomen nasai-yo! 御免なさいよ; dō narō-to mama-ni shi-nasai-yo! どうならうとまゝにしなさいよ！

Примечание 2-е. В некоторых местностях Японии образование повелительного наклонения от глаголов 2-го спряжения аналогично с глаголами 1-го спряжения, т. е. для всех спряжений повелительным наклонением одинаково служит 4-я основа сама по себе. Иначе говоря, как у глагола 1-го спряжения yomu 讀む — читать повелительным наклонением будет 4-я основа yome! 讀め！ — читай, так и от глаголов 2-го спряжения okiru 起きる, ukeru 受ける повелительным наклонением будет 4-я основа: okire 起きれ, ukere 受けれ — вставай, получай. Так обстоит дело, например, в диалекте Этиго.

Так же точно по литературным памятникам можно установить, что и одна 1-я основа (или 2-я основа) глаголов 2-го спряжения когда-то употреблялась в смысле повелительном, т. е. что от глаголов, например, moeru 燃える — гореть повелительное было moe 燃え — гори, от osameru 治める — управлять — osame 治め — управляй, устраивай. Теперь этого, повидимому, нет, но следы этого первоначального значения вскрываются в том, что сейчас никакого специального повелительного суффикса глаголы 2-го спряжения могут не требовать: достаточно одной усилительно-восклицательной частицы yo.

Примечание 3-е. Суффикс ro, как суффикс повелительного наклонения, — явление отнюдь не всеяпонское. Оно принадлежит кантōским диалектам и к западу от Хаконэ уже не встречается; там всюду вместо ro идет yo. После революции Мэйдзи, несмотря на приобретение токиоским диалектом положения господствующего, это ro на всю страну все-таки не распространилось. Наоборот, его «грубость» заставила даже в насаждаемом

«стандарте» буржуазного языка допустить возможность замены его более «мягким» кансайским уо.

Примечание 4-е. Относительно суффикса i можно сказать только то, что он встречается, повидимому, как нормальный к западу от Киото. Там, например, говорят вместо miyo 見よ просто mii みい, вместо seyo せよ — sei せい.

Таким образом, получается своеобразное «районирование» Японии по признаку суффиксов повелительного наклонения у глаголов 2-го спряжения: в Канто — ro; дальше на запад до Кинки включительно — уо よ; еще дальше к западу — i い.

Примечание 5-е. Суффикс na, подобно уо, также, повидимому, не является по существу повелительным: он также относится к восклицательным, усиливающим эффект всего высказывания в целом. Повелительный смысл выражений вроде watakushi-to issho-ni oide-na! 私と一緒においでな！ обусловлен, вероятно, пропускаемым, но подразумеваемым глаголом kudasaru 下さる в повелительной форме kudasai 下さい: watakushi-to issho-ni oidə kudasai-na! 私と一緒においで下さいな！. Также и во всех прочих случаях налицо этот или подобный глагол nasai) пропуск:

Kono hon-wo yondə mi (nasai)-na! この本を讀んでみ(なさい)な！
Hayaku mi (nasai)-na! 早く見(なさい)な!
Kore-wo koko-ni oite (kudasai)-na! これをこゝにおいて(ください)な！

Слово chōdai 頂戴, правда, имеет смысл просьбы без всякого добавления; оно само есть как бы повелительное наклонение и может заменять собою и nasai и kudasai: motte kite chōdai (=kudasai) 持つて來て頂戴(下さい) — принеси, принесите; kashite chōdai 借して頂戴 — одолжи, одолжите.

§ 188. Сфера употребления повелительного наклонения представляет самый широкий простор для выявления различных социальных оттенков речи, поскольку именно здесь с наибольшей выразительностью выступают все градации социальных отношений: по-иному обращаются в буржуазном обществе к подчиненному, по-иному — к «высшему»; по-иному муж обращается к жене, по-иному — она к мужу и т. д. Кроме того, в сфере повелительного наклонения очень ярко обнаруживаются все эмоциональные оттенки речи, а также смысловые варианты ее: одно дело — прямой приказ, другое — просьба, третье — обращение внимания и т. п. Поэтому наряду с перечисленными формами повелительного наклонения в самом широком, пожалуй, даже наиболее широком применении, находятся сложные формы, составленные из основного глагола и какого-нибудь из «социальных» глаголов: nasaru なさる, kudasaru 下さる, kureru くれる, tamau 賜ふ. Здесь возможны следующие типы:

а) вежливый приказ, официальное обращение, приглашение совершать такое-то действие вообще: 2-я основа главного глагола с префиксом о, соединенная с повелительным от nasaru: o-kaki-nasai お書きなさい — пишите!

б) вежливая просьба о совершении какого-нибудь конкретного действия: деепричастие главного глагола (на te) с повелительным от kudasaru: kaite kudasai 書いて下さい — напишите, пожалуйста!

Современная практика живой речи вполне допускает соединение kudasai со 2-й основой глаголов, — с предшествующим префиксом о и даже без него:

O-machi-kudasai お待ち下さい }— подождите, пожалуйста;
Machi-kudasai 待ち下さい

в) простая просьба — в разговоре между «равными» или близкими; а также вежливая просьба в обращении к «низшим»: деепричастие главного глагола и повелительное наклонение от kureru くれる с префиксом o или без него: kaite-kure 書いてくれ или kaite o-kure! 書いておくれ！— напиши! пиши!

г) простая просьба — в фамильярном обращении, преимущественно между мужчинами: деепричастие главного глагола и повелительное наклонение от сложного kuretamau くれ給ふ: kaite-kure-tamae! 書いてくれ給へ！— напиши!

д) особо вежливая просьба, главным образом в устах женщин: соединение главного глагола с глаголами kudasaru 下さる и nasaru なさる, взятыми в форме на masu ます, поставленной во 2-й повелительной форме («мягкое повелительное наклонение»): o-hairi-nasaimashi お入りなさいまし — входите, пожалуйста; matte kudasaimashi 待つて下さいまし — подождите, пожалуйста;

е) вежливая просьба, чаще всего в устах женщин, но нередко и у мужчин, при обращении к детям («ласковое повелительное наклонение»): деепричастие с вспомогательным словом chōdai 頂戴: mottekite-chōdai 持つて來て頂戴 — принесите! принеси!

ж) вежливая просьба или предложение, например, в устах торговца при обращении к покупателю («подобострастное повелительное наклонение»): соединение глагола с 1-й повелительной формой от mas ます: irasshaimase! いらつしやいませ！— пожалуйте-с!

Примечание. В редких случаях повелительное наклонение может существовать и у прилагательных. Оно образуется при этом не от самих прилагательных, а от глагола aru, соединяемого с прилагательным, по тому же принципу, по которому образуется спряжение прилагательных по временам; например, ōkare 多かれ — пусть будет много, от ōku+are.

Эти формы встречаются, однако, главным образом в особых оборотах типа ōkare sukunakare 多かれ少なかれ — много ли, мало ли; hayakare osokare 早かれおそかれ — рано или поздно.

§ 189. Отрицательное повелительное наклонение или запрещение образуется от 3-й основы всех глаголов с присоединением суффикса na: toruna! 取るな！— не бери, miruna! 見るな！— не смотри, kuruna 來るな！— не приходи, wasureruna 忘れるな！— не забывай, suruna! するな！— не делай! Например: Asane suruna 朝寝するな！— не спи по утрам! Koko-e kuruna! こゝへ來るな！— не ходи сюда! Kiita koto-wo wasureruna! 聞いたことを忘れるな！— не забывай того, что слышал! Mō kesshite sonna tokoro-e ikuna もう決してそんな所へ行くな！— больше в такое место никогда не ходи!

Эта запретительная форма может также как бы «подкре-

пляться» вспомогательной частицей yo: sonna koto-wo shinasaruna yo! そんなことをしなさるなよ！— таких вещей не делай! При этом иногда na сливается с yo в nai: baka-wo iu nai! 馬鹿を云ふない！— не говори глупостей!

Примечание. Если повелительное наклонение образовано с помощью глаголов nasaru, kudasaru, kureru, tamau, запретительное образуется от этих последних глаголов по общему правилу: nasaruna なさるな, kudasaruna 下さるな, kureruna くれるな, tamauna 給ふな.

Впрочем, эта форма звучит слишком категорически, равняясь по смыслу прямому запрещению. Гораздо вежливее, ближе к просьбе другая форма, образованная от отрицательного деепричастия (-naide) и kudasai; например: yomanaide kudasai 讀まないで下さい — не читайте, пожалуйста.

2. ДУБИТАТИВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 190. Это наклонение выражает сомнение говорящего в том, что данное действие имеется налицо. По-русски это будет соответствовать оборотам типа: «вряд ли (есть)», «вероятно (нет)» и т. п. Образуется это наклонение посредством дубитативного суффикса mai まい, присоединяемого у глаголов 1-го спряжения к 3-й основе: torumai 取るまい, kakumai 書くまい, yomumai 讀むまい; у глаголов 2-го спряжения и kuru 來る — к 1-й основе: mimai 見まい, tabemai 食べまい, komai 來まい; глагол suru する — «делать» образует эту форму от 2-й основы: shimai しまい (форма semai せまい считается диалектическою).

Konnichichū-ni wa dekiagarumai 今日中には出來上るまい — в течение сегодняшнего дня вряд ли будет готово
Daremo mada ikumai だれもまだ行くまい — еще никто, вероятно, не ушел
Mada nemai まだ寢まい — еще, вероятно, не спит
Kyūni-wa komai 急には來まい — вряд ли явится неожиданно
Sonnani shimpai-shimai そんなに心配しまい — вряд ли он так беспокоится.

Примечание. В западных районах Японии mai присоединяется во всех спряжениях к 3-й основе, так что будет одинаково как torumai, так и mirumai. При этом 3-я основа от suru берется для современного языка книжная, т. е. su, так что дубитативная форма будет sumai すまい. В Сидзуока mai присоединяется, наоборот, всюду к 1-й основе глагола. Так что наряду с mimai 見まい будет и toramai 取らまい, aramai あらまい, semai せまい. Таким образом, современный стандартный язык объединяет в себе в отношении этой формы два разных типа, восходящих к разным системам диалектов.

3. ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 191. Желательное наклонение выражает желание говорящего произвести, совершить данное действие. По-русски это будут обороты с глаголом «хотеть»: я хочу спать, хочу итти и т. д. Образуется это наклонение посредством суффикса tai, присо-

единяемого ко 2-й основе всех глаголов, т. е. от iku 行く (1-е спряжение) — ikitai 行きたい — хочу итти; от miru 見る (2-е спряжение) — mitai 見たい — хочу посмотреть; от taberu 食べる (2-е спряжение) — tabetai 食べたい — хочу есть; от suru する — shitai したい — хочу сделать; от kuru 來る — kitai 來たい — хочу притти:

Asu-wa hayaku okitai あすは早く起きたい — завтра хочу встать рано

Hayaku uchi-e kaeritai 早く家へ歸りたい — хочу поскорее вернуться домой.

Нельзя смешивать это желательное наклонение с оборотами с глаголом «хотеть». В японском языке такой глагол существует — hossuru 欲する. Обороты с ним имеют вид дополнительных предложений и строятся так: основной глагол в будущем времени + суффикс to, затем hossuru, т. е.: watakushi-wa ikō-to hossuru 私は行かうと欲する — я хочу итти. Эти обороты будут в точности соответствовать русскому обороту с глаголом «хотеть»; если же мы прибегаем к этому глаголу при переводе японского желательного наклонения на tai, то только потому, что иного выхода нет: в русском языке нет особого желательного наклонения.

Желательные обороты с глаголом могут создаваться в японском языке, кроме глагола hossuru, еще при помощи прилагательного hoshii 欲しい — желательный. В этом случае hoshii ставится с наречной формой глагола на te, например: shirasete hoshii 知らせて欲しい — хотелось бы (желательно), чтобы вы дали знать; atte hoshii あつて欲しい — хотелось бы, чтоб было; kono nankyoku-wo toppa-subeku funtō-shite hoshii この難局を突破すべく奮闘して欲しい — (мне) хотелось бы, чтобы (они) развили энергию для преодоления нынешнего тяжелого положения. Эти обороты, как это видно из приведенных примеров, отличаются по смыслу от обычного желательного наклонения тем, что говорят не о желании говорящего самому произвести какое-нибудь действие, а о желании, с точки зрения говорящего, какого-нибудь чужого действия, т. е. действия, исходящего не от себя, а от другого (как, например, shirasete hoshii). Значение прямого желания в смысле «жаждать» имеет особый глагольный суффикс tagaru たがる: ikitagaru 行きたがる — хотеть итти; nomitagaru 飲みたがる — хотеть пить и т. п.

Примечание. Глаголы переходные, сочиняющиеся обычно с дополнением в винительном падеже, принимая форму желательного наклонения, могут этот винительный падеж сохранять, но обычно заменяют его именительным на ga; например: пью воду — mizu-wo nomu 水を飲む; хочу выпить воды — mizu-ga nomitai 水が飲みたい.

III. ЗАЛОГИ

Залоговых изменений в японском языке два: одно из них может быть названо страдательным залогом (Passiv), другое —

побудительным (Causativ). И тот, и другой не имеют полных формальных аналогий в русском языке, хотя вполне эквивалентные способы высказывания, конечно, существуют.

1. СТРАДАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

§ 192. Сказуемое в страдательном залоге легко узнается по внешнему признаку: такой глагол всегда оканчивается на reru или rareru (в нужной, конечно, временной форме). Это окончание является специфическим суффиксом страдательного залога и присоединяется к 1-й основе глагола: в 1-м спряжении — reru, во 2-м — rareru.

Например: страдательная форма от глагола 1-го спряжения toru 取る — брать — будет torareru 取られる; от глагола 2-го спряжения okiru 起る — вставать — okirareru 起られる; от ukeru 受ける — получать — ukerareru 受けられる. От неправильного глагола kuru 来る страдательная форма будет korareru 来られる; от suru する — sareru される.

Эта форма страдательного залога может иметь, в зависимости от условий высказывания, не менее шести различных функций.

Каждая из этих функций имеет свой собственный смысловой оттенок в зависимости от того, идет ли речь о лицах или о предметах. Если речь идет о лицах, т. е. действие обращается на подлежащее-лицо, возможны две функции страдательного залога: собственно-страдательная и вежливая. Если же речь идет о предметах, т. е. действие обращается на предмет, возможны четыре функции страдательного залога: ложно-страдательная функция, потенциальная функция, ценностная функция и функция самопроизвольно возникающего действия.

А. Речь о лицах

В речи о лицах действие, выраженное глаголом, стоящим в форме страдательного залога, может обращаться на лицо действительно, может обращаться на него и мнимо. В первом случае мы будем иметь собственно-страдательную функцию, во втором — вежливую. Необходимо отметить, что обе эти функции применимы только в случаях указания на конкретно происходящее или происходившее действие и не могут иметь место в обозначении действия «вообще».

Собственно-страдательная функция

§ 193. Суть дела в этом случае может быть охарактеризована сравнительно просто: все дело в том, что в предложении со сказуемым в страдательном обороте налицо, так сказать, «обращение» действия на тот предмет, от которого оно в прямом обороте исходит. Это значит, что если в прямом обороте соотношение предмета и действия строится так, что предмет является источником действия и оно от него, таким образом, исходит (я пишу), то

в страдательном обороте та же мысль высказывается не с точки зрения этого основного предмета, хозяина действия по существу, а с точки зрения какого-нибудь другого предмета, присутствующего в предложении, но не являющегося источником действия. Выражаясь формально: если в прямом обороте все приурочивается или все исходит от подлежащего, в соответствующем «обращенном» обороте это делается, исходя от другого члена предложения: дополнения, определения.

Такого рода «обращения» приводят тотчас же к изменению соотношений между другими членами предложения: то, что было подлежащим, теперь утрачивает эту свою позицию, поскольку действие уже рассматривается не как исходящее от него непосредственно; подлежащим становится то понятие, с точки зрения которого теперь это действие рассматривается. Иначе говоря: подлежащее прямого оборота при обращении в страдательный превращается в дополнение; слово, бывшее в прямом обороте дополнением или определением, становится подлежащим. Формальным признаком подлежащего и в этом случае остается именительный (на ga) или выделительный (на wa) падеж. Формальным признаком специального дополнения при страдательном залоге служит дательный (на ni), который и может, таким образом, быть назван особым видом дательного: дательным-страдательным.

Разбор японских страдательных оборотов — при наличии в запасе аналогий только из русского языка — затрудняется тем обстоятельством, что эти обороты в японском возможны при всяких глаголах, независимо от их переходности и непереходности; теоретически вполне допустимо представить себе любую мысль, перефразированную так, чтобы высказывание исходило или приурочивалось к любому элементу этого высказывания. Для русского языка это возможно при переходных глаголах. Так, например, прямой оборот «я пишу письмо» можно легко перевести в «обращенный», рассматривая все действие со стороны дополнения: «письмо пишется мною». Однако, когда глагол непереходный, это сделать можно далеко не всегда. Так, например, мысль «я лежу на кровати» перевести в обращенный план, рассматривая все целое со стороны «кровати», невозможно.

Второе затруднение при разборе японских страдательных оборотов — опять-таки при наличии одних только русских аналогий — заключается в том, что самый характер «обращенного действия» может быть несколько иным, чем в русском. Это случается, главным образом, в тех случаях, когда в прямом обороте нет дополнений, могущих быть связанными с данным действием, т. е. нет таких понятий, как бы с точки зрения которых все высказывание может быть перефразировано. Так, например, прямой оборот «я говорю» при обращении в страдательный будет в японском означать: «мне говорят» или «обо мне говорят» — в зависимости

от контекста. Прямой оборот «он умер» в страдательном будет означать: «у него (кто-то) умер». Иначе говоря, вместо того, чтобы быть самому источником действия, данный предмет сам это действие в какой-то мере «претерпевает», этому действию подвергается — в разных, конечно, смыслах, допускаемых вещественным содержанием самого слова, которое в конечном счете всем управляет.

В виду этих особенностей рассмотрим страдательные обороты этого 1-го (собственно-страдательного) типа отдельно при переходных глаголах и при непереходных.

Примечание. Слово, обозначающее лицо, от которого исходит действие, обращенное на другое лицо, ставится, как сказано выше, в дательном падеже. Однако, вместо дательного, иногда возможен исходный падеж, а также сложный оборот с no tame-ni. Например: seiyūkai-wa kokumin-kara... koto-wo yōbō-sarete iru 政友會は國民から…ことを要望されてゐる — нация желает, чтобы (партия) Сэйюкай...; suifu-wa senchō-no tame-ni ikudomo masshōmen-kara kao-ni tsuba-wo fukikakerareta 水夫は船長の爲にいくども眞正面から顔に唾を吹きかけられた — матросы были неоднократно оплеваны капитаном прямо в лицо.

Дополнение в исходном падеже не имеет, повидимому, точного смысла источника действия; оно сохраняет свой основной смысл, т. е. указывает, что такое-то действие наблюдается с такой-то стороны (к Сэйюкай со стороны нации поступают пожелания...).

Дополнение с no tame-ni представляет собою лишь стилистический вариант обыкновенного дополнения в дательном падеже, обязанный своим появлением, вероятно, влиянию китайского языка.

Страдательные обороты при переходных глаголах

§ 194. а) Основной тип прямого оборота при переходных глаголах таков: подлежащее, прямое дополнение, глагол: inu-ga kodomo-wo kanda 犬が子供を咬んだ — собака укусила ребенка. Это есть самый простой случай конструкции фразы при переходном глаголе.

В этом прямом обороте мысль высказана, так сказать, с точки зрения подлежащего — «собаки»: она здесь есть «хозяин действия», от нее исходит действие. Но ту же мысль можно изложить и с точки зрения прямого дополнения — «ребенка» — и построить всю фразу так, чтобы действие приурочивалось к нему. Согласно вышеизложенному, тогда это дополнение нужно превратить в подлежащее (т. е. поставить в именительном падеже); прежнее же подлежащее превратить в дополнение (поставить в дательном-страдательном). Тогда вся фраза получит такой вид: kodomo-ga inu-ni kamareta 子供が犬に咬まれた — ребенок укушен собакой.

б) Более сложный тип прямого оборота при переходных глаголах получается тогда, когда в состав предложения вводится определение. Так, например, простая фраза suri-ga saifu-wo totta 掏摸が財布を取つた — вор украл кошелек — может быть дополнена определением «мой» к слову кошелек, т. е. иметь следующий вид: suri-ga watakushi-no saifu-wo totta 掏摸が私の財布を取つた — вор украл мой кошелек.

Эту фразу можно переконструировать, следовательно, уже двояким образом. Во-первых, перестроить все — как в вышеприведенных случаях — применительно к прямому дополнению, т. е. построить все на слове «кошелек» (saifu) так, чтобы глагол относился к этому слову. Тогда фраза будет иметь вид (как и в предыдущем случае): watakushi-no saifu-wa suri-ni torareta 私の財布は掏摸に取られた — мой кошелек украден вором.

Во-вторых, можно построить все и на слове «я» (watakushi), фигурирующем в прямом обороте в родительном (определительном) падеже (по-русски местоимение «мой»), так, чтобы глагол относился к этому слову. Это значит перестроить фразу таким образом, чтобы прежнее определение к прямому дополнению стало подлежащим. Согласно сказанному выше, при этом нужно соблюсти следующие два правила: поставить это определение (в данном случае — определительный падеж местоимения — watakushi-no) в падеж подлежащего (т. е. в падеж на ga или wa); прежнее же подлежащее (в данном случае suri-ga — именительный падеж от suri — вор) сделать дополнением (в дательном падеже на ni); все же прочее остается без изменения, кроме, конечно, сказуемого-глагола, который ставится в страдательном залоге: watakushi-wa suri-ni saifu-wo torareta — 私は掏摸に財布を取られた.

Если предыдущую фразу — watakushi-no saifu-wa suri-ni torareta 私の財布は掏摸にとられた — еще можно передать на русский язык сходным оборотом: «мой кошелек украден вором», то эту фразу (т. е. так, чтобы подлежащим было слово «я») передать по-русски соответствующим образом нельзя: такая расстановка слов в русской фразе невозможна. Поэтому при переводе приходится прибегать к прямому обороту, т. е. переводить так: «вор украл у меня кошелек». Все отличие этого перевода от основного прямого будет заключаться в том, что вместо слова «мой» поставлено слово «у меня», чем это понятие несколько выделяется.

Камнем преткновения для передачи этой конструкции на русский язык служит, конечно, наличие прямого дополнения. По-русски при страдательном залоге оно невозможно; по-японски же, если оно допустимо при обычном глаголе, оно может сохраниться и при обращении этого глагола в страдательный. Это значит, что переходный глагол в страдательном залоге по-японски непосредственно управляет двумя падежами: винительным — на wo и дательным-страдательным — на ni. Винительным управляет сам глагол, как таковой, т. е. его основное вещественное содержание; дательным же — его «страдательная» форма. Говоря формально: в форме torareru винительным падежом управляет сам основной глагол — toru — брать, красть (например, saifu-wo toru 財布をとる — красть кошелек), дательным же — этот же глагол в соединении с суффиксом reru, т. е. torareru (suri-ni torareru 掏摸にとられる — быть обо-

краденным вором)*). Основа — tora 取ら — в форме torareru 取られる — относится к тому, что служит непосредственным объектом действия, как таковового, т. е. к слову saifu 財布 — кошелек; суффикс же reru — к тому, кто или что подвергается действию, т. е. к слову watakushi 私 — я.

Страдательные обороты при непереходных глаголах

§ 195. а) Основной и самый простой тип прямого оборота при непереходных глаголах таков: подлежащее + косвенное дополнение + сказуемое; т. е. предложение со сказуемым в виде непереходного глагола не имеет в своем составе прямого дополнения. Например: inu-ga kodomo-ni tobitsuku 犬が子供に飛びつく — собака набрасывается на ребенка.

Этот прямой оборот также может быть обращен в страдательный. Это значит, что вместо того, чтобы рассматривать все целое, исходя от «собаки», всю мысль нужно рассматривать, исходя от «ребенка», приурочив действие глагола «набрасываться» — tobitsuku к нему. Согласно общему правилу для этого нужно прежнее косвенное дополнение сделать подлежащим, прежнее же подлежащее — дополнением (на ni); глагол же, конечно, следует поставить в страдательном залоге: kodomo-ga inu-ni tobitsu-kareru 子供が犬に飛びつかれる.

Перевести на русский язык соответствующим страдательным оборотом эту фразу нельзя, так как по-русски страдательный залог от глагола «набрасываться», как непереходного, невозможен, и остается только переводить, как и первую фразу, прямым оборотом: собака набрасывается на ребенка.

б) Сложнее обстоит дело с теми фразами, в которых дано еще определение. Это последнее возможно и при подлежащем и при дополнении. Например: nyōbō-ga shinda 女房が死んだ — жена умерла и Itō-san-no nyōbō-ga shinda 伊藤さんの女房が死んだ — жена господина Ито умерла, т. е. определение Itō-san-no (г-на Ито) дано при подлежащем nyōbō (жена).

Второй пример: teki-ga temoto-e tobikomu 敵が手元へ飛び込む — враг подскакивает к самому (вплотную) и teki-ga bushi-no temoto-e tobikomu 敵が武士の手元へ飛び込む — враг подскакивает к самому воину (вплотную к воину), т. е. определение bushi-no (воина) дано при косвенном дополнении temoto-e (к самому телу).

Первую фразу Itō-san-no nyōbō-ga shinda 伊藤さんの女房が死んだ можно, следовательно, перестроить, ориентируясь на слово Itō-san — г-н Ито. Тогда это слово превратится в подлежащее (в именительном падеже на ga), прежнее же подлежащее nyōbō-ga станет специальным дополнением при страдательном залоге (в дательном на ni); глагол же, как полагается,

*) Не трудно увидеть, что этот дательный-страдательный на русский язык может переводиться творительным. Это возможно, однако, в тех случаях, когда сам глагол и по-русски можно дать в страдательном залоге: «рукопись просмотрена нами», «он узнан им» и т. п.

будет в страдательном залоге. Itō-san-ga nyōbō-ni shinareta 伊藤さんが女房に死なれた — у г-на Ито умерла жена (ср. первый прямой оборот: «жена г-на Ито умерла»).

Вторую же фразу — teki-ga bushi-no temoto-e tobikomu 敵が武士の手元へ飛び込む, — поскольку в ней содержится и косвенное дополнение, и определение, можно, следовательно, перестроить, ориентируясь и на то, и на другое, т. е. двояким образом. Если строить все на косвенном дополнении, т. е. на слове temoto-e, фраза получит следующий вид: bushi-no temoto-ga teki-ni tobikomareru 武士の手元が敵に飛び込まれる, т. е. прежнее косвенное дополнение стало подлежащим, сохранив при себе свое определение; прежнее же подлежащее стало новым дополнением. Буквальный перевод на русский язык невозможен.

Если строить все на определении к косвенному дополнению, т. е. на слове bushi-no, предложение примет вид: bushi-ga teki-ni temoto-e tobikomareru 武士が敵に手元へ飛び込まれる, т. е. прежнее определение к косвенному дополнению стало подлежащим, подлежащее же (teki ga) стало специальным дополнением при страдательном залоге; прежнее же косвенное дополнение осталось без изменения. Буквальный перевод на русский язык и здесь невозможен, так как от глагола «подскакивать» страдательный залог не образуется.

Примечание. Необходимо оговориться, что из всех вышеприведенных примеров два примера не относятся к речи о лицах и приведены здесь только для разъяснения полной картины «обратимости» конструкций. Это — те примеры, где подлежащим служит слово, обозначающее не лицо, а предмет: watakushi-no saifu-wa suri-ni torareta 私の財布は掏摸に取られた и bushi-no temoto-ga teki-ni tobikomareta 武士の手元が敵に飛びこまれた (см. § 197).

Функция вежливости

§ 196. Собственно-страдательная функция указывает на то, что данное лицо подвергается какому-либо действию в конкретном смысле: watakushi-wa kyaku-ni korareta 私は客に来られた — ко мне пришли гости (по-японски подлежащим является слово watakushi — я). Однако, эта обращенность действия на лицо (подлежащее) может быть мнимой. Приведенная фраза в известной мере содержит оттенок «я подвергся приходу гостей», конечно, не в таком буквальном смысле, как это звучит по-русски, но все же глагол korareru означает, что действие гостей, т. е. их приход рассматривается мною прежде всего с точки зрения того, как это затрагивает меня. Возможна, однако, и автоматизация этого оборота, т. е. исчезновение в нем конкретного смысла. Тогда форма korareta будет говорить только о действиях гостей и никак не будет относиться ко мне. А если так, то из фразы исчезает слово «я» и хозяином действия становится уже «гость». Получается фраза — kyaku-ga korareta 客が来られた, в которой подлежащим является слово kyaku — гость, а korareta означает действия этого гостя непосредственно: гость пришел. Следы

прежней «обращенности» действия, ставшей мнимой, в таких случаях проявляются в том, что эта форма страдательного залога получает для говорящего значение вежливого обозначения чужого действия.

Примечание. Каким образом страдательный залог получил такое значение? Надо думать потому, что здесь действие, совершаемое тем лицом, о котором говорится, рассматривается в каком-то отношении к себе самому: говорящий как бы сам это действие в каком-то смысле «претерпевает». Иначе говоря, о действии другого лица говорится не «объективно», вообще, а так, как будто оно касается и самого говорящего. Возможно, что сначала — в феодальные времена — это имело весьма реальную почву под собою: если вассал, подчиненный, слуга говорил о действиях своего господина, то скорее всего только о тех, о которых он знал, до которых ему было дело, т. е. о тех, которые касались, затрагивали и его. Поэтому всякое «прямое» действие для господина, естественно, превращалось в «страдательное» для вассала. С течением времени это реальное употребление страдательной функции превратилось в формальное и стало просто вежливым, почтительным обозначением действия другого лица. По существу это, скорее всего, частный случай первой собственно - страдательной функции страдательного залога.

Б. Речь о предметах

В речи о предметах действие, выраженное глаголом в страдательной форме, обращается на предмет и может давать четыре различных смысловых оттенка, которые и реализуются в четырех особых функциях этой формы.

Ложно-страдательная функция

§ 197. Эта функция укрепилась скорее всего под влиянием европейских языков. Сущность ее в том, что здесь в страдательный превращается не всякий прямой оборот, но такой, в котором мысль высказана в неопределенно-личном обороте, т. е. в духе русских выражений со сказуемым во множественном числе: принесли обед, созвали парламент, укрепили город и т. д., т. е. когда не дано (и не требуется) указание, кто принес, созвал или укрепил. Такого рода обороты распространены в японском языке гораздо более, чем в русском, так что в очень многих случаях, когда по-русски естественно дать личный оборот вроде «парламент созван», «обед принесен», в японском дается именно безличная форма: «принесли», «созвали».

Однако, поскольку эти неопределенно-личные обороты как будто — по крайней мере внешне — не имеют основного стержня — того, о чем говорят, иначе — подлежащего, постольку язык должен иметь возможность в случаях необходимости расположить все элементы высказывания вокруг такого твердого стержня. И так как в предложениях этого типа налицо только один предмет — дополнение (и притом прямое, так как эти обороты возможны только при переходных глаголах), в роли такого стержня, естественно, приходится выступать ему. Но, с другой стороны, если дополнение становится подлежащим, действие, ранее на-

правленное на него, должно теперь к нему приурочиваться, как к тому предмету, который этому действию подвергается.

Отсюда — страдательный залог. Например, неопределенно-личный оборот: kokki-wo kembetsu-ni kakageru 國旗を軒別に揭げる — флаги выставляют в каждом доме. И та же фраза в страдательном: kokki-wa kembetsu-ni kakagerareru 國旗は軒別に揭げられる — флаги выставляются в каждом доме.

Такие страдательные обороты возможны только в тех случаях, когда речь идет о так называемых неодушевленных предметах. В этом и отличие их от предыдущих, где дело касается предметов одушевленных. Поэтому здесь и нет в точном смысле слова обращенного действия. Там действие в точном смысле этого слова активно обращается на данное лицо; оно это действие «претерпевает» на себе. Но как быть самому источником действия, так и активно подвергаться действию может только человек; предмет же как не может сам активно производить действие, так не может и «переживать», в точном смысле этого слова, действие. Поэтому страдательный оборот при нем не является страдательным в собственном смысле этого слова, и его приходится называть ложно-страдательным.

В связи с этим стоит и вопрос о том, как быть с такими случаями ложно-страдательного оборота, когда речь о неодушевленном предмете связана с деятельностью какого-нибудь лица, например, в такой фразе: «в каждом доме рыбаками выставляются флаги»?

Можно действовать по общему правилу, т. е. сделать слово «флаги» (kokki 國旗) подлежащим (в именительном падеже на ga); «выставлять» (kakageru 揭げる) поставить в страдательном залоге (kakagerareru 揭げられる); слово же «рыбаки» (ryōshi 漁師) дать в специальном дательном падеже, какой бывает при страдательном залоге, т. е. на ni (ryōshi-ni 漁師に). Получится фраза: kokki-wa ryōshi-ni kembetsu-ni kakagerareru 國旗は漁師に軒別に揭げられる — в каждом доме рыбаками выставляются флаги.

Однако, эта фраза с точки зрения стандартного японского языка представляется неправильной. Для японца в ней слово «флаги» звучит как бы некоим «личным» одушевленным понятием, так как к нему применен чисто страдательный оборот, возможный только при одушевленных. Конечно, так иногда говорят, но все же для японца было бы правильнее поступить наоборот: рассматривать лицо, фигурирующее во фразе, т. е. слово «рыбаки», как некий предмет, т. е. рассматривать рыбаков как некое физическое орудие, которым производится выставление флагов. И тогда, чтобы это оттенить, вместо обычного дательного на ni, ставится особый оборот с вспомогательным словом yotte よつて (при помощи, с помощью, посредством), т. е. вместо ryōshi-ni 漁師に говорится ryōshi-ni yotte 漁師によつて. Тогда фраза получит следующий, уже вполне «безукоризненный» вид: kokki-wa ryōshi-ni yotte kembetsu-ni kakagerareru 國旗は漁師によつ-

て軒別に揭げられる — в каждом доме рыбаками выставляются флаги.

Так же следует по правилу поступить и с тем примером, который приведен выше: suri-ga watakushi-no saifu-wo totta 掏摸が私の財布を取つた — вор украл мой кошелек.

Если фраза вся перестраивается на слово «кошелек» (saifu), то оно делается подлежащим, слово же «вор» (suri) становится как бы физическим орудием кражи, и фраза получит следующий вид: watakushi-no saifu-wa suri-ni yotte torareta 私の財布は掏摸によつて取られた — мой кошелек украден вором. Или в другом примере: teki-ga bushi-no temoto-e tobikomu 敵が武士の手元へ飛び込む — враг подступает к самому воину. Перестроенная на слово temoto, эта фраза принимает такой вид: bushi-no temoto-ga teki-ni yotte tobikomareru 武士の手元が敵によつて飛び込まれる.

Однако, повторяю, эти конструкции совсем не обязательны: живая практика допускает вместо ni yotte обычное ni.

Примечание. Дело, повидимому, в том, что язык склонен трактовать и неодушевленные предметы как действователей, т. е. совершенно так же, как и одушевленные предметы. Равным образом, возможно и обратное: трактовка человека как некоего предмета. Все это может быть в языке, и это влияет на конструкцию речи. Поэтому, говоря об одушевленных и неодушевленных предметах, нужно, в сущности, оговариваться каждый раз в том смысле, как этот предмет трактуется в данном высказывании говорящим.

Потенциальная функция

§ 198. Эта потенциальная, т. е. говорящая о возможности действия, функция свойственна отчасти и русскому страдательному залогу: именно такой оттенок может иметь наше так называемое страдательное причастие настоящего времени, впрочем, в современном языке в большинстве случаев — в отрицательной форме: «неистребимый» (от глагола «истребить»)=«то, чего нельзя истребить»; «непреодолимый» (от глагола «преодолеть»)= «то, чего нельзя преодолеть». В положительной форме это страдательное причастие с таким оттенком значения встречается реже. Веет искусственностью от таких, например, оборотов речи, как: «эти звуки слышимы» (т. е.—их можно слышать); «эти иероглифы читаемы» (т. е. — их можно читать).

В японском же языке этот оттенок страдательного залога сохраняет полную силу и имеет широкое применение.

Возможность действия, выражаемая этой формой, отнюдь не имеет значения субъективной потенции действователя, т. е. смысла того, что данное лицо может что-то сделать; эта форма говорит о том, что такое-то действие объективно возможно для данного лица. Иначе говоря, потенциальная функция страдательного залога имеет в виду выразить объективную возможность действия для кого-нибудь.

В применении этой потенциальной функции возможны несколько случаев:

1. Во-первых, возможно такое высказывание, когда говорится только о том, что такое-то действие по силам, по способностям, в пределах возможностей данного лица. Например, нужно задать вопрос, по силам ли данному лицу пройти (такое-то расстояние)? Тогда по-японски глагол ставится в страдательном залоге, а тот предмет, о возможности этого действия для которого спрашивается, ставится в дательном-страдательном на ni, и фраза будет иметь такой вид: kare-ni (wa) arukareru-ka? 彼に(は)歩かれるか? (aruku 歩く — итти, шагать) — пройти ли ему? Ср. отрицательный ответ на этот вопрос: kare-ni (wa) arukarenai 彼に(は)歩かれない — ему не пройти.

Как видно из этого примера, потенциальную форму можно передавать по-русски неопределенным наклонением, поскольку оно у нас может иметь и такой потенциальный оттенок, особенно опять-таки в отрицательных оборотах: «ему здесь не пройти», т. е. «он не сможет пройти». Сравни: «ему не пробыть в спокойствии» (kare-ni wa ochitsuite irarenai 彼には落ちついてゐられない), т. е. «он не сможет оставаться спокойным» и т. д. Это неопределенное наклонение может быть рекомендовано для перевода наравне с страдательным причастием настоящего времени. Конечно, далеко не во всех случаях, ибо и та и другая русская форма имеет в этом смысле ограниченное применение.

2. Второй вариант такого высказывания сводится к тому, что в речи дается тройное указание: того действия, которое данному лицу по силам, того предмета, относительно которого эта возможность дается, и того лица, которому это действие по силам. Например: «эту книгу прочитать и ребенку» (эту книгу сможет и ребенок прочитать). В таком случае подлежащим является предмет, относительно которого данное действие возможно, т. е. «эта книга» (kono hon この本); сказуемое — самое действие в страдательном залоге, т. е. слово «читать» (yomu 讀む); лицо же, которому это действие по силам, превращается в косвенное дополнение при страдательном залоге (т. е. ставится в дательном на ni). Так что по-японски вся эта фраза будет иметь следующий вид: kono hon-wa kodomo-ni mo yomareru この本は子供にも讀まれる. По своей внешней конструкции она была бы равна русской: «эта книга (подлежащее, как и в японском) читаема (сказуемое, как и в японском) и для ребенка» (косвенное дополнение, как и в японском), если бы только такое предложение было бы возможным по-русски.

Строго говоря, эта же конструкция распространяется и на предыдущий случай, когда в предложении даны только два члена: действие, которое возможно для кого-нибудь, и лицо для которого оно возможно. В предложении kare-ni (wa) arukarenai 彼に(は)歩かれない, собственно, подразумевается третий член — грамматическое подлежащее, например, слово michi —

дорога. Иначе говоря, фраза понимается так, как если бы она была построена примерно в таком виде: kono michi-wa kare-ni arukarenai この道は彼に歩かれない — эту дорогу ему не пройти.

Примечание. Нетрудно усмотреть, что весь этот вариант по существу совершенно совпадает с собственно-страдательной конструкцией. Различие в смысле получается только потому, что объектом, на который обращено действие, является не лицо, а предмет.

3. Возможен и широко употребляем и третий вариант таких оборотов. По составу и количеству своих членов такие предложения аналогичны предыдущему, т. е. в них тоже три члена: действие, которое по силам данному лицу; тот предмет, относительно которого это действие возможно, и само лицо, которому это действие по силам, т. е. та же фраза: «эту книгу прочитать и ребенку».

Отличие этого варианта от предыдущего заключается только в том, что наименование лица как бы выносится на передний план, делается логическим подлежащим всего целого; все же прочее в целом приурочивается к нему как его логическое сказуемое. Если вспомнить, что логическое подлежащее обозначается выделительным падежом, т. е. суффиксом wa, вся фраза получит такой вид: kodomo-wa kono hon-ga yomarenai 子供はこの本が讀まれない. В этой фразе kodomo wa — ребенок — логическое подлежащее для всего в целом; kono hon-ga yomarenai буквально: эта книга не читаема — целое предложение, где есть подлежащее со своим определением и сказуемым и которое в целом служит логическим сказуемым к этому kodomo-wa. В этом предложении как бы подразумевается еще один член: kare-ni 彼に. Таким образом, по-русски получается как бы такая фраза: «что касается ребенка, то ему эту книгу не прочесть».

В связи с этим необходимо предостеречь от очень как будто естественных, но неправильных оборотов. Потенциальная функция страдательного залога не может иметь прямого дополнения; то прямое дополнение, которое возможно при прямом переходном глаголе, при обращении его в страдательный превращается, как это было только что сказано, в подлежащее (в этом и смысл всего «обращения»). Поэтому, если глагол «читать» — yomu 讀む сам по себе требует прямое дополнение — «книгу» — hon-wo 本を, то его страдательная форма yomareru 讀まれる будет приурочиваться уже к этому слову «книга», как подлежащему (hon-wo yomu 本を讀む — книгу читаю, hon-ga yomareru 本が讀まれる — книга читаема). Поэтому, когда это предложение «книга читаема» само приурочивается к какому-нибудь лицу, чтобы сказать, что эта книга для него читаема, этот именительный падеж не исчезает, а остается. Иначе говоря, нельзя сказать: kodomo-wa kono hon-wo yomareru 子供はこの本を讀まれる, а только: kodomo-wa kono hon-ga yomareru 子供はこの本が讀まれる (первый оборот означает: ребенку эту книгу читают, т. е. глагол здесь нужно понимать, как стоящий в собственно-

страдательной функции, при которой, как сказано выше, такое сохранение винительного вполне возможно. Ср.: watakushi-wa saifu-wo torareta 私は財布をとられた — у меня украли кошелек.

Примечание. Это находится в связи с тем, что эти потенциальные обороты, по существу, возможны только при предметных подлежащих, при предметах неодушевленных; при лицах, т. е. при предметах одушевленных, они невозможны. Если кому-нибудь приписывается возможность что-либо сделать, эта возможность что-либо сделать имеет в виду какой-нибудь предмет. Кроме того, здесь может получиться и двусмысленность: ano otoko-wa kimi-ni nageraremai あの男は君に投げられまい может означать: тебе не бросить его (он вряд ли может быть брошен тобой), может означать и — он как будто тобой не брошен. Второй вариант правильнее. Для первого же нужно было бы сказать: kimi-wa ano otoko-ga nageraremai 君はあの男が投げられまい.

§ 199. Наряду с формой yomareru 讀まれる, т. е. формой страдательного залога, глаголы 1-го спряжения имеют еще вторую потенциальную форму yomeru 讀める. Данная форма получается путем перевода глагола 1-го спряжения из этого своего спряжения во 2-е с корнем на е: yomu 讀む (читать) — 1-го спряжения, yomeru 讀める — 2-го спряжения; toru 取る (брать) — 1-го спряжения, toreru 取れる — 2-го; kaku 書く (писать) — 1-го спряжения, kakeru 書ける — 2-го. Смысл этой второй потенциальной формы в общем тот же, что и первой. Отличает их друг от друга только один чисто логический оттенок употребления. Если при указании на возможность действия ударение делается на *самом понятии именно данного действия*, ставится первая форма; если же ударение ставится на *возможности* данного действия — вторая. Например:

Kono hon-wa bakabakashikutte yomarenai (yomareyashinai) この本は馬鹿馬鹿しくつて讀まれない（讀まれやしない）— эта книга глупа и не читаема

Kono hon-wa mutsukashikutte yomenai (yomeyashinai) この本はむつかしくつて讀めない（讀めやしない）— эта книга трудна и поэтому не читаема.

Ценностная функция

§ 200. Эта функция означает тоже возможность, но в отличие от потенциальной — в том смысле, что такое-то действие возможно относительно какого-нибудь предмета в силу присущих ему самому свойств, т. е. не для лица, а для него самого. Смысл такой потенциальности переводится по-русски различно: kono fude-wa nakanaka kakeru この筆は中々書ける — эта кисть пишет довольно хорошо (может писать); kono sake-wa chotto nomeru この酒は一寸飲める — этой водки немножко выпить можно.

Важно соблюсти только отнесение возможности действия к самому предмету, о котором говорят, а не к лицу; потому что

стоит только в фразе появиться указанию на лицо, как сейчас же эта фраза превращается в потенциальную. Например:

Kono sake-wa watakushi-ni nomeru この酒は私に飲める — эта водка для меня годится (я могу ее пить)

Kono fude-wa watakushi-ni kakeru この筆は私に書ける — эта кисть для меня годится (я могу ею писать).

Не трудно усмотреть, что это отличие ценностной функции от потенциальной обусловливается тем, что вторая имеет в виду возможность для лица совершения относительно данного предмета того или иного действия, первая говорит об этой возможности безотносительно к действователю в связи с сутью самого предмета, который является объектом действия. «Этой кистью мне писать можно» (я писать могу) — kono fude-wa watakushi-ni kakeru この筆は 私に書ける; «эта кисть пишет» (т. е. ею вообще писать можно по ее качествам) — kono fude-wa kakeru この筆は書ける. Надо заметить, что для обозначения ценностной функции употребляется, главным образом, вторая потенциальная форма, т. е. kakeru 書ける, а не kakareru 書かれる, yomeru 讀める, а не yomareru 讀まれる, хотя не исключена возможность и первой. Это обстоятельство и позволяет рассматривать эту форму в общей системе страдательного залога, не выделяя ее в разряд особого потенциального залога, тем более, что она возможна только у глаголов 1-го спряжения.

Функция самопроизвольно возникающего действия

§ 201. Отличие этой функции от потенциальной в том, что так же, как и при ценностной, в этих случаях нет лица, для которого данное действие в отношении какой-нибудь вещи возможно, т. е. грамматически по-японски нет косвенного дополнения в дательном падеже на ni. От ценностной же эта функция отличается тем, что действие здесь дается не как свойство самого предмета, а как процесс, самопроизвольно возникающий в связи с этим предметом — по типу русских выражений: «мне сегодня что-то думается о нем» (мысль о нем сегодня как-то самопроизвольно возникает у меня). Например:

Kodomo-no yukusue-ga anjirareru 子供の行末が案じられる — беспокоит будущность ребенка (буквально — думается о будущности ребенка)

Konna tsutanai ji-ga kakeru こんな拙い字が書ける — у меня выходят такие некрасивые иероглифы (буквально — пишутся такие некрасивые иероглифы)

Chikagoro dōmo sake-ga ikeru 近頃どうも酒がいける — в последнее время водка очень расходится (покупается).

Эта основная конструкция может несколько меняться в двух направлениях. Во-первых, можно добавить указание на то лицо, у которого это самопроизвольно, естественно возникающее дей-

ствие имеет место. Тогда оно оказывается логическим подлежащим и ставится, следовательно, в выделительном падеже на wa, все же прочее — вся остальная фраза — остается неизменным, превращаясь в целом в логическое сказуемое к этому подлежащему. Например: watakushi-wa kodomo-no yukusue-ga anjirareru 私は子供の行末が案じられる — меня беспокоит будущее ребенка. Во-вторых, можно откинуть и самый предмет, в связи с которым это самопроизвольно возникающее действие осуществляется. Это значит, что во фразе тогда не останется подлежащего. Получаются безличные обороты, вроде следующих: nakumai-to omottemo nakeru 泣くまいと思つても泣ける — как ни старайся не плакать, все плачется (нет указания ни на то, о ком здесь идет речь, ни на то, о чем плачут); watakushi-ni mo sō shinzerareru 私にもさう信ぜられる — мне тоже так верится (нет указания, во что верится; по-японски нет подлежащего). Необходимо добавить, что если речь идет о самопроизвольно возникающих душевных движениях — omowareru 思はれる — думается, anjirareru 案じられる — думается (в смысле «беспокоит»), shinzerareru 信ぜられる — верится, — обычно ставится первая потенциальная форма; если же речь идет о других действиях — вторая: kakeru 書ける — пишется, arukeru 歩ける — шагается, nomeru 飲める — пьется и т. д.

2. ПОБУДИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛОГ

§ 202. Второй вид залога, свойственный японскому глаголу, — побудительный (Causativ). Аналогичной ему формы в русском языке нет, но вполне эквивалентная форма выражения мысли, конечно, возможна.

Функции побудительного залога различны, в зависимости от того, употребляется ли он в речи о лицах или в речи о предметах.

А. Речь о лицах

Основной смысл побудительного залога — «вчинить» данное действие другому, заставить другое лицо такое-то действие совершить. Образуется этот залог присоединением к первой основе глагола суффикса seru или su для глаголов 1-го спряжения и saseru для 2-го спряжения и всех прочих глаголов; от suru — saseru, что сохраняется и при глаголах сложных с suru: shimbō-saseru 辛抱させる от shimbō-suru 辛抱する).

Таким образом, получаются следующие формы: kakaseru 書かせる (от kaku 書く — писать), tabesaseru 食べさせる (от taberu 食べる — есть), misaseru 見させる (от miru 見る — смотреть), kosaseru 來させる (от kuru 來る — приходить), saseru させる (от suru する — делать), anjisaseru 案じさせる (от anzuru 案ずる — беспокоиться).

Для перевода этой японской формы удобнее всего начинать с подстановки второго русского глагола «заставлять». Но это

будет лишь первый шаг к надлежащему переводу: японский побудительный залог не имеет такого особого специального оттенка, отделенного от глагола, который придается русским глаголом «заставлять»; ведь по-японски это не два слова, не два глагола, а один: следовательно, и его значение, в общем, представляет нечто единое, в котором и элемент «побуждения», и вещественное значение глагола слиты в одно целое. По-русски же наличность отдельного глагола «заставлять» вводит в фразу новую полновесную мысль: глагол «заставлять» идет как бы наравне с основным глаголом и получается фраза с двумя глаголами. Кроме того — и это главное — в японском побудительном залоге нет того оттенка насильственного «вчинения» действия, который содержится в русском «заставлять». Поэтому необходимо подбирать такие русские глаголы, которые имеют в данном сочетании именно соединенный смысл глагола «заставлять» — без оттенка насильственного вчинения — и основного глагола. Например:

Мать заставляет ребенка есть = кормит ребенка (tabesaseru 食べさせる)

Он заставляет меня слушать = он мне говорит, рассказывает (kikaseru 聞かせる)

Он заставляет меня говорить = он меня слушает (iwaseru 云はせる)

Он заставляет меня вставать = он меня будит (okisaseru 起させる).

Разумеется, не всегда возможна такая замена другим глаголом. В иных случаях может помочь русский глагол «давать», как вспомогательный, т. е. лишенный своего реального значения, как, например, в таких фразах, как: «дайте мне спать», «дайте ему прочитать» и т. д. Иногда перевод на русский язык с помощью этого глагола дает совершенно эквивалентные обороты (особенно при наличии повелительного наклонения): kakaseru 書かせる может означать «дать писать» (другому), yomaseru 讀ませる — дать прочитать (другому), iwaseru 云はせる — давать сказать (iwasete kudasai 云はせて下さい — дайте мне сказать).

Побудительный залог возможен и от переходных глаголов и от непереходных; его можно образовать и от такого непереходного глагола, как iku 行く — итти: ikaseru 行かせる — заставлять итти = отправлять, и от такого переходного, как nomu 飲む — пить: nomaseru 飲ませる — заставлять пить = поить. В связи с этим находится и расстановка прочих слов в предложении, подчиненных этому глаголу.

Побудительный залог у переходных глаголов

§ 203. Когда побудительный залог образован от переходного глагола, при нем возможно двойное управление; двойное в том

смысле, что одним дополнением управляет сам глагол, т. е. его вещественное значение, другим — его побудительная форма, т. е. та функция, в которой это вещественное значение выступает в данном случае. Это можно понять опять-таки через русский глагол «заставить». Если nomaseru 飲ませる будет означать «заставлять пить», то при нем возможны два дополнения: заставлять *кого* пить и заставлять *что* пить. Например: мать заставляет ребенка пить молоко; дополнение «молоко» (chichi 乳) является прямым и поэтому ставится в винительном падеже — chichi-wo, так что фраза «мать заставляет пить молоко» будет по-японски иметь вид: haha-ga chichi-wo nomaseru 母が乳を飲ませる.

Со вторым дополнением, т. е. с тем, что подчинено специально побудительной функции (по-русски глагол «заставлять») дело обстоит сложнее: здесь возможно двоякое управление: если ударение делается на первом дополнении, т. е. на том, *что* пьют, второе дополнение выступает как косвенное и ставится в дательном на ni. Если же ударение делается на этом втором дополнении, т. е. важно именно то, *кого* заставляют пить, оно также превращается в прямое и ставится, следовательно, также в винительном падеже на wo. Например, если нужно сказать: «мать заставляет ребенка пить молоко» (с ударением только на слове *молоко*), по-японски будет: haha-ga kodomo-ni chichi-wo nomaseru 母が子供に乳を飲ませる, т. е. винительный падеж будет один. Если же нужно сказать «мать заставляет ребенка пить молоко» (с ударением на слове *ребенок*), по-японски тоже требуется винительный: haha-ga kodomo-wo chichi-wo nomaseru 母が子供を乳を飲ませる, т. е. налицо два винительных падежа.

Побудительный залог у непереходных глаголов

§ 204. При непереходных глаголах дело обстоит проще. Поскольку сам глагол по своему вещественному значению винительным падежом не управляет, постольку при нем стоит только косвенное дополнение на ni: хозяин посылает за покупками — shujin-wa kaimono-ni ikaseru 主人は買物に行かせる. Побудительная же форма может управлять так же, как и в предыдущем случае, двояко: винительным падежом, если на этом слове стоит ударение, и дательным падежом, если такого ударения нет. Например: shujin-wa gejo-wo kaimono-ni ikaseru 主人は下女を買物に行かせる — хозяин посылает служанку (а не кого-нибудь другого) за покупками и shujin-wa gejo-ni kaimono-ni ikaseru 主人は下女に買物に行かせる — хозяин посылает служанку за покупками (без специального ударения на каком-нибудь слове).

Таким образом, предмет (лицо), которому «вчиняется» действие, может стоять и в винительном (на wo) и в дательном

(на ni), в зависимости от того, делается ли на нем логическое ударение или нет; тот же предмет, который служит объектом прямого действия глагола, может стоять только в одном каком-нибудь падеже: в винительном если глагол переходный, и в каком-нибудь другом из косвенных (дательном — на ni, творительном — на de, исходном — на kara, направления — на e), если глагол непереходный. Разумеется, наличие косвенных падежей не исключается и при винительном, поскольку наличие прямого дополнения отнюдь не исключает наличия косвенных.

Примечание 1-е. В современном публицистическом стиле сохранилась особая форма побудительного залога, образующаяся от 1-й основы всех спряжений при помощи суффикса shimeru (в книжном языке shimu), т. е. yomashimeru 讀ましめる вместо yomaseru 讀ませる, ukeshimeru 受けしめる вместо ukesaseru 受けさせる, seshimeru せしめる вместо saseru させる и т. п. Основы этой формы таковы: 1-я — shime, 2-я — shime, 3-я — shimeru, 4-я — shimere, т. е. следуют, как и полагается, по второму спряжению. В книжном это, однако, иначе: 1-я — shime, 2-я — shime, 3-я — shimu, 4-я — shimuru, 5-я — shimure, 6-я — shimeyo.

В этих случаях то дополнение, которое относится к побудительной функции, т. е. тот объект, которого заставляют что-то сделать, ставится с особым сложным суффиксом wo shite. Например: его действия заставляют любого сомневаться в его порядочности — kano gendō-wa sejin-wo shite sono jinkaku-wo utagawashimeru かの言動は世人をしてその人格を疑はしめる. В этой фразе два дополнения: одно с wo, относящееся к глаголу utagau — сомневаться, по-русски на вопрос *в чем?*, по-японски — в винительном падеже; второе с wo shite, относящееся к побудительному залогу на вопрос *кого* заставляют сомневаться? по-японски — второй винительный.

Примечание 2-е. Возможность фраз типа haha-wa kodomo-wo chichi-wo nomaseru 母は子供を乳を飲ませる, т. е. возможность двух винительных при побудительном залоге от переходного глагола, а также фраз типа shujin-wa gejō-ni kaimono-ni ikaseru 主人は下女に買物に行かせる, т. е. возможность двух дательных при побудительном залоге от непереходного глагола удостоверяется грамматикой Мацусита (op. cit., p. 147). Однако мне кажется, что такие фразы либо очень редки, либо просто надуманы — в угоду несколько искусственной грамматической схеме. По моим наблюдениям, дело обстоит гораздо проще и, как мне думается, естественней: переходный глагол в побудительном залоге управляет двумя падежами: дательным на вопрос «кого заставляют» и винительным на вопрос «что заставляют»; непереходный глагол в побудительном залоге управляет двумя падежами: винительным на вопрос «кого заставляют» и тем косвенным падежом, которым управляет самый глагол. Поэтому реально возможны, как я думаю, только такие типы: kodomo-ni chichi-wo nomaseru 子供に乳を飲ませる и gejo-wo kaimono-ni ikaseru 下女を買物に行かせる.

Б. Речь о предметах

§ 205. Основная функция побудительного залога — «вчинение» действия. Однако, заставлять совершать действие в точном смысле этого слова можно только кого-нибудь, т. е. лицо. Заставлять же предмет совершать какое-нибудь действие невозможно. Заставить его совершить какое-нибудь действие — значит просто заставить его активно действовать. Это же означает, что данный глагол делается из непереходного переходным.

В этом и заключается основной смысл побудительного залога в речи о предметах. Характерно, что это случается даже с таким как-будто по своей природе переходным глаголом, как suru — делать: в сочетании с китайскими словами он часто дает непереходный глагол; поставленный же в форме побудительного залога, дает переходный глагол. Например: seiritsu-suru 成立する — устанавливаться; seiritsu-saseru 成立させる — устанавливать; eizoku-suru 永續する — бесконечно продолжаться, тянуться; eizoku-saseru 永續させる — бесконечно продолжать, тянуть;

Yosan-wa gikai-de seiritsu-shinakatta 豫算は議會で成立しなかつた — бюджет в парламенте не прошел

Ryōkokukan-ni mitsuyaku-wo seiritsu-saseru 兩國間に密約を成立させる — заключить тайный договор между обоими государствами

Kono jigyō-wa eizoku-shimasen この事業は永續しません — это дело вечно тянуться не будет

Muri-ni benkyō-wo eizoku-saseru 無理に勉強を永續させる — насильственно тянуть без конца занятия.

§ 206. Как было сказано вначале, суффиксы seru и saseru присоединяются соответственно к 1-й основе 1-го и 2-го спряжения, т. е. побудительный залог от глагола, например, nomu 飲む будет — nomaseru 飲ませる, от oshieru 教へる — oshiesaseru 教へさせる. Поскольку получаются в сущности новые глаголы nomaseru и oshiesaseru, в которых предпоследняя гласная будет e, постольку все эти побудительные формы спрягаются по 2-му спряжению, т. е. их основы имеют следующий вид:

1-я — nomase 飲ませ, oshiesase 教へさせ
2-я — nomase 飲ませ, oshiesase 教へさせ
3-я — nomaseru 飲ませる, oshiesaseru 教へさせる
4-я — nomasere 飲ませれ, oshiesasere 教へさせれ.

Однако, в современном разговорном языке наблюдается иная картина: чрезвычайно развита тенденция спрягать эти глаголы по 1-му спряжению, т. е. брать за основу не nomaseru, а nomasu 飲ます, не oshiesaseru, а oshiesasu 教へさす.

Тогда их основы будут иметь уже другой вид:

1-я — nomasa 飲まさ, oshiesasa 教へささ
2-я — nomashi 飲まし, oshiesashi 教へさし
3-я — nomasu 飲ます, oshiesasu 教へさす
4-я — nomase 飲ませ, oshiesase 教へさせ.

Объясняется это, повидимому, смысловой близостью этого побудительного залога с переходными глаголами, переходность которых выражается суффиксом su. Например: kaeru 歸る — возвратиться и kaesu 返す — возвратить; okoru 起る — подниматься и okosu 起す — поднимать и т. п. Очевидно, по аналогии с этими образованиями рассматривается и побудительная форма, поскольку она делает действительно

всякие глаголы, несомненно, переходными, хотя и с особым оттенком. Но в Токио этот оттенок, повидимому, стирается, в то время как в других местах, например в Тотоми, он еще отчетливо сознается и поэтому такого перехода побудительной формы в 1-е спряжение не наблюдается.

IV. КОМБИНИРОВАННЫЕ ФОРМЫ

§ 207. Перечисленные выше формы залогов, наклонений, времен могут вступать в различные соединения друг с другом. Получаются, таким образом, комбинированные формы: залог + залог, залог + наклонение, залог + время, залог + наклонение + + время, залог + залог + наклонение, залог + залог + наклонение + время, наклонение + время. Это значит, что каждое глагольное понятие может изменяться одновременно не только в одном направлении, но и в разных.

Если можно образовать, например, фразу «я читал» (прошедшее время), то не менее возможно образовать и «я хотел читать» (прошедшее время от желательного наклонения); рядом с формой «про меня читают» (страдательный залог) возможна и форма «про меня читали» (прошедшее время от страдательного залога) и т. д.

§ 208. Первая из таких комбинированных форм есть форма сложного побудительно-страдательного залога, т. е. случай соединения вместе и признака страдательного залога и признака побудительного.

«Обращение» в страдательную форму возможно не только с обыкновенными глаголами, но и с глаголами, стоящими в побудительном залоге. Если возможно образовать от глагола «читать» страдательную форму: обо мне (про меня) читают, то также возможно образовать эту страдательную форму и от побудительной формы: «заставлять читать» — я заставлен читать, меня заставили читать. Получается, следовательно, сложный побудительно-страдательный залог, образуемый нормальным порядком: побудительная форма рассматривается как основная, и к ее 1-й основе присоединяется страдательный суффикс rareru (поскольку глаголы в страдательном залоге все 2-го спряжения), т. е. получается фактическое образование страдательной формы от побудительного залога.

Kodomo-wa tokuhon-wo yomaserareru 子供は讀本を讀ませられる — ребенка заставляют читать хрестоматию

Konnichi-wa yasumaserareru 今日は休ませられる — сегодня мне дают отдохнуть.

Примечание 1-е. В современном языке сохранилась особая функция этого побудительно-страдательного залога: вежливая, особо почтительная; встречается она лишь в сугубо официальных, т. е. пропитанных «высоко-литературным стилем», «речениях». Например:

Denka-wa shigoku go-kenkō-ni wataraserareru 殿下は至極御健康に渡らせられる — его высочество изволят пребывать в полнейшем здравии.

Tennō-wa Heike-ni yōserarete Yashima-e ochisaseraremashita 天皇は平家に擁せられて屋島へ落ちさせられました — император, будучи на попечении Тайра, изволил отбыть в Ясима.

Примечание 2-е. Когда-то в Японии были широко распространены в приложении к действиям 2-го и 3-го лица сокращенные формы этого страдательно-побудительного залога: sharu вместо serareru, sassharu вместо saserareru. Например: iwassharu いはっしゃる вместо iwaserareru いはせられる, yukassharu вместо yukaserareru, okissharu вместо okisaserareru 起きさせられる. Теперь они встречаются лишь в некоторых местностях, в Токио же сохранился в употреблении только один глагол irassharu いらっしゃる вместо iraserareru いらせられる в значении «быть», «приходить», «уходить», от iru ゐる — находиться, быть, да еще, пожалуй, глагол osshаru おっしゃる — говорить (вместо ōsesaserareru 仰せさせられる). Этот глагол irassharu (как и osshаru) спрягается по 1-му спряжению.

§ 209. Второй из комбинированных форм является форма соединения залога с наклонением. Как страдательный, так и побудительный залог могут выступать во всех наклонениях: повелительном, желательном и дубитативном, а также в условном и уступительном. Образуются они в том же порядке, как и от обыкновенных глаголов.

а) Поскольку все глаголы в страдательной и побудительной форме являются глаголами 2-го спряжения, повелительное наклонение от них образуется путем присоединения к 1-й основе суффикса ro. Например: momu 揉む — я толкаю, мну; momareru 揉まれる — страдательный залог — меня толкают, мнут, жмут (например, в толпе, в трамвае); momarero 揉まれろ (от momare 揉まれ — 1-я основа от momu и ro) — повелительное наклонение — chitto-wa hito-ni momarero! ちつとは人に揉まれろ — пусть тебя потолкают немножко!

Так же и с побудительным залогом: yomu 讀む — читаю, yomaseru 讀ませる — заставляю читать; yomasero 讀ませろ (yomase 讀ませ — 1-я основа и ro, — повелительное наклонение: boku-ni mo yomasero 僕にも讀ませろ — дай и мне почитать.

Отрицательное повелительное наклонение от залоговых форм образуется также по обычному правилу: присоединением суффикса na к 3-й основе. Например: yomaseruna 讀ませるな — не давай (ему) читать.

б) Желательное наклонение от залогов образуется от 2-й основы с прибавлением суффикса tai: hanasaretai 話されたい — я хочу, чтобы мне рассказали.

в) Дубитативное наклонение от залогов образуется от 1-й основы с прибавлением суффикса mai: anohito-wa mada nikai-kara oriraremai あの人はまだ二階から降りられまい — он, вероятно, еще не сошел со второго этажа; watakushi-ni yomasemai 私に讀ませまい — мне вряд ли дадут читать.

§ 210. Третьей комбинированной формой является сочетание залога с временем. Эта форма также ничего нового собой не представляет. Образование и употребление времени от залоговых форм идет так же, как и у простых глаголов спряжения.

Настоящим временем будет 3-я основа, т. е., например, yomareru 讀まれる (страдательный залог), yomaseru 讀ませる (побудительный залог); прошедшим временем — 2-я основа + ta, т. е. yomareta 讀まれた, yomaseta 讀ませた; будущим — 1-я основа + суффикс yō, т. е. yomareyō 讀まれよう, yomaseyō 讀ませよう. Например: konnichi-wa kyaku-ni korareru 今日は客に來られる — (ко мне) сегодня приходят гости; kinō mo korareta 昨日も來られた — (ко мне) вчера тоже приходили гости; asu mo korareyō 明日も來られよう — придут и завтра. Также и с формами побудительного залога: yomaseru 讀ませる — заставляю читать, yomaseta 讀ませた — заставлял читать, yomaseyō 讀ませよう — буду заставлять читать.

§ 211. Одно из наклонений, а именно желательное, может также выступать в настоящем, прошедшем и будущем времени. Поскольку это наклонение образуется посредством суффикса tai, постольку для образования времени нужно подвергнуть соответственному изменению и этот суффикс.

Суффикс tai по форме является прилагательным, и отсюда все следствия: его спряжение — значит и все его изменения по временам — происходит по образцу спряжения прилагательных.

Настоящее время прилагательных, как и у глаголов, образует сама его 3-я основа. Иначе говоря, форма ikitai 行きたい будет означать «я хочу итти». Прочие же времена образуются от 2-й основы прилагательного, слитой с соответственным временем глагола aru — быть, т. е. для прошедшего времени — с формой прошедшего времени от aru — atta; для будущего — с формой будущего arō. Если учесть, что 2-я основа от tai будет taku, получаются сочетания taku たく + atta あつた и taku たく + arō あらう, сливающиеся в одно целое: takatta たかつた, takarō たからう. Поэтому желательное наклонение в прошедшем времени от глагола iku 行く будет ikitakatta 行きたかつた — я хотел итти, будущее ikitakarō 行きたからう — я захочу итти; от yomu 讀む — yomitakatta 讀みたかつた yomitakarō 讀みたからう.

Для образования времен применяется и второй способ, также встречающийся при прилагательных: соединение формы желательного наклонения с глаголом-связкой des; другими словами, возможны: ikitai des, ikitai deshita, ikitai deshō.

Впрочем, реальная разговорная практика производит отбор наиболее употребительных форм: для настоящего времени большей частью берется ikitai des, для прошедшего — ikitakatta (с возможностью последующего des или no (n) des); что же касается формы ikitakarō или чаще ikitai deshō, то она употребляется почти исключительно в смысле настоящего предположительного.

§ 212. Все перечисленные формы являются основными из комбинированных; каждая из них представляет собой соединение двух элементов: залога и залога, залога и наклонения, залога

и времени, времени и наклонения. Возможны, однако, и более сложные комбинации — из двух и более элементов:

а) так, например, если возможно образование времени от простого залога, оно возможно и от сложного — побудительно-страдательного. При этом, поскольку такие глаголы относятся к 2-му спряжению, постольку и образование времен происходит по правилу 2-го спряжения. Например: yomaserareru 讀ませられる — меня заставляют читать — настоящее время; yomaserareta 讀ませられた — меня заставляли читать — прошедшее, yomaserareyō 讀ませられよう — меня будут заставлять читать — будущее (элементов соединения — три: yomase + rare + ta);

б) если возможны соединения залогового признака с наклонением, а от наклонения в свою очередь можно иметь настоящее, прошедшее и будущее время, оказывается, возможны и формы времени от залоговых форм, стоящих, кроме того, в форме наклонения. При этом, поскольку времена могут быть образованы только от желательного наклонения, постольку возможны, следовательно, три времени желательного наклонения и при глаголах в страдательном или побудительном залоге: yomaretai 讀まれたい, yomaretakatta 讀まれたかつた, yomaretakarō 讀まれたからう — я хочу (хотел, буду хотеть), чтобы обо мне прочитали; yomasetai 讀ませたい, yomasetakatta 讀ませたかつた, yomasetakarō 讀ませたからう — я хочу (хотел, буду хотеть), чтобы заставили (его) прочитать (элементов соединения — три: yomare + tak(u) + atta, yomare + tak(u) + arō);

в) возможно образование наклонения и времени от сложного страдательно-побудительного залога: yomaseraretai 讀ませられたい, yomaseraretakatta 讀ませられたかつた, yomaseraretakarō, 讀ませられたからう (элементов соединения четыре: yomase + + rare + tak(u) + atta, yomase + rare + tak(u) + arō). Переводить эти формы на русский приходится целой фразой: я хочу (хотел, буду хотеть), чтобы меня заставляли читать.

Примечание. Если анализировать эти сложно-комбинированные формы во всех подробностях, учитывая все их слагаемые, то в них окажется гораздо больше элементов. В форме yomaserareta будет не три, а четыре элемента: yoma + se + rare + ta; также и в форме yomaserareyō 讀ませられよう, только вместо ta стоит суффикс yō. В формах yomaretakatta 讀まれたかつた и yomasetakatta 讀ませたかつた — по пяти элементов: yoma + re + tak (u) + at(ari) + ta, yoma + se + tak(u) + at(ari) + ta. В формах yomaseraretakatta 讀ませられたかつた и yomaseraretakarō 讀ませられたからう — по шести элементов: yoma + se + rare + tak (u) + at (ari) + ta, yoma + se + rare + tak(u) + ar(a) + u (a + u=ō).

V. ДОСТОВЕРНОСТЬ ДЕЙСТВИЯ

§ 213. Чрезвычайно важное значение для японского предложения имеет признак достоверности действия — имеет ли оно характер вполне точный, или же оно отличается в какой-нибудь мере проблематичностью. При этом здесь возможны разные оттенки.

Возможен случай, когда сам говорящий отмечает, вполне ли он уверен в своих действиях или нет. Это может относиться, конечно, прежде всего к своим действиям, рассчитанным на будущее время. Мысль «завтра я еду в Осака» может быть высказана и с полной уверенностью в осуществлении этой поездки и без этой уверенности. И вот для того, чтобы эту уверенность выразить, язык прибегает к замене будущего времени настоящим. Иначе говоря: вместо asu-wa Ōsaka-e ikō 明日は大阪へ行かう говорится asu-wa Ōsaka-e iku 明日は大阪へ行く, т. е. глагол «ехать» (итти) — iku поставлен не в будущем времени — ikō, но в настоящем — iku. Этот способ имеет место и в русском языке: «завтра я еду в Осака».

Этот оттенок уверенности в своем действии, высказывание о нем как об абсолютно достоверном, может быть придан и настоящему времени. Например, мысль «я сейчас иду» можно выразить так, чтобы характер несомненности моего действия был особо подчеркнут. Для этого также заменяют одно время другим, а именно: настоящее прошедшим, и говорят: watakushi-wa itta 私は行つた, вместо watakushi-wa iku 私は行く. Получается подобие русского оборота, имеющего такой же оттенок: «я пошел» в смысле «я ухожу».

Из всего этого следует, что в самой форме будущего ikō признака этой достоверности нет; она говорит только о том, что действие относится к будущему времени, и ничего больше. Равным образом не имеет этого оттенка категоричности и настоящее iku: оно также говорит только о том, что действие относится к настоящему моменту (если не имеет, что часто бывает, смысла действия вообще — см. § 172).

§ 214. Признак достоверности действия может быть приписан лицом говорящим также и действиям, совершаемым другими. Это встречается обычно в отрицательном смысле, т. е. в виде указания на проблематичность этого действия. Достигается это различными способами.

Достаточно, во-первых, присоединить к формам настоящего или прошедшего времени основного глагола вспомогательный глагол des в форме будущего времени darō или deshō, чтобы получился оттенок проблематичности действия. Так, например, фраза ame-ga furu 雨が降る, где глагол поставлен в форме обыкновенного настоящего, означает: дождь идет. Если же прибавить сюда darō, т. е. сказать ame-ga furu darō 雨が降るだらう, получится смысл: дождь, вероятно, идет. Так же и с прошедшим временем: kinō ame-ga futta 昨日雨が降つた — вчера шел дождь и kinō ame-ga futta darō 昨日雨が降つただらう — вчера, вероятно, шел дождь.

Примечание. Это значит, что форма будущего времени от вспомогательного глагола «быть», могущая сама по себе иметь смысл вероятного настоящего, оказывается носителем того признака неуверенности, который вкладывается в данное высказывание говорящим и который в самом действии,

т. е. в том, что относится к предмету, не дан. Поэтому сам основной глагол не претерпевает никаких изменений; он стоит в форме того времени, которое нужно.

§ 215. Прошедшее время имеет свою собственную форму, выражающую, впрочем, не столько оттенок недостоверности, сколько предположительности действия. Эта форма образуется при помощи суффикса прошедшего времени ta, взятого в форме tarō. Например: yomu 讀む — yonda 讀んだ — yondarō 讀んだらう, toru 取る — totta 取つた — tottarō 取つたらう. Kinō ame-ga futtarō 昨日雨が降つたらう — вчера, по всей вероятности, шел дождь.

§ 216. Тот же смысл неуверенности говорящего в наличии действия, относящегося к другому предмету, в чисто разговорном языке может обозначаться постановкой всей фразы в вопросительном обороте, т. е. с частицей ka с добавлением особого вспомогательного слова shira. Это слово — в соединении именно с вопросительным оборотом — вносит оттенок сомнения по отношению к действию глагола. Возьмем для примера такой оборот в положительной форме. Пусть исходной будет фраза: ame-ga furu 雨が降る — дождь идет. Если сказать: ame-ga furu-ka shira 雨が降るかしら, этим будет поставлено под сомнение все, что содержится в фразе, т. е. она будет иметь смысл: да идет ли дождь? Также и с отрицательной формой: ame-ga furanai 雨が降らない — дождь не идет; ame-ga furanai-ka shira 雨が降らないかしら — уж не идет ли дождь? В первом случае сомнение будет направлено на положительно утверждаемый факт: дождь идет. Другими словами, как будто имеется в виду отрицание: нет, дождь как будто не идет. Во втором случае это сомнение направлено на отрицательно утверждаемый факт: дождь не идет; причем имеется в виду обратное, т. е. что он, повидимому, идет.

То же и с прошедшим временем: shimbunkisha-ga sore-wo kagidashita-ka shira? 新聞記者がそれを嗅ぎだしたかしら — или репортеры это пронюхали? (т. е.: надеюсь, что нет); shimbunkisha-ga sore-wo kagidasanakatta-ka shira? 新聞記者がそれを嗅ぎ出さなかつたかしら? — уж не пронюхали ли это репортеры? (т. е.: по всей вероятности, да).

§ 217. Оттенок допущения возможности действия вносится в фразу и постановкой на конце после глагола выражения ka mo shirenai (shiremasen, shiren). Например, anohito-wa asu kuru ka mo shirenai あの人は明日來るかもしれない — он, возможно, завтра придет. Kinō mō kaetta ka mo shirenai 昨日もう歸つたかもしれない — возможно, что он вчера уехал. Aru ka mo shirenai あるかもしれない — может быть и есть. Также и с отрицательными оборотами: ...nai ka mo shirenai — может быть и нет.

Все изложенные случаи, таким образом, объединяются одним общим признаком: они говорят о том, что действие, совершаемое

или приписываемое какому-нибудь предмету, с точки зрения говорящего не является несомненным. Но они отличаются друг от друга характером этого признака: 1) darō, deshō говорит об общей проблематичности этого действия для говорящего; 2) ka shira — о его сомнении в наличии этого действия; 3) ka mo shirenai — о допущении им возможности этого действия.

§ 218. Возможны, однако, случаи, когда самому действию приписывается полная возможность осуществления и говорящий только констатирует эту возможность. Для выражения такого рода возможности действия существует суффикс sō, присоединяемый ко 2-й основе глагола. Получаемая форма имеет тот смысл, что данное действие *как будто* происходит или имеет место: ame-ga yamisōdes 雨が止みさうです — дождь, как будто, прекращается; anohito-mo kisō-des あの人も來さうです — он тоже должен, как будто, притти.

Как видно из этого примера и как было сказано раньше, форма на sō представляет собой грамматически род склоняемого прилагательного, вследствие чего, как и все склоняемые прилагательные, становясь сказуемым, требует сочетания с вспомогательным глаголом-связкой, т. е. des, da, gozaimas. Иными словами, сказуемое в таких случаях всегда составное.

§ 219. Возможен и еще один оттенок достоверности или недостоверности действия. В отличие от предыдущего, проблематичность в этом случае не исходит от говорящего (в том или ином смысле), не заложена и в самом явлении, а обусловливается как бы внешней обстановкой, обстоятельствами внешними для данного действия. Для выражения этого существует тот же суффикс sō, могущий присоединяться и к настоящему времени (также и тогда, когда оно употребляется вместо будущего) и к прошедшему. Например: anohito mo ikusō-des あの人も行くさうです — он, будто, тоже идет, anohito-wa shindasō-des あの人は死んださうです — он, будто, умер.

Суффикс sō, употребляющийся в этом случае, конечно, тот же, что и в предыдущем. Разница в оттенках, получающихся в этих двух случаях, зависит, следовательно, не от него непосредственно, а от формы, с которой он соединяется. В соединении со второй основой он дает смысл действия не в качестве категорически совершающегося, а как бы наметившегося к совершению: shinu 死ぬ — умирать, shinisō-des 死にさうです — (он) как будто умирает (у него вид умирающего). В соединении с настоящим или прошедшим временем, т. е. в соединении с законченным высказыванием он говорит о том, что как бы извне приносится какое-то обстоятельство, при свете которого данное действие приобретает не достоверность, но возможность. Поэтому удобнее иногда сопоставлять эти обороты с русским: говорят, что он умер — anohito-wa shindasō-des 死んださうです; говорят, он тоже уезжает — anohito mo kaerusō-des あの人も歸るさうです. Русское безличное «говорят» именно такую, как будто обуслов-

ленную внешним обстоятельством возможность и выражает. Поэтому, если сопоставлять оба случая применения суффикса sō, между ними окажется разница и в том смысле, что в первом случае налицо полная возможность действия, хотя бы только как намечающегося, во втором — скорее только допущение возможности действия.

§ 220. Описанные способы выражения того или иного оттенка достоверности происходящего объясняются тем, что все они оперируют самим глаголом, достигают нужного эффекта, проделав что-то с самим глаголом. Однако, те же оттенки достоверности или недостоверности могут быть внесены во фразу и другим путем: с помощью особых наречий.

Наречия эти отличаются от описанных выше принципиально. Все до сих пор приведенные и объясненные наречия имеют в виду такое сочетание с глаголом, когда они определяют собой этот глагол с количественной или качественной стороны; иначе говоря, характеризуют, как проявляется вещественная сторона глагольного понятия. Есть, однако, и другая категория наречий, до сих пор еще не объясненная, которая характеризует не проявление вещественной стороны глагольного понятия, а связь действия с его субъектом. Эти наречия разделяются на две особых категории:

а) наречия, устанавливающие категорический, несомненный характер связи субъекта с его действием (состоянием): tashikani 確に — наверное, kitto きつと — непременно, zehi 是非 — обязательно, ikanimo いかにも — во всяком случае. Например:

Ikanimo anohito-wa rippa-na ishi-da いかにもあの人は立派な醫師だ — во всяком случае (безусловно) он великолепный врач

Asu-wa kitto kimas 明日はきつと來ます — завтра непременно приду

Ōsaka-ni-wa tashikani aru 大阪には確にある — в Осака есть наверное

Zehi koi 是非來い — приходи обязательно;

б) наречия, устанавливающие проблематический характер этой связи: osoraku 恐らく — боюсь, что, aruiwa 或は — может быть, tabun 多分 — по всей вероятности, sadamete 定めて — вероятно, ōkata 大方 — в общем. Например:

Myōnichi-wa osoraku ame darō 明日は恐らく雨だらう — как бы завтра не пошел дождь

Anohito-mo aruiwa kuru darō あの人も或は來るだらう — он тоже, может статься, придет

Tabun shinda darō 多分死んだだらう — по всей вероятности, умер

Sadamete o-tsukare deshō 定めてお疲れでせう — вероятно, вы устали

Sōdan-wa ōkata matomatta 相談は大方まとまつた — разговор в общем наладился.

(Ср. также omoeba 思へば, tatoeba 例へば, omou-ni 思ふに, kaerimiru-ni 顧るに).

В числе этих наречий можно выделить:

а) kesshite 決して — никак, ни в коем случае, подчеркивающее категоричность, но в отрицательном смысле: kesshite ikanai 決して行かない — ни в коем случае не пойду;

б) yomoya よもや и masaka (ni) まさか(に), в соединении с глаголом в дубитативном наклонении, подчеркивающие возможный (или отрицательно: невозможный) характер действия: yomoya (masaka) sore-wa uso-de-wa arumai よもや(まさか)それは嘘ではあるまい — это никак не может быть ложью; masaka sō-de mo arumai まさかさうでもあるまい — ни в коем случае не может быть так.

VI. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ

§ 221. Отрицательные обороты образуются при помощи отрицательных форм сказуемого. Это значит, что для того, чтобы получить фразу с отрицательным смыслом, нужно сказуемое в ней поставить в специальной отрицательной форме. И так как сказуемые могут быть трех видов,—состоять либо из имени существительного со связкой, либо из прилагательного, либо из глагола,—то каждый из этих видов имеет свои собственные отрицательные формы.

1. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛЬНОГО СКАЗУЕМОГО

а) Если глагольная форма оканчивается на mas, отрицательный смысл получается путем присоединения к 1-й основе этого вспомогательного глагольного суффикса, т. е. mase, отрицательного суффикса n. Например: shirimasen 知りません — не знаю, wakarimasen わかりません — не понимаю, dekimasen 出來ません — не могу, не умею;

б) если глагол стоит без суффикса mas, отрицательная форма образуется путем прибавления к 1-й основе глагола отрицательного суффикса nai. Например: ugokanai 動かない — не двигается, ochinai 落ちない — не падает, nagarenai 流れない — не течет, konai 來ない — не приходит, shinai しない — не делает.

Примечание 1-е. 1-я основа глагола suru будет, собственно, se. Однако, в современном языке она почти полностью вытеснена shi, т. е. одинакова со 2-й основой. Наряду с этим в сложных образованиях — сочетаниях китайских слов с глаголом suru, т. е. в образованиях типа kenkyo-suru 檢擧する — арестовать, 1-я основа от suru существует в виде sa, так что страдательный залог «быть арестованным» будет не kenkyo-serareru 檢擧せられる, а kenkyo-sareru 檢擧される. Вызвано это тем, что такие китайские слова настолько усвоены японским языком, что соче-

тание их с suru, вроде kenkyo-suru 檢擧する, воспринимается как одно слово — глагол kenkyosuru 檢擧する, где suru целиком слито с предшествующим существительным. А коль скоро так, то все целое идет по первому спряжению и его 1-й основой будет kenkyosa 檢擧さ. Исключение составляют сочетания suru с односложными китайскими словами, оканчивающимися на n, типа anzuru 案ずる, shinzuru 信ずる — думать, верить и т. д. 1-я основа у них — anji 案じ, shinji 信じ, т. е. оканчивается на shi, почему и форма страдательного залога будет не anzerareru 案ぜられる, а anjirareru 案じられる, не shinzerareru 信ぜられる, а shinjirareru 信じられる; также и отрицательные формы: при сочетаниях с односложными китайскими словами, оканчивающимися на гласную, — kōzuru 講ずる, ōzuru 應ずる — толковать, отвечать, — возможно и se (ze) и shi (ji), т. е. kōze 講ぜ и kōji 講じ. Поэтому отрицательные формы будут: kōjinai 講じない (чаще) и kōzenai 講ぜない (реже) ōjinai 應じない и ōzenai 應ぜない; но страдательный залог — kōzerareru 講ぜられる (чаще) и kōjirareru 講じられる (реже).

Таким образом, в современном языке устанавливается наличие трех форм 1-й основы suru: одной «правильной» — se, двух других фактических — shi и sa.

Примечание 2-е. В современном разговорном языке встречается отрицательная форма глаголов, обычная для письменного языка и образуемая от 1-й основы глагола с суффиксом zu: shirazu 知らず, kawarazu 變らず, sezu せず и т. д.

Впрочем, употребление этой формы ограничивается рядом готовых шаблонов и универсального значения не имеет.

2. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА-СВЯЗКИ

§ 222. Составное сказуемое слагается из существительного — предикативного члена и вспомогательного глагола-связки. Предикативный член во всех случаях остается неизменным, изменяется только связка. Поэтому и отрицательные формы образуются от нее:

а) если этой связкой служит глагол gozaimas ござゐます, т. е. оканчивающийся на mas, он образует отрицательную форму по правилу mas, т. е. gozaimasen;

б) от специальных глаголов-связок des и da отрицательные формы образуются иначе: des заменяется отрицательной формой глагола arimas — arimasen, требующей перед собой предикативного падежа существительного. Например: gakusei-des 學生です, отрицательно — gakusei-de (wa) arimasen 學生で(は)ありません; da заменяется особым прилагательным nai, соответствующим по смыслу и употреблению отрицательной форме глагола aru — быть, причем предшествующее существительное должно стоять в предикативном падеже. Например: gakusei-da 學生だ, отрицательно — gakusei-de(wa)nai 學生で(は)ない.

Примечание. Окончание предикативного падежа de может сливаться с последующим суффиксом wa в единый комплекс jā. В таком случае получаются следующие фразы: gakusei-jā arimasen 學生ぢやァありません gakusei-jā nai 學生ぢやァない.

Превращение des в de (wa) arimasen объясняется тем, что глагол-связка des сам по себе не имеет отрицательных форм и дол-

жен обращаться поэтому к какому-нибудь эквивалентному глаголу. Таковым во всех отношениях и будет глагол arimas. Таким образом и привлекается отрицательная форма от arimas — arimasen со всеми вытекающими последствиями, т. е. с необходимостью предикативного падежа перед собой.

Превращение da в de (wa) nai также объясняется тем, что сама связка da не имеет собственных отрицательных форм. Не имеет их и эквивалентный глагол aru; заместителем его служит слово nai, по форме — прилагательное, по смыслу — глагол «не быть». Поэтому это nai, подобно aru, может быть и самостоятельным словом со смыслом «не имеется», т. е. обратным aru,— например, kane-ga nai 金がない — денег нет; может быть и вспомогательным, обратным aru, как связке, т. е. отрицательной связкой, и сохраняет тогда свойство связки требовать предикативного падежа,—например: koko-wa Tōkyō-de (wa) nai 此處は東京で（は）ない — здесь — не Токио.

3. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ СКАЗУЕМОГО-ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

§ 223. а) Отрицательная форма от спрягаемого прилагательного (на i) образуется посредством присоединения ко 2-й основе nai. Таким образом, получаются такие формы: ōkikunai 大きくない — не велик, takakunai 高くない — не высок, muzukashikunai むづかしくない — не труден;

б) отрицательные формы от прилагательных склоняемых всех типов образуются одинаково: само прилагательное остается в том же виде, как и в положительном обороте, т. е. в предикативном падеже (на de), изменяется только глагол-связка, который при нем стоит. Другими словами, порядок тот же, что и при существительных.

Таким образом, в современном японском языке слово nai имеет две различные функции. Первая из них — служить отрицательным суффиксом; вторая — служить прилагательным, соответствующим по смыслу отрицательной форме глагола aru быть. Первое nai отдельно от глагола не существует, оно сливается с ним в одно целое, в одну отрицательную форму. Второе nai существует как самостоятельное слово в предложении,— как самостоятельное сказуемое «не имеется» и как связка «не быть»,— причем оно и в этом втором облике вполне отделимо от предикативного члена, будь этот последний существительным, будь он прилагательным; nagarenai в фразе mizu-ga nagarenai 水が流れない — вода не течет — одна глагольная форма; nai в фразе kane-ga nai 金がない — нет денег — самостоятельное прилагательное с глагольным значением «не имеется»; nai ない в фразе koko-wa Tōkyō-de (wa) nai 此處は東京で（は）ない — здесь не Токио — связка «не быть».

Примечание. Поскольку nai по форме является прилагательным, постольку после него, как после всякого прилагательного-сказуемого, может ставиться глагол-связка des, иногда даже с вставным n. Поэтому возможны

такие формы: koko-wa Tōkyō-de-wa nai (n) des こゝは東京ではない(ん)です, kore-wa takakunai (n) des これは高くない(ん)です.

§ 224. Предикативный член в отрицательных сказуемых очень часто сопровождается выделительной частицей wa. Так, например, очень часто можно услышать: koko-wa Tōkyō-de wa nai こゝは東京ではない — здесь не Токио, kore-wa takaku (wa) nai これ(は)高くはない — это недорого.

Наличие этого выделительного wa после предикативного члена объясняется тем, что при отрицании в составном сказуемом центр тяжести часто лежит не на самом отрицании как таковом, т. е. на связке, а на том, *что* отрицается, т. е. на предикативном члене: «здесь — не Токио (а Осака)»; «это не дорого (а дешево)». Такое подчеркивание, выделение отрицательного признака и достигается постановкой частицы wa.

Подчеркивание, выделение может производиться и с помощью частицы mo, ставящейся также после предикативного члена перед связкой: koko-wa Tōkyō-de mo nai 此處は東京でもない; kore-wa takaku mo nai これは高くもない. Отличие mo от wa в данном случае заключается в том, что wa подчеркивает данное слово, противопоставляя его другим, mo же, наоборот, подчеркивает его, ставя его в ряд с другими. Поэтому и перевод этих двух фраз с mo будет несколько иной: «здесь и не Токио (и не Осака)»; «это и не дорого (и хорошо)».

4. ВРЕМЕНА В ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ОБОРОТАХ

§ 225. Сказуемое в положительных оборотах может иметь три времени: настоящее, прошедшее и будущее. Эти же времена могут быть и в отрицательных оборотах. Естественно, что они образуются от тех отрицательных форм, которые приведены выше.

а) Глаголы, оканчивающиеся на mas, отрицательную форму настоящего времени образуют посредством присоединения к 1-й основе отрицательного суффикса n: yomimasen 讀みません — не читаю. Прошедшее время образуется в таком случае от этой формы отрицательного настоящего через добавление к ней глагола-связки des в форме прошедшего времени — masen deshita ませんでした: yomimasen deshita 讀みませんでした — не читал. Будущее образуется путем добавления формы будущего времени этого глагола — masen deshō ませんでせう: yomimasen deshō 讀みませんでせう — не буду читать.

б) Глаголы в собственном виде, т. е. употребляемые без суффикса mas, настоящее отрицательное образуют посредством присоединения к 1-й основе отрицательного суффикса nai: tabenai — не ест. Отрицательные прошедшее и будущее образуются путем спряжения этого конечного суффикса nai.

Суффикс nai, будучи по форме прилагательным, спрягается по временам, как прилагательное, т. е. для образования прошедшего и будущего времени соединяется с соответствую-

щими формами глагола aru ある — быть, т. е. с суффиксом atta あつた (прошедшее) и arō あらう (будущее). Эти atta и arō при этом присоединяются ко 2-й основе, т. е. к naku なく, причем конечное «u» выпадает. Получаются, таким образом, формы: nai ない — настоящее время, nakatta なかつた прошедшее, nakarō なからう — будущее; в соединении с основным глаголом — tabenai 食べない — не ест, tabenakatta 食べなかつた — не ел, tabenakarō 食べなからう — не будет есть.

Примечание. Степень распространенности этих форм чрезвычайно различна. Так, например, форма tabenakarō сейчас совершенно не в ходу. Реальное отрицательное спряжение является соединением разных типов (см. § 183).

в) Глаголы irasshaimas いらつしやいます и gozaimas ござゐます образуют отрицательные времена по правилу mas, т. е. irasshaimasen いらつしやいません, gozaimasen ござゐません — настоящее, irasshaimasen deshita いらつしやいませんでした, gozaimasen deshita ござゐませんでした — прошедшее и irasshaimasen deshō いらつしやいませんでせう, gozaimasen deshō ござゐませんでせう — будущее.

г) Связка des в отрицательных оборотах заменяется глаголом arimas в отрицательных формах. Поскольку же глагол arimas оканчивается на mas, постольку его отрицательные времена образуются по общему правилу: arimasen ありません, arimasen deshita ありませんでした, arimasen deshō ありませんでせう.

д) Связка da в отрицательных оборотах заменяется отрицательным прилагательным nai с предшествующим предикативным падежом существительного. Форма nai сама по себе является настоящим временем; прошедшее и будущее образуются по общему правилу прилагательных, т. е. путем соединения этого nai во 2-й основе naku с прошедшим и будущим временем глагола aru: nakatta なかつた, nakarō なからう.

е) Поскольку отрицательные обороты при прилагательных получаются посредством присоединения ко 2-й основе отрицательного nai, спряжение идет по правилам nai: takakunai 高くなく — настоящее, takakunakatta 高くなかつた — прошедшее, takakunakarō 高くなからう — будущее.

Примечание. Образование отрицательных глагольных форм посредством суффикса nai, считающееся теперь «правильным» и утвержденное стандартным языком, на самом деле представляет собой яркий пример насаждения определенной диалектной языковой формы по всей стране. Nai — явление, свойственное только восточным наречиям Японии, в частности токиоскому говору. Даже сейчас можно сравнительно легко проследить границу распространения nai: это — район, заключенный между Тōтоми, Синано, Этиго. Далее к западу nai исчезает. Вместо него появляется второй отрицательный суффикс zu, в токиоском живом языке существующий в 4-й основе nu ぬ (n) только в одной-единственной форме masen ません, т. е. в сочетании с вспомогательным mas; во 2-й основе zu — только в отрицательных деепричастиях — отглагольных наречиях: mizuni 見ずに — не посмотрев (с наречным суффиксом ni); в 5-й основе —

ne — в условной форме neba: yomaneba 讀まれば — если не прочитать. При этом две последние формы отнюдь не характерны для токиоского языка: первая из них (zuni) звучит «книжно», отголоском письменного языка, вторая — либо также «книжно», либо «провинциально», как отголосок другого наречия. Поэтому можно сказать, что отрицательный суффикс zu (1-я основа — zu, 2-я — zu, 3-я — zu, 4-я — nu (n), 5-я — ne) не свойственен токиоскому языку. Для него характерно nai. Для запада же Японии характерно именно zu. Интересно отметить, что это zu также канонизировано современным буржуазным языком, но не для «разговорного» языка а для «письменного»: грамматика письменного языка требует, чтобы отрицательные формы образовывались посредством именно этого zu. Таким образом, местное языковое явление nai, благодаря господствующему положению Токио в политическом смысле, возведено в ранг «правильного» и поэтому всеобщего для живого «национального» языка. Другое же местное явление zu, принадлежащее местности, отошедшей на второй план, стало «диалектическим» и поэтому негодным для общенационального языка. Но так как эта местность — запад Японии — играла долгое время главную роль в политической и культурной жизни страны, это zu с другой стороны, было утверждено как «правильное» для письменного языка.

В Сидзуока, Яманаси и дальше к западу существует для прошедшего отрицательного суффикс nanda なんだ, присоединяемый к 1-й основе глагола: shirananda 知らなんだ, shirimasenanda 知りませなんだ — я не знал. Это nanda — явление сложное: одна его часть — nan восходит, возможно, к древнему отрицательному суффиксу ni, соединенному с вспомогательным aru, т. е. ni aru; вторая часть представляет собой суффикс прошедшего времени ta, в свою очередь восходящий к старому вспомогательному глагольному суффиксу tari.

В Идзумо, Тоса, Хюга прошедшее отрицательное образуется с помощью суффикса zatta, присоединяемого к 1-й основе: shirazatta 知らざつた — не знал, yukazatta 行かざつた — не ушел. Это zatta — явление также составное, образованное из отрицательного глагольного суффикса zari и суффикса прошедшего времени ta, причем сочетание zari + ta дало zatta.

СУБСТАНТИВИЗИРОВАННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 226. Как видно из всего вышеизложенного, подлежащими и дополнениями в предложении бывают, как правило, так называемые тайгэны, т. е. всякие предметные и «опредмеченные», т. е. мыслимые предметными понятия.

Такие понятия бывают представлены обычно существительными, числительными и местоимениями. Таким образом, реально в фразе в роли подлежащего и дополнения большею частью мы встречаем именно эти части речи. Например:

А. Имена существительные.

1. Как подлежащее:

а) в именительном падеже — kaze-ga fuku 風が吹く — ветер дует;

б) в выделительном падеже — migi-wa yama-des 右は山です — правая сторона горы.

2. Как дополнение:

а) в винительном падеже — mizu-wo nomu 水を飲む — пью воду;

б) в дательном падеже — gakkō-ni hairu 學校に入る — поступаю в школу;

в) в исходном падеже — asa-kara hataraku 朝から働く — работаю с утра;

г) в падеже направления — Ōsaka-e iku 大阪へ行く — еду в Осака;

д) в соединительном падеже — tomodachi-to yakusoku-suru 友達と約束する — условливаюсь с товарищем;

е) в творительном падеже — fude-de kaku 筆で書く — пишу кистью;

ж) в сравнительном падеже — yama-yori takai 山より高い — выше горы.

Б. Имена числительные.

1. Как подлежащее:

а) в именительном падеже — kono futatsu-ga machigatte iru この二つが間違つてゐる — эти два неверны;

б) в выделительном падеже — tō-wa arumai 十はあるまい — десять вряд ли найдется.

2. Как дополнение:

а) в винительном падеже — shi-wo ni-de waru 四を二で割る — делить 4 на 2;

б) в дательном падеже — mittsu-ni itsutsu-wo kakeru 三つに五つを掛ける — умножать 5 на 3;

в) в исходном падеже — sambyaku-kara shihyaku-made 三百から四百まで — от 300 до 400;

г) в падеже направления — tsukai-wo ano futari-e sashimuketa 使をあの二人へ差し向けた — посланного направили к тем двоим;

д) в совместном падеже — sannin-to arasotta 三人と爭つた — спорил с троими;

е) в творительном падеже — yubi nihon-de motsu 指二本で持つ — держать двумя пальцами;

ж) в сравнительном падеже — itsutsu-yori ōi-darō 五つより多いだらう — вероятно, больше пяти.

В. Местоимения.

1. Как подлежащее:

а) в именительном падеже — watakushi-ga mimashita 私が見ました — я видел;

б) в выделительном падеже — watakushi-wa chitto-mo shirimasen 私はちつとも知りません — я ничего не знаю.

2. Как дополнение:

а) в винительном падеже — koko-wo tōru こゝを通る — проходить здесь (это место);

б) в дательном падеже — kore-ni kimeyō これに決めやう — порешим на этом;

в) в исходном падеже — watakushi-kara hajimemashō 私から始めませう — начнем с меня;

г) в падеже направления — achira-e watashite kure あちらへ渡してくれ — передай туда;

д) в совместном падеже — anohito-to sōdan-shite miyō あの人と相談してみやう — попробую поговорить с ним;

е) в творительном падеже — kochira-de kikimashita こちらで聞きました — слышал здесь;

ж) в сравнительном падеже — watakushi-yori yoku dekiru 私よりよく出來る — умеет лучше меня.

§ 227. Однако, когда дело касается опредмеченных понятий, тогда помимо этих частей речи в роли подлежащих и дополнений могут встречаться и другие слова: прилагательные, глаголы и даже наречия. В этом случае они не только «опредмечиваются», как понятия, но и «тайгэнизируются», как слова, т. е. превращаются в особого рода существительные, могущие быть поэтому названными — в противоположность собственно существительным — существительными производными. Эти производные существительные могут быть различных видов.

Основная масса опредмеченных понятий, являющихся большею частью абстрактными, выражается обыкновенно собственно-существительными типа понятий: временных — toki 時 — время, пространственных — kami 上 — верх, количественных — hitotsu 一つ — один, mina 皆 — все; понятий, выражающих какое-нибудь душевное или физическое явление: chikara 力 — сила; идейное понятие: ōyake 公 — власть, makoto 誠 — истина и т. д. Однако, когда дело касается опредмечивания понятий качества (свойства) или действия (движения), а также признака другого признака, т. е. понятий, выраженных обычно прилагательными, глаголами и наречиями, на арену выступают существительные производные, образованные от этих частей речи.

1. АБСТРАКТНАЯ СУБСТАНТИВИЗАЦИЯ ПРИЗНАКА

§ 228. Такое опредмечивание может прежде всего направляться на качество, действие или признак признака — как таковые; иначе говоря, понятия, выражаемые прилагательным, глаголом или наречием, начинают выступать не как признаки чего-либо, а как самостоятельные, обособленные, так сказать предметные понятия — с вещественным значением данного признака.

В таком смысле употребляется корень прилагательного, получающийся путем отсечения обычного окончания i. Например: kuro 黒 от kuroi 黒い (черный), shiro 白 от shiroi 白い (белый). Например: kuro-ga katta 黒が勝つた — черное победило.

У слов, обозначающих действие, т. е. глаголов, берется 2-я основа, например: negai 願 — просьба (от negau 願ふ — просить), todoke 届 — доставка (от todokeru 届ける — доставлять). Например: negai-wo dasu 願を出す — подавать просьбу; todoke-ga nai 届がない — нет доставки. Следует отметить при этом то характерное для японского языка явление, что от таких

глагольных основ, употребленных как существительное, можно снова образовать глагольное понятие: для этого достаточно только соединить эту 2-ю основу с глаголом suru — делать, т. е. создать оборот вроде русского «делать то-то». В этих случаях такое отглагольное существительное должно было бы ставиться в винительном падеже, поскольку глагол suru управляет именно этим падежом; иными словами, следовало бы ждать сочетаний вроде negai-wo suru 願をする — делать просьбу — просить. Однако японский язык этого винительного падежа отнюдь не требует, как обязательного; он может быть, но может и не быть; чаще именно не бывает. Это говорит только о том, что в таких случаях мы имеем дело не столько с словосочетанием (из двух слов — дополнения и глагола), сколько просто с одним сложным образованием — сложным составным глаголом: negai-suru 願する — просить. Различие между такими глаголами и обычными, т. е. между negau и negai-suru языком все-таки делается; это сказывается и в том, что оба элемента такого сложного соединения могут снова разойтись, стоит только вторгнуться какой-нибудь «частице», какому-нибудь смысловому суффиксу, вроде, например, mo — также, даже. Тогда этот суффикс приставляется к существительному и, таким образом, отделяет его от глагола; иначе говоря, получается такого рода словосочетание: ki 來 — приход (от kuru 來る — приходить), ki mo shinai 來もしない — (он) и не приходит.

§ 229. Среди всех случаев употребления 2-й основы глагола в смысле существительного, т. е. среди всех случаев его употребления в различных падежах, необходимо особо выделить употребление его в дательном падеже, т. е. когда этот корень стоит с суффиксом ni.

Выделение этого случая мотивируется не только очень большой распространенностью этого падежа, но и тем, что в таких случаях корень глагола играет двойную синтаксическую роль: по отношению к главному глаголу, которым он управляется, этот корень будет существительным в дательном падеже; однако, перед ним может стоять свое существительное, которое будет в свою очередь подчинено ему как глаголу, вернее его глагольному значению; иначе говоря, глагол превратился в существительное, но это существительное, поскольку оно есть, хотя и опредмеченное, но все же понятие действия, может именно этой своей стороной управлять другими существительными. Смысл дательного, получаемого в этом случае, аналогичен с обыкновенным дательным с несколько особым оттенком смысла, в связи с тем, что здесь мы имеем дело не с понятием предмета, а — действия: такое дополнение будет отвечать на вопрос *для чего*. Поскольку это *для чего* касается понятия действия, постольку получается оборот: «для того, чтобы», или по-русски — просто неопределенное наклонение. Например:

Mono-wo tori-ni itta 物を取りに行つた — пошел взять вещи (буквально — для взятия вещей)

Ani-wo yobi-ni yatta 兄を呼びにやつた — послал позвать брата

Shigoto-wo shi-ni kita 仕事をしに來た — пришел делать работу

Biru-wo nomi-ni itta ビールをのみに行つた — пошел пить пиво.

Возможность для 2-й основы глаголов выступать в роли существительного является настолько не случайной, что обусловила существование в японском языке целого ряда существительных вполне конкретного предметного значения, по существу представляющих собою именно такие глагольные формы (2-е основы). Таковы, например: tatami たゝみ — цыновка (от tatamu たゝむ — складывать), hori 堀 — ров, канава (от horu 掘る — рыть), najimi 馴染 — знакомец (от najimu 馴染む — быть знакомым). Значение этих слов показывает, как опредмеченное понятие признака — в данном случае признака действия — может само по себе, без всяких дополнительных операций, превращаться в понятие самого конкретного содержания.

§ 230. Опредмечивание признака признаков, иначе говоря, превращение в существительное наречия, хотя и редко, но также возможно. При этом, в виду того, что наречия в японском языке принадлежат к числу неизменяемых слов, т. е. существуют в раз установленном виде, они для превращения в существительные и берутся в этом своем виде, принимая затем только ту падежную частицу, которая в данном случае нужна. Иначе говоря, наречия начинают склоняться. Например: sugu 直ぐ — сейчас, немедленно — sugu-ga ii 直ぐがいゝ. Эту фразу, где sugu является подлежащим, стоящим в именительном падеже на ga, передать по-русски соответственно японской конструкции трудно. Она имеет смысл: лучше сейчас же. Еще пример: subete 凡て — всё, вообще; rombun-no naiyō-no subete-ni watatte 論文の內容の凡てにわたつて — на протяжении всего содержания статьи.

II. КОНКРЕТНАЯ СУБСТАНТИВИЗАЦИЯ ПРИЗНАКА

§ 231. Так опредмечиваются понятия признаков, выраженных глаголами, прилагательными и наречиями. Это опредмечивание, как было сказано выше, касается самого признака, как такового, в его чистом виде. Поэтому-то и берется чистая основа, без всяких дополнительных наращений. Отсюда и получается, что такие существительные имеют наиболее абстрактное значение. Иное значение получают существительные, также производные от глагола и прилагательных, но выступающие уже не в виде основы, а в облике каких-либо других форм или же образованные с помощью каких-либо суффиксов. В таких слу-

чаях понятия действия или качества получают новый дополнительный, вносящий несколько иное предметное значение, оттенок, придающий всему целому уже более конкретный смысл.

1. СУБСТАНТИВИЗАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 232. Ярким примером такого опредмечивания с добавлением особого оттенка могут служить существительные, полученные от прилагательных. Одни из них образуются при помощи разных суффиксов, которые именно и придают всему получаемому понятию этот дополнительный оттенок.

а) Если то качественное понятие, которое выражено прилагательным, дается с подчеркиванием его интенсивности, то берется суффикс mi, приставляемый к корню. Так, например: fukai 深い — глубокий, fukami 深み — глубина (как нечто «глубокое»); atsui 厚い — толстый, atsumi 厚み — толщина (как нечто «толстое»).

б) Если же это понятие берется просто как название, к корню присоединяется суффикс sa. Так, например: fukasa 深さ — глубина (как измерение), atsusa 厚さ — толщина (как измерение). Разница между atsumi 厚み и atsusa 厚さ заключается в том, что atsumi — толщина — означает что-нибудь именно *толстое*, в то время как atsusa означает только «толщину», как *измерение*, т. е. в любом размере. Русский язык частично сохранил это различие в таких словах, как «вышина» и «высота», но такие параллельные образования возможны только в немногих случаях.

в) Возможно, хотя в современном языке и в очень редких случаях, образование существительных от корня прилагательных путем присоединения суффикса ra. В этом случае также подчеркивается особая интенсивность качества, представляемого прилагательным. Так, например: kiyoi 清い — чистый, kiyora 清ら — чистота — в особо подчеркнутом смысле; akai 赤い — красный, akara 赤ら — «краснота» в усиленном смысле — багровость (сами эти слова встречаются почти исключительно в сложных существительных типа akaragao 赤ら顔 — багровое лицо).

г) Если понятия, выраженные прилагательным, означают какое-нибудь внутреннее свойство, вызывающее психологический эффект, соответствующее существительное, подчеркивая именно этот психологический эффект, образуется присоединением к корню суффикса ge. Так, например: nikui 憎い — неприятный, противный, nikuge 憎げ — противность, неприятность (ср. nikusa 憎さ — «противность» с точки зрения качества, nikumi 憎み — «противность» с точки зрения интенсивности — отсюда переносное значение «ненависть»).

д) В некоторых случаях, когда прилагательное говорит о свойстве или качестве, вызывающем не столько психологический эффект, сколько простую физическую реакцию, вместо ge

присоединяется ke. Например: samui 寒い — холодный, samuke 寒け — холод, в дальнейшем: «озноб» (ср. samusa 寒さ — холод вообще; samumi 寒み — «холод» как нечто холодное); nemui 眠い — сонный, nemuke 眠け — сонливость. Например: hairu-to zenshin samuke-ga suru 入ると全身寒けがする — как войдешь, все тело охватывает озноб; nemuke-wo samasu 眠けをさます — разгоняю сонливость.

Необходимо отметить, что подобного же рода существительные на ge образуются и от глаголов, причем ge присоединяется ко 2-й основе; так обстоит дело, например, в сложном выражении: imiarige 意味ありげ — исполненность значения, многозначительность, где ge присоединено к ari — 2-й основе глагола aru ある: imiarige-na kaotsuki 意味ありげな顔つき — многозначительное выражение лица.

§ 233. Так образуется один ряд производных существительных. Наряду с этим существует и другой ряд, также образованных от прилагательных, но уже без всяких дополнительных суффиксов. В этом случае дело сводится к тому, что в известных синтаксических позициях некоторые формы (основы) прилагательных начинают играть роль существительных (ср. §§ 113—114).

а) Это бывает со 2-й основой, т. е. основой на ku (chikai 近い — chikaku 近く, muzukashii むづかしい — muzukashiku むづかしく). Внешним признаком того, что она выступает в данном словосочетании именно как существительное, является наличие при ней какого-нибудь падежного суффикса. Например: chikaku-e utsuru 近くへ移る — переезжаю в близкое место; tōku-wo nagameru 遠くを眺める — гляжу вдаль; chikaku-no yama 近くの山 — гора поблизости; ōku-no takara 多くの寶 — большое богатство. Существительные, полученные таким образом, отличаются от вышеприведенных тем, что переводят чисто качественное понятие в предметный план путем включения в это понятие признака носителя этого качества, и притом такого, которому наиболее, так сказать, органически присуще это качество. Так, chikaku говорит о «близком» в связи с тем, что и бывает «близким», т. е. в смысле «близкое место»; также tōku — далекое место (в этом случае есть хорошее и вполне соответствующее русское производное существительное «даль», имеющее тот же дополнительный оттенок места); ōku — говорит о том, что бывает большим, т. е. о «большом количестве»; osoku おそく — говорит о «позднем» в связи с тем, что бывает «поздним», т. е. — о времени, и означает, таким образом, «позднее время».

б) В роли существительного может также выступать и 3-я основа прилагательных. Например: kayui-yori itai hō-ga mashi-da 痒いより痛い方がましだ — лучше больно, чем щекотно; arigatai wa yamayama-de aru 有難いは山々である — благодарностей — горы; hayai-ga kachi-da 早いが勝だ — быстрое — лучше всего. Особенность этого употребления прилагательных заключается

в том, что в таких словосочетаниях опредмечивается не столько само понятие, но и его конкретное применение — в том смысле, который дается 3-й основой. Иначе говоря, допустим, что кто-либо высказал мысль: kare-ga hayai 彼が早い — он быстр; тут же рядом возможно замечание, исходящее от этой мысли: hayai-ga kachida 早いが勝だ — а быстрое лучше всего.

Такое же сложное опредмечивание качественного признака в его конкретном применении, т. е. не только самого вещественного значения, но и того его оттенка, который дается формой, имеет место и в предыдущем случае, т. е. при 2-й основе. Chikaku имеет наречное применение, т. е. означает «близко», и от этого значения и идет то существительное, которое получается в фразе chikaku-e utsuru 近くへ移る — переезжаю поблизости.

2. СУБСТАНТИВИЗАЦИЯ ГЛАГОЛОВ

§ 234. Производные существительные, представляющие собою не простое опредмечивание понятия самого действия, но соединение с дополнительным оттенком, могут образовываться и от глаголов. Здесь также возможны два варианта: образование существительных при помощи суффиксов, придающих этот дополнительный оттенок, и без суффиксов — одной только формой, каковая в этом случае и несет в себе этот дополнительный признак (ср. §§ 113—114). Рассмотрим оба варианта.

§ 235. Образование при помощи суффиксов и служебных слов:

а) одним из таких суффиксов является te (буквально — рука). Присоединяясь ко 2-й основе, он образует так называемые nomina agentis — понятие деятеля. Например: noru 乗る — ездить верхом, norite 乗手 — всадник; kaku 書く — писать, kakite 書手 — писец;

б) суффикс kata 方, присоединяющийся также ко 2-й основе, образует понятие способа действия. Например: aruku 歩く — ходить, arukikata 歩き方 — способ хождения, походка; kaku 書く — писать, kakikata 書き方 — способ писания, письмо (упражнение в чистописании и орфографии в японских школах); yomu 讀む — читать, yomikata 讀み方 — способ чтения, чтение (в смысле: как читается этот иероглиф) и т. п. Сходное значение имеет китайский суффикс yō, прилагающийся и к японским словам и означающий манеру, с какой производится действие: yomiyō 讀みやう — «чтение» в смысле «манеры чтения», а также суффикс buri — hanashiburi 話しぶり — манера говорить;

в) очень часто опредмечивание действия глагола происходит путем присоединения к 3-й основе или прошедшему времени суффикса no и служебных слов koto (дело) и tokoro (место).

Путем присоединения no образуется отглагольное существи-

тельное типа просубстантивного причастия, т. е. обозначающее самый предмет, производящий действие. Например:

Ima kitano-wa boku-no tomodachi-da 今來たのは僕の友達だ — пришедший сейчас — мой товарищ.

§ 236. Необходимо отметить, что при переводе на русский язык это просубстантивное причастие с no приходится передавать как абстрактное обозначение действия:

Dempō-no kurunò-wo matte-imas 電報の來るのを待つてゐます — жду прихода телеграммы
Sakura-no sakuno-wa haru-no sue-de aru 櫻の咲くのは春の末である — цветение вишен бывает в конце весны.

Так получается, однако, только при переводе на русский язык. По существу слова kuruno и sakuno сохраняют полностью свое значение просубстантивных причастий. Приведенные фразы следовало бы передать так: «жду приходящую телеграмму», «цветущие вишни бывают весной». Однако, и этот перевод не будет полностью соответствовать японской конструкции. Все дело в том, что в русском языке причастие не может иметь при себе определения, да еще выраженного именем существительным. В японском же языке такие слова, как kuruno, sakuno, поскольку они превратились в существительные совершенно конкретного значения, не только могут служить в предложении всем тем, чем может служить всякое существительное, но и иметь перед собою определение-существительное.

Путем присоединения служебного слова koto образуется отглагольное существительное, близкое по смыслу к русскому инфинитиву.

Karera-wa straiki-wo yarukoto-ni kimeta 彼らはストライキをやることに決めた — они решили бастовать
Yomukoto-wa muzukashii 讀むことはむづかしい — читать — трудно.

Путем присоединения служебного слова tokoro образуется отглагольное существительное со смыслом конкретного обозначения действия с точки зрения его содержания, — как с вещественной стороны, так и с точки зрения протекания действия на определенном пространстве и в определенный момент времени.

Kimi-no shitte iru tokoro-wo hanashite kure 君の知つてゐるところを話してくれ — расскажи то, что ты знаешь
Kiitatokoro-ni yoreba 聞いたところによれば — основываясь на том, что я слышал...
Benkyō-shite itatokoro-ni kita 勉強してゐたところに來た — (он) пришел в тот момент, когда я занимался.

Примечание 1-е. Все эти отглагольные существительные могут служить в предложении и именной частью составного сказуемого. Теоретически

в этом нет ничего нового, но при переводе на русский могут понадобиться некоторые дополнительные разъяснения.

Возьмем пример: boku-wa iku-no da 僕は行くのだ. Строго говоря, это предложение соответствует русскому «я — уходящий». Однако, поскольку существительное вместе с связкой образует формы предикативного спряжения, постольку iku-no da надлежит передавать русским глаголом «я ухожу».

Ima benkyō-shite iru tokoro-des 今勉強してゐるところです. Эту фразу следовало бы перевести так: «сейчас — тот момент, когда я занимаюсь». Но опять-таки по тем же основаниям benkyō-shite iru tokoro-des надлежит передавать глаголом, подчеркнув только признак времени: «сейчас я как раз занимаюсь».

Примечание 2-е. Суффикс no в том же значении конкретной субстантивизации может быть и у прилагательных: yasuino-wo kaitai 安いのを買ひたい — хочу купить дешевые (вещи). В соответствующих смыслах могут присоединяться и служебные слова koto и tokoro. Разумеется, эти слова, в сочетании с прилагательными, могут сохранять и свое самостоятельное значение.

§ 237. Без помощи специальных суффиксов в роли существительного может выступать 3-я заключительная основа глагола. Например: hayaku naosu-ga ii 早くなほすがいゝ — надо бы поскорее исправить; kuru-kara kaeru made damatte ita 來るから歸るまでだまつてゐた — с самого прихода до ухода он молчал.

3-я основа глагола имеет особо широкое употребление в духе существительного, когда она соединяется с суффиксом ni. В таких случаях она получает значение инфинитива, употребленного в целевом обороте речи: kau-ni 買ふに — для того, чтобы купить; toru-ni 取るに — для того, чтобы взять, и т. д.; tenjō-wa fureru-ni takasugimas 天井は觸れるに高すぎます — потолок слишком высок, чтобы его достать (до него дотронуться). Очень часто реальный смысл фразы требует постановки на этой фразе логического ударения. В этом случае после ni ставится wa: kippu-wo kau-ni wa kane-wo motanakereba narimasen 切符を買ふには金を持たなければなりません — для того, чтобы купить билет, нужно иметь деньги.

§ 238. В несколько своеобразной роли, но тоже как существительное, может выступать и так называемая многократная форма глагола, получаемая от присоединения суффикса tari ко 2-й основе. Внешним признаком ее употребления как существительного является то, что она соединяется с глаголом suru — делать, сочетающимся именно с существительным.

Примечание. Превращение прилагательного (во 2-й и 3-й основе) и глагола (в 3-й основе и на tari) в существительное имеет то следствие, что при таком новом (производном) существительном могут ставиться определения, выраженные именем существительным же, т. е. существительным с суффиксом no, совершенно так же, как это бывает при обыкновенных существительных например: jimbutsu-no yoi, warui-ga daiichi-da, shikaku-no aru, nai-wa daini-da 人物の良い悪いが第一だ，資格のあるないは第二だ — важно, хорош или плох, как человек, а есть ли положение или нет — дело второстепенное. В этой фразе прилагательное yoi, выступающее как существительное, имеет перед собою определение — слово jimbutsu — личность, т. е. существительное с суффиксом no. Глагол aru, тоже взятый

как существительное, имеет определение в виде существительного shikaku — положение (общественное, служебное), которое поэтому стоит в аттрибутивном падеже на no.

ОСОБЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 239. Когда какое-нибудь слово входит в состав словосочетания, включается в предложение, оно сейчас же приводится в связь с другими словами, вошедшими в это предложение. В одних случаях оно подчиняет себе другие члены предложения, в других — подчиняется им само, иногда становится в позицию обоюдно-равной зависимости. Так, например, глагол обычно является наиболее активным элементом в этих взаимоотношениях слов; попадая в предложение, он подчиняет себе большинство других слов: одни (существительные) он делает своими дополнениями, другие (глаголы и прилагательные, а также существительные и наречия) — своими обстоятельствами; и только с тем словом, которое служит подлежащим, он устанавливает более или менее равную обоюдную зависимость, более или менее потому, что и тут основная роль все же отводится ему. Разумеется, возможно и совмещение двух или всех трех положений: тот же глагол, подчиняющий себе ряд дополнений, может стоять в обоюдной зависимости с подлежащим и в то же время сам подчиняться либо существительному, как его определение, либо другому глаголу, как его обстоятельство.

Из всего изложенного следует, что все эти случаи взаимоотношения слов в предложении грамматически выражаются в так называемом согласовании и подчинении. При этом для обозначения того или другого существует два признака: признак формы и признак места. Иногда (в большинстве случаев) нужны два признака, чтобы позиция данного слова в предложении стала ясной; иногда достаточно только одного. Если достаточно одного места, — налицо так называемое примыкание. Если главную роль играет форма,— налицо управление или согласование.

Выше было указано, какими формами обозначается зависимость данного слова от других, т. е. какую форму принимает существительное, глагол, прилагательное и наречие, если они становятся в подчиненное положение к другому слову. Были указаны и случаи примыкания. Во всех этих случаях оставалось неизменным одно: становясь в зависимость от другого, данное слово сохраняет полностью свое вещественное значение, смысл его никак не меняется, оно остается, как понятие, одним и тем же. В каком бы падеже ни стояло существительное «карандаш», оно всегда остается по смыслу «карандашом».

I. СИНТАКСИЧЕСКИ-СМЫСЛОВЫЕ СУФФИКСЫ

§ 240. Существуют, однако, случаи, когда какое-нибудь слово, попадая в предложение, приобретает новый смысловой оттенок,

нужный в данных условиях высказывания, а получив этот оттенок, именно благодаря ему сразу же определяет и свою позицию в отношении другого слова. Другими словами, бывает, что мы имеем соединение двух моментов: смыслового, т. е. известное изменение значения слова, и синтаксического, т. е. определение зависимости этого слова от другого. Из этих двух моментов первый является основным, но поскольку такое изменение смысла возможно только в условиях предложения, постольку и этот основной момент теснейшим образом, хотя и в другом аспекте, связан с синтаксическими отношениями вообще.

Такое явление возможно не со всякими словами. В сущности мы можем наблюдать его только при таких словах, которые либо являются прямыми обозначениями величины, размера, степени, либо могут получить такое значение в зависимости от контекста речи. К числу первых относятся, разумеется, числительные, а также такие выражения, как ichinen — 一年 — один год, ichinichi — 一日 — один день, ichiri — 一里 — одна миля, hyakuen 百圓 — сто иен, т. е. соединение числительных с существительными. Вторыми могут быть такие слова, как yama 山 — гора (для обозначения величины, размера), shinu 死ぬ — умирать (для обозначения степени страдания, боли) и т. п. С этими и им подобными словами и может получиться такое сложное явление, т. е. одновременное изменение смысла и определение синтаксической позиции.

§ 241. Показателями этого двойного явления служат особые суффиксы. Как и все прочие суффиксы, они самостоятельного бытия не имеют и могут существовать, только соединяясь с другими словами, но, в отличие от прочих суффиксов, они являются носителями известного смыслового значения и, присоединяясь к другому слову, вносят в его состав дополнительный смысловой оттенок, а вместе с тем и определяют его позицию. Эти синтаксически-смысловые суффиксы — bakari ばかり, dake だけ, gurai ぐらゐ, hodo 程, made まで.

Суффиксы эти, во-первых, вносят дополнительный оттенок в значение того слова, к которому присоединяются; во-вторых, благодаря именно этому оттенку делают его обстоятельством-определением при глаголе на вопрос «как».

Первые три суффикса: bakari ばかり, dake だけ, gurai ぐらゐ, присоединяясь к другим словам, придают им смысл количественных выражений: dake — смысл размера, bakari — величины, gurai — количества. Одно и то же слово ichinen — 一年 — один год — может соединяться с каждым из них и получать тогда, правда очень близкие, но все же разные смысловые оттенки: если нужно сказать «продолжается один год» с указанием на простую продолжительность, говорится: ichinen-bakari kakarimasu — 一年ばかりかゝります; если ударение делается на данном размере этой продолжительности, говорится: ichinen-dake kakarimasu — 一年だけかゝります; если эта про-

должительность фигурирует как простое количественное обозначение, говорится: ichinen-gurai kakarimas —年ぐらゐかゝります.

Перевод на русский язык этих выражений одновременно и труден, и прост. Труден потому, что аналогичных образований в русском языке почти нет. Можно еще из понятия «один год» (по-русски —два слова) образовать наречное выражение «с год»; из понятия «один день» — «с день»; поэтому фразу ichinen-bakari kakarimas —年ばかりかゝります можно перевести довольно близким русским оборотом «продолжается с год». Однако, возможность образования таких наречных слов очень ограничена. Поэтому приходится прибегать к помощи других слов, ставя их при глаголе. Такими будут русские: «около», «приблизительно», «только». Но эти слова в русском языке являются самостоятельными, почему и обращение к ним уже по этому одному дает не адекватное японскому языку выражение. Еще больший дефект этих русских слов в том, что они все указывают на разные размеры количества, уточняют количественные понятия не со стороны их существа, а с точки зрения их размера: «только» имеет смысл — именно данного количества, «приблизительно», «около» — количества, приближающегося к данному. Японские же bakari, dake, gurai определяют слово с точки зрения самой природы количественного понятия, говоря о нем только как о количестве (gurai), как о величине (bakari), как о размере (dake). Поэтому, строго говоря, ни одно из этих русских слов для перевода японских bakari, dake, gurai полностью не годится.

Из положения можно выйти и чрезвычайно просто. Можно воспользоваться тем, что в русском языке в известных условиях количественные слова сами по себе играют такую же роль, т. е. сами по себе служат обстоятельственными словами при глаголе. Это будет, например, «один день» в фразе «я отдыхал один день». Можно рассматривать (и это вполне обычно) «один день» как дополнение к глаголу «отдыхать», т. е. считать это сочетание винительным падежом существительного «один день». Можно подойти к нему и иначе: рассматривать это выражение как обстоятельство на вопрос *как*, т. е. счесть «один день» за особое наречное выражение. Вот этот-то второй случай и будет соответствовать японским сочетаниям слова ichinichi —日 (один день) с суффиксами bakari, dake, gurai, с той только разницей, что одному русскому выражению будут соответствовать три японских, т. е. три различных оттенка. Если апеллировать к такой двойственной природе русских количественных выражений при глаголе и если пожертвовать при этом японскими оттенками, переводить выражения с bakari, dake, gurai — очень просто: нужно дать только одни русские количественные выражения и больше ничего. Таким образом, фразу ichinen-bakari kakarimas —年許りかゝります можно перевести: продолжается один год. Еще примеры:

Ichiri-bakari arukimas 一里ばかり歩きます — прохожу одну милю

Ichinichi-dake yasumimas 一日だけ休みます — отдыхаю один день

Hyakuen-dake tsukaimas 百圓だけ使ひます — трачу сто иен

Isshō-bakari kudasai 一升ばかり下さい — дайте мне один сё (название меры)

Ikura-bakari agemashō ka いくらばかりあげませうか — сколько вам дать?

При переводе с японского дело обстоит, таким образом, сравнительно просто. Значительно труднее при переводе на японский язык. Тут оттенки, даваемые bakari, dake, gurai, учитывать необходимо и употреблять одно из этих слов вместо другого никак нельзя. Например: вопрос «сколько вам дать?» можно задать в форме ikura-bakari agemashō ka? いくらばかりあげませうか и никак не в форме ikura-dake agemashōka? いくらだけあげませうか. Почему? Потому что, спрашивая, «сколько вам дать», мы говорим об общей величине даваемого, вкладываем в понятие «сколько» смысл простой величины. Слово же dake говорит уже о конкретных размерах, почему в этом общем вопросе оно и немыслимо. Поэтому dake может быть в ответе go en-dake kudasai 五圓だけ下さい — дайте мне пять иен, поскольку здесь имеется в виду точный размер даваемого. Отсюда-то и идут те неправильные по существу, но часто вполне возможные, переводы gurai и bakari словами «около», «приблизительно», как указывающими на количество вообще (в двух разных аспектах), слово же dake русским «только» — как указывающим на конкретный размер.

§ 242. Bakari, gurai, dake указывают на количественную сторону понятия; вторая группа вспомогательных слов — hodo ほど и made まで — указывает на степень. Это значит, что эти слова, во-первых, превращают то слово, к которому присоединяются, в особое понятие, говорящее о степени, об интенсивности; во-вторых, делают это слово обстоятельством-определением при глаголе на вопрос *как*, в смысле *до какой степени*.

Каждое из этих вспомогательных слов имеет свой смысловой оттенок: made указывает на степень в смысле границы, hodo — на интенсивность. Перевод их на русский язык менее затруднителен, чем bakari, gurai, dake, хотя опять-таки редко бывает адекватным, т. е. обычно приходится прибегать не к единому наречному выражению, как это следовало бы, а к комбинации существительного с предлогом. Например:

Yama-hodo arimas 山ほどあります — имеется (чего-либо) с гору

Shinu-hodo kurushii 死ぬほど苦しい — больно до-смерти

Yūgata-made hatarakimashita 夕方まで働きました — работал до вечера

Mune-ga kurushii-made osareta 胸が苦しいまで押された — затолкали до боли в груди.

Как видно из этих примеров, иногда подходящими русскими выражениями будут образования с предлогами «с» и «до». Получаемые слова «с гору», «до-смерти», «до вечера», «до боли» являются по существу наречиями и служат обстоятельствами, определяющими действие глагола с точки зрения степени на вопрос *как*.

Такого рода русские слова (ср. еще «до-светла», «до-упаду») могут дать наиболее близкое представление о том, что такое японские образования с made и hodo. При этом образования типа (величиной) «с гору», «с голубиное яйцо», «с большой дом» — ближе к японским образованиям с hodo; «до-светла», «до-упаду» — ближе к образованиям с made. Однако, в виду того, что по-русски нельзя, во-первых, образовать такое выражение от всех слов, а во-вторых, нельзя от одних и тех же слов образовать оба варианта — одно с предлогом «с», другое с предлогом «до»,— поэтому и остается пользоваться тем, что дает русский язык. Поэтому приходится переводить shinu-hodo 死ぬほど—до-смерти, хотя для такого выражения было бы формально ближе shinu-made 死ぬまで.

Чрезвычайная малочисленность русских слов типа «до-упаду», «до-светла», «с гору» т. п., а также узость условий их применения заставляет передавать hodo и made часто совершенно описательными выражениями: в степени, в количестве, около, приблизительно и т. п. Например:

Yama-hodo tsumiageru 山ほど積み上げる — нагружают с гору (целую гору)

Sore-hodo omoshiroku-mo nai それほど面白くもない — не в такой степени уж интересно

Mittsu-hodo totte okō 三つほど取つておかう — заберем (штуки) три

Urayamashii-hodo naka-ga ii 羨ましいほど仲がいゝ — они так дружны, что даже завидно

Kiite ita-hodo jōzu-de mo nai 聞いてゐたほど上手でもない — (он) не искусен в такой степени, как я слышал.

При сопоставлении двух качественных понятий, а также понятий действия слово hodo с точки зрения русского языка образует совершенно особую конструкцию: чем — тем. Например:

Komakai-hodo kirei-da 細いほど綺麗だ — чем мельче, тем красивее

Aruku-hodo tsukareru 歩くほど疲れる — чем больше ходишь, тем больше устаешь.

Конечно, оборот «чем — тем» получается только по-русски. С японской точки зрения эти фразы ничем не отличаются от предыдущих. Буквальный смысл их был бы в таком роде: красиво соответственно степени мелкости; устаешь соответственно степени хождения. Впрочем, даже и такой перевод не является равным японской фразе: ведь там komakai-hodo 細いほど, aruku-hodo 歩くほど — одно выражение.

Подобное сопоставление двух действий может подкрепляться особым оборотом: первое из сопоставляемых действий дается два раза, причем в первый раз для указания общей обстановки и поэтому в условном обороте (образуемом от 4-й основы глаголов с суффиксом ba ば). Например:

Kikeba, kiku-hodo omoshiroku naru 聞けば聞くほど面白くなる — чем больше слушаешь, тем интереснее становится

Homerarereba, homerareru-hodo benkyō-suru 讃めらるれば讃められるほど勉強する — чем больше его хвалят, тем он больше старается.

Буквально здесь было бы так: когда я слушаю, то по мере слушания становится интересно; когда его хвалят, по мере хваления он старается.

Made まで также приходится переводить на русский язык приближенно. Большей частью здесь оказывается годным русский предлог «до», но не сливающийся в одно целое с последующим словом, как это имеет место в русских выражениях «до упаду», «до-светла» и как это всегда бывает в японских. Например:

Asa-kara ban-made hataraku 朝から晩まで働く — работаю с утра до вечера

Monji-ga mienaku naru-made hon-wo yonde iru 文字が見えなくなるまで本を讀んでゐる — он читает книгу до того, что буквы перестают быть видны

Wazawaza kite-made sewa-wo shite kureru わざわざ來てまで世話をしてくれる — он заботится вплоть до того, что специально приходит

Hito-ni warawareru-made tsumaran mane-wo suru 人に笑はれるまでつまらん眞似をする — он поступает нелепо до того, что над ним люди смеются.

Примечание. При made まで можно встретить суффикс mo も для обычного в случае этого суффикса сопоставления. Например: iu-made-mo nai 云ふまでもない — нечего и говорить; doko-made-mo shōchi-da どこまでも承知だ — я согласен вполне.

§ 243. Как видно из всех приведенных примеров, вспомогательные слова bakari ばかり, dake だけ, gurai ぐらゐ hodo ほど, made まで присоединяются к разным частям речи. Это верно, однако, только формально. Фактически все они при-

соединяются к тайгэнам, т. е. к существительным, числительным, местоимениям. Если они стоят при ёгэне, т. е. при глаголе или прилагательном, данный ёгэн все равно является в таком случае так называемым дзюнтайгэном, т. е. субстантивированным глаголом или прилагательным. Это можно усмотреть в некоторых случаях даже из русских переводов: shinu 死ぬ—глагол «умереть», shinu-hodo 死ぬほど—до-смерти; kurushii 苦しい — прилагательное «мучительный» (о чувстве боли), kurushii-hodo 苦しいほど — до боли и т. д. Сами же выражения, образованные этими вспомогательными словами, т. е. сочетания их с тайгэнами и дзюнтайгэнами, имеют характер наречий. Это явствует хотя бы из того, что они в предложении играют роль обстоятельств.

Наречия в японском языке также могут, как было показано выше, субстантивироваться, т. е. выступать в роли существительных. А это приводит к тому, что от такого производного наречия может образоваться новое. Например: ima 今—существительное «настоящее время», ima-made 今まで производное наречие «до настоящего времени». Если оно субстантивируется, оно может принять после себя hodo ほど ima-made-hodo benkyō-shinai 今までほど勉強しない—он не работает в такой (же) степени, как до сих пор.

Are あれ—местоимение «то», are-hodo あれほど—производное наречие «до такой степени»; если оно субстантивируется, оно может принять после себя made: are-hodo-made tanonde ita あれほどまで頼んでゐた —я до такой степени (на него) полагался. Таким образом, получается двойное присоединение: hodo + made или made + hodo.

§ 244. Bakari ばかり, dake だけ, gurai ぐらゐ, hodo ほど, made まで являются синтаксически-смысловыми суффиксами, имеющими самое широкое применение: они могут присоединяться ко всем словам, какие только могут получить прямо или описательно характер обозначения количества или степени. Кроме них, существует еще ряд слов, также придающих главному слову особый оттенок значения и в то же время делающих его обстоятельством, но имеющих очень ограниченное применение: только с определенными словами. Такими вспомогательными словами будут: tomo とも, gurumi ぐるみ, jū 中, nari なり, mama まゝ, zukume づくめ и zukude づくで.

1. Tomo とも является существительным со значением «спутник». Как вспомогательное слово, оно значит «вместе с». Например: shimai-tomo 姉妹とも—сестры вместе..., daika sōryō-tomo 代價送料共—цена и пересылка вместе...

Вместе с предшествующим словом tomo とも может образовать в предложении обстоятельство:

Daika sōryō-tomo ichien da 代價送料共一圓だ —цена с пересылкой один иен.

Gonin-tomo sorotta 五人とも揃つた — собрались впятером (все пятеро вместе).

2. Gurumi ぐるみ имеет очень ограниченное применение. Употребляется оно при некоторых словах в смысле «вместе», «с». Например: kimono-gurumi 着物ぐるみ — вместе с одеждой, hone-gurumi 骨ぐるみ — вместе с костями.

В таких случаях gurumi ぐるみ вместе с предшествующим словом образует в предложении обстоятельство:

Tokei-wo kusari-gurumi nusumareta 時計を鎖ぐるみ盗まれた — у меня украли часы вместе с цепочкой

Kono hana-wa hachi-gurumi ikura-des ka この花は鉢ぐるみ幾何ですか — сколько стоят эти цветы вместе с горшком?

3. Zukume づくめ также имеет очень ограниченное применение. Употребляется оно при некоторых словах в смысле «сплошь», «один только»; например: hōseki-zukume 實石づくめ — сплошь в драгоценных камнях. Вместе с предшествующим словом zukume часто входит в состав именного сказуемого как предикативный член:

Kanojo-wa kinumono-zukume da 彼女は絹物づくめだ — она вся в шелках.

4. Zukude づくで употребляется в соединении с существительным для придания ему смысла «одним только», «только с помощью», например: sōdan-zukude 相談づくで — одними только переговорами. В предложении существительное с этим суффиксом образует обстоятельство:

Kono sumōtori-wa chikara-zukude oshidasu-no da この相撲取は力づくで押し出すのだ этот борец действует одной силой.

Вспомогательные слова jū 中, nari なり mama まゝ уже были объяснены выше, при разборе обстоятельств (см. §§ 148—149). Они могут быть отнесены, пожалуй, даже с большим основанием сюда, так как не только устанавливают определенную позицию слова, к которому присоединяются, т. е. делают его обстоятельством при глаголе на вопрос как, но и привносят некоторый смысловой оттенок в это слово. Значение их не только синтаксическое, но и смысловое.

5. Китайское вспомогательное слово jū 中 со значением «средина», «внутри» может присоединяться к словам, обозначающим время или место для специального указания на то, что если речь идет о времени, получается смысл: втечение всего этого времени; если речь идет о месте, получается смысл: на протяжении всего этого места. Например:

Sono ban-jū その晩中 — втечение всего этого вечера, весь этот вечер.

Ichinen-jū 一年中 — втечение всего года, весь этот год

Tōkyō-jū 東京中 — во всем Токио, весь Токио
Heya-jū 部屋中 — по всей комнате, вся комната
Kao-jū 顔中 — по всему лицу, все лицо.

Присоединяясь к другому слову, jū 中 делается вместе с ним обстоятельством:

Natsu-jū Atami-ni ita 夏中熱海にゐた — я все лето провел в Атами
Kaji-wa yo-jū tsuzuita 火事は夜中續いた — пожар продолжался всю ночь
Ie-jū sagashita 家中捜がした — искал по всему дому
Gakkō-ju ō-sawagi-da 學校中大騒ぎだ — по всей школе волнение.

6. Существительное nari なり — форма, вид, превращаясь в вспомогательное, придает предшествующему слову смысл «в виде», «в том виде, как». Например:

Ringo-wo kawa-nari taberu 林ゴを皮なり食べる — ем яблоко вместе с кожурой
Mita-nari, kiita-nari ie 見たなり聞いたなり云へ — говори, как видел и как слышал.

7. Mama まゝ присоединяется к словам, допускающим образования либо со смыслом «так, как есть», либо со смыслом «так, как хочется». Например: kutsu-wo haita-mama 靴を履いたまゝ — в ботинках; буквально: так, как есть, надев ботинки; iitai-mama 云ひたいまゝ — так, как хочется сказать.

В предложении слово, соединенное с mama まゝ, может образовать обстоятельство:

Kutsu-wo haita-mama naka-e haitta 靴を履いたまゝ中へ入つた — он вошел внутрь помещения в ботинках.

Не следует забывать, что слова tomo — спутник, nari — вид, облик являются вполне полноценными существительными и поэтому могут встречаться в предложении в тех позициях, в которых может стоять существительное. Например:

Tomo-wo suru 伴をする — быть спутником
Nari-ga ōkii なりが大きい — вид (рост) большой
Otoko-no nari-wo shite 男のなりをして — приняв облик мужчины (в одеянии мужчины).

Слово jū 中 отдельно самостоятельно не употребляется; оно имеет перед собою определяющее слово, обычно существительное. Значение же его как существительного сказывается в том, что получаемые соединения могут стоять в предложении в позиции существительных: heyajū-wa damatte ita 部屋中は默つてゐた — вся комната молчала.

Слово mama まゝ может употребляться и отдельно, как самостоятельное существительное, обычно с предшествующим определением:

Sono mama-ni shite okimashō そのまゝにしておきませう — сделаем так (оставим в таком положении)
I-no mama-ni hito-wo sayū-suru 意のまゝに人を左右する — распоряжаться людьми по своему желанию.

Без определения слово mama встречается, пожалуй, либо в восклицательном выражении — mama yo! ままよ — будь, что будет!, либо в сочетании с глаголом naru: ukiyo-wa mama-ni naran 浮世はままにならん — не все идет так, как хочется.

II. СМЫСЛОВЫЕ СУФФИКСЫ

§ 245. Существует, далее, возможность снабдить дополнительным оттенком какое-нибудь слово в предложении еще в двух аспектах: с точки зрения только одного его собственного смысла, как он реализуется в данном предложении, и с точки зрения его отношения с другими словами. В обоих случаях, следовательно, суффиксы, вносящие такой дополнительный оттенок, никак не влияют на позицию слова, к которому присоединяются: эта позиция определяется не ими, а другими частицами и суффиксами; они этим суффиксам и частицам не мешают. Но когда происходит особое оттенение слова с точки зрения только его смысла, соответствующий суффикс ставится непосредственно при нем, определяющая же позицию (например, падежная) частица — на втором месте; когда же происходит внесение дополнительного оттенка в данное слово с точки зрения его отношения с другими словами, соответствующий суффикс присоединяется к нему, уже стоящему в определенной позиции, т. е. ставится после суффикса, определяющего позицию (например, падежного).

§ 246. Как сущность того и другого явления, так и разницу между ними легче всего пояснить на примерах. Возьмем две фразы: shin'yū-dake-ni hanasu 親友だけに話す и shin'yū-ni dake hanasu 親友にだけ話す. Каждое из них состоит из двух, обладающих полным вещественным значением слов: shin'yū — друг, друзья и hanasu — рассказывать, сказать. Если бы не было вспомогательного элемента dake, обе фразы были бы одинаковы и означали: «рассказываю (об этом) друзьям». Dake же, как было объяснено выше, придает слову, к которому присоединяется, некий ограничительный смысл, близкий к русскому «только». Поэтому перевод обеих фраз со включением этого dake будет таков: «рассказываю только одним друзьям». Пожалуй, перевести обе фразы на русский язык иначе и невозможно, поскольку обращением к помощи «только» мы с самого начала отходим от японской версии: японское dake не есть слово «только», а особый вид ограничительного суффикса. По-японски же обе фразы не одинаковы. Что же значит каждая из них?

В первой фразе суффикс dake присоединен непосредственно к слову shin'yū, и падежная частица ni стоит уже после него. Это значит, что dake включилось в само слово shin'yū, которое и стоит *вместе с ним* в дательном падеже. Во второй фразе dake стоит после падежного суффикса, т. е. оттеняет не само слово shin'yū, но это слово, стоящее уже в дательном падеже. Перевести тот и другой вариант на русский язык разными способами почти невозможно. Может быть, так: «только друзьям рассказываю» (shin'yū-dake-ni hanasu 親友だけに話す), или: «рассказываю только друзьям» (shin'yū-ni-dake hanasu 親友にだけ話す)? Может быть, с помощью такого помещения «только друзьям» на первом месте можно достигнуть некоторого обособления слов «только друзьям», что несколько и приблизит их к японскому сложному слову shin'yū-dake? Может быть, путем постановки глагола впереди можно достичь указания на то, что «только» касается связи глагола «рассказываю» с существительным «друзьям»? Дать определенные указания для перевода невозможно, и практически дело сводится в русском языке, пожалуй, только к применению той или иной интонации. Грамматически же обе фразы могут переводиться на русский язык совершенно одинаково.

Таким образом, dake, как мы видим, имеет троякое применение в японской фразе: во всех случаях оно вносит дополнительный ограничительный оттенок в значении слова, к которому присоединяется; но в одном случае — описанном выше (§ 241) — оно определяет собою и позицию слова в предложении, делая его обстоятельством при глаголе; в двух других—рассматриваемых нами теперь — оно этого не делает, а только вносит дополнительный оттенок либо в само слово непосредственно, либо в него же, но стоящее в определенной позиции. Формально это значит, что оно может стоять при слове: а) без всяких последующих суффиксов (как суффикс обстоятельства), б) при слове, уже имеющем такой суффикс, и в) при слове с суффиксом после себя:

Ichinichi-dake kakarimas — 日だけかゝります — продолжается всего только один день

Shin'yū-ni dake hanashimas 親友にだけ話します — рассказываю только одним друзьям

Shin'yū-dake-ni hanashimas 親友だけに話します — только одним друзьям рассказываю.

§ 247. Подобно dake различные функции могут иметь и ряд других вспомогательных суффиксов и частиц:

1) ограничительные — bakari, dake, gurai;
2) степень — made;
3) неопределенные — ka, yara.

Ограничительные bakari, dake, gurai могут:

а) вносить смысловой оттенок в то слово, к которому присоединяются и определять его позицию:

San'yen-bakari kakarimas 三圓ばかりかゝります — стоит иена три

Ie-no takasa-dake tsumiagemas 家の高さだけ積み上げます — нагрузить с высоту дома

Sukoshi-gurai misete kudasai 少し位見せて下さい — покажите немножко;

б) вносить только смысловой оттенок в слово как таковое, не определяя его позиции:

Koko-bakari-no koto-de-wa nai こゝばかりの事ではない — это не касается одного только данного места

Kore-dake-ga nokorimashita これだけが殘りました — только это осталось

Yoshida-kun-no o-taku-gurai-e ikuno-darō 吉田君のお宅ぐらゐへ行くのだらう — в дом к Иосида он, пожалуй, еще пойдет;

в) вносить этот оттенок в слово, уже стоящее в какой-нибудь позиции, т. е. в его связь с другим словом:

Watakushi-ni bakari kudasaimashita 私にばかり下さいました — он дал только мне

Kodomo-wo dake tsurete itte kure 子供をだけ連れて行つてくれ — возьми с собой только одних детей

Kono hon-wo gurai yomen koto-wa nai この本をぐらゐ讀めん事はない — не может быть, чтобы он не смог прочесть эту книгу.

§ 248. Суффикс made まで, имеющий значение «предела действия», также может употребляться в тех же трех функциях:

а) Toshiyori-made sawagidashita 年寄まで騷ぎ出した — (все) вплоть до стариков заволновались

б) Soko-made-no kesshin そこまでの決心 — решение, доходящее вплоть до этого

в) Roku-ni shiran hito-ni made shōkaijō-wo dasu 碌に知らん人にまで紹介狀を出す — он дает рекомендации всем — вплоть до людей, которых, как следует, даже не знает.

§ 249. Перечисленные суффиксы встречались раньше и уже были охарактеризованы. Новыми являются приведенные выше yara やら и ka か. Ka является суффиксом неопределенности. Эта неопределенность может касаться всей фразы в целом, и тогда получается смысл вопроса. В этих случаях ka стоит после конечного слова в предложении:

Koko-wa doko des ka? こゝはどこですか? — это какое место?

Эта неопределенность может направляться и на отдельное понятие. Тогда получится то, что обычно называют понятиями неопределенными и что отчетливее всего проявляется при

соединении ka с местоимениями и наречиями вопросительными: doko どこ — где, dokoka どこか — где-то, где-нибудь; dare だれ — кто, dareka だれか — кто-то, кто-нибудь, кое-кто; nani なに — что, nanika 何か — что-то, что-нибудь, кое-что; dotchi どつち — где, куда, dotchika どつちか — где-нибудь, куда-нибудь; dō どう — как, dōka どうか — как-нибудь; ikutsu いくつ — сколько, ikutsuka いくつか — сколько-нибудь. Наличие и в русском языке таких неопределенных местоимений обусловливает легкую возможность перевода этих сочетаний с ka на русский язык.

Однако, — как и в предыдущих случаях, — это ka может присоединяться к самому слову как к таковому, может присоединяться и к слову, стоящему в определенной позиции. Таким образом, мы имеем следующих два варианта:

а) ka — непосредственно после слова с последующей частицей:

Dareka imashō だれかゐませう — кто-нибудь, вероятно, есть
Ikutsuka kaimashō 幾つか買ひませう — купим сколько-нибудь
Doreka-ni kimeyō どれかに決めやう — на чем-нибудь порешим
Dokoka-e yukō どこかへ行かう — куда-нибудь пойдем
Dokoka-kara kita どこかから來た — откуда-нибудь пришел
Nanika-de kakō 何かで書かう — чем-нибудь напишем.

Из этих примеров видно, что частица ka может устранять собою два суффикса — именительного падежа (wa, ga) и винительного падежа (wo). Однако, это отнюдь не обязательно, возможно и сохранение их:

Dareka-ga kimashita 誰かゞ來ました — кто-нибудь пришел
Dochiraka-wo agemashō どちらかをあげませう — которую-нибудь (из двух вещей) я вам дам;

б) ka か после слова с падежным показателем:

Dare-ni ka agemashō 誰にかあげませう — кому-нибудь дам
Nan-to ka shimashō 何とかしませう — как-нибудь сделаем
Doko-e ka itte shimatta どこへか行つてしまつた — куда-нибудь ушел
Doko-de ka atta どこでか逢つた — где-нибудь встречался.

Необходимо отметить особый случай применения ka, когда эта частица ставится при двух (или более) словах в предложении, стоящих при этом в одинаковой позиции. Общее значение ka — указание на неопределенность — здесь сохраняется, но в виду наличия двух неопределенных понятий получается добавочный разделительный смысл (по-русски «или — или», «ли — ли»):

Sakura-ka, momo-ka saita 櫻か, 桃か咲いた — что-нибудь расцвело — либо вишни, либо персики

Fude-ka, kami-ka kau 筆か, 紙か買ふ — что-нибудь куплю — бумагу или кисть
Kimi-ka, Imamura-ka ni tanomaneba naran 君か今村かに頼まねばならぬ — кого-нибудь нужно попросить: либо тебя, либо Имамура.

Суффикс ka при втором слове может иногда опускаться:

Hitori-ka futari kuru 一人か二人來る — кто-либо придет — один, или двое
Pen-ka empitsu-wo kure ペンか鉛筆をくれ — дай мне что-либо — ручку ли, карандаш ли.

§ 250. Суффикс yara やら, подобно ka, делает слово, к которому присоединяется, понятием неопределенным, но с несколько другим оттенком, чем ka: dareka значит «кто-нибудь»; dareyara 誰やら — «кто-то». Он может стоять как после слова непосредственно, так и после слова с падежным показателем.

1. После слова непосредственно:

а) с устранением суффикса именительного и винительного падежей:

Nani-yara mieru 何やら見える — что-то виднеется
Nani-yara mite iru 何やら見てゐる — на что-то смотрят;

б) без устранения падежных суффиксов:

Dare-yara-ga sō itta 誰やらがさういつた — кто-то так сказал
Nani-yara-wo yonde iru 何やらを讀んでゐる — он что-то читает
Dare-yara-no hanashi 誰やらの話 — чей-то разговор.

2. После слова, стоящего с падежным показателем:

Ōsaka-e-yara itta toki-no koto-da 大阪へやら行つた時の事だ — это случилось, когда я ездил как будто в Осака
Doko-kara-yara tegami-ga kita どこからやら手紙が來た — откуда-нибудь пришло письмо
Densha-de-yara iku-to itte ita 電車でやら行くといつてゐた — он говорил, что поедет как будто в трамвае.

3. Встречается yara, подобно ka, и при двух (и более) словах в предложении, стоящих в одной и той же синтаксической позиции, причем в этом случае получается такой же разделительный смысл:

Dō-yara, kō-yara dekiagatta どうやら, かうやら出來上つた — так ли, этак ли — все же готово
Inu-yara ōkami-yara wakarimasen 犬やら狼やら解りません — волк ли, собака ли — непонятно
Kuru-yara, konai-yara wakarimasen 來るやら, 來ないやら解りません — придет ли, не придет ли — неизвестно
Amai-yara, karai-yara wakaranai 甘いやら, 辛いやら解らない — сладко ли, или горько — не понять.

4. Можно встретить yara и в конце предложения, но не для обозначения вопроса, как это обычно бывает в аналогичном случае с частицей ka, а для выражения сомнения:

Anohito-wa konnichi kuru-to-wa itta-ga hatashite kuru-yara? あの人は今日來るとは云つたが果して來るやら？ — он сказал, что сегодня придет, но в конце концов придет ли?

Суффикс yara может встречаться и в слитных предложениях, как суффикс, обозначающий, что два каких-нибудь слова стоят в предложении в синтаксически одинаковых позициях, т. е. как суффиксы, связывающие два (или несколько) однородных члена предложения. Например:

Genkan-wa kutsu-yara, geta-yara, zōri-yara-de ippai da 玄關は靴やら，下駄やら，草履やらでいつぱいだ — вся передняя полна ботинками, гэта, дзори (различными видами японской обуви).

В этом примере перечислительное yara стоит непосредственно после слова, т. е. падежная частица стоит после yara (zōri yara-de 草履やらで). Может быть и обратно:

Kōbe-kara-yara, Yokohama-kara-yara, atchi-kotchi-kara gaikokujin-ga kita 神戸からやら，横濱からやら，あつちこつちから外國人が來た — из Кобэ, из Иокогама — отовсюду явились иностранцы.

Это перечислительное yara может и устранять собою суффиксы именительного и винительного падежей:

Are-yara, kore-yara fuyukai-na koto-bakari da — あれやら，これやら不愉快なことばかりだ — то... это... одни неприятности ...
Taihō-yara, teppō-yara takusan totta 大砲やら，鐵砲やら，澤山獲つた — захватили много пушек, ружей...

Это перечислительное yara, однако, не представляется чем-то новым. Несомненно, и оно является одним из смысловых вариантов общего неопределенного yara со специфическим для него оттенком неуверенности, сомнения. Это можно установить даже на первом из приведенных примеров; эта фраза в сущности имеет такой смысл: «вся передняя так заполнена обувью, что не различаешь, ботинки ли это, гэта ли, дзори ли...»

III. ОТТЕНЯЮЩИЕ СУФФИКСЫ

§ 251. Падежные суффиксы ga が, wo を, ni に, e へ, kara から, yori より, de で, to と, no の определяют собою позицию слова — существительного в предложении; обстоятельственные суффиксы te て, nagara ながら (gatera がてら) определяют позицию в предложении глагола, прилагательного, отчасти — существительного. Обстоятельственно-

смысловые суффиксы bakari ばかり, dake だけ, gurai ぐらゐ, hodo ほど, made まで, а также служебные слова tomo とも, gurumi ぐるみ, nari なり, mama まゝ и jū 中 определяют собою не только позицию слова, к которому присоединяются, но и вносят новый оттенок в вещественное содержание обозначаемого им понятия.

Существует, далее, ряд суффиксов, которыми достигается особое оттенение слова в предложении. Это оттенение имеет своею целью охарактеризовать качественное и количественное отношение понятия, обозначенного данным словом, к другим понятиям того же — вообще мыслимого или конкретно подразумеваемого ряда. Поскольку такие суффиксы не определяют места данного слова в предложении, постольку они ставятся при слове, уже стоящем в определенной синтаксической позиции, т. е. после суффиксов падежных и обстоятельственных, а также всяких иных. При этом нужно учитывать, что такому оттенению могут подвергаться только те члены предложения, которые стоят в какой-нибудь связи с ёгэном, т. е. подлежащее, дополнение, обстоятельство; слово, зависящее от тайгэна, т. е. определение, обычно не может быть оттенено этими суффиксами.

§ 252. Оттеняющими суффиксами являются: sae さへ, demo でも, hoka ほか, shika しか, narito なりと, nado など, dokoro どころ. Из них sae, demo, narito, nado и dokoro оттеняют соотношение данного слова с другими в качественном аспекте, hoka, shika — в количественном.

Каждый из них оттеняет слово, к которому присоединяется, со своим особым смысловым оттенком. При этом суффиксы именительного и винительного падежа, т. е. ga и wo, обычно этими суффиксами вытесняются, но могут иногда и сохраняться.

§ 253. Sae после тайгэна оттеняет слово в смысле русского «даже»:

Mizu sae nodo-ni tōran 水さへ喉に通らん — даже вода в горло не идет
O-cha sae kudasaranakatta お茶さへ下さらなかつた — не дали даже чаю
Shōgakkō-o sae sotsugyō-shinai 小學校をさへ卒業しない — не окончил даже начальную школу
Anata-ni sae sōdan-shinakatta あなたにさへ相談しなかつた — не сказал даже вам (не поговорил даже с вами).

Sae в значении «даже» может стоять после глагола и прилагательного, если данная форма их играет роль тайгэна; а также после будущего времени с суффиксом to:

Miru sae yurusan 見るさへ許さん — даже смотреть не разрешают
Mite sae odoroku 見てさへ驚く — даже глядя изумляешься
Shinō-to sae omotta 死なうとさへ思つた — думал даже умереть.

Sae с последующей условной глагольной формой оттеняет предыдущее слово в смысле русского «только». В этих случаях вместо тайгэна может стоять либо 2-я основа глагола (как отглагольное существительное) — при sureba すれば, либо форма будущего времени с последующей частицей to と — при omoeba:

Sono yō-wo torae sae sureba... その要を捉へさへすれば... — если только ухватить суть этого...

Shiyō-to sae omoeba... しようとさへ思へば... — если только хотеть сделать это...

Sae с последующим sureba может стоять не только после этих форм глагола, но и после существительного, если оно вместе с suru образует один сложный глагол. В таких случаях обычная условная форма как бы распадается на свои составные элементы и между ними делается прокладка в виде sae:

Nippongo-wa muzukashii des ka? 日本語はむづかしいですか？ — японский язык труден?

Benkyō sae sureba dare-ni demo dekimas 勉強さへすれば誰にでも出來ます — если только заниматься, кто угодно выучится.

Здесь существительное benkyō вместе с sureba представляет условную форму глагола benkyō-suru.

Вообще очень распространено употребление sae в смысле «только» после существительных, если далее стоит условная форма какого-нибудь глагола. Например:

Mori-san-wa ii hito des ne! 森さんはいゝ人ですね — Мори славный человек!

E, sake-sae nomanakereba ne! えゝ,酒さへ飲まなければね!— да..., если бы только водки не пил

Sake-sae nomeba, kanarazu kenka-wo shimas 酒さへ飲めば必ず喧嘩をします — если только выпьет водки, обязательно поднимает скандал

Nippon-ni sae oreba, shizen-ni nippongo-ga dekiru-yō-ni naru-to omottara, ōmachigai des 日本にさへをれば自然に日本語が出來るやうになると思つたら大間違ひです — думать, что если находишься в Японии, так само собою станешь говорить по-японски, — большое заблуждение.

Sae в значении «только» может стоять и после деепричастия:

Biru-wo chotto nonde-sae suguni yotte shimaimas ビールを一寸飲んでさへ直に酔つてしまひます — стоит только мне немножко выпить пива, как сразу же пьянею.

При помощи sae может оттеняться и 2-я основа прилагательных, обычно сопровождаемая в таких случаях условной формой глагола aru — быть — areba. В этих случаях получается как бы выделение предикативного члена составного сказуемого:

Tsuyoku sae areba... 強くさへあれば... — было бы только крепко...

Omoshiroku sae areba donna hon demo ii 面白くさへあればどんな本でもいゝ — было бы только интересно, а то все равно, какая книга.

Sae в смысле «даже» может соединяться с частицей mo, могущей иметь тот же смысл.

Hana sae mo sakanai 花さへも咲かない — даже цветы — и те не цветут

Kiite sae mo akireru 聞いてさへもあきれる — даже слушая — и то поражаешься.

Помимо суффикса sae, в современном языке иногда можно встретить в таком же значении, как и sae, другой суффикс — sura すら. Сейчас, однако, он употребляется очень редко, и притом большей частью в книжных оборотах. В письменном языке, т. е. в языке, созданном в предыдущие эпохи, это sura употребляется постоянно и имеет при этом несколько иной оттенок значения сравнительно с sae. В том же письменном языке осталось до сих пор еще и третье «даже» —суффикс dani だに, употребляющийся, однако, еще реже, чем sura.

§ 254. Demo оттеняет слово в духе русского «хоть»:

Shōsetsu demo yomō 小説でも讀まう — почитаем хоть роман

Watakushi-no tokoro-e demo asobi-ni oidenasai 私の所へでも遊びにお出でなさい — приходите в гости хоть ко мне

Sumi-de demo nurō 墨でゞも塗らう — покрасим хоть тушью

Shizuka-ni demo shite kurereba, ii-ni 靜にでもしてくれればいゝに — хоть бы тихо себя вели, и то хорошо...

Chōmen-ni tsukete demo okeba, yokatta 帳面につけてゞもおけばよかつた — было бы хорошо, если бы вы хоть отметили (это) в тетрадке

Kokoroyasuku demo nattara, hanasu ka mo shirenai 心安くでもなつたら話すかもしれない — если бы хоть поближе познакомиться, может быть он и сказал бы.

Как видно из этих примеров, demo может ставиться после тайгэнов в любом падеже, кроме родительного, причем, согласно общему правилу, падежные показатели именительного и выделительного падежей опускаются; обычно, но не всегда, опускается и показатель винительного падежа.

Не следует смешивать этот оттеняющий суффикс demo с различными сходными по звуку образованиями, получающимися от соединения суффикса de с суффиксом mo.

Demo может получиться от соединения показателя творительного падежа de с суффиксом mo. В этом случае мы имеем обычный творительный падеж со словом «также», «и».

Asuko-de mo, koko-de mo waratte iru あすこでもこゝでも笑つてゐる — и там, и здесь смеются.
Pen-de mo yoku kakeru ペンでもよく書ける — можно писать и пером
Mushiba-de mo nagaku kurushinda 虫歯でも長く苦しんだ — он долго мучился и от зуба.

Demo может получиться и от соединения de как показателя предикативного падежа с суффиксом mo, который имеет свое обычное значение сопоставительного «и». Эта конструкция очень распространена в отрицательных предложениях:

Shinrui-de mo naku, tomodachi-de mo nai 親類でもなく友達でもない — и не родственник, и не товарищ
Hara-wo tateru-de mo nakarō 腹を立てるでもなからう — вряд ли он и рассердится
Nagai-de mo naku, mijikai-de mo nai 長いでもなく短いでもない — и не длинный, и не короткий.

В утвердительных предложениях сочетание de с mo имеют обычно смысл de attemo, т. е. смысл уступительного оборота:

Are-wa onna-de mo chikara-ga tsuyoi あれは女でも力が強い — она хоть и женщина, но сила у ней большая
Odayaka-de mo anshin-ga dekinai おだやかでも安心が出來ない — хоть и тихо, но быть спокойным нельзя.

§ 255. Hoka и shika выделяют слово в духе русского «кроме» (с последующим глаголом в отрицательной форме):

Watakushi hoka shiranai 私ほか知らない — кроме меня, никто не знает
Hitoe mono shika motte konai 單衣ものしかもつて來ない — кроме легкого кимоно, я ничего не принес.
Mizu hoka nomanai 水ほか飲まない — кроме воды, ничего не пьет
Kono shina-wa Ginza-no hoka utte oran この品は銀座のほか賣つてをらん — эти вещи нигде, кроме Гиндза, не продаются
Yūgata-kara shika dekakeraren 夕方からしか出かけられん — я не могу уйти иначе, чем с вечера
Yameru hoka shikata-ga nai 止めるほか仕方がない — иначе, как прекратить (это), ничего поделать нельзя
Ayamaru shika shikata-ga nai あやまるしか仕方がない — иначе, как извиниться, ничего поделать нельзя
Chikai hoka mien 近いほか見えん — кроме того, что близко, ничего не видно
Sei-ga takai shika torie-ga nai 背が高いしか取柄がない — кроме того, что ростом велик, у него никаких достоинств нет
Osoku hoka ikaren おそくほか行かれん — иначе, как поздно, уйти не могу

Kore-dake shika nokotte inai これだけしか殘つてゐない — кроме только этого, ничего не осталось.

Как видно из этих примеров, hoka и shika могут ставиться после тайгэнов в любом падеже, кроме родительного, причем показатели именительного и выделительного падежей вытесняются; может вытесняться и показатель винительного падежа, но не обязательно. Эти же суффиксы могут ставиться и после глаголов в 3-й основе, после прилагательных в 1-й и 2-й основах. Могут они стоять и после существительных, соединенных с такими суффиксами, как dake, made и т. п.

Необходимо отметить частое соединение hoka с предшествующим сравнительным yori; при этом смысл получается тот же, что и при одном hoka:

Hitori-no ko-yori hoka motanai—人の子よりほか持たない — у него только один ребенок.

Примечание. Необходимо отличать суффикс hoka от существительного hoka 外, которое может иметь перед собою в качестве определения другое существительное в родительном падеже и само может стоять в каком-нибудь падеже. При переводе на русский язык это второе hoka можно передавать словами «за исключением». Но возможно и то же «кроме»: Tsuma-no hoka-ni daremo inai 妻のほかに誰もゐない — за исключением жены, никого нет.

§ 256. Nado (nazo, nanzo, nanka) оттеняет слово в смысле русского «такой, как», большей частью при переводе опускаемого:

Kane nado aru mono ka 金などあるものか — где уж тут быть деньгам (буквально — такой вещи, как деньги)
Nishi-e nado muite iru 西へなど向いてゐる — обращен на запад
Atataka-ni nado nattara, mairimashō 暖かになどなつたらまゐりませう — когда настанет тепло, пойдем
Akaku nado nuru 赤くなど塗る — окрашивать в красный цвет.

Nado может ставиться после тайгэнов в любом падеже, кроме родительного. При этом nado — по примеру таких суффиксов, как bakari, dake и пр. — может присоединяться к слову с падежным показателем, причем показатели wa, ga и wo обычно опускаются; может присоединяться и к словарной форме, т. е. сливаться со словом в единое целое, а падежный показатель в этом случае ставится уже после, причем это может быть показатель любого, т. е. и родительного падежа.

Anno sannin-nado-wa nakama-ni hairu darō あの三人などは仲間に入るだらう — они трое, вероятно, присоединятся к нам
Ginkō-nado-no shoki 銀行などの書記 — секретарь банка (в смысле: таких учреждений, как банки и т. п.)
Kuroi-nado-wo motte kite-wa ikenai 黒いなどを持つて來てはいけない — черных приносить не нужно.

Nado часто ставится в середине сложной глагольной формы, образованной из 2-й основы главного глагола и suru.

Oshie-nado shite sodateru 教へなどして育てる — воспитывать, обучая.

Очень распространена постановка при таком выделении какого-нибудь члена предложения, когда ему придается характер изолированного слова. Достигается это, как известно, посредством того, что такое слово ставится с суффиксом to, после чего следует глагол iu с последующим mono или koto.

Saru-nado-to iu mono-wa hito-ni nareyasui 猿などと云ふものは人に馴れやすい — такие животные, как обезьяна, легко привыкают к людям.

Makeru nado-to iu koto-ga aru mono ka? 負けるなどゝいふ事があるものか — может ли случиться такое дело, чтобы я потерпел поражение?

Не менее часто nado заканчивает собою косвенную речь:

Doremo shiranai nado-to kotaeta どれも知らないなどゝ答へた — он ответил, что не знает ни того, ни другого.

Примечание. Необходимо отличать nado в значении «такой, как» от nado в значении «и т. д.», «и т. п.». Это второе nado встречается при перечислении:

Sakura ya, momo nado iroiro-no hana-ga saite iru 櫻や桃など色々の花が咲いてゐる — цветут различные цветы — вишни, персики и т. д.

§ 257. Dokoro или doko употребляется обычно в отрицательных предложениях, причем, присоединяясь к какому-нибудь слову — тайгэну или ёгену, — вместе с ним служит определением к последующему существительному, стоящему со связкой в отрицательной форме:

Iku-dokoro-no sawagi-de-wa nai 行くどころの騒ぎではない — не стоит того, чтобы итти...

Dokoro или doko, присоединяясь к глаголу, может само сочетаться со связкой в отрицательной форме:

Anshin-suru doko-de-wa nai 安心するどこではない — теперь не время для успокоения.

Широко распространено употребление dokoro или doko с ka. При этом получается смысл резкого противопоставления данного слова следующему:

Ike dokoro ka, kosui-hodo mo aru 池どころか湖水程もある — какое там пруд, — целое озеро

Atsui dokoro ka, marude hi-no yō da 暑いどころかまるでの火の様だ — какое там жарко, — прямо будто огонь

Mimau dokoro ka, tegami mo yaran 見舞どころか手紙もやらん где там навещать, — письма, и того не пришлет

Ban-made dokoro ka, yodōshi-shita 晩までどころか夜通しした — что там весь вечер, — всю ночь провел!

IV. ПОДЧЕРКИВАЮЩИЕ СУФФИКСЫ

§ 258. Существуют, далее, суффиксы, целью которых является особое подчеркивание данного слова в предложении, специальное указание на него. Подобно предыдущим эти суффиксы также не определяют собою синтаксическую позицию данного слова и поэтому могут подчеркивать в одинаковой мере любой член предложения. Однако, при подчеркивании подлежащего в именительном или выделительном падеже эти суффиксы могут вытеснять собою соответствующие падежные показатели (wa и ga), и поэтому в этом единственном случае могут определять и синтаксическую позицию слова.

Подчеркивающих суффиксов два: koso и zo. Оба они подчеркивают слово в смысле, близком к русскому «именно», но отличаются друг от друга по употреблению.

С помощью koso может подчеркиваться тайгэн в любом падеже, кроме родительного, а также — с любым дополнительным смысловым суффиксом:

Miyako-ni koso iru-ga seken-no koto-wa shiran 都にこそゐるが世間の事は知らん — в столице живет, а о свете ничего не знает

Omae-kara koso kikanai-ga yoku shitte iru お前からこそ聞かないがよく知つてゐる — именно от тебя ничего не слышал, но хорошо знаю

Cha-wo koso nonda-ga, kashi-wa kuwan 茶をこそ飲んだが菓子は食はん — чаю выпил, но пирожных не ест

Shimai-made koso minu-ga taitei wakatta しまひまでこそ見ぬが大低分つた — именно до конца не просмотрел, но в общем — понял.

Если с помощью koso подчеркивается тайгэн в позиции подлежащего, т. е. стоящий в именительном или выделительном падеже, соответствующий падежный показатель обычно вытесняется, и koso в этом случае определяет и падеж.

Ame koso furanai-ga, iya-na tenki da 雨こそ降らんがいやな天氣だ — дождь не идет, но отвратительная погода

Konnichi koso kichi nichi-de aru 今日こそ吉日である — именно сегодня — счастливый день.

Необходимо, однако, помнить, что вытесняться может wa как показатель падежа; если же wa является особым выделительным суффиксом, он не исчезает и ставится обычно после koso. Это значит, что слово, особо подчеркнутое суффиксом koso, кроме того еще особо выделяется в предложении.

Kono mikka-koso-wa ukauka-to shite-wa irarenai この三日こそはうかうかとしてはゐられない — именно эти три дня нельзя сидеть сложа руки.

С помощью koso может подчеркиваться и ёгэн — глагол и прилагательное, но только в тех формах, которые могут выступать в роли тайгэнов. Как известно, такой формой в первую очередь является 2-я основа глагола, причем чаще всего этому подчеркиванию подвергается 2-я основа, стоящая в соединении с глаголом suru, т. е. образующая единую сложную глагольную конструкцию. Суффикс koso в этом случае как бы разрывает обе части этой конструкции.

Yomase-koso suru-ga, kakase-wa sen 讀ませこそするが書かせはせん — именно читать — заставляю, писать же — нет.

Sute-koso shinai-ga, mazu tsukawanai 捨てこそしないが先づ使はない — именно бросать — не бросаю, а просто не употребляю.

Суффикс koso может стоять и после 3-й основы глаголов, если она выступает в роли тайгэна:

Oshierukoso ichiban hayamichi da 教へるこそ一番はやみちだ — учить — это и есть самый краткий путь.

Если в форме тайгэна выступает прошедшее время глагола, суффикс koso может подчеркивать и его:

Shiranakatta koso shiawase datta 知らなかつたこそ幸だつた — именно то, что он не знал, и было счастьем.

Суффикс koso может подчеркивать и будущее время глагола, если оно входит в состав сложного целого в соединении с глаголом omou, т. е. имеет после себя to; иначе говоря, если оно входит в так называемый оборот намерения:

Yameyō-to koso omotta 止めやうとこそ思つた — я думал: брошу (это дело).

С помощью koso могут подчеркиваться и другие глагольные формы, если они — вместе с относящимися к ним словами — представляют как бы единое законченное выражение. Это бывает обычно с деепричастной формой на te и формою условного наклонения на ba.

Inochi atte koso monodane da 命あつてこそ物種だ — есть жизнь — значит есть и надежда

Sonna koto-ni naru-ka-to omoeba koso shimpai-shite iru-n da そんな事になるかと思へばこそ心配してゐるんだ — именно потому, не получится ли такое дело, я и беспокоюсь.

Соответствующим образом с помощью koso могут подчеркиваться и прилагательные:

Tsutome-wa kurushii koso mi-no tame da 勤めは苦しいこそ身のためだ — именно то, что служба трудна, и полезно для человека

Nagakereba koso kiru-no-de aru 長ければこそ切るのである — именно потому, что длинно, и следует обрезать.

§ 259. Суффикс zo может подчеркивать вопросительные местоимения, а также иногда и наречия.

Суффикс zo может подчеркивать вопросительные местоимения, стоящие в позиции подлежащего, т. е. в именительном или выделительном падеже. В этих случаях, как сказано выше, падежные показатели вытесняются.

Dare zo kita ka 誰ぞ來たか — кто именно пришел?
Nan zo aru ka 何ぞあるか — что именно есть?
Doko zo itamu ka 何處ぞ痛むか — где именно болит?

При подчеркивании прямого дополнения вытеснению может подвергаться и показатель винительного падежа:

Dore zo tore どれぞ取れ — какой-нибудь (предмет) бери!

Если zo подчеркивает местоимение в каком-нибудь другом падеже, соответствующий падежный показатель ставится после zo.

Dare-zo-no mono da 誰ぞの物だ — это чья именно вещь?
Dare-zo-ni yarō 誰ぞにやらう — кому именно дадим?

Необходимо отметить, что zo может встретиться и после указательных местоимений, как, например, в фразе: kore-zo-to iu hodo-no koto mo nai これぞといふ程の事もない.

Однако, в таких случаях мы имеем дело с другим zo — восклицательным суффиксом, ставящимся после всей фразы в целом, и здесь kore zo по существу представляет сжатую, но цельную по смыслу фразу.

Это дело (или: эта вещь) не заслуживает того, чтобы о ней сказать: «вот это и есть то самое».

Такого рода случаи обычно встречаются в косвенной речи, показателем чего служит наличие после выражения с zo суффикса to, подчиняющего все предыдущее стоящему далее глаголу iu.

V. ВЫДЕЛИТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ

§ 260. Существует далее ряд суффиксов, которые, не определяя собою позиции слова, к которому присоединяются, тем не менее влияют на общее положение данного слова в предложении, в какой бы позиции это слово ни стояло. Другими словами, эти суффиксы вносят дополнительный оттенок в слово не как таковое, а как стоящее в ряду других. При этом они отмечают только те слова, которые находятся в какой-либо связи (согласования или подчинения) с ёгеном, т. е. с глаголом и прилагательным.

Все это означает: а) что эти суффиксы стоят только при подлежащем, дополнении и обстоятельстве и никогда при определении и сказуемом; б) что эти суффиксы стоят не после слова как такового, а после слова в определенной фор-

ме, характеризующей его синтаксическую позицию, т. е. после падежных и прочих определяющих эту позицию суффиксов.

Таким образом, эти суффиксы будут уже вторыми при слове. Для того, чтобы понять роль этих суффиксов, необходимо уяснить себе следующее.

Каждое предложение есть сочетание отдельных слов, поставленных в известную связь друг с другом. Связь эта может быть равнозначная, как, например, у подлежащего со сказуемым; может быть и с перевесом на одну сторону, как, например, у сказуемого с дополнением и обстоятельством, у существительного с определением. Равноправность связи сочетаемых слов грамматически выражается согласованием; подчинение одного слова другому проявляется в управлении или примыкании.

Эта картина, однако, усложняется одним дополнительным моментом: моментом удельного веса сочетаемых слов — с точки зрения их значимости для высказывания в целом. Иначе говоря, конкретный смысл предложения узнается не только путем уяснения взаимной зависимости сочетаемых слов с точки зрения смысла, но и определением ценности каждого элемента сочетания для предложения в целом. Соответственно этому могут получиться два основных типа высказывания: один — когда основная цель высказывания — преподнести слушателю или читателю всю мысль в целом, когда ценно и важно все содержание фразы в целом; другой тип — когда цель высказывания — преподнести слушателю или читателю всю мысль как суждение прежде всего о каком-нибудь одном элементе фразы. Иначе говоря, в первом случае мы имеем для мысли в целом полное равноправие всех элементов высказывания, во втором — одни из них выступают на первый план, а прочие располагаются вокруг; в первом случае речь идет о целом высказывании, во втором — о какой-нибудь части его. Таким образом, в первом типе предложения все члены предложения являются, так сказать, одинаково ценными, во втором — только какой-нибудь один.

Вот это-то обстоятельство, т. е. формирование смысловой стороны предложения двумя факторами — внутренним соотношением частей и отношением каждой части к целому всего высказывания, — и необходимо учитывать, изучая различные явления японского синтаксиса. Этот синтаксис различает именно два типа предложений: предложения с выделяемыми элементами и предложения без таковых. Смысл предложения без выделяемых элементов конструируется простым установлением взаимного сочетания частей, что делается способами, описанными выше: падежами существительных, формами глаголов и прилагательных, а также местом, специально присвоенным каждому из членов предложения.

В предложениях с выделенными элементами на это выделение указывают специальные суффиксы: wa は и mo も. Они мо-

гут поэтому называться выделительными суффиксами. И так как выделено может быть любое слово, эти выделительные суффиксы могут стоять после всех слов, зависящих от ёгэна,— после подлежащего, дополнения и обстоятельств.

Проследим выделение этими суффиксами отдельных членов предложения, возведение их в ранг главных.

1. ВЫДЕЛЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО

§ 261. Выделение подлежащего может производиться тремя способами: посредством суффикса wa は, суффикса mo も или же посредством отсечения от подлежащего всякого суффикса, т. е. постановки его в бессуффиксальной форме. Иначе говоря, фраза «я — студент» без выделения подлежащего в разряд главного члена, имеющая вид: watakushi-ga gakusei des 私が學生です, с выделенным подлежащим может иметь троякий вид: watakushi-wa gakusei des 私は學生です, watakushi-mo gakusei des 私も學生です, watakushi — gakusei des 私—學生です.

Как видно из этих примеров, суффиксы wa и mo, выделяя подлежащее, тем самым устраняют обычный суффикс подлежащего — ga.

Если существует три способа выделения подлежащего, то каждый из них, естественно, должен иметь свой особый оттенок:

а) wa выделяет слово, служащее подлежащим, обособляя его в ряду других и в известной степени даже противопоставляя его им. При этом, поскольку такое выделение делается в совокупности с целым всего предложения, это противопоставление направлено, следовательно, не на какой-нибудь элемент данного предложения, а на что-нибудь, находящееся вне его: рядом — в предыдущем предложении, существующем или подразумеваемом, только мыслимом. Например, когда один говорит про себя: «я — служащий», — другой, тут же называя себя: «я — студент», должен сказать: watakushi-wa gakusei des 私は學生です, потому что здесь налицо известное противопоставление (он — служащий, а я — студент);

б) mo выделяет слово, служащее подлежащим, не противопоставляя, а сопоставляя его с другим словом, соединяя его с этим словом, находящимся при этом точно так же, как и в предыдущем случае, не в данном предложении, а в другом — фактически существующем или только мыслимом. Например, если один называет себя: «я — студент», а другой хочет сказать и про себя то же самое: «я — тоже студент», — он говорит: watakushi-mo gakusei des 私も學生です, потому что здесь налицо сопоставление одного понятия с другим (в данном случае с таким же);

в) подлежащее без падежного суффикса также выделяется из прочих слов предложения, но без этих двух особых оттенков,

т. е. без оттенка обособления (противопоставления) и сопоставления (соединения); watakushi gakusei des 私學生です значит просто, что именно «я—студент», с простым выделением слова watakushi, без всякой дополнительной мысли.

Примечание. В связи с этим можно уточнить разницу между wa, как показателем одного из падежей подлежащего — выделительного падежа, и ga, как показателем другого из падежей подлежащего — именительного падежа. В преподавательской практике принято обычно объяснять так, как приведено выше (см. § 11); однако, это объяснение может быть только предварительным, годным впредь до последующего уточнения. Это же уточнение необходимо сделать не только потому, что такое объяснение недостаточно, но и потому, что оно может повести к неверному пониманию вообще. Различие между wa и ga, строго говоря, не в том, что при wa логическое ударение падает на сказуемое, а при ga — на подлежащее. Все дело в том, что если слово, служащее подлежащим, противопоставляется чему-нибудь другому, оно ставится с wa, если же этого противопоставления нет — ставится с ga. Поэтому в таком предложении, как «направо — горы, налево — море», где такое противопоставление налицо, оба подлежащих нужно поставить по-японски в выделительном падеже: migi-wa yama-de, hidari-wa umi da 右は山で左は海だ. Это противопоставление к тому же вовсе не должно иметь место в самой же фразе, как в приведенном примере, оно может быть (и часто бывает) мыслимым; если фраза «Танака — чиновник» говорится при наличии мысленного противопоставления: «а Симада — купец», или «а не купец», т. е. если это противопоставление делается и в отношении другого субъекта, и в отношении другого предиката,— по-японски требуется падеж на wa: Tanaka san-wa kanri-des 田中さんは官吏です. Поэтому, если уж обращаться при объяснении wa к «логическому ударению», то следует, пожалуй, сказать так: если логическое ударение падает на подлежащее — в смысле противопоставления его другому возможному подлежащему, или в смысле сопряженности его с таким-то именно предикатом, а не иным, — это подлежащее ставится в выделительном падеже. Если же такого противопоставления — а следовательно никакого специального логического ударения — нет, оно ставится в именительном падеже. Это верно и чисто теоретически: носителем логического ударения, если уже говорить о нем, может быть только суффикс wa; суффикс ga никаких иных функций, кроме функции показателя именительного падежа, не имеет.

В доказательство того, что при ga на подлежащее падает «логическое ударение», часто приводят такой вопрос-ответ: «кто пришел? Танака пришел». Dare-ga kita ka?—誰が来たか? Tanaka san-ga kita 田中さんが来た. Здесь как будто центр тяжести на подлежащем «кто» и «Танака». Но это — недоразумение. Некоторое акцентирование слова «кто» обусловлено не падежным суффиксом, а самым *смыслом* этого слова, его вещественным содержанием — в общем контексте вопроса.

Наличие в японском языке выделительной частицы приводит к тому, что в предложении может оказаться два подлежащих — грамматическое и логическое, или вернее: наряду с грамматическим подлежащим может присутствовать особо выделенное слово, представляющее основную тему данного высказывания. Это слово-тема и обозначается суффиксом wa, в то время как грамматическое подлежащее обозначается в этом случае суффиксом ga.

Anohito-wa kōsai-ga umai あの人は交際がうまい — он искусен в светском обращении.

В этом примере логическое подлежащее anohito, грамматическое — kōsai; в переводе это соотношение скрадывается.

Kono niwa-wa ishi-no haichi-ga takumi da この庭は石の配置が巧だ — в этом саду искусно расположение камней.

В этом примере логическое подлежащее kono niwa, грамматическое — haichi; в переводе первое превратилось в обстоятельство места.

2. ВЫДЕЛЕНИЕ ДОПОЛНЕНИЯ

§ 262. Выделение прямого дополнения производится теми же тремя способами, т. е. постановкой после слова, служащего дополнением, суффиксов wa или mo, ликвидирующих при этом нормальный «безразличный» суффикс wo; производится оно также и лишением прямого дополнения всякого суффикса с сохранением, однако, второго признака дополнения — его места перед глаголом. Таким образом, одну и ту же фразу «я ем обед» мы будем иметь в следующих видах: в предложении без выделения дополнения в разряд главного члена — одну форму, безразличную: gohan-wo tabemas 御飯を食べます; в предложениях с дополнением, выделенным в главный член, — три формы: gohan-wa tabemas 御飯は食べます, gohan-mo tabemas 御飯も食べます, gohan tabemas 御飯食べます.

Оттенки, получаемые в этих трех случаях, те же, что и при подлежащем: «ем обед» (а не что-либо другое), «ем и обед» (и ужин), «обед — ем».

Примечание. Некоторые особенности представляет собою оборот, где mo, выделяющее прямое дополнение, стоит при отглагольном существительном (2-я и 3-я основа глагола) с последующим повторением того же глагола, как сказуемого:

Shi mo shiyō ga... しもしやうが… — сделать-то я сделаю... (но...).
Home mo homemas ga... 讃めも讃めますが… — хвалить-то я хвалю... (но...)

§ 263. Возведение косвенного дополнения в ранг главного члена может производиться только двумя способами: постановкой после этого дополнения, сохраняющего при этом свой падежный суффикс, выделительных частиц wa и mo, со значением, присущим каждой из них. Например:

1. Tōkyō-ni-wa arimasen 東京にはありません — в Токио — нет (в Осака же, может быть, есть)
Anata-ni-wa iimasen あなたには云ひません — вам не скажу
Soto-de-wa otonashikutte, uchi-de-wa wagamama-da 外ではおとなしくつて家では我がまゝだ — на людях — смирен, дома же озорной
Kimi-to-wa kenka shinai 君とは喧嘩しない — с тобой ссориться не буду
Tōkyō-kara-wa tōi 東京からは遠い — от Токио — далеко.

2. Watakushi-ni-mo kudasai 私にも下さい — дайте и мне
Tōkyō-ni-mo arimas 東京にもあります — есть и в Токио
Uchi-de-mo otonashii 家でもおとなしい — смирен (послушен) и дома
Tōkyō-kara-mo kimashita 東京からも來ました — приехали и из Токио.

3. ВЫДЕЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ СЛОВ

§ 264. Выделение обстоятельства производится двояким способом: посредством wa и mo. Например:

Tashika-ni-wa iwarenai 確かには云はれない — наверное сказать не могу
Nite-mo nitsukan 似ても似つかん — и будучи похожим — не похож
Itte-wa ikenai 行つてはいけない — итти нельзя.

Здесь попутно нужно отметить очень распространенные обороты с деепричастием глагола (т. е. обстоятельством), подчеркнутым wa, с последующими отрицательными формами глаголов iku 行く — итти в потенциальном залоге, или naru なる становиться. Получаются формы со смыслом запрещения: tabako-wo nonde-wa ikemasen (narimasen) 煙草をのんではいけません（なりません）— курить табак нельзя. Так же деепричастная форма с mo и последующим прилагательным ii (yoroshii) — хороший — дает в целом смысл допущения, разрешения: nonde-mo ii のんでもいゝ — можно и курить. Особенность этих оборотов не в каком-либо особом оттенке wa или mo, а в сочетании форм с wa и mo со специальными глагольными формами: ikenai (ikemasen), naranai (narimasen).

Равным образом очень распространены и имеют свое особое смысловое лицо и обороты с отрицательным деепричастием, подчеркнутым wa или mo и соединенным с теми же ikenai (ikemasen) или naranai (narimasen) — при wa, ii (yoroshii) — при mo. В первом случае получается смысл долженствования, во втором — смысл допущения. Например: kakanakutte-wa ikemasen 書かなくつてはいけません — не писать нельзя, т. е. нужно писать; kakanakutte-mo ii 書かなくつてもいゝ — можно и не писать.

Кстати сказать, соединение деепричастного суффикса te с частицей wa в токиоском диалекте дает звук chā ちやあ; соединение этого же суффикса в виде de с той же частицей wa дает jā ぢやあ, т. е. вместо kaite-wa 書いては — kaichā 書いちやあ, nonde-wa 飲んでは — nonjā 飲んぢやあ.

4. ВЫДЕЛЕНИЕ ПРЕДИКАТИВНОГО ЧЛЕНА

§ 265. Выделение предикативного члена в составном сказуемом производится и посредством wa, и посредством mo.

Koko-wa Tōkyō-de-wa arimasen こゝは東京ではありません — здесь не Токио (а Осака)
Kore-wa empitsu-de mo arimasen これは鉛筆でもありません — это и не карандаш
Kore-wa takaku-wa arimasen これは高くはありません — это — не дорого (а дешево)
Kore-wa takaku-mo nai これは高くもない — это и не дорого (и не дешево).

§ 266. При всей своей известной близости частицы wa и mo, с одной стороны, и sae, demo, hoka, shika, nado (nazo) — с другой, тем не менее не представляются явлениями вполне однотипными. Они отличаются друг от друга прежде всего тем, что wa и mo только выделяют в предложении те слова, к которым присоединяются; их основная и единственная функция и состоит в буквальном смысле в таком выделении слова; вторая же группа частиц имеет эту функцию только как вторичную, как следствие основной; основная же их функция состоит в сообщении слову, к которому они присоединяются, некоторого дополнительного смыслового оттенка. И только потому, что этот дополнительный оттенок (как, например, «даже») сам по себе выделяет слово среди других, эти вторые частицы и получают значение в известном смысле выделительных.

Таким образом, с синтаксической точки зрения частицы sae, demo и т. п. являются в известном смысле однородными с bakari, dake и т. д. Те привносят в слово дополнительный оттенок, который сам по себе и определяет их позицию в предложении; эти делают то же. Разница между ними только в том, что те определяют позицию слова в ряду других членов предложения, эти же определяют эту позицию по отношению к предложению в целом.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ
СЛИТНОЕ И СОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

СЛИТНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 267. В отличие от простого предложения будем называть слитным такое, в котором находятся не одно, а два или несколько подлежащих, не одно, а два или несколько определений, дополнений, сказуемых, обстоятельств. Другими словами, слитными будем называть те предложения, в которых налицо несколько однородных членов.

Применяя это определение к японскому языку, мы должны установить здесь — в отличие от русского — два принципиально различных случая. Один — когда мы имеем не повторение однородных членов в точном смысле этого слова, т. е. не два или несколько подлежащих, — слов, стоящих в именительном падеже, — не два или несколько прямых дополнений, — слов, стоящих в винительном падеже, — и т. д., а соединение нескольких слов, стоящих в одинаковой синтаксической позиции по отношению к какому-нибудь другому слову, в одно целое, стоящее при этом в данном падеже именно как целое, а не как каждое слово в отдельности. Иначе говоря, когда в нужном падеже или форме вообще стоит только последнее из соединяемых, однородных по своей синтаксической роли слов, все же предъидущие в этом падеже не стоят. Таким образом, мы имеем фактически не несколько однородных членов, а один, но составленный из нескольких отдельных элементов.

Довольно близкую аналогию такой японской конструкции представляют собой русские обороты типа следующих: «мы с вами сегодня идем на прогулку», «я купил ручку с чернильницей» и т. п. В этих оборотах как будто по два однородных члена: два подлежащих — «мы с вами» — «я и вы»; два прямых дополнения — «ручку с чернильницей» — «ручку и чернильницу». Однако, не даром они соединены не союзом «и», а предлогом «с», и по-русски здесь не два однородных члена, а один составной.

Вот такие обороты, т. е. соединения нескольких членов предложения в один составной комплекс, и представляют собой

первый вариант слитного предложения, строго говоря, еще не являющийся слитным предложением в точном смысле этого слова, а стоящий на полпути от простого предложения к слитному.

Второй вариант отличается от первого тем, что в нем налицо не соединение нескольких членов в один комплекс, но простое нагромождение однородных членов. В этом варианте мы находим в предложении, следовательно, два подлежащих, два дополнения и т. д., ясно выраженных, т. е. в виде слов, стоящих в одинаковых падежах, формах. Оперируя с приведенными русскими примерами, мы имели бы здесь не «я купил ручку с чернильницей», а «я купил ручку и чернильницу».

В русском языке существуют оба варианта, но — в отличие от японского — первый имеет ограниченное применение. В японском же он возможен почти со всякими членами предложения и является чрезвычайно распространенным.

После этих замечаний рассмотрим грамматическое выражение того и другого варианта.

I. СОЕДИНЕНИЕ ОДНОРОДНЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОСТАВНОЕ ЦЕЛОЕ

§ 268. Основная грамматическая особенность такого соединения была только что намечена: в этом случае только один последний член соединения ставится в нужном падеже, все же прочие, т. е. ему предшествующие, в этом падеже не ставятся: их падеж, а следовательно и их синтаксический смысл, дается последним из соединяемых слов; оно является главным, все же прочие ему подчиняются. Вопрос, требующий разрешения, сводится к тому, как выражается это подчинение, или — как соединяются первые члены с последним. Ответ на это будет различен, в зависимости от того, какие части речи соединяются — тайгэны или ёгэны, а также в зависимости от того, имеются ли какие-нибудь особые смысловые моменты в таком соединении, или их нет.

1. СОЕДИНЕНИЕ ТАЙГЭНОВ

§ 269. Если вспомнить, какую роль в предложении играют обычно тайгэны, т. е. имена существительные, числительные и местоимения, станет ясным, о каких членах предложения в этих случаях может итти речь: о подлежащем, дополнении, определении, именном сказуемом. Способов соединения здесь может быть несколько.

Простейшим способом соединения является соединительный падеж на to. Падеж этот, как было объяснено выше, представляет собой в основе подчинение существительного глаголу на вопрос *с кем, с чем*. Например: tomodachi-to yakusoku-shimas 友達と

約束します — уговариваюсь с товарищем, ane-to sōdan-shimas 姉と相談します — беседую с сестрой. В этих предложениях соединительный падеж tomodachi-to, ane-to зависит от глаголов yakusoku-shimas, sōdan-shimas. Однако, различные косвенные падежи, т. е. дополнения, возможны и при существительных (см. § 88).

Возможен зависящий от существительного и соединительный падеж типа русского «мы с вами», где «с вами» зависит от «мы». Вот такой соединительный падеж при существительном и является простейшим способом соединения двух или нескольких существительных в один синтаксический член. Таким образом, если мы хотим соединить несколько существительных в одно составное выражение, стоящее в целом в каком-нибудь определенном падеже, мы должны будем поставить в этом падеже только последнее существительное, все же предыдущие — в соединительном падеже. Например:

а) составное подлежащее:

Nōtobukku-to empitsu-wa tēburu-no ue-ni arimas ノートブックと鉛筆はテーブルの上にあります — карандаш с записной книжкой находится на столе;

б) составное дополнение:

Прямое: nōtobukku-to empitsu-wo kaimashita ノートブックと鉛筆を買ひました — купил карандаш с записной книжкой

Косвенное: imōto-to otōto-ni yatta 妹と弟にやつた — дал брату с сестрой;

в) определение:

Watakushi-to ani-no uchi-wa kōgai-ni aru 私と兄の家は郊外にある — наш с братом дом находится за городом;

г) составное сказуемое:

Watakushidomo-wa dare-to nan deshō 私共はだれとなんでせう — кто и что мы?

§ 270. Соединение посредством соединительного падежа представляется простейшим потому, что здесь налицо расширенное применение того же падежа, который встречается при глаголах. И со смысловой стороны это соединение также раскрывается при свете значения соединительного падежа; так как последнее слово является управляющим, а ему предшествующие — управляемыми, то получается значение в таком же роде: то-то (главное) с тем-то (соединяемым словом). Получается целое замкнутое выражение с точно установленным числом членов.

Если каждый член (из однородных) выступает самостоятельно, соединение его с последующим производится посредством суффикса ya や, что соответствует русскому союзу *и*. После первых членов соединения ставится ya, после последнего — суффикс нужного падежа. Например:

а) составное подлежащее:

Ume-ya sakura-ga saite iru 梅や櫻が咲いてゐる — цветут сливы и вишни

Tsuki-ya yuki-ga tada isshoku-de aru 月や雪がたゞ一色である — одного цвета — луна и снег;

б) составное дополнение:

Прямое: sono nochi mura-no hito-wa ie-ya denchi-wo kaimodoshita その後村の人は家や田地を買ひ戻した — после этого жители деревни вернули себе жилища и поля

Косвенное: aka-ya, ao-ya kiiro-ni someru 赤や青や黄色に染める — окрашивают в цвета красный, синий и желтый.

Ushi-ga ta-ya hatake-e iku 牛が田や畑へ行く — коровы идут на поля и жнивья

Dairen-no bōekidaka-wa Yokohama-ya Kōbe-yori sukoshi shita-de aru 大連の貿易高は橫濱や神戶より少し下である — размеры торговли Дайрена немного ниже, чем Иокогамы и Кобэ

Wasen-wa kaze-no chikara-ya hito-no chikara-de hashiru 和船は風の力や人の力で走る — старинные японские корабли двигаются силою ветра и человеческой силой

Tarō-wa otōto-ya imōto-to hotarugari-wo shite iru 太郞は弟や妹と螢狩をしてゐる — Таро с братом и сестрою ловит светлячков;

в) составное сказуемое:

Akaino-wa kaede-ya, sakura-ya, nurude-de aru 赤いのは楓や櫻やぬるでである — красными бывают клены, вишни и чернильный орех.

Примечание. В японоведческой литературе, а также в педагогической практике широко распространено толкование to как *союза*, причем этот союз противопоставляется другому союзу — ya в том смысле, что to, мол, употребляется при точном, полном перечислении, ya — при неполном, допускающем продолжение. Толкование to как *союза* неверно: суффикс to после существительных необходимо признать падежным, о чем совершенно отчетливо свидетельствует факт управления глаголов этим падежом. Говорить о «полном перечислении» в случае to можно только в том смысле, что в таких выражениях, как «сестра с братом», действительно речь идет только о двух лицах; при наличии же ya этой замкнутости в определенных пределах нет. Однако, это отнюдь не означает, что при ya еще мыслятся какие-то неназываемые члены перечисляемого ряда: ya говорит только о перечислении в духе русского союза «и». Отдельно стоит вопрос о переводе этих to и ya. В виду ограниченности возможностей употреблять такие конструкции, как «я с братом», приходится и для перевода to обращаться к союзу «и». Но это уже вопрос способов перевода, а не грамматического толкования явления.

§ 271. Возможен случай, когда соединяемые или перечисляемые предметы даются в разделительном смысле, по-русски — «или — или». Этот смысловой оттенок достигается посредством суффикса ka か, проставляемого так же, как и предыдущие суффиксы to и ya. Например:

а) составное подлежащее:

Mittsu-ka yottsu-wa nokotte iru 三つか四つは殘つてゐる — осталось не то три, не то четыре;

б) составное дополнение:

Omae-wa bengoshi-ka seijika-ni nareru darō お前は辯護士か政治家になれるだらう — ты, по всей вероятности, сможешь стать или адвокатом, или политическим деятелем Nōtobukku-ka kami-wo kau-tsumori da ノートブックか紙を買ふつもりだ — собираюсь купить или записную книжку, или бумаги;

в) составное определение:

Kitsune-ka tanuki-no shiwaza darō 狐か狸の仕業だらう — это, по всей вероятности, проделки не то лисицы, не то барсука;

г) составное сказуемое:

kujira-wa jūrui-ka gyorui-de aru 鯨は獸類か魚類である — кит — не то животное, не то рыба.

§ 272. Таковы три основных типа однопадежных сочетаний. Все они, как видно из предыдущего, получаются благодаря применению разного типа соединительных суффиксов. Возможны, однако, и другие виды однопадежных сочетаний: посредством соединительных или разделительных союзов и посредством примыкания. Таким образом, к перечисленным трем случаям прибавляются еще два:

1. Соединение посредством разделительного союза matawa 又は — или. Например:

Hagaki matawa tegami-de o-shirase-wo negaimas 葉書又は手紙でお知らせを願ひます — прошу известить меня письмом или открыткой.

Этот союз может быть и при соединениях с помощью ka; например: shishutsu-no ōi-no-wa rikugun-ka matawa kaigun darō 支出の多いのは陸軍か又は海軍だらう — то, что требует много расходов, это или флот, или же армия.

2. Сочетания путем непосредственного примыкания представляют собой простую постановку рядом тех слов, которые стоят в одном падеже, причем первые ставятся в бессуффиксальной форме, последний же в том падеже, который нужен. Например:

Yoshitsune, Benkei-no ō-hashi-wa kono kawashimo-ni kakatte iru 義經辨慶の大橋はこの川下にかゝつてゐる — большой мост Ёсицунэ и Бэнкэй находится ниже по этой реке Mō soko, koko-ni shima-ga miedashita もうそこゝに島が見え出した — уже там и здесь показались острова.

§ 273. В дополнение к сказанному необходимо добавить еще один случай однопадежных сочетаний, представляющий собой некоторую особенность. Это — случай сочетания с помощью

двойного (и не более) соединительного падежа на to, или с помощью суффиксов ya, ka. Внешне это двойное соединение выражается в том, что суффиксы to, ya, ka ставятся после каждого из соединямых слов,—значит, и после последнего. Последнее же, кроме того, обычно имеет и полагающийся ему падежный суффикс, устанавливающий его позицию в предложении. Например:

а) составное подлежащее:
Sore hodo nedan-to keishiki-to-ga omonzerarete iru それほど値段と形式とが重んぜられてゐる — такое значение имеют цена и форма
Ame-ka yuki-ka futte kisō da 雨か雪か降つて來さうだ — должно быть, пойдет либо дождь, либо снег;

б) составное дополнение:
Прямое: kokuen-to nendo-to-wo mazeru 黒鉛と粘土とを混ぜる — смешивают графит и глину
Косвенное: kare-no mōyū-to gōtan-to-ni odoroita 彼の猛勇と豪膽とに驚いた — изумился его мужеству и отваге;

в) составное определение:
Sore-wa kitsune-ka, tanuki-ka-no shiwaza darō それは狐か狸かの仕業だらう — это, по всей вероятности, проделки лисицы или барсука;

г) составное сказуемое:
Sore-wa kokka seikatsu-to jinrui seikatsu-to de aru それは國家生活と人類生活とである — в этом жизнь государства и жизнь человечества.

§ 274. Какова грамматическая природа этих оборотов? В современном языке мы имеем дело, повидимому, с двойным соединительным падежом, т. е. с такой обстановкой, когда форма соединительного падежа сохраняется и при последнем из соединяемых слов, несмотря на наличие при нем особого падежного суффикса. Сохраняется же она, вероятно, потому, что таким путем и это последнее из соединяемых слов рассматривается как подчиненное. Иначе говоря, здесь, как будто бы, перекрестное подчинение: предыдущее слово подчиняется последующему, последующее же, в свою очередь,— предыдущему. В фразе kokuen-to nendo-to-wo mazeru — смешиваю глину с графитом — последнее слово nendo (глина) не является основным дополнением, управляющим существительными kokuen (графит); это nendo в свою очередь подчинено первому — kokuen, так что можно было бы равным образом сказать и наоборот: nendo-to kokuen-to-wo mazeru 粘土と黒鉛とを混ぜる — смешивать графит с глиной. Так же и при других видах соединений: kitsune-ka tanuki-ka-no shiwaza darō 狐か狸かの仕業だらう — это, вероятно, проделки барсука или лисицы; здесь kitsune и tanuki стоят одинаково с суффиксом ka,— следовательно, они равноправны в отношении друг друга и допускают поэтому перестановку: tanu-

ki-ka kitsune-ka-no shiwaza 狸か狐かの仕業 — проделки лисицы или барсука. Возможность же постановки после одного соединительного суффикса второго — падежного — свидетельствует, во-первых, о том, что мы имеем здесь две различных, друг друга не исключающих формы; во-вторых, о том, что падежный смысл здесь относится не к одному слову, а к целому комплексу. Необходимо отметить, однако, что этот падежный суффикс последнего слова нередко опускается, в особенности, когда это суффикс выделительного падежа — wa. Например:

Kimi-to boku-to (wa) futari-de dekakemashō 君と僕と(は)二人で出かけませう — мы с тобой выйдем вдвоем.

§ 275. Все предыдущее относилось к тайгэнам в собственном смысле этого слова. Нет нужды подробно останавливаться на том, что все наблюдаемое на тайгэнах относится и к дзюнтайгэнам, т. е. тем формам глаголов и прилагательных, которые могут употребляться в качестве существительных:

а) глагольные формы как существительные:
Miru-to minai-to-wa ōi-ni chigau 見ると見ないとは大いに違ふ — видеть и не видеть — большая разница;

б) форма прилагательного как существительное:
Yasui-to takai-to-de ureyuki-ga chigau 安いと高いとで賣行きが違ふ — от того, дешево или дорого, товар идет по-разному;

в) просубстантивные формы глагола и прилагательного на no:
Iru-no-to iran-no-to o-wake nasai 要るのといらんのとお分けなさい — отделите то, что нужно, и то, что не нужно
Nedan-no takai-no-ya, yasui-no-ya iro-iro arimas 値段の高いのや安いのや色々あります — есть всякие вещи — и дорогие, и дешевые.

2. СОЕДИНЕНИЕ ЁГЭНОВ

§ 276. Соединение глаголов и прилагательных в одно целое, т. е. в такое сочетание, при котором предыдущие члены подчинены последнему, также достигается применением уже известного способа: постановкой этого предыдущего члена в деепричастной форме на te. Другими словами, здесь мы имеем расширенное применение одной из глагольных форм, когда эта форма определяет собой действие другого глагола. В таких случаях все сочетание, т. е. форма на te и связанный с нею глагол, совместно образуют тот член предложения, который может быть выражен глаголом и прилагательным: в первую очередь, конечно, сказуемое. Таким образом, предложение sensei-wa seito-ni mukatte tazunemashita 先生は生徒に向つて尋ねました, в котором два глагола: один mukau 向ふ (обращаться) в деепричастной форме mukatte (обращаясь), другой tazuneru 尋ねる (спрашивать) в заключительной форме прошедшего вре-

мени tazunemashita (спросил), может быть понято так, как будто в нем одно сложное сказуемое — mukatte tazunemashita. Поэтому это предложение следует перевести: «учитель, обратившись к ученикам, спросил», поскольку в этой русской фразе также сложное сказуемое — «обратившись, спросил». Или еще пример: gakkō-wo yasunde byōin-ni mimai-ni itta 學校を休んで病院に見舞に行つた — эта фраза отличается от предыдущей тем, что в ней деепричастная форма yasunde (от yasumu 休む — отдыхать) стоит не в непосредственной близости к главному сказуемому itta (прошедшее время от глагола iku 行く — уходить); однако, зависимость этой деепричастной формы от главного сказуемого все же налицо, почему она и может быть передана по-русски: «пропустив уроки в школе, он отправился в больницу проведать больного».

В фразе minna yorokonde asonde ita みんな喜んで遊んでゐた две деепричастных формы — yorokonde (от yorokobu 喜ぶ — радоваться) и asonde (от asobu 遊ぶ — гулять). Вторая, как стоящая вместе с глаголом iru ゐる (в прошедшем времени — ita), образует, как известно, особую форму протекающего действия, так что asonde ita вместе имеет смысл «веселились». Первая деепричастная форма yorokonde подчинена по существу asonde ita в целом. Поэтому всю фразу следует перевести так: «все радовались и веселились».

§ 277. Такое же слитное сказуемое может составляться и из прилагательных, поскольку и от них возможно образование деепричастной формы на te. Например:

Kyōto-no haru-wa nagakutte atatakai des 京都の春は長くつて暖いです — киотоская весна продолжительна и тепла
Kono shina-wa yasukutte ii des この品は安くついゝです — этот товар дешев и хорош.

Перевод этих фраз на русский язык в том виде, как они здесь даны, не вполне передает японскую конструкцию. Мы говорим «дешев и хорош», т. е. ставим оба слова «дешев» и «хорош» в одинаковой синтаксической позиции; таким образом, мы имеем не слитное в точном смысле этого слова сказуемое, а просто два сказуемых. Для передачи японской конструкции нужно было бы перевести первое сказуемое так, чтобы зависимость его от второго была ясна. Поскольку форма на te очень близка к русскому деепричастию, можно было бы прибегнуть к помощи слова «будучи», что было бы наиболее близко к японскому оригиналу, если бы такие обороты, как «будучи дешев — хорош», «будучи продолжительной — тепла», не являлись по-русски неуклюжими. В некоторых случаях, когда вещественное соотношение самих понятий это допускает, подчиненное положение первого прилагательного по отношению ко второму может быть выражено указанием на причинную связь этих двух понятий. Например:

Koko-wa suzushikutte ii des こゝは涼しくつていゝです — здесь хорошо оттого, что прохладно (буквально — это место, будучи прохладным, — хорошо).

§ 278. Таким образом, первым способом, которым достигается слияние двух ёгэнов в слитное целое, является постановка первого из них в подчиненное положение по отношению к последнему через употребление деепричастной формы на te.

Несколько менее тесно слитый комплекс получается при соединении двух или нескольких ёгэнов с помощью 2-й основы. Она также сама по себе ничего не значит, т. е. в ней самой нет никакой характеристики — ни времени, ни наклонения; все это она получает от последнего глагола: его время есть время и этой 2-й основы и т. д. Это и ставит ее в положение зависимости от конечного глагола. Но в то же время в ней нет того оттенка определения действия этого конечного глагола, которое дается формой на te. В ней заложено только указание, что данное действие развивается наряду с другим, и больше ничего. По-русски на письме это выразилось бы запятой. Например:

Gozen-wa gakkō-e iki, gogo-wa sampo-suru 午前は學校へ行き午後は散歩する — утром он ходит в школу, вечером гуляет

Asuko-ni mo ari, koko-ni mo aru 彼處にもあり此處にもある — есть и там, есть и здесь.

Такие слитные сказуемые встречаются чаще всего в повествовательных оборотах при рассказе о чем-нибудь. Например:

Kyūshū ittai hokutō-no daiakufū-ga fukidashi, shidai-ni kibishiku fukiareta 九州一帶北東の大惡風が吹き出し次第に嚴しく吹き荒れた — по всему Кюсю задул злейший северо-восточный ветер и дул все свирепее

Reisuiyoku-wa hifu-wo tsuyoku-shi, shitagatte karada-wo tsuyoku-shi, kokoro-wo sawayaka-ni suru 冷水浴は皮膚を強くし,從つて身體を強くし,心を爽かにする — купанье в холодной воде укрепляет кожу, следовательно укрепляет тело, освежает самочувствие.

То же самое возможно при слитном сказуемом, образованном и из прилагательных. Здесь также может применяться 2-я основа (на ku). Например:

Kyō-wa samuku-mo naku, atsuku-mo nai 今日は寒くもなく暑くもない — сегодня и не холодно, и не жарко.

Сказанное о 2-й основе глаголов и прилагательных распространяется и на предикативное — de. Это значит, что возможны и слитные именные сказуемые. Например:

Satō-san-wa makoto-ni yasashii hito-de, otōto-ya imōto-wo yoku kaaigari tomodachi-ni mo shinsetsu-des 佐藤さんは誠に

やさしい人で弟や妹をよく可愛がり友達にも親切です — г-н Сато поистине добрый человек, он хорошо относится к младшему брату, сестре, услужлив и по отношению к друзьям.

Возможно, наконец, соединение сказуемых и с помощью союзов soshite そして — и, mata 又 — а также, matawa 又は — или. Ставятся эти союзы между сказуемыми, причем первое обычно стоит во 2-й основе. Например:

Haha-ga Tarō-ni tako-wo yari, Jirō-ni koma-wo yari, soshite o-Hana-ni ningyō-wo yatta 母が太郎にタコをやり次郎に獨樂をやりそしてお花に人形をやつた — мать подарила Тарō змея, Дзирō — волчка, а о-Хана — куклу Anohito-wa kenkō-de ari, mata zenryō-de mo aru あの人は健康であり又善良でもある — он — человек здоровый, а также добронравный.

§ 279. Все предыдущее говорилось о сказуемом. Однако, существительное и прилагательное бывают не только сказуемым; они могут стоять и как определение. При этом, если они служат определением к существительному, они должны стоять в определительной форме, например: akai empitsu 赤い鉛筆 — красный карандаш, aruku hito 歩く人 — идущий человек.

Эти определения могут быть и слитными, т. е. составленными из нескольких членов. При этом никаких особых правил для определения этого порядка нет и быть не может: здесь мы имеем такое же соединение ёгэнов, как и в слитном сказуемом. Так же, как и там, главным будет последний член, стоящий непосредственно перед определяемым, прочие же будут подчинены главному. И так как здесь — обычное подчинение одного ёгэна другому, то все те правила, которые были только что приведены, применяются и здесь. Например:

Donyori-to kumotte samuku-mo naku atsuku-mo nai hiyori-wo hanagumori-to iu どんよりと曇つて寒くもなく暑くもない日和を花曇といふ — туманно-облачный, не холодный и не жаркий день называют «ханагумори»
Kyōto-ni iki, Nara-ni iku toki-yori mo sara-ni tsuyoi kansō-wo okosu 京都に行き奈良に行く時よりも更に強い感想を起す — это вызывает впечатление еще более сильное, чем во время посещения Киото, посещения Нара.

В первом из этих примеров существительное hiyori — день, погода, имеет перед собой определение, составленное из трех ёгэнов: kumotte, samuku-mo naku, atsuku-mo nai; последний из них (nai), как прилагательное, непосредственно определяющее собою существительное, стоит в определительной форме; второй (naku) — также прилагательное, но уже подчиненное следующему за ним определению, стоит в соединительной форме (2-й основе); наконец, первый ёгэн — глагол (ku-

motte), подчиненный также последующему, стоит в деепричастной форме, которая именно такое подчинение и означает.

Во втором примере к слову toki — «время» имеются два глагольных определения (Kyōto-ni) iki и (Nara-ni) iku. Последнее из них стоит, как и полагается, в определительной форме (3-й основе), первое же, как подчиненное второму, — в соединительной форме (2-й основе).

Так же бывает и в тех случаях, когда одно из ёгэнных определений представляет собой сочетание имени со связкой:

Mujaki-de airashii arisama-da 無邪氣で愛らしい有様だ — невинная, милая картина.

В этой фразе mujaki-de — сочетание склоняемого прилагательного mujaki с предикативным суффиксом de, входящего в состав слитного определения к arisama и подчиненного ближайшему к этому слову определению airashii, стоящему, как и полагается, в определительной форме.

3. СОЕДИНЕНИЕ НАРЕЧИЙ

§ 280. Наряду с соединением тайгэнов и ёгэнов можно наблюдать и соединение наречий. За невозможностью для наречий как-либо изменяться, единственной формой, указывающей на связь их друг с другом, на их общую позицию по отношению к определяемому глаголу, будет постановка между ними какого-нибудь соединительного союза вроде katsu 且つ — притом. Например:

Kusa-ga suzushisō-ni katsu shinsen-ni mieru 草が涼しさうに且つ新鮮に見える — растительность выглядит свежо и обновленно.

II. ПРЕДЛОЖЕНИЯ С НЕСКОЛЬКИМИ ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ

§ 281. Этот вариант слитного предложения, как было указано выше, отличается от предыдущего тем, что в нем однородные члены не сливаются в один комплекс, внутри которого первые элементы подчинены последнему, а остаются равноправными, стоящими в одинаковой синтаксической позиции. Иначе говоря, в первом варианте лишь последний из однородных членов стоит в синтаксической позиции, определяющей место в предложении всего целого; первые же члены все стоят в позиции непосредственного подчинения этому последнему, сливаются в особое целое внутри предложения. Во втором варианте этого нет, и все однородные члены, сколько бы их ни было, стоят в одной и той же форме.

Все это находится в зависимости от смысловых заданий, которые даются предложению. Когда речь идет об одних вещах,

то будь эти вещи даже многими, если они воспринимаются как некая совокупность, все равно: для языка это — одно. Так, например, выражение «мы с вами» рассматривается как единая совокупность. Отсюда и грамматическое следствие: основная синтаксическая характеристика дается не каждому слагаемому этой совокупности, а ей в целом, что означает постановку в нужной форме только последней части целого, последнего члена. Внутренние же соотношения элементов этой совокупности определяются иными способами, только к этим внутренним отношениям и относящимися.

В других случаях язык подчеркивает раздельность этих однородных элементов, их самостоятельную роль в высказывании. Отсюда и грамматическое следствие: грамматическая однородность форм.

1. ПОВТОРЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩИХ И ДОПОЛНЕНИЙ

§ 282. Указание на раздельность, характерное для этого варианта слитного предложения, имеет ближайшим образом тот смысл, что сказуемое утверждается, например, за таким-то подлежащим и одновременно за другим; что действие глагола направляется и на этот объект и на другой; что данный субъект совершает и такое действие, и другое. Именно это указание — «и то, и другое», «это и то», «так и этак» — и составляет суть этого варианта слитных предложений. Для выражения именно такого указания в японском языке существует специальный суффикс mo も. По-русски его лучше всего передавать двукратным (или многократным) «и».

Рассмотрим применение этого суффикса в различных случаях.

а) Несколько подлежащих:

Ume-mo, sakura-mo ichidoki-ni saita 梅も櫻もいちどきに咲いた — и сливы, и вишни расцвели одновременно
Otoko-no ko-mo, onna-no ko-mo omoshirosō-ni asonde iru 男の子も女の子も面白さうに遊んでゐる — и мальчики, и девочки весело играют.

б) Несколько прямых дополнений:

Minasan-wa kisen-mo, gunkan-mo gozonji deshō 皆さんは汽船も軍艦も御存じでせう — все вы, вероятно, знаете и пароходы, и военные суда
Are-mo, kore-mo minna hito-ni tanonda あれもこれもみんな人に頼んだ — и это, и то — все он поручил другим.

Как видно из этих примеров, суффикс mo, присоединяясь к подлежащим или прямым дополнениям, ликвидирует падежные суффиксы ga, wa и wo. Этого, однако, не бывает при постановке с другими видами дополнения.

в) Несколько косвенных дополнений:

Konna mono-wa Ōsaka-ni mo, Tōkyō-ni mo aru こんなものは大阪にも東京にもある — эти вещи имеются и в Осака, и в Токио

Migi-kara mo, hidari-kara mo oi-oi nakama-ga atsumatte kita 右からも左からも追々仲間が集つて來た — и справа и слева понемногу стали собираться товарищи

Ishigaki-no aida-de mo, Jizō-sama-no kage-de mo hana-ga saku 石垣の間でも地藏様の蔭でも花が咲く — цветы цветут и между камнями ограды, и в тени статуи Дзидзō

Migite-de mo, hidarite-de mo umaku ji-wo kaku 右手でも左手でもうまく字を書く — он пишет хорошо и левой рукой, и правой рукой

Ōsaka-wa Kyōto-yori mo, Kōbe-yori mo atsui tokoro des 大阪は京都よりも神戸よりも暑いところです — Осака — место более жаркое и чем Киото и чем Кобэ

Ōsaka-e mo, Kōbe-e mo itta 大阪へも神戸へも行つた — он отправился и в Осака, и в Кобэ.

Суффикс mo, как видно из этих примеров, не заменяет собой прочих падежных суффиксов — ni, kara, de, yori, e. Они остаются на местах, и mo ставится после них.

г) Несколько именных частей составного сказуемого:

Kono mono-wa tori-de mo, kemono-de mo nai このものは鳥でも獸でもない — это существо — и не птица, и не животное.

Суффикс mo может ставиться и после глаголов и прилагательных, употребленных в смысле существительного. Например:

Kiku-mo, kikanu-mo o-katte shidai-da 聞くも聞かぬもお勝手次第だ — и слушать, и не слушать — дело ваше
Yoi mo, warui mo ari-wa shinai 良いも悪いもありはしない — ни хорошего, ни плохого здесь нет.

2. ПОВТОРЕНИЕ СКАЗУЕМЫХ

§ 283. Такое же повторение возможно и при глаголах и прилагательных, служащих сказуемыми. Роль mo здесь играет суффикс shi し, присоединяемый к нужной форме глагола и прилагательного. Например: yomi-mo suru-shi, kaki-mo suru 讀みもするし書きもする — он и читает, и пишет.

Это предложение является одновременно примером и на повторение тайгэнов (в данном случае — отглагольных: yomi, kaki) и на повторение ёгэнов (suru и suru). Признаком повторения тайгэнов является суффикс mo, признаком повторения ёгэнов — суффикс shi. Ср. еще примеры:

Kono heya-wa semai-shi, kitanai この部屋は狹いし汚ない — эта комната и тесна, и грязна

Itte-mo mitai-shi, uchi-ni mo itai 行つてもみたいし家にもゐたい — и хочется пойти, и хочется дома побыть

Kyō-wa shokudō-ni ii sūpu-mo aru-shi, oishii sakana-no furai-mo aru-shi nakanaka oishii mono-ga takusan arimas yo 今日は食堂にいゝスープもあるし，おいしい魚のフライもあるしなかなかおいしいものがたくさんありますよ — сегодня в столовой есть и хороший суп, и вкусная жареная рыба — довольно много вкусных вещей.

Jinken-no seisan-kajō mondai-mo kaiketsu shita-shi sarani nōson kōbairyoku-mo zōka shite iru-no-de aru 人絹の生產過剩問題も解決したし更に農村購買力も增加してゐるのである — и разрешен вопрос о перепроизводстве искусственного шелка, и возросла покупательная способность деревни.

Все предыдущее касалось подлежащих и дополнений, с одной стороны, сказуемых — с другой. Однако, в предложении могут повторяться и определения, причем как к тайгэнам, так и к ёгэнам.

3. ПОВТОРЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЙ

§ 284. Единственным признаком того, что два таких-то слова являются равноправными определениями к последующему существительному, служит примыкание, т. е. постановка этих определений рядом друг с другом в их грамматическом облике (соответствующей определительной форме), какой бы частью речи эти определения ни выражались. Это «рядом друг с другом» не следует понимать, однако, механически: если данное определение имеет перед собой относящиеся к нему слова, они от него, конечно, не отходят, и предыдущее определение стоит уже перед ними. Точнее было бы сказать: рядом друг с другом ставятся комплексы каждого определения. Например:

Kaigun mondai-ni kansuru, gaikō kikan-wo tsūjite okonawareru nikokukan-no kōshō-ga... 海軍問題に關する外交機關を通じて行はれる二國間の交渉が — переговоры двух держав, касающиеся вопросов флота и осуществляющиеся чрез дипломатические органы...

В этой фразе два равноправных глагольных определения.

Chirinokotta, makka-na ha-to kiiro-na mi-ga hi-ni terasarete iru 散り殘つた眞赤な葉と黃色な實が日に照らされてゐる — необлетевшие еще, ярко красные листья и желтые плоды освещены вечерним солнцем.

В этом предложении одно определение chirinokotta — необлетевшие, выраженное глаголом в прошедшем времени, и другое makka-na — ярко красные, выраженное склоняемым

прилагательным, оба относятся к существительному ha — лист и стоят каждое в собственной определительной форме, только примыкая друг к другу. Ōkii, tsuyoi, besshu-na kansō-ga okoru 大きい強い,別種な感想が起る — появляется большое, сильное, своеобразное впечатление.

В этой фразе три определения: два, выраженные обыкновенными прилагательными, третье — китайским прилагательным. Все они употреблены в тех формах, в которых они стояли бы, если бы были одни в предложении.

> Watakushi-wa kono toki hajimete fukakai-na, katō-na, taikutsu-na jinsei-o wasureru koto-ga dekita-no-de aru 私はこの時はじめて不可解な下等な退屈な人生を 忘れることが出來たのである — в этот момент я впервые смог позабыть непонятную, низменную, скучную человеческую жизнь.

В этом примере к одному и тому же существительному три совершенно равноправных и, следовательно, одинаковых по форме определения.

4. ПОВТОРЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ СЛОВ

§ 285. Если таких слов, т. е. наречий и наречных выражений, несколько, они также непосредственно примыкают друг к другу, стоя перед тем ёгэном, от которого зависят: suzushisō-ni, shinsen-ni mieru 涼しさうに, 新鮮に見える — (растительность) выглядит свежо и обновленно.

Таковы все случаи повторения однородных членов предложения. К сказанному нужно добавить только одно: возможно и чисто механическое слияние двух предложений, т. е. механическое соединение в одну фразу двух по существу самостоятельных предложений. В таких случаях сказуемые остаются в тех же формах, в каких они стоят в самостоятельных предложениях. Например:

> Cha-wo nomu, tabako-wo suu 茶を飲む, 煙草を吸ふ — пьют чай, затягиваются папиросой
>
> Anata-wa kore-ga o-suki des ka o-kirai des ka あなたはこれがお好ですかお嫌ひですか — вы это любите, или не любите?

III. ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПОДРАЗУМЕВАЕМЫМ ПОВТОРНЫМ ЧЛЕНОМ

§ 286. Все предыдущее касалось таких слитных предложений, слитный характер которых совершенно очевиден; иначе говоря, таких предложений, в которых несколько однородных членов действительно налицо. Возможны, однако, случаи, когда — по

общему смыслу высказывания — речь идет о двух или нескольких предметах, о двух или нескольких действиях, но фактически называется лишь один или одно из них, т. е. из нескольких однородных членов в фразе приводится один, прочие же подразумеваются. Такие случаи очень распространены в японском языке, а так как всякого рода сопоставления в высказывании двух или нескольких понятий обозначаются суффиксом mo, это создает чрезвычайно широкое употребление этого суффикса. Таким образом, внутренний смысл этих оборотов в том, что налицо сопоставление одного понятия — называемого — с другим — не называемым, но в той или иной мере подразумеваемым. Соответственно этому суффикс mo встречается у одного только слова, т. е. в данной фразе он встречается только один раз, во второй раз он мыслится у подразумеваемого понятия. Рассмотрим различные варианты этих предложений с подразумеваемым вторым членом.

1. СОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ ПОНЯТИЙ

§ 287. Сопоставляемые понятия (одно — называемое, другое — подразумеваемое) могут быть близкими друг к другу, параллельными, укладывающимися в один ряд.

Это может быть обусловлено вещественной природой самого понятия, вытекать из существа самих сопоставляемых понятий. Например, если говорится otōto mo kita 弟も來た — и младший брат пришел, — можно думать, что приход младшего брата сопоставляется с приходом и старшего; если говорится naifu-de mo kireru ナイフでも切れる — можно разрезать и ножом, — можно предположить, что возможность резать ножом сопоставляется с возможностью резать и каким-нибудь другим предметом; в фразе inaka-kara mo iwai-ga kita 田舍からも祝が來た — и из деревни пришло поздравление — содержится сопоставление получения поздравления из деревни с получением такового и из какого-то другого места; во всех этих случаях сопоставление идет по линии родственных, близких по своей категории понятий. Ср. также:

Shiranaino mo aru 知らないのもある — есть и то, чего не знаю

Слитный характер этих оборотов обнаруживается возможностью все эти фразы развернуть в полные слитные предложения, т. е. в такие, где оба однородных члена налицо. Например:

Shiruno mo, shiranaino mo aru 知るのも知らないのもある — есть и то, что знаю, и то, чего не знаю.

При этом несколько большая, чем в обычном слитном предложении, самостоятельность высказывания о каждом из сопо-

ставляемых понятий явствует из того, что такое развертывание можно произвести даже в виде построения двух параллельных фраз:

Shiru hito mo ari shiranu hito mo aru 知る人もあり知らぬ人もある — есть люди, которые (это) знают, и есть люди, которые (этого) не знают.

§ 288. Во всех приведенных примерах сопоставление касается понятий, укладывающихся в какой-то ряд по своему смысловому содержанию. Однако, такое укладывание в один ряд может мотивироваться не вещественной природой данного слова, а тем, как оно выступает в данном высказывании. Иначе говоря, сами по себе данные слова не сопоставляются; они сопоставляются потому, что обстановка высказывания делает их сопоставляемыми. Например: koe-mo tatenai 聲もたてない — и голоса не подает. Предположим, что эта фраза сказана о тяжело больном. Тогда замечание «он и голоса не подает» может сопоставляться в уме говорящего с другим замечанием (может быть даже только что сказанным): «он и руки поднять не может». Сопоставляемыми понятиями тогда будут te 手 — рука и koe 聲 — голос, занимающие однородную синтаксическую позицию. Но первое только подразумевается, второе же названо. И поскольку это второе все-таки сопоставляется с первым, при нем остается суффикс mo. Ср. подобные же фразы:

Nige mo dekinai 逃げも出來ない — и убежать не может (точнее: и бегство невозможно)
Betsu-ni ikitaku mo nai 別に行きたくもない — особенно и желания итти нет
Hanashi-ni mo naranai 話にもならない — и разговора не стоит
Itsu-kara-to mo iwanai 何時からともいはない — не говорит, с какого времени

В этих фразах тоже налицо сопоставления: doko-kara-to mo itsu-kara-to mo iwanai 何處からとも何時からとも云はない — он не говорит ни откуда, ни с какого времени. Но сопоставляемые понятия сопоставляются только в условиях данного высказывания, сами по себе они в один ряд не укладываются. В этом и есть главное отличие этого варианта от первого.

Как видно из приведенных переводов, mo в этих случаях возможно передавать на русский язык тем же «и», как и в обычных полных слитных предложениях.

2. ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ ПОНЯТИЙ

§ 289. Все рассмотренные случаи имели в виду сопоставление двух или нескольких слов, располагаемых, так сказать,

по прямой линии: либо с родственным по своему вещественному смыслу словом (в первом варианте), либо со словом, сближаемым только в условиях данного высказывания (во втором варианте). Возможно, однако, и такое сопоставление, когда приводимое понятие, даваемое в фразе, особо подчеркивается с оттенком противопоставления. Поскольку здесь налицо сопоставление, постольку знаком его является суффикс mo; но поскольку это сопоставление соединяется с подчеркиванием, постольку это mo имеет в себе оттенок русского *даже*.

Это бывает с любыми понятиями, не противоположными друг другу по существу, а только противопоставляемыми в данных условиях. Например:

Heizei gaman-na watashi-mo kondo-wa yowatta 平生我慢な私も今度は弱つた — даже я, обычно терпеливый, на этот раз сдал.

В этой фразе watashi-mo (даже я) явно сопоставляется с другими подразумеваемыми именно в таком противополагаемом смысле. Еще пример:

Meitō mo sabiru 名刀も錆びる — даже лучший меч ржавеет

Shimpai-de yoru mo nerarenai 心配で夜もねられない — от беспокойства даже ночью не спится.

Слитный характер этих предложений также очевиден. Последнюю фразу можно, например, легко развернуть в слитное предложение: shimpai-de hiru mo yoru mo nerarenai 心配で晝も夜もねられない — от беспокойства не спится ни днем, ни ночью. Фраза heizei gaman-na watashi mo... 平生我慢な私も... так же легко развертывается в слитное: anohito-mo, heizei gaman-na watashi-mo あの人も，平生我慢な私も — и он, и я, обычно терпеливый, на этот раз сдали. Сравни еще примеры:

Ikitaku mo ikenai 行きたくも行けない — даже и при желании итти, итти нельзя

Kongetsuchū-ni mo katazukimasmai 今月中にも片づきますまい — даже в течение этого месяца не справиться

Kuruma-ni mo norenai 車にも乗れない — даже в экипаж сесть нельзя

Kiku mo osoroshii 聞くも恐しい — даже слушать страшно

Ichigon-de mo okorareru 一言でも怒られる — он сердится (на меня) даже от одного слова.

§ 290. Отдельную группу представляют собой случаи, когда подчеркнутое сопоставление касается понятий, противоположных по своему вещественному значению. Это очень часто бывает при понятиях, выраженных глаголом или прилагательным, стоящим в роли обстоятельства при сказуемом, т. е. в деепричастной форме на te.

Возьмем фразу: homeraretemo ureshikunai 讃められても うれしくない. В ней налицо деепричастная форма от глагола homerareru (быть хвалимым), стоящая как обстоятельство при сказуемом ureshikunai (не радуется); mo после деепричастной формы говорит о том, что это слово homerarete с чем-то сопоставляется, причем с понятием, противоположным по своему значению. Это значит, что такое mo имеет оттенок «даже». Переведем эту фразу буквально: «даже будучи похваленным, он не радуется». Не трудно заметить, что здесь — скрытое слитное предложение, в котором однородные члены противоположны друг другу по смыслу: shikararetemo, homeraretemo heiki-da 叱られても讃められても平氣だ — и будучи выбраненным, и будучи похваленным, он остается равнодушным, т. е. он не радуется и когда его хвалят, не горюет и когда его бранят. И так как первое из сопоставляемых пропускается, второе получает оттенок «даже». Ср. еще примеры:

Kiitemo sugu wasureru 聞いてもすぐ忘れる — даже услыхав, сразу забываю

Anata-no go-on wa shindemo wasuremasen あなたの御恩は死んでも忘れません — вашу доброту буду помнить, даже умирая.

Примечание. Соединение глагола в деепричастной форме на te с суффиксом mo обычно получает значение уступительной формы (ср. § 342).

§ 291. Особым случаем этого варианта являются предложения, в которых глагол или прилагательное в деепричастной форме на te с последующим mo соединено с вопросительным словом типа приведенных выше: dare — кто, nani — что, ikura — сколько и т. п. В основе их лежит то же сопоставление по противоположностям, т. е. тот признак, который представляет собою сущность рассматриваемого варианта. Но в то же время это сопоставление, благодаря вопросительному местоимению, соединяется с оттенком обобщения, т. е. с тем признаком, который лежит в одном из вариантов предыдущей группы. Таким образом, если фраза kiitemo wasureru 聞いても忘れる, согласно объясненному выше, означает: «даже услыхав, забываю», эта же фраза в соединении с вопросительным местоимением ikura いくら — сколько, т. е. в форме ikura kiitemo wasureru いくら聞いても忘れる, будет означать буквально: «сколько бы ни слышал — забываю». С одной стороны, она имеет один подразумеваемый смысл: «не услышав, я не знаю, но и услыхав, все равно забываю»; с другой стороны, она указывает и на второй смысл: «услыхав раз — забыл, услыхав два — забыл» и т. д.

§ 292. Третий тип слитных предложений отличается несколько сложным характером. Основной признак слитных предложений —

сопоставление — в нем присутствует, но оно не производится ни по линии родственных, сближаемых или обобщаемых понятий, ни по линии противопоставляемых. Понятие, находящееся в предложении, сопоставляется в данном случае со всей подразумеваемой обстановкой высказывания. Иначе говоря, непосредственного, выраженного определенным подразумеваемым словом, объекта сопоставления — нет. Объект сопоставления — подразумеваемая обстановка. А так как обстановка касается, главным образом, действия, упоминаемого высказыванием, то она служит как бы обстоятельством к этому действию на вопрос *как*. В таком случае и сопоставляемое слово, присутствующее в предложении, должно играть ту же синтаксическую роль, т. е. быть обстоятельством к сказуемому. Поэтому такого рода сопоставления реально практикуются почти исключительно с наречными выражениями. Или, выражаясь формально, внешним признаком такого сопоставления служит суффикс mo, присоединяемый к наречию, и притом один (второе mo как бы мыслится за обстановкой). Например: hayaku mo kaze-wo kuratte nigete shimatta 早くも風をくらつて逃げてしまつた — быстро, почуяв в чем дело, он убежал.

Чем отличается эта фраза от другой: hayaku kaze-wo kuratte nigete shimatta 早く風をくらつて逃げてしまつた, т. е. такой, где при наречии hayaku нет mo? Тем, что в этом последнем случае наречие hayaku дано как простое обстоятельство к сказуемому, его роль ограничивается только определением глагола nigete shimatta 逃げてしまつた — убежал (на вопрос *как*) — «быстро». В первом же случае оно не только определяет собой этот глагол, но и как-то сопоставляется с общей обстановкой всего происшествия. Передать этот оттенок по-русски довольно трудно. Можно было бы прибегнуть к помощи наиболее универсального русского «и», т. е. сказать: и быстро, почуяв в чем дело, он убежал. «И» здесь как бы связывает обстоятельство «быстро» с каким-то другим обстоятельством общего порядка. Можно выделить это «быстро», поставив его, как и по-японски, впереди и несколько отделив от последующего (в письме — запятой): «быстро, почуяв в чем дело, он убежал». Фразу же hayaku kaze-wo kuratte nigete shimatta 早く風をくらつて逃げてしまつた тогда следовало бы перевести: «почуяв что-то, он быстро убежал». Однако, делать такие варианты в переводе далеко не всегда возможно и удобно, так что очень часто приходится оставлять оттенок, даваемый суффиксом mo, невыявленным.

СОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 293. От слитных предложений — прямой переход к сочиненным. Прямой потому, что все те грамматические явления, которые были обнаружены в слитных предложениях, в том их типе, когда в предложении несколько сказуемых, целиком повто-

ряются и здесь. Вся разница только в том, что в слитных с несколькими сказуемыми подлежащее у этих сказуемых общее, в сочиненных — у каждого свое собственное. Но так как сочинение, т. е. соединение предложений фактически сводится к соединению сказуемых, т. е. ёгэнов, то оно и подчиняется правилам соединения ёгэнов как таковых. Коротко говоря, всякое сочетание ёгэнов происходит по одним и тем же правилам, независимо от того, слитное ли тут предложение, или сочиненное.

Сочиненное предложение есть предложение, в котором соединено несколько самостоятельных предложений. Соединение это, однако, отнюдь не является механическим, т. е. берется одна законченная фраза и к ней добавляется вторая. Если бы было так, тогда никакого сочинения вообще не было бы, было бы просто нагромождение одной фразы на другую. Поскольку же здесь все-таки сочинение, это значит, что соединение предложений обусловлено еще привходящими элементами — какими-то внутренними взаимоотношениями соединяемых в одно целое отдельных предложений. Целым является все вместе взятое, т. е. соединение предложений, а не каждое из них в отдельности. Именно то, что соединяет их в одно целое, и есть основное условие сочиненного предложения, есть то, что выражается во внутреннем соотношении соединяемых элементов.

Для японского языка это внутреннее соотношение выражается в том, что основным, главным элементом предложения является последнее из соединяемых предложений. Его сказуемое в той или иной мере управляет всеми предыдущими сказуемыми. Характер этого управления, а также степень его — вот то, на чем основано различие отдельных типов сочиненных предложений.

I. СОЧИНЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ 2-й ОСНОВЫ

§ 294. Первый тип сочинения представляет собой случаи, когда первое из сочиняемых предложений укладывается в один ряд со вторым, но таким образом, что само по себе оно не является законченным сполна. Его время, наклонение, иногда залог определяется этим вторым предложением. Такой вариант наблюдался уже в слитных предложениях, и мы знаем, что такого рода связь между двумя соединяемыми предложениями достигается употреблением 2-й основы глаголов и прилагательных. Уже тогда было указано, что время, наклонение конечного сказуемого определяет собой те же элементы срединного сказуемого. Например:

Shina kōantai-wa gekitai-sare, nippon keikan mo kiken-de chikayorenai 支那公安隊は撃退され, 日本警官も危険で近よれない — китайские охранные отряды отогнаны, и японская полиция из-за опасности тоже не может подступиться.

Здесь соединены два предложения: одно—shina kōantai-wa gekitai-sare—китайские охранные отряды отогнаны, и второе—nippon keikan mo kiken-de chikayorenai — японская полиция из-за опасности не может подступиться. Они были бы соединены как два совершенно равноправных предложения, если бы сказуемое первого не определялось бы в смысловом отношении в окончательном виде только через сказуемое второго: сама форма gekitai-sare (2-я основа от gekitai-sareru — быть отраженным, прогнанным) не имеет в себе никаких иных признаков, кроме залогового; в каком наклонении, в каком времени ее нужно понимать, все это дается только конечным сказуемым chikayorenai, поставленным в изъявительном наклонении и в настоящем времени: «не может подступиться». Поэтому, только взглянув на это конечное сказуемое, мы поймем полностью и значение формы gekitai-sare. Ср. еще примеры:

Namida-de me-wa kumori, te-mo furuete iru 涙で眼は曇り手も震へてゐる — глаза затуманились слезами, и руки дрожат

Chō-wa hana-kara hana-ni mai, hachi-wa mitsu-wo atsumete iru 蝶は花から花に舞ひ,蜂は蜜を蒐めてゐる — бабочки порхают с цветка на цветок, пчелы собирают мед.

Как было сказано выше, такого рода применение 2-й основы ничем не отличается от применения ее в слитных предложениях, когда оба сказуемых, в том числе и первое, стоящее во 2-й основе, относятся к одному и тому же подлежащему. Например:

Haizanhei-ga raishū-shi, chōsenjin-no gyakusatsu-to ryakudatsu-wo nashite iru 敗殘兵が來襲し,朝鮮人の虐殺と掠奪をなしてゐる — остатки разбитых войск нападают и учиняют грабежи и убийства корейцев.

Подлежащее здесь одно — haizanhei — остатки разбитых войск; сказуемых два, которые соединяются друг с другом в порядке перечисления: одно raishū-suru 來襲する — нападать, другое nasu なす — учинять; первое стоит в срединной форме — во 2-й основе (raishū-shi), второе же — в заключительной форме настоящего времени изъявительного наклонения (на конце 3-я основа от глагола iru). И этот признак настоящего времени изъявительного наклонения простирается и на первое сказуемое — на 2-ю основу.

Если сказуемое первого предложения стоит в отрицательной форме, возможны оба варианта этой формы: с окончанием на nai, после которого ставится de, и с окончанием на zu. Последняя форма — достояние в первую очередь письменного языка.

Hana mo sakazu, tori mo nakan 花も咲かず鳥も鳴かん — и цветы не цветут, и птицы не поют.

Если сказуемое первого предложения является именным, оно ставится обычно с одним только предикативным суффиксом de, за которым как бы подразумевается ari (или atte).

Chichi-wa jitsugyōka-de, ko-wa daigaku kyōju da 父は實業家で子は大學教授だ — отец — коммерсант, а сын — профессор университета.

Иногда суффикс de может опускаться, и тогда из состава именного сказуемого в первом предложении остается только одно существительное.

Heishi-no haji-wa kan-no haji; kan-no haji-wa teikoku-no haji da 兵士の恥は艦の恥,艦の恥は帝國の恥だ — позор солдата — позор корабля, а позор корабля — позор империи.

II. СОЧИНЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ СУФФИКСА SHI

§ 295. Второй тип сочиненных предложений имеет место в том случае, когда каждое из соединяемых в одно целое предложений имеет вполне законченный вид, т. е. когда его сказуемое ясно выражено и в смысле наклонения и времени. Поэтому единственным признаком того, что эти предложения как-то объединяются вместе, служит суффикс shi после сказуемого первого предложения. Иначе говоря, картина — та же, что и в соответствующем варианте слитного предложения; тот же и оттенок — перечисления. Например:

Fuyu-wa samui-shi, natsu-wa atsui 冬は寒いし,夏は暑い — и зимы холодные, и лета жаркие

Shi mo tsukuru-shi, uta mo yomu 詩も作るし,歌も詠む — и сочиняет китайские стихи, и слагает японские стихотворения.

Shi может иметь место и при срединном и при конечном сказуемом одновременно. Это говорит о том, что фраза произносится так, как если бы было возможно ее продолжение и дальше (по-русски в письме — многоточие).

Uragiri-wa zokushutsu-suru-shi, kambu-wa hobashira-no nai fune mitai-ni furafura shite iru-shi 裏切りは續出するし,幹部は帆柱のない船みたいにフラフラしてゐるし — и появляются один за другим предатели, и комитет колеблется, словно корабль без паруса...

III. СОЧИНЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ ДЕЕПРИЧАСТИЯ

§ 296. Третий тип сочиненных предложений имеет место тогда, когда сказуемое первого предложения стоит в деепричастии на te:

Haru-ga sunde natsu-ga kita 春がすんで夏が來た — кончилась весна, и настало лето.

Впрочем, строго говоря, мы здесь имеем не сочиненное предложение, а подчиненное (см. § 325).

IV. СОЧИНЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ СУФФИКСА GA

§ 297. К разряду сочиненных предложений необходимо отнести случаи соединения предложений посредством суффикса ga. При этом могут получиться следующие смысловые варианты:

1. Противительное соотношение — при сопоставлении двух противоположных по содержанию мыслей:

Sora-wa hareru-ga kaze-wa yaman 空は晴れるが風は止まん — небо ясное, но ветер не стихает.

2. Продолжение речи — с переходом к другой, но не противоположной по содержанию мысли.

Kimi-wa go-byōki da sō des-ga donna go-yōsu desu ka? 君は御病氣だそうですがどんな御様子ですか — говорят, ты болен... как же твое здоровье?

В этом втором варианте соединение придаточного и главного предложения может передаваться по-русски союзом «и».

V. СОЧИНЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ СОЮЗОВ

§ 298. Два предложения могут соединяться друг с другом не только посредством формы сказуемого первого предложения, но и — дополнительно к этому — соединительными союзами типа soreni — к тому же, soshite — и, mata — кроме того, опять-таки. Такой соединительный союз ставится между двумя предложениями.

Bukka-mo yasui-shi, kikō-mo ii-shi, sore-ni kōtsū mo benri da 物價も安いし,氣候もいいし,それに交通も便利だ — и цены дешевые, и климат хороший, и к тому же еще и сообщение удобное.

Gakumon mo ari sōshite kenshiki mo aru 學問もあり,そうして見識もある — у него есть знания, есть и свои взгляды.

Teki-ni osowareru shimpai mo sukunaku, mata kochira-kara teki-wo osou-no-ni mo tsugō-ga ii 敵に襲はれる心配も少く,又こちらから敵を襲ふのにも都合がいゝ — и опасений, что неприятель нападет, мало, кроме того — и для того, чтобы напасть на неприятеля с нашей стороны, — удобно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 299. Подчинение в японском языке означает лишь то, что какое-нибудь предложение стоит не в самостоятельной, а в зависимой позиции, в позиции подчинения какому-нибудь слову другого предложения. И вследствие того, что слова в японском языке по своему грамматическому облику и по вещественной природе

бывают двух основных видов — тайгэны и ёгэны, — и эта зависимость, это подчинение также имеет двойной облик:

а) подчинение тайгэнам,

б) подчинение ёгэнам.

Грамматически подчинение выражается в японском языке двумя способами: простым примыканием и особой грамматической формой. Способ примыкания заключается в том, что сказуемое подчиненного (придаточного) предложения сохраняет ту же форму, в которой оно стояло бы, если бы это предложение было самостоятельным, и в таком своем виде ставится перед тем словом главного предложения, к которому относится все придаточное предложение. Этим словом бывает обычно тайгэн. Способ образования особой грамматической формы заключается в том, что сказуемое придаточного предложения принимает специальную форму подчинения, которая связывает все подчиненное предложение со сказуемым главного предложения. Это же сказуемое бывает обычно ёгэн. Этому ёгэну сказуемое придаточного предложения может подчиняться в свою очередь двояким грамматическим способом: либо какой-нибудь спрягаемой формою глагола или прилагательного, либо какой-нибудь склоняемой формой. К специальным спрягаемым формам подчинения относятся: деепричастие и формы условного и уступительного наклонения. К склоняемым формам подчинения относятся все падежи дополнения, могущие быть образованными от ёгэнов.

Таким образом, подчинение посредством примыкания есть подчинение тайгэну и создает придаточные определительные предложения; подчинение посредством спрягаемой или склоняемой формы есть подчинение ёгэну и создает в первом случае придаточные обстоятельственные, условные и уступительные, во втором — придаточные дополнительные.

Примечание 1-е. Изложенные положения требуют одной оговорки: подчинение посредством примыкания — как особый способ — может относиться только к современному языку; в феодальном литературном, а следовательно и в нынешнем письменном языке, подчинение всегда обозначается особой грамматической формой глагола. Там, где теперь ставится та же заключительная (предикативная) форма глагола, раньше ставилась специальная аттрибутивная форма, совпадавшая с заключительной только в 1-м спряжении.

Примечание 2-е. Дополнительными предложениями я называю здесь все те придаточные, которые подчиняются главному посредством показателей падежей дополнения: wo, ni, kara, yori, to, e, de.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ПОДЧИНЕННЫЕ ТАЙГЭНАМ

§ 300. При разборе простого предложения было указано, что тайгэн может иметь перед собою определение, выраженное глаголом и прилагательным. В таком случае мы имеем дело с простым определением-глаголом или определением-прилагательным. Однако, глаголы и прилагательные могут управлять другими словами — иметь при себе дополнения, обстоятельства. По-

этому, если глагол-определение или прилагательное-определение имеет перед собой такие зависящие от него слова, мы получаем уже не простое определение, а развернутое, которое будем называть определительным словосочетанием. Если же этот глагол-определение или прилагательное-определение являются сказуемыми к своему собственному подлежащему, мы получаем придаточное определительное предложение.

Наличие своего подлежащего у глагола-определения приводит к тому, что действие этого глагола-определения есть действие, совершаемое или приписываемое этому подлежащему; в определительном же словосочетании действие глагола-определения есть действие того существительного, к которому этот глагол-определение относится. То же соответственно происходит и с прилагательным-определением.

Ввиду того, что рассмотрение определительных словосочетаний представляется удобным введением в рассмотрение собственно-определительных предложений, а также ввиду того, что эти словосочетания при переводе на русский язык часто переводятся определительными предложениями, — разберем сначала эти словосочетания.

1. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

§301. Возьмем фразу: «из окна видны идущие люди» — mado-kara aruku hito-ga mieru 窓から歩く人が見える. В ней четыре элемента: подлежащее — hito-ga (люди), сказуемое — mieru (виднеются, видны), косвенное дополнение на вопрос *откуда* — mado-kara (из окна), определение к подлежащему на вопрос *какие люди* — aruku (идущие). Это последнее определение выражено глаголом aruku (ходить, итти), стоящим в 3-й основе, в той самой основе, которая, как было установлено выше, имеет в современном языке две функции: функцию конечного сказуемого (предикативную заключительную) и функцию определения перед тайгэном (аттрибутивную). Ввиду того, что по-русски определениями бывают обычно прилагательные, и пользуясь тем, что по-русски можно и от глаголов образовать прилагательное-причастие, мы и переводим глагол aruku причастием «идущий».

Допустим теперь, что этот глагол имеет при себе дополнение (по-японски — прямое) — «ходить по чему», например: по дороге — michi-wo aruku 道を歩く. Тогда это определение к слову hito будет представлять собой уже не одно слово aruku, а словосочетание из двух слов, внутреннее отношение которых между собой будет такое: дополнение (по дороге) michi-wo и сказуемое (итти) aruku, т. е. мы получаем то, о чем говорили выше: определение перед тайгэном выражено не одним словом, а целым словосочетанием, состоящим из сказуемого с относящимися к нему словами. И вся фраза будет иметь следующий вид:

Mado-kara 窓から (из окна) michi-wo aruku hito-ga 道を歩く人が (по дороге идущие люди) mieru 見える (виднеются).

Можно, исходя из первого перевода, передать эту фразу по-русски так: «из окна видны идущие по дороге люди», т. е. сохранив причастие. Можно и иначе: «из окна видны люди, которые идут по дороге». В первом случае по-русски мы имеем простое предложение, во втором — сложное, в состав которого входит придаточное определительное. По-японски же — конструкция одна и та же. Это значит, что в японском языке нет принципиальной разницы между простым глагольным определением и таким же определением, развернутым в целое словосочетание.

Так же обстоит дело и со вторым видом ёгэнного определения, когда оно выражено именем прилагательным. Возьмем фразу: высокий человек уселся на стуле — takai hito-ga isu-ni koshikaketa 高い人が椅子に腰かけた. В этой фразе четыре элемента: подлежащее — hito-ga (человек), сказуемое koshikaketa (уселся), дополнение на вопрос *на чем* — isu-ni (на стуле), определение к подлежащему на вопрос *какой человек* — takai (высокий). Допустим теперь, что к слову «высокий» добавлено слово «ростом». Тогда определение к слову «человек» будет состоять не из одного слова, а из двух, представляющих собой словосочетание sei-no せいの (рост) takai 高い (высок). Таким образом, вся фраза получит следующий вид: sei-no takai せいの高い (высокий ростом) hito-ga 人が (человек) isu-ni 椅子に (на стуле) koshikaketa 腰かけた (уселся); ее можно перевести двояким образом: «человек высокого роста уселся на стуле» и «человек, рост которого высок, уселся на стуле». В первом случае мы будем иметь по-русски предложение простое, во втором — сложное, в состав которого входит придаточное определительное предложение. Японская же конструкция будет одна и та же, т. е. опять-таки никакой принципиальной разницы между простым определением, выраженным именем прилагательным, и таким же определением, имеющим при себе относящиеся к нему слова, нет.

Глагольное определение может даваться любой законченной глагольной формой, т. е. формой настоящего, прошедшего и будущего времени от всех тех глагольных форм спряжения, от которых эти времена возможны, как, например, от форм изъявительного и желательного наклонения. Например: yopparatta hito 酔つぱらつた人 — «напившийся человек» (yopparatta — прошедшее время от глагола yopparau 酔つぱらふ — напиваться). Следовательно, возможно развертывание в словосочетание и такого определения: sake-de yopparatta hito 酒で酔つぱらつた人 — напившийся водки человек. Может стоять глаголь-

ное определение и в широко распространённой форме сочетания деепричастия с глаголом iru (oru) — быть (по-русски смысл действия длительного в действительном залоге) и aru — быть (по-русски — смысл длительного действия в страдательном залоге), причем эти глаголы могут быть и в настоящем, и в прошедшем, и в будущем времени. Например: nokotte iru hito 殘つてゐる人—остающиеся люди, nokotte ita hito 殘つてゐた人— оставшиеся люди. Совершенно так же, как и в предыдущих случаях, при таких определениях возможны словосочетания, вроде следующего: uchi-ni nokotte iru hito... 家に殘つてゐる人… — остающиеся дома люди... Точно так же и с формами желательного наклонения: shibai-e ikitai hito... 芝居へ行き度い人…— люди, желающие итти в театр...

§ 302. Нечего и говорить, что все изложенное может повторяться и при отрицательных оборотах, т. е. когда определение-глагол или определение-прилагательное стоит в отрицательной форме. Так и должно быть, ибо эта отрицательная форма (в настоящем времени оканчивающаяся на nai, в прошедшем — на nakatta, в будущем на nakarō) ничем не отличается от обыкновенного прилагательного (nai) и глагола (nakatta, nakarō). Поэтому и конструкция предложения будет та же. Например:

Uwappari-wo motanai rōdōsha... 上つ張を持たない勞働者— не имеющие верхних халатов рабочие...

Nagai aida kaiketsu-no dekinakatta ken'eki mondai... 長い間解決の出來なかつた權益問題 — втечение долгого времени не получавший разрешения вопрос о правах...

В этих примерах всюду глагольное определение имеет при себе относящиеся к нему слова: motanai — uwappari, dekinakatta — kaiketsu, и наличие этих слов никак не меняет всю конструкцию фразы.

§ 303. Тайгэн, к которому относится такое определение (как простое, так и в виде словосочетания) может стоять в любой синтаксической позиции, т. е. быть всем тем, чем может быть в предложении тайгэн — подлежащим, дополнением, определением, сказуемым (как предикативный член составного сказуемого). В связи с этим меняется и синтаксическая позиция определения. Так, например, если слово «человек» — hito в фразе michi-wo aruku hito 道を步く人 будет стоять в именительном падеже — hito-ga 人が, все целое нужно перевести: «идущий по дороге человек»; если же hito стоит в дательном падеже — hito-ni 人に, фраза должна быть переведена: «идущему по дороге человеку», т. е. и определение должно быть поставлено в дательном падеже. Однако при переводе на русский это возможно только тогда, когда мы можем образовать от глагола причастие и когда это удобно по конструкции. Если же это невозможно или неудобно, т. е. если мы фразу michi-wo aruku hito переводим не «идущий по дороге человек», а «че-

ловек, который идет по дороге», то падеж определяемого отражается не на глаголе, а на связывающем обе части вспомогательном слове «который». Так что в одном случае получится: «человек, который идет по дороге», в другом: «человеку, который идет по дороге». Слово «который» согласуется с основным словом, к которому относится все определительное предложение по правилам русского языка.

Определительные словосочетания, подчиненные тайгэну, стоящему в роли подлежащего:

а) Hombushitsu-ni iru teai-wa minna wakaimono bakari datta 本部室にゐる手合はみんな若いものばかりだつた — находившаяся в помещении Центрального Комитета компания была все сплошь молодежь.

Здесь глагольное определение iru — находиться, имеет при себе подчиненное слово hombushitsu-ni — в помещении ЦК — и вместе с ним относится к подлежащему teai — компания, стоящему в выделительном падеже на wa は.

б) Itsumo harikonde iru spaitachi mo kyō-wa taikai-no hō-e dōin sarete ita いつも張り込んでゐるスパイ達も今日は大會の方へ動員されてゐた — и постоянно следившие шпионы сегодня были мобилизованы на общее собрание.

Здесь глагольное определение — сложная форма harikonde iru — наблюдать, имеющая при себе зависимое слово itsumo — «всегда», «постоянно», относится к подлежащему spaitachi — шпионы, стоящему в именительном падеже в слитном предложении (на mo).

в) Hanasaki-kara hakidasu kemuri-ga sugu chigiretonda 鼻先から吐き出す煙がすぐちぎれとんだ — выдыхаемый через ноздри дым (от папиросы) сейчас же рассеивался.

Здесь определение-глагол hakidasu имеет при себе зависимое слово hanasaki-kara (из ноздрей) и вместе с ним относится к подлежащему kemuri (дым), стоящему в именительном падеже (на ga).

§ 304. Определительное словосочетание, подчиненное тайгэну, стоящему в роли дополнения:

а) Futari-wa umi-wo kakaekonde iru Hakodate-wo mite ita 二人は海を抱え込んでゐる函館を見てゐた — оба они смотрели на охватывающий море Хакодатэ.

Здесь определение-глагол kakaekonde iru (охватывать), имеющий при себе зависимое от него слово umi-wo (море), вместе с ним относится к дополнению Hakodate, стоящему в винительном падеже, т. е. к прямому дополнению.

б) Hahaoya-ga ringo-no kawa-wo muite tana-ni nete iru kodomo-ni kuwashite yatte ita 母親が林ゴの皮をむいて棚に寢てゐる子供に食はしてやつてゐた — матери, снимая с яблок кожуру, кормили лежащих на полках (речь идет о трюме парохода) детей.

Здесь определение-глагол nete iru (лежать), имеющее при

себе слово tana-ni (на полках), относится к слову kodomo-ni (ребенок), стоящему в дательном падеже, т. е. к косвенному дополнению.

в) Nami-no shibuki-de kumotta gensō-kara Karafuto-no yama-ga mieta 波のしぶきで曇つた舷窓から樺太の山が見えた — из затуманенных брызгами волн иллюминаторов виднелись горы Сахалина.

Здесь определение-глагол kumotta (от kumoru 曇る — затуманиться) имеет при себе дополнение shibuki-de (брызгами), в свою очередь имеющее свое определение nami-no (волн); и все это относится к существительному gensō (иллюминатор), стоящему в исходном падеже, т. е. позиции косвенного дополнения.

г) Te-ni motte ita naifu-de kare-wa kitta 手に持つてゐたナイフで彼は切つた — бывшим у него в руке ножом он резанул.

Здесь определение-глагол motte ita (от motsu 持つ — иметь), имеющее при себе слово te-ni (в руке), относится к существительному naifu (нож), стоящему в творительном падеже, т. е. в позиции косвенного дополнения.

§ 305. Определительное словочетание, подчиненное тайгэну, стоящему в роли определения:

Otoko-ni makezu-ni kakete iru onnatachi-no naka-de uta-ga okotta 男にまけずに驅けてゐる女達の中で歌がおこつた — среди бегущих, не отставая от мужчин, женщин зазвучала песня.

Здесь глагол-определение kakete iru (от kakeru 驅ける — бежать), имеющий при себе наречие makezu-ni (не отставая), в свою очередь соединенное со словом otoko-ni (от мужчин), подчинено существительному onnatachi-no (женщин), стоящему как определение (в родительном падеже на no) к существительному naka-de (середина), стоящему в дательном падеже места, т. е. в позиции косвенного дополнения.

Определительное словосочетание, подчиненное тайгэну, входящему в состав именного сказуемого:

Kochira-wa kono gakkō-wo sotsugyō-shita gakusei des こちらはこの學校を卒業した學生です — это — окончившие курс этой школы студенты.

Здесь глагол-определение sotsugyō-shita (от sotsugyō-suru 卒業する — окончить курс), имеющий при себе зависящие от него слова kono gakkō-wo (этой школы), определяет собой существительное gakusei (студенты), служащее предикативным членом составного сказуемого.

§ 306. Все приведенные примеры представляют собой одну общую для всех особенность, характерную для определительных словосочетаний: во всех них глагол определительного слово-

сочетания говорит о действии совершаемом, или непосредственно относящемся к тому существительному, к которому относится все определительное словосочетание в целом. В самом деле: futari-wa umi-wo kakaekonde iru Hakodate-wo mite ita 二人は海を抱え込んでゐる函館をみてゐた — оба смотрели на охватывающий море Хакодатэ. Здесь глагол определительного словосочетания kakaekonde iru относится непосредственно к Хакодатэ, к которому относится и все определительное словосочетание в целом. Так же и в фразе hahaoya-ga... tana-ni nete iru kodomo-ni kuwasete yatte ita 母親が…棚に寝てゐる子供に食はせてやつてゐた — матери давали есть детям, лежащим на полках... Здесь nete iru есть действие kodomo, т. е. того существительного, к которому все определительное словосочетание относится. Так же и во всех прочих примерах.

II. ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ПОДЧИНЕННЫЕ ТАЙГЭНАМ ОБЩЕГО ТИПА

§ 307. Придаточное определительное предложение имеет свое собственное подлежащее. Это значит, что существительному главного предложения подчинено все придаточное предложение в целом, как целостный комплекс. Приведем несколько примеров предложений этого типа.

Kore-wa nagare-ga tomatta dobu datta これは流れが止つた泥溝だつた — это была канава, в которой остановилась вода (течение).

В данном предложении главная часть — kore-wa (это) dobu datta (была канава). Существительное dobu (канава) имеет при себе определительное предложение, состоящее из подлежащего nagare-ga (течение) и сказуемого tomatta (остановилось). Следовательно, на вопрос — *какая* канава? отвечает предложение: «в которой остановилось течение».

Сравни также такое предложение:

Kippu-wo kiranai kata-wa gozaimasen ka? 切符を切らない方はござゐませんか? — нет ли лиц, у которых не прокомпостировал билеты? (восклицание кондуктора в трамвае, соответствующее нашему: у кого еще нет билетов?).

Главное предложение здесь: kata-wa gozaimasen ka? (нет ли лиц); подлежащее в нем — kata-wa (лица) имеет при себе определительное предложение kippu-wo kiranai (не прокомпостировал билет), в котором есть свое подлежащее (подразумеваемое) watakushi (я), сказуемое kiranai (не прокомпостировал) и прямое дополнение kippu-wo (билет). Это предложение дает ответ на вопрос: кто те лица, у которых я не прокомпостировал билет?

Придаточное определительное предложение может подчиняться тайгэну, стоящему в любой синтаксической позиции. Выше были приведены примеры, где определительное предложение подчинено тайгэну как предикативному члену и как подлежащему. Приведем другие случаи:

1) Определительное предложение, подчиненное тайгэну как обстоятельственному слову:

Arayuru bukka-ga tōki-shita konnichi issoku yonsen-to iu negai-wa metta-ni nai あらゆる物價が騰貴した今日一束四錢といふ葱は滅多にない — в наши дни, когда поднялись все цены, вряд ли найдется лук в четыре сэна за связку.

2) Определительное предложение, подчиненное тайгэну как дополнению:

Anohito-ga kaita hon-wo yonda あの人が書いた本を讀んだ— прочел книгу, которую он написал

3) Определительное предложение, подчиненное тайгэну как определению:

Anohito-ga kaita hon-no naiyō あの人が書いた本の內容…— содержание книги, которую он написал...

Как в определительных словосочетаниях, так и в предложениях подмечается одно характерное для них явление: если это словосочетание или предложение небольшое по своему составу, если оно слагается, например, только из подлежащего и сказуемого, или же из сказуемого с прямым дополнением (при подразумеваемом подлежащем), то этот падеж подлежащего и прямого дополнения имеет вместо ga и wo — no. Например: Kore-wa nagare-no tomatta dobu datta これは流れの止つた泥溝だつた — это был ров, в котором остановилось течение.

Подлежащее в этом определительном предложении — nagare (течение); оно должно стоять в именительном падеже, стоит же, однако, с суффиксом no, т. е. в родительном (определительном) падеже. Так же и в таких словосочетаниях, как kodomo-no kuu ringo 子供の食ふ林ゴ — яблоки, которые едят дети. Здесь подлежащее в придаточном определительном kodomo (ребенок, дети) вместо именительного падежа стоит в родительном; tsuki-no deru toki 月の出る時 — время, когда восходит луна; ame-no furu hi 雨の降る日 — день, когда идет дождь, и т. д.

То же наблюдается и в том случае, когда сказуемым в определительном предложении является прилагательное:

Tsuki-no ii ban 月のいゝ晚 — вечер, когда красива луна
Kaze-no shizuka-na yoru 風の靜かな夜 — ночь, когда тих ветер.

То же делается — при отсутствии подлежащего — и с прямым дополнением.

Вышеприведенную фразу можно перевести и так: kippu-no kiranai kata-wa gozaimasen ka? 切符の切らない方はござゐません

か? Прямое дополнение kippu (билет), являющееся подчиненным глаголу kiranai, может стоять не в винительном падеже на wo, а в родительном на no. Так же и в таких словосочетаниях, как:

Kane-no wasureta hito 金の忘れた人 — человек, забывший деньги

Gansho-no dashita kata 願書の出した方 — лица, подавшие прошения

Shukudai-no mada dasanai hito 宿題のまだ出さない人 — лица, еще не сдавшие домашнюю работу

Bumpō-no yoku wakaru hito 文法のよく分る人 — человек, хорошо знающий грамматику.

Чем объясняется это явление? Повидимому, в основе его лежит стремление поставить определительное словосочетание или предложение в явно подчиненное положение к тому слову, к которому оно относится, не только в целом, но и в отношении каждого входящего в него слова с подчеркиванием его определительного характера. Благодаря этому и тайгэны, входящие в состав определительного словосочетания или предложения, ставятся в определительном падеже *).

2. ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ПОДЧИНЕННЫЕ ТАЙГЭНАМ ОСОБОГО ТИПА.

§ 308. На этом, собственно говоря, можно было бы и закончить описание определительных словосочетаний и предложений, так как сказанное обнимает собой все их случаи. Если и нужно сделать какие-либо добавления, то не по сути дела, а исключительно в связи с переводом этих предложений на русский язык.

Дело заключается здесь не в какой-либо особой конструкции определительного предложения, а в том тайгэне, к которому оно относится. Иногда этот тайгэн представляет собой некоторые особенности либо по своему вещественному значению, либо по употреблению, и тогда переводы могут получиться различные. Среди тайгэнов, имеющих особое вещественное значение — с точки зрения перевода их вместе с относящимися к ним определительными предложениями на русский язык, — можно выделить:

§ 309. Определительные предложения, подчиненные существительному toki 時 — время.

Torokko-ni ippai sekitan-wo tsunde ukemochiba made oshite itta toki datta トロッコにいつぱい石炭を積んで受持場まで押して行つたときだつた — это было в то время, когда он, нагрузив полную тачку угля, катил ее к приемочному пункту.

---

*) Я не касаюсь истории суффикса no, равно как и суффикса na, которая может пролить яркий свет на этот сложный вопрос, и ограничиваюсь этим замечанием, основанным на наблюдениях над современным японским пониманием языковых явлений.

Здесь слово toki, само по себе являющееся именной частью составного сказуемого, имеет при себе широко развернутое определительное предложение, с подразумеваемым подлежащим kare — он. По сути дела здесь ничего отличного от всех вышеприведенных случаев нет. Но так как слово toki означает «время», при переводе на русский оно может скрадываться, заменяясь русскими «тогда, когда», или просто «когда». Сравни еще примеры:

Tōdai-ga tahō-e kaiten-shite iku toki hakuginshoku-no kōbō-wo hiita 燈臺が他方へ迴轉して行く時白銀色の光芒を引いた — когда маяк поворачивался в сторону, он бросал на поверхность моря серебряный луч.

Перевести в этом предложении слово toki через русское «когда» вполне возможно, но возможно сохранить и существительное «время»: «в то время, когда маяк...»

Sōya kaikyō-ni haitta toki-wa fune-ga gikushaku-shidashita 宗谷海峽に入つた時は船がギクシヤクしだした — когда вошли в пролив Соя, судно стало подбрасывать (на волнах).

Здесь также возможен перевод и посредством одного «когда» и с сохранением существительного «время»: «в то время, когда вошли...»

Коротко говоря, если мы имеем перед toki придаточное определительное предложение, существительное toki — в зависимости от смысла, удобства, стилистических соображений — можно переводить на русский язык словом «когда».

Необходимо помнить, что само слово toki может стоять в любом падеже. В приведенных примерах оно стоит либо в составе именного сказуемого, либо в бессуффиксальном падеже (toki), либо в выделительном (toki-wa); именно эти два падежа — наряду с дательным (toki-ni) — создают тип придаточного предложения, наиболее близкий к русским временным придаточным предложениям. Однако, toki может образовывать временные определительные предложения, стоя и в других падежах; в этих случаях только оно полностью сохраняет и в переводе на русский свое значение самостоятельного существительного.

Nippon-de ryūgaku-shita toki-no shashin des 日本で留學した時の寫眞です — эта фотографическая карточка тех времен, когда я был в учебной командировке в Японии.

Storaiki-ga atta toki-kara Kichimatsu-wa iroiro-no uwasa-wo kiku yō-ni natta ストライキがあつた時から吉松は色々のうはさを聞く樣になつた — с того времени, как произошла забастовка, Китимацу стал слышать разные слухи.

§ 310. Определительные предложения, подчиненные существительному koro 頃 — время (после глагола обычно звучит как goro). Эти предложения относятся к тому же типу, что и преды-

дущие, с той только разницей, что koro обозначает время в гораздо более широком смысле, чем toki. Это значит, с одной стороны, что koro имеет более неопределенный смысл, чем toki; с другой — что оно указывает на всю протяженность указываемого периода времени, на весь охват времени.

Soko-ni ita koro そこに居た頃 — когда я там был (в смысле: «все время, пока я там был»; или: «в тот период, когда я там был»).

§ 311. Определительные предложения, подчиненные существительному tokoro ところ — место.

Kare-ga kane-wo kakushita tokoro-wo chanto shitte imas 彼が金を隠したところをちやんと知つてゐます — я прекрасно знаю, где он спрятал деньги.

В этом примере существительное tokoro имеет при себе определительное предложение: kare-ga kane-wo kakushita. Согласно общему правилу можно было бы перевести так, чтобы это определительное предложение сохранилось и по-русски: «я прекрасно знаю то место, в котором он спрятал деньги». Можно, однако, передать и проще, заменив существительное «то место» наречием места «где»:

Kare-no itte iru tokoro-ga wakaranai 彼の行つてゐる所が分らない — мне неизвестно, куда он ушел.

Здесь tokoro имеет при себе придаточное определительное kare-no itte iru (кстати сказать, с подлежащим kare в родительном падеже на no), что можно было бы передать и по-русски: «мне не известно то место, в которое он ушел». Однако, можно и короче — посредством наречия места «куда».

Слово tokoro в переносном смысле может означать «время», причем, в отличие от предыдущего toki и goro и в согласии со своим основным смыслом, означает совпадение момента действия главного предложения с действием придаточного. Например:

Watakushi-ga deru tokoro-ni kare-ga kita 私が出る所に彼が來た — в тот самый момент, когда я выходил, появился он
Nusumu tokoro-wo mita 盗むところを見た — я наблюдал самый момент, когда он крал эту вещь
Yakeshinu tokoro-wo tasuketa 燒け死ぬところを助けた — его спасли в тот самый момент, когда он уже сгорал
Minna sorotta tokoro-de zembu-ga deta みんな揃つたところで全部が出た — в самый момент, когда все собрались, появилось всё.

Слово tokoro, подобно toki, может стоять в любом падеже. Выше приведены примеры tokoro в именительном, винительном, дательном и творительном падежах. Некоторого дополнитель-

ного объяснения требует конструкция с tokoro в родительном падеже и творительном падеже.

Необходимо учитывать, что слово tokoro, помимо своего самостоятельного значения — «место», имеет значение служебного слова: наряду с koto и mono оно служит для образования от глаголов и прилагательных особых существительных. В отличие от koto, образующего существительное со смыслом указания на содержание действия, в отличие от mono, образующего существительное со смыслом предмета, на который обращено действие, или носителя этого действия, tokoro образует существительное — обозначение конкретного осуществления данного действия. Строго говоря, когда мы говорим, что tokoro в сочетании с глаголом обозначает точный момент действия, это не вполне точно. Правильнее было бы сказать, что при tokoro получается смысл конкретного осуществления действия, и только потому, что такое осуществление действия по необходимости неотделимо от момента, и можно говорить о «точном», вернее — «конкретном» моменте действия. Таким образом, во фразе watakushi-ga deru toroko-ni в словах deru tokoro-ni центр тяжести лежит не на «моменте», т. е. понятии времени действия, а на осуществлении содержания действия.

Этот признак конкретного содержания действия, вносимый tokoro, необходимо учитывать при разборе тех придаточных определительных предложений, которые подчиняются tokoro в родительном падеже. Наличие tokoro в этом падеже показывает, что далее идет существительное, определением к которому является tokoro. И так как tokoro в этих случаях обычно является словом служебным, т. е. не имеющим самостоятельного вещественного значения, получается фактически, что определительное предложение по смыслу относится не к tokoro, а к этому существительному, что явственно обнаруживается при переводе.

> Taishō kunen-no kyōkō-wa sengo shijō-no shūshuku-ga shōchi-shita tokoro-no mujun-wo ba kaiketsu-sen-to shita mono-de aru 大正九年の恐慌は戰後市場の收縮が招致した處の矛盾をば解決せんとしたものである — кризис 9-го года Тайсё пытался разрешить то противоречие, которое было порождено послевоенным сокращением рынков.

В этом примере придаточное предложение shushuku-ga shōjita формально определяет слово tokoro, по смыслу же слово mujun. Вполне возможно было бы прямое примыкание этого предложения к слову mujun, т. е. возможна была бы и такая конструкция: sengo shijō-no shūshuku-ga shōchi shita-mujun 戰後市場の收縮が招致した矛盾. Вряд ли можно было бы передать при переводе содержащийся в каждой японской конструкции оттенок: конструкция без tokoro-no имеет смысл более общий — противоречие, которое вообще порождено сокращением рынков; конструкция с tokoro-no имеет более конкретный смысл —

противоречие, которое порождено данным сокращением рынков...

Формальный характер tokoro как служебного слова очень отчетливо проявляется и при употреблении tokoro в творительном падеже (обычно с последующей частицей wa). В придаточных определительных предложениях, подчиненных tokoro-de (wa), самостоятельное значение tokoro совершенно исчезает и сохраняется только роль tokoro как служебного слова, конкретизирующего действие.

Boku-no shitte iru tokoro-de-(wa) sō-de-wa arimasen 僕の知つてゐる所で(は)さうではありません — по тому, как я знаю, это не так

Katta tokoro-de (wa) nani-mo naranai darō 勝つた所で(は)何にもならないだらう — даже при том, что он победит, из этого ничего, вероятно, не выйдет.

§ 312. Определительное словосочетание или предложение, подчиненное существительному tame ため.

Существительное tame может выступать как вполне самостоятельное слово со значением «интерес», «польза» в тех случаях, когда оно стоит после существительного.

Kimura-no tame-wo omou shinkinsha-wa... 木村のためを思ふ親近者は — родные и близкие, думающие об интересах Кимура...

Однако, от этого самостоятельного значения — при переводе на русский язык — легко перейти к вспомогательному, переводя tame предлогами «для», «ради», являющимися в данном случае заменой выражения «в интересах». Это бывает в тех случаях, когда tame стоит в родительном падеже — как определение, в дательном падеже — как дополнение, или в предикативном падеже — как сказуемое.

Hakai-no tame-no hakai 破壊のための破壊 — разрушение ради разрушения

Tanin-no tame-ni hataraite iru-n-de-wa naku, jibun-no tame-ni hataraite iru-n-da 他人の爲に働いてゐるんではなく,自分の爲に働いてゐるんだ — работают не для других, работают для себя.

В таких значениях употребляется слово tame после существительных. Когда оно стоит после глагола, именно благодаря тому, что оно относится уже не к предмету, а к действию, получается по-русски смысл придаточного предложения. При этом здесь возможны два смысловых варианта.

а) Если tame стоит после глагола в настоящем времени, получается смысл предложения цели, переводимого по-русски с помощью слов «для», «ради (того, чтобы)». При этом tame может стоять в дательном падеже, т. е. в форме tame-ni:

Karera-wa tada kane-wo toru tame-ni abunai koto datte nan datte yatte iru 彼等はたゞ金を取るために危いことだつて何だつてやつてゐる — только для (ради) того, чтобы добыть деньги, они идут на опасное, на всё...

Оно может стоять и в предикативном падеже:

Ware-ware-wa kane-wo toru tame-de-wa naku, jibuntachi-no seikatsu-wo kizukiageru tame-ni hataraite iru 吾々は金を取る爲ではなく,自分達の生活を築き上げる爲に働いてゐる — мы же работаем не для того, чтобы добывать деньги, а для того, чтобы построить свою собственную жизнь.

б) Если tame стоит после глагола в прошедшем времени, получается смысл предложения причины, переводимого по-русски с помощью слов «из-за (того, чтобы)». При этом tame может стоять также в форме tame-ni 爲に (как дополнение) и в форме tame-des ためです (как сказуемое):

Kimi-ga rakudai-shita koto-wa benkyō shinakatta tame-des 君が落第した事は勉強しなかつたためです — ты провалился из-за того, что не занимался
Tenki-ga waruku natta tame-ni fune-ga denakatta 天氣が惡くなつた爲に船が出なかつた — судно не вышло из-за того, что погода испортилась.

§ 313. Определительное словосочетание или предложение перед существительным yō やう — образ, вид, состояние, положение.

Kare-ga shiranai yō-ni watakushi-ga dete itta 彼が知らない樣に私が出て行つた — я вышел так, чтобы он не узнал.

Здесь существительное yō имеет при себе определительное предложение kare-ga shiranai. Перевести с сохранением самостоятельности слова yō, как особого существительного, вряд ли возможно. Гораздо удобнее и правильно по смыслу передавать это существительное русскими вспомогательными словами «так, чтобы». Иначе говоря, по смыслу получаются обстоятельственные предложения.

Определительные предложения этого типа очень распространены в случаях, когда в главном предложении на месте сказуемого стоят глаголы со значением «говорить», «просить», «приказывать» и т. п., — в изъявительном, желательном или повелительном наклонении. В этом случае yō-ni соответствует русскому «чтобы».

Kongo sonna koto-wo shinai yō-ni kibishiku danjitsukete okimashita 今後そんな事をしないやうに嚴しく談じ付けておきました — я (ему) строго наказал, чтобы он впредь таких вещей не делал

Kitto kuru yō-ni sō itte koi きつと來るやうにさう云つて來い — пойди и скажи, чтобы он обязательно пришел
Kashite kudasaru yō-ni negaimashita 貸して下さるやうに願ひました — я попросил его, чтобы он одолжил мне.

Придаточное определительное предложение к yō-ni может иметь и смысл сравнения:

Kao-ga nanika-de someta yō-ni aburajimite kurokatta 顏が何かで染めたやうに脂じみて黑かつた — лицо его было в масле и все черное, как будто оно было чем-то выкрашено.

В этом примере существительное yō имеет перед собой определительное предложение: kao-ga nanika-de someta. При переводе самостоятельное существительное «образ», «вид» удобнее заменить вспомогательным «как будто». Таким образом по-русски получается предложение сравнения.

Смысл сравнения или уподобления на вопрос *как*, выраженный посредством yō-ni やうに, очень распространен в японском языке. Например:

Kare-wa kabe-no ushiro-kara kōfu-no — ichido kiitara, kokoro-ni nuikomare-de mo suru yō-ni kesshite wasureru koto-no dekinai — sukui-wo motomeru koe-wo hakkiri kiita 彼は壁の後から坑夫の —— 一度聞いたら心に縫ひ込まれでもするやうに決して忘れることの出來ない——救ひを求める聲をはつきり聞いた — он явственно слышал из-за стены голоса, взывающие о помощи, голоса шахтеров, голоса, которые, раз услышав, нельзя уж забыть никогда, как будто они врезываются в сердце.

Torokko-no makuragi-ni tsumazuita, tomoenage-ni demo sareta yō-ni rēru-no ue-ni tatakitsukerarete mata ki-wo ushinatte shimatta トロツコの枕木につまづいた, 巴投にでもされたやうにレールの上に叩きつけられて又氣を失つてしまつた — споткнувшись о шпалы рудничной дороги, прибитый к рельсам, как будто подхваченный каким-то водоворотом, он снова потерял сознание.

Определительное предложение с yō-ni может иметь смысл, близкий к предложениям цели:

Kantoku ya kōfu-ga bakuhatsu-ga ta-e oyobanai yō-ni kōdō-ni kabe-wo tsukutta 監督や坑夫が爆發が他へ及ばないやうに坑道に壁を造つた — надсмотрщики и шахтеры для того, чтобы взрыв не проник в другие места, возвели стену.

Здесь существительное yō-ni, имеющее перед собой определительное предложение: bakuhatsu-ga ta-e oyobanai, может быть передано вспомогательными словами «для того, чтобы», «с тем, чтобы» и т. д., отчего по-русски получается предложение, близкое к предложениям цели.

§ 314. Определительное предложение, подчиненное существительному tōri, буквально — прохождение, движение, а также улица; как служебное слово — «по», «согласно»; с определительным предложением — «так, как». Как служебное слово tōri может иметь широкое употребление. Оно употребляется после существительных — непосредственно примыкая к нему и имея это существительное перед собой в родительном падеже, т. е. как определение.

Yakusoku dōri 約束通り — согласно уговору

Keikaku-no tōri 計畫の通り — согласно плану.

Слово tōri, обычно в форме tōri-ni, может стоять и после глаголов в определительных словосочетаниях и предложениях:

Osshatta tōri-ni kakimashita おつしやつた通りに書きました — написал так, как вы сказали.

§ 315. Определительное словосочетание или предложение, подчиненное существительному koto こと — дело.

Kimi-no iu koto-wa boku-ni wa wakaranai 君の云ふことは僕には分らない — то, что ты говоришь, мне непонятно.

Здесь существительное koto, служащее подлежащим главного предложения, имеет перед собой определительное предложение: kimi-no iu. Японская конструкция, собственно говоря, такова: «дело, о котором ты говоришь, мне непонятно». Однако, ввиду того, что слово koto имеет более широкий смысл, чем русское «дело», оно и может быть заменено указательным местоимением «то». Сравни также boku-no iitai koto-wa kō-de aru 僕の云ひたいことはかうである — то, что я хочу сказать, заключается в этом.

Среди таких примеров отметим некоторые возможные варианты:

а) Возьмем фразу: ryōkai-no dekinai koto mo aru 了解の出來ないこともある. При желании сохранить в неприкосновенности существительное koto, эту фразу следовало бы перевести: «есть и такое дело, понимание которого невозможно». Согласно предъидущему примеру можно сказать и так: «есть и то, понимание чего для меня невозможно». Однако, ввиду отмеченного общего характера значения слова koto, можно продолжить упрощение и дальше, заменив слово koto вместе с определяющим его глаголом каким-нибудь существительным, имеющим тот же смысл, что и определяющий глагол: «есть и непонятное для меня». Даже первую фразу: kimi-no iu koto-wa boku-ni wa wakaranai 君の云ふことは僕には分らない — можно передать по-русски: твои слова мне непонятны, т. е. заменить выражение iu koto одним существительным — «слова».

б) Boku-wa kore-wo yomu koto-ga dekinai 僕はこれを讀むことが出來ない — я этого читать не могу.

В этом примере мы имеем оборот обычный в том смысле, что перед словом koto стоит обыкновенное определительное словосочетание kore-wo yomu; и в то же время этот пример отличается от прочих тем, что сказуемым к слову koto служит глагол dekiru — быть готовым, делаться. Буквально получается такой оборот речи: «что касается меня, то чтение этого у меня не выходит», что равносильно русскому: «читать это я не могу». Сравни еще примеры:

Ware-ware-wa bōfū-no tame shuppatsu-suru koto-ga dekinai 吾々は暴風のため出發することが出來ない — из-за бури мы не можем выехать

Kono mondai-ni tsuite-wa daremo iken-wo noberu koto-ga dekiru この問題に就ては誰も意見を述べることが出來る — по этому вопросу всякий может изложить свою точку зрения.

Частота и постоянство этих оборотов, т. е. сочетания какого-нибудь глагола в 3-й основе с существительным koto в именительном падеже на ga и глаголом dekiru в нужной форме, естественно, выделяют эти обороты из общего числа случаев определительных предложений перед koto, как имеющие смысл возможности или невозможности (при отрицательной форме глагола) какого-нибудь действия для говорящего. Переводить по-русски с сохранением японской конструкции невозможно. Поэтому и приходится прибегать к совершенно иным оборотам, взяв в основу не форму японского предложения, но его смысл.

в) Soko-e itta koto-ga aru 其處へ行つたことがある — мне приходилось туда ездить.

Такая конструкция с определительным словосочетанием при koto также отличается двумя постоянными и специфическими признаками: сказуемое в определительном предложении стоит в прошедшем времени, существительное же koto, стоящее в именительном падеже, имеет сказуемым глагол aru — быть. Буквально такие обороты по-русски звучали бы так: «бывали такие дела, что я туда ездил», что означает «я там бывал» или «мне приходилось там бывать». Ср. еще примеры:

Boku-wa mae-ni kare-ni atta koto-ga aru 僕は前に彼に逢つたことがある — мне приходилось с ним встречаться раньше

Ha-no itanda koto-wa nai 齒の痛んだことはない — не случалось, чтобы болели зубы.

Примечание. Слово koto имеет очень широкое употребление в японском языке.

а) Оно может употребляться как самостоятельное существительное со значением «дело», «обстоятельство», «происшествие»:

Ano koto-wa dō narimashita ka? あのことはどうなりましたか？— что сталось с тем делом?

Hidoi koto-ga okotta ひどいことが起つた — случилось ужасное дело!

б) Очень часто koto ставится после существительного, являющегося определением к нему. В таких случаях koto имеет вспомогательное значение и служит для того, чтобы как бы абстрагировать слово, или рассматривать его с точки зрения содержания.

Очень часты случаи ...no koto-wo …のことを. По-русски тогда получается смысл предложного падежа на вопрос *о ком, о чем*:

Bokutachi-wa ima Hayashi-kun-no koto-wo hanashimashita 僕達は今林君のことを話しました — мы сейчас разговаривали о Хаяси.

Однако, в такой же конструкции возможно и применение koto для того, чтобы как бы поставить предыдущий тайгэн в кавычки:

Kyōsanshugi-no koto-wo roshiago-de nanto iimas ka? 共產主義のことをロシア語で何んと云ひますか? — как будет по-русски «kyōsanshugi»?

Конструкция ...no koto-de のことで имеет смысл «из-за»:

Byōki-no koto-de 病氣のことで — из-за болезни.

в) После 3-й основы глагола koto может служить субстантивизирующим суффиксом:

Watakushi-no iu-koto-wa 私の云ふことは — мои слова (то, что я говорю).

§ 316. Определительное словосочетание или предложение к существительному uchi うち — внутренняя часть:

Watakushi-ga ikite iru uchi-wa hatarakimas 私が生きてゐるうちは働きます — пока я живу, я буду работать.

Здесь существительное uchi имеет перед собой определительное предложение watakushi-ga ikite iru 私が生きてゐる. Перевести буквально невозможно, почему и приходится передавать по смыслу, поскольку uchi うち в такой конструкции, т. е. после определяющего глагола, соответствует русскому временно́му «пока». Так же и в примерах:

Kare-wa watakushi-no ie-ni ita uchi-wa tassha deshita 彼は私の家にゐたうちは達者でした — пока он жил у меня в доме, он был здоров.

Hi-no denai uchi-wa kurai 日の出ないうちは暗い — пока не взойдет солнце, темно.

§ 317. Определительное предложение, подчиненное существительному aida — «промежуток» — как в пространственном, так и временно́м значении.

Kare-ga nete iru aida-wa boku-ga anshin da 彼が寢て居る間は僕が安心だ — пока он спит, я спокоен.

В примерах, подобных этому, т. е. там, где речь идет о времени, aida приходится передавать русским «пока». Отличие от предыдущего «uchi» в том, что aida говорит о всем протяжении данного промежутка времени, т. е. «пока» в смысле «в течение всего времени», тогда как uchi значит «пока» в смысле «в то время, когда».

Разумеется, aida может выступать и в значении «промежуток» в смысле пространственном.

§ 318. Определительное словосочетание или предложение, подчиненное существительному типа mae 前, буквально: передняя часть, передняя сторона:

Kare-ni au mae-ni kimi-ni sono hanashi-wo shite okitakatta 彼に逢ふ前に君にその話をして置きたかつた — перед тем, как встретиться с ним, я хотел рассказать тебе это

Kono otoko-wa fune-e kuru mae made Yūbari tankō-ni kōfu-wo shite ita この男は船へ來る前迄夕張炭坑に坑夫をしてゐた — до того, как явиться на пароход, этот человек служил шахтером в угольных копях Юбари.

Точно так же перед существительным nochi 後, буквально: «последующее», «будущее».

Kyōto-ni itta nochi-ni Ōsaka-e itta 京都に行つた後に大阪へ行つた — после того, как побывал в Киото, он поехал в Осака.

§ 319. Определительные придаточные предложения, подчиненные слову kagiri, буквально: «предел».

В этих предложениях kagiri тоже получает служебное значение в смысле русского «в пределах», «поскольку».

Kyōsantō-to hitotsu-no mune-wo motte kokyū-shinai kagiri-wa idai-naru seiki-no suijun-ni tatsu koto-wa dekinai 共產黨と一つの胸を持つて呼吸しない限りは偉大なる世紀の水準に立つ事は出來ない — поскольку не будешь дышать одной грудью с компартией, постольку не сможешь стать на уровень великого века.

Kagiri в этом значении ставится обычно после глагола в отрицательной форме; это же значение сохраняется и при глаголе в утвердительной форме:

Dekiru kagiri 出來る限り — поскольку я могу.

§ 320. Определительное словосочетание или предложение, подчиненное существительному mono もの, — вещь, предмет.

Otona demo dekinai mono-wo kodomo-ga dōshite dekiru ka? 大人でも出來ないものを子供がどうして出來るか — как может ребенок сделать то, чего не может сделать даже взрослый?

Здесь существительное mono, стоящее как прямое дополнение в главном предложении, имеет перед собою определительное предложение: otona demo dekinai 大人でも出來ない. Можно было бы перевести буквально: «может ли сделать ребенок такую вещь, которую не может сделать даже взрослый?». Однако, существительное mono имеет в своей области такой же широкий смысл, как и вышеприведенное существительное koto,

отчего и может быть заменено обобщающим местоимением «то». Этот общий смысл слова mono, такое широкое его значение делает его обычным заместителем любого другого существительного. При этом обычно mono сокращается в no. Например:

Sore-wo shitte iru-no-wa hon-no wazuka-no hitobito da それを知つてゐるのはほんの僅かの人々だ — те, кто это знает, всего только очень немногие

§ 321. Определительное словосочетание или предложение, подчиненное слову ijō 以上 — «вышеупомянутое». В служебном употреблении это слово получает значение русского «поскольку».

Kyoka-ga nai ijō-wa dō suru koto mo dekinai 許可がない以上はどうする事も出來ない — поскольку нет разрешения, ничего поделать не могу.

3. МЕСТО ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 322. Еще одно, что нужно отметить при разборе определительных предложений, касается формальной стороны их подчинения соответствующему тайгэну.

Как уже было сказано и раньше и как явствует из всех приведенных примеров, это подчинение внешне выражается простым примыканием, т. е. для того, чтобы обозначить, что данное словосочетание с глаголом на конце или предложение является определением к данному тайгэну, нужно поставить это словосочетание или предложение непосредственно перед тайгэном; таково общее обязательное и единственное правило.

При всем этом в это правило необходимо внести небольшое уточнение: определительное словосочетание или предложение ставится перед тайгэном вместе с относящимися к этому тайгэну определениями. Иными словами, если тот тайгэн, к которому относится определительное предложение, имеет при себе простое определение, определительное предложение ставится впереди этого определения. Например:

Sono koto-wo kiite ita wakai gyofu-wa itta... そのことを聞いてゐた若い漁夫はいつた… — слушавший это молодой рыбак сказал...

Здесь существительное gyofu — рыбак, к которому относится определительное предложение sono koto-wo kiite ita — слушал это,— имеет при себе ближайшее простое определение wakai — молодой, и все определительное предложение, таким образом, оказывается стоящим перед общим комплексом.

Jokō-wa tōku mieru nigiyaka-na machi-wo mita 女工は遠く見える賑かな町を見た — работницы смотрели на виднеющиеся вдали оживленные улицы

Karera-wa miyori-no nai yūki-no Hokkaidō-de toshikoshi-wo shita 彼等は身寄のない雪の北海道で年越しをした — они проводили год в неимеющем для них пристанища снежном Хоккайдо.

Как видно из этих примеров, таким ближайшим простым определением может быть и прилагательное спрягаемое — wakai (молодой), и прилагательное склоняемое — nigiyaka (оживленный), и существительное в определительном падеже — yuki-no (снежный).

Последнее замечание, которое в связи с этим нужно сделать об определительных предложениях, касается их местоположения в фразе.

Установить это местоположение не трудно: поскольку определительное словосочетание или предложение примыкает к определяемому им тайгэну, то и место его обусловливается местом тайгэна. Если этот тайгэн является подлежащим и стоит впереди, придаточное определительное предложение стоит впереди его, т. е. им начинается вся фраза. Например: sono koto-wo kiite iru gyofu... そのことを聞いてゐる漁夫…—слушавший это рыбак...

Примечание. Эта оговорка необходима, так как нередко — в связи с логическим выделением какого-нибудь другого члена предложения и вынесением его поэтому на первое место — подлежащее оказывается стоящим не в начале предложения. Например: ue-no dekki-de shōgun-no yō-na kakkō-wo shita senchō-ga tabako-wo nonde ita 上のデッキで將軍の樣な恰好をした船長が煙草をのんでゐた — на верхней палубе похожий на генерала капитан курил папиросу.

Если этот тайгэн является дополнением и стоит в качестве такового внутри фразы, то и определительное предложение оказывается также стоящим внутри.

Gyofu-wa yubimoto made suitsukushita tabako-wo tsuba-to issho-ni suteta 漁夫は指もとまで吸ひつくした煙草を唾と一緒に捨てた — рыбак выплюнул вместе со слюной до самых пальцев выкуренную папиросу.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ПОДЧИНЕННЫЕ Ё̄ГЭНАМ

§ 323. Подчинение одного ё̄гэна другому, как это было выяснено при рассмотрении простых предложений, означает, что между первым ё̄гэном и вторым существует особое синтаксическое соотношение, при котором основная роль принадлежит второму, первый же играет только подсобную роль.

Если этот подчиненный ё̄гэн один, мы имеем простую конструкцию — обычное обстоятельство, что и было объяснено выше. Если же при нем самом стоят еще подчиненные ему слова, мы имеем конструкцию более сложную, так как главному ё̄гэну оказывается подчиненным уже целое словосочетание. Если же

этот подчиненный ёгэн имеет при себе и собственное подлежащее, мы имеем целое предложение, подчиненное главному ёгэну.

А. ПОДЧИНЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ СПРЯГАЕМОЙ ФОРМЫ

В соответствии с характером подчинения все случаи подчинения одного ёгэна другому посредством спрягаемой формы можно разбить на 4 категории: подчинение обстоятельственное, условное, условно-временное и уступительное.

I. Обстоятельственные предложения

§ 324. С обстоятельственным подчинением в его простейшем виде мы уже познакомились при разборе простого предложения. Там оно встречалось в двоякой форме.

1. *Обстоятельственное подчинение посредством формы на* nagara: tachinagara hanasu 立ちながら話す — разговаривает стоя.

Здесь глагольная форма tachinagara — одна из наречных форм глагола — определяет основной глагол hanasu на вопрос *как* (наиболее близкий перевод на русский — посредством деепричастия настоящего времени «стоя»). Эта же наречная форма встречается и при прилагательных:

Nagai-nagara kirazu-ni tsukau 長いながら切らずに使ふ — употребляют, не разрезывая — в длинном виде.

Здесь nagai-nagara также определяет собою глагол tsukau — употреблять, — на вопрос *как* (сравни такое же подчинение посредством nagara и существительного: ringo-wo kawa-nagara taberu 林ごを皮ながら食べる — едят яблоки с кожурой).

Таков общий и основной смысл обстоятельственного подчинения посредством формы на nagara ながら. Теперь перейдем к рассмотрению более сложных случаев:

а) Подчинение словосочетаний:

Namida-wo nagashinagara hanasu 涙を流しながら話す — он рассказывает, проливая слезы.

Здесь обстоятельственная форма nagashinagara — проливая — определяет собою (на тот же вопрос *как*) главный глагол — hanasu — рассказывает, имея при себе прямое дополнение namida-wo — слезы.

б) Подчинение предложений:

Toshi-wa mada wakai-nagara, naka-naka yoku ki-ga tsuku 齡はまだ若いながらなかなかよく氣がつく — годы у него еще молодые, а подмечает хорошо (очень сообразителен).

Здесь обстоятельственная форма wakai-nagara имеет свое собственное подлежащее toshi-wa — годы; это означает, что мы имеем целое предложение; однако, тот факт, что сказуе-

мое в этом предложении стоит не в самостоятельной форме, а в подчиненной — wakai-nagara, указывает на подчиненное положение, занимаемое всем этим предложением в целом по отношению к главному глаголу с его подлежащим ki-ga tsuku.

Следует обратить внимание на то, что в такого рода подчинениях может часто встречаться тот противительный оттенок, который и отмечен в переводе. Это очень характерно для обстоятельственных предложений, подчиняемых главному посредством nagara. Этот оттенок бывает и при подчиненных словосочетаниях, например: kodomo-wa nani mo shirannagara namida-wo koboshite iru 子供は何も知らんながら涙をこぼしてゐる — ребенок ничего не знает, а плачет. (Ср. такой же противительный оттенок и при существительных, подчиненных ёгэну посредством nagara: Seito nagara sensei ni masaru 生徒ながら先生に勝る—ученик, а превосходит учителя.

Не трудно заметить, что этот противительный оттенок получается не от какой-нибудь своеобразной глагольной формы, а исключительно от реального содержания обоих связываемых предложений: по сути дела они не могут существовать одновременно на равных основаниях, не противореча друг другу:

kare-wa shinajin-de aru 彼は支那人である — он — китаец
shinago-ga wakaranai 支那語がわからない — китайский язык непонятен.

По самому своему вещественному содержанию эти два предложения не укладываются в одно сложное, не противореча друг другу. Поэтому, если мы соединим эти две фразы в одно предложение, в котором первое подчиняется второму, получим этот противительный оттенок:

Kare-wa shinajin-de arinagara shinago-ga wakaranai 彼は支那人でありながら支那語がわからない — сам он китаец, а китайский язык ему непонятен.

2. *Обстоятельственное подчинение посредством формы на* te

§ 325. Kare-wa tatte hanasu 彼は立つて話す — он рассказывает стоя. Здесь tatte — наречная форма от глагола tatsu 立つ — стоять — определяет на вопрос *как* другой глагол hanasu — рассказывает. При этом, как было выяснено раньше, отличие этого обстоятельства от обстоятельства на nagara заключается в том, что в первом случае налицо одновременность и одинаковая продолжительность двух действий (главного и определяющего глагола); во втором — этого нет.

Таков основной и общий смысл обстоятельственного подчинения посредством деепричастной формы на te. Перейдем теперь к рассмотрению сложных случаев: подчинения словосочетаний и предложений.

Haru-ga sunde natsu-ga kita 春がすんで夏が來た; фразу эту вполне можно перевести на русский сочиненным предложением: «кончилась весна, и наступило лето». Такой перевод будет возможен, так как русский язык не имеет таких типов сочетаний. По-японски же здесь не простое соединение двух совершенно законченных фраз: «кончилась весна, наступило лето»; по-японски первое предложение определяет собой ту обстановку, в которой произошло наступление лета. Перевести по-русски, удерживая японскую конструкцию, можно было бы лишь в том случае, если первое предложение перестроить, т. е. заменить законченное сказуемое — прошедшее время изъявительного наклонения от глагола «кончиться» — «кончилось» — деепричастием «кончившись»: «весна кончившись, наступило лето». Тогда это деепричастие, как отглагольное наречие, определяло бы собою второй глагол «наступило» (на вопрос *как?*). Однако, такая перестройка считается в русском языке — при наличии разных подлежащих — невозможной, вследствие чего приходится прибегать к нашей конструкции посредством союза «и», оставив возможность такой перестройки для перевода слитных предложений, т. е. таких, где при двух сказуемых одно и то же подлежащее.

Иначе говоря, по-японски конструкция будет одна и та же:

а) в слитном (два сказуемых при одном подлежащем) — gakkō-wo yasunde byōin-e mimai-ni itta 學校を休んで病院へ見舞に行つた;

б) в подчиненном (два сказуемых со своим особым подлежащим каждое) — haru-ga sunde natsu-ga kita 春がすんで夏が來た.

И ту и другую фразу можно переводить одинаково: «пропустил уроки и пошел в больницу навестить больного»; «кончилась весна, и наступило лето». Но если желательно сохранить зависимость первого предложения от второго — именно в духе обстоятельственного подчинения, первое можно перестроить, т. е. заменить прошедшее время «пропустил» деепричастием «пропустив», пользуясь тем, что это при одном и том же подлежащем возможно по-русски, и сказать: «пропустив уроки, он пошел в больницу». Во втором предложении зависимость та же самая, но сказать: «весна окончившись, лето наступило» — уже нельзя.

Подчинение одного предложения другому, выраженное постановкой сказуемого подчиненного предложения в деепричастной форме на te て, может иметь смысловой оттенок причинной зависимости, совершенно так же, как деепричастие в простом предложении в сопоставлении с другой формой глагола. В таких случаях при переводе возможно пользоваться русским словом «поэтому».

Sono mondai-wa yoku shirareteiru mondai-de atte watakushi-ga futatabi kurikaesu hitsuyō wa aru mai to karewa itta.

その問題はよく知られてゐる問題であつて私が再びくりかへす必要はあるまいと彼はいつた, — он сказал, что этот вопрос всем хорошо знаком, и поэтому вряд ли ему есть необходимость повторять его еще раз.

Пример, где сказуемое выражено прилагательным: yoru-ga nagakutte hi-ga mijikai 夜が長くつて日が短い — ночи длинные, дни короткие.

На этом примере можно снова убедиться, во-первых, в том, что перевод на русский язык по конструкции невозможен; невозможно сказать: ночи будучи длинными, дни коротки; во-вторых, в том, что формы связи соединяемых предложений по-русски могут переводиться не только союзом «и»; тут допустим и союз «а»: ночи длинные, а дни короткие; можно обойтись и без этих связующих частиц, ограничившись простой постановкой этих предложений рядом, объединив их в одно интонационное целое (в письме — отделив запятой).

По-японски же здесь первое предложение определяет собою второе.

§ 326. Таковы общие положения о подчинении одного предложения другому посредством деепричастной формы глагола или прилагательных. Ограничиться этим, однако, нельзя, так как в реальных условиях высказывания в связи с вещественным значением самих соединяемых фраз могут получиться оттенки, по-русски воспринимаемые несколько особо.

а) Первым таким оттенком является оттенок причинной зависимости между первым предложением и вторым. Например:

Hashi-ga ochite iku koto-ga dekimasen 橋がおちて行くことができません — (мост обрушился, итти невозможно) итти невозможно, так как мост обрушился

Shiken-ga tsugōyoku sunde anshin-shita 試驗が都合よくすんで安心した — (экзамен благополучно кончился... я успокоился) я успокоился, так как экзамен благополучно кончился

Akari-ga kurakutte yoku mienai あかりが暗くつてよく見えない—[свет (как источник света) темный, хорошо не видно] хорошо не видно, так как свет темный

Minna yorokobasarete kokoromochi-ga ii みんな喜ばされて心もちがいゝ — (все были обрадованы... настроение хорошее) настроение хорошее, так как все были обрадованы

Sō iwarete hajimete ki-ga tsuita さう言はれて初めて氣がついた —(мне так сказали... впервые обратил внимание) я впервые обратил внимание, так как мне так сказали.

б) Иногда связь между двумя предложениями может иметь легкий противительный оттенок. Например:

Aite-ga wakatte ite au koto-ga dekinai 相手が判つていて逢ふことができない—(собеседник известен... встретиться не могу) собеседник (партнер, противник) известен, а встретиться (с ним) не могу

Kao-wa utsukushikutte kokoro-wa nejikete iru 顔は美しくつて心はねぢけてゐる — (лицо красивое... сердце испорченное) лицо красивое, а сердце испорчено

Are hodo shikararete mada yamenai あれほど叱られてまだ止めない — (его так ругают... он все еще не прекращает) его так ругают, а он не прекращает.

в) В том случае, если связующая два предложения форма на te подкрепляется выделительной частицей wa, связь между двумя предложениями может получать некоторый условный оттенок. Например:

Koko-e haittewa warukarō こゝへ入つてはわるからう — если войти сюда — будет плохо

Takusan nondewa yoku-nai たくさん呑んではよくない — если много пить — не хорошо

Omokuttewa motenai 重くつては持てない — если тяжело — не смогу удержать

Tabitabi kikaretewa kotaeru-no-ga iya-ni naru — たびたび聞かれては答へるのが嫌になる — если меня часто спрашивают — пропадает охота отвечать.

Этот условный оттенок, однако, не обязателен и вообще вызывается не грамматической формою, а реальным соотношением понятий. Если вещественное содержание главного и придаточного предложений не укладываются в условное соотношение, оно никак не вызывается и формою на — te wa.

Kisha-wa mainichi teishaba-e kitewa mata teishaba-wo satte itta 汽車は毎日停車場へ來ては又停車場を去つて行つた — поезда каждый день приходили на станцию и опять уходили со станции.

г) В том случае, если связующая два предложения форма на te подкреплена суффиксом mo, связь между двумя предложениями получает некоторый уступительный оттенок:

Sukoshi-gurai takakuttemo kaimashō 少しぐらゐ高くつても買ひませう — хоть и немного дорого, купим

Nai-to ittemo, sukoshi-wa aru 無いといつても少しはある — хоть и говорит, что нет,— немного есть

Kao-wa hito-de-mo, kokoro-wa oni-da 顔は人でも心は鬼だ — хоть лицом человек, сердцем — дьявол

Ima-wa odayaka-de-mo anshin-wa dekinai 今は穏かでも安心はできない — хоть сейчас и тихо, все же быть спокойным не могу.

§ 327. Не трудно заметить, что все эти оттенки составляют только те или иные модификации основного значения как са-

мой формы на te, так и этой формы в соединении с суффиксами wa и mo. В самом деле, что собственно означает фраза: shiken-ga tsugōyoku sunde anshin-shita 試験が都合よくすんで安心した Она построена так, что главная мысль: anshin-shita — успокоился — определена другой мыслью: shiken-ga tsugōyoku sunde — экзамен прошел благополучно. Это второе предложение поставлено в форме, делающей его обстоятельством к первому, — на вопрос *как, в каких условиях*. Но так как по сути дела содержание этих фраз таково, что первое не только объясняет, но и обусловливает второе, только поэтому и получается причинный оттенок. Необходимо подчеркнуть еще раз, что причинный оттенок в таких случаях дан не в конструкции предложения, а заложен исключительно в реальном соотношении содержания обоих предложений.

Точно так же обусловлен чисто смысловой стороной дела и противительный оттенок. Какова конструкция фразы kao-wa utsukushikutte kokoro-wa nejikete iru 顔は美しくつて心はねぢけてゐる — лицо красиво, сердце испорчено? С японской точки зрения здесь то же обстоятельственное соотношение, как и во всех прочих случаях, когда налицо наречная форма на te. И только потому, что сами мысли, содержащиеся в этих двух частях, могут быть противопоставлены друг другу, связь этих двух частей и получает противительный оттенок.

Так же и с условным оттенком. Здесь соотношение обеих частей сочиненного предложения определяет уже не один, а два элемента: наречная форма на te и выделительная частица wa. Первая указывает на то, что все предложение является обстоятельством к сказуемому второго. Вторая как-то выделяет все это предложение, обособляет его. Поэтому такую фразу, как takusan nonde-wa yoku nai 澤山呑んではよくない, можно было бы перевести и так: пить много — нехорошо. Koko-e haitte-wa warukarō こゝへ入つてはわるからう — войти сюда — будет плохо.

О сочетании наречной формы с суффиксом mo уже говорилось выше. Отношение обеих частей здесь также определяют два элемента: наречная форма и частица mo. От каждого из этих элементов исходят значения, определяющие совместно отношение первой части сложного предложения ко второй. Переводя такую фразу, как sukoshi takakuttemo kaimashō 少し高くつても買ひませう, согласно конструкции мы получили бы составные элементы: 1) даже будучи немного дорогим — 2) купим. И только реальное соотношение содержания обеих частей устанавливает уступительный оттенок.

Таким образом, кажущаяся разнохарактерность сочетаний с наречной формой на te по существу является обманчивой. На самом деле налицо один и тот же оборот: обстоятельство к глаголу. И только в зависимости от того: а) дано ли это обстоятельство в виде отдельного слова или целого

предложения, да еще с тем же подлежащим или другим; б) в каком смысле может укладываться отношение вещественных содержаний каждого из соединяемых элементов, — только в зависимости от этих двух элементов, в особенности от второго, и получаются отдельные оттенки смысловой модификации основного «обстоятельственного» отношения.

3. *Обстоятельственное подчинение посредством вспомогательных суффиксов*

§ 328. К разряду обстоятельственных предложений можно отнести предложения, в которых подчинение выражено посредством суффиксов dake, made, hodo, kurai. Эти суффиксы могут, как было указано выше, не только вносить известный смысловой оттенок в то слово, к которому присоединяются, но и определять синтаксическую позицию этого слова, — придавать ему значение обстоятельственного слова. То же они могут делать и с целым предложением.

1. Dake (обычно в форме dake-ni) создает отношение придаточного и главного предложения, по смыслу близкое к русскому — «постольку — поскольку».

Gakumon-wo hagenda dake-ni seiseki mo yokatta 學問を勵んだだけに成績もよかつた — поскольку он старался в науках, и результаты получились хорошие.

2. Made создает отношения придаточного и главного предложения в смысле русского «вплоть до», «так, что».

Moji-ga mienaku naru made shomotsu-wo nagameta 文字が見えなくなるまで書物を眺めた — я читал книгу до того, что буквы перестали быть видны.

3. Hodo создает отношения подчиненного и придаточного в смысле русского «в такой степени, как», «в такой мере, как».

Kiite ita hodo jōzu-de-wa nai 聞いてゐた程上手ではない — он не так искусен, как я слышал.

Устойчивую конструкцию представляет оборот с hodo, когда перед этим стоит тот же глагол в условной форме. В этом случае получается смысл русского «чем больше..., тем».

Kikeba kiku hodo omoshiroku naru 聞けば聞く程面白くなる — чем больше слушаешь, тем интереснее становится.

4. Kurai (gurai) создает отношение главного и придаточного в смысле русского «так, что», «так, чтобы», «настолько, что».

Tatsu koto-ga dekinu kurai yowatte iru 立つ事が出來ぬ位弱つてゐる — он слаб настолько, что не может стоять.

II. Условные предложения

§ 329. Этот вид подчинения—в отличие от предыдущих двух—определяет главный глагол не непосредственно в смысле *как*,

каким образом, а в смысле указания на то, в каких условиях происходит или может происходить действие этого главного глагола. По-русски этот вид подчинения будет передаваться посредством предложений с союзом «если», имея в виду, конечно, различные варианты этого «если» (если, коль скоро, раз, поскольку), а также его (в известных случаях) синоним — «когда».

Обстоятельственное подчинение (на вопрос *как*), как мы видели только что, имеет два смысловых варианта: один из них, когда глагол определяет другой на вопрос *как* просто, без особых дополнительных моментов — для этого существует наречная форма на te; второй, когда глагол определяет другой (также на вопрос *как*) с внесением точно выраженного дополнительного момента: одновременности и одинаковой продолжительности действия определяющего и определяемого глагола — для этого существует наречная форма на nagara.

Есть два разных типа и указаний на условия, в которых происходит какое-нибудь действие. В одних случаях условная связь двух действий является только *устанавливаемой*; цель высказывания — именно эту связь установить; в других, наоборот, эта связь уже дается как *установленная*; цель высказывания заключается в указании, *что* при наличии данной связи происходит, произошло или будет происходить. Иначе говоря, в первых случаях центр тяжести высказывания в целом лежит в обусловливании, т. е. в *условном предложении*, во вторых случаях — в том, что в этих условиях имеет место, т. е. в *главном предложении*. По этой линии и идет основное различие условных оборотов в целом.

1. Условные обороты с устанавливаемой связью

§ 330. Здесь возможны различные смысловые варианты. Их наличие объясняется особыми смысловыми оттенками, идущими уже по другой линии: мыслится ли эта — устанавливаемая в данном случае — связь как действительная, реальная, или только как возможная.

Условные обороты с устанавливаемой реальной связью

Для общего выражения именно этой реальной связи существует форма условного наклонения, образующаяся от 4-й основы глагола в соединении с суффиксом ba ば. Назовем ее 1-й условной формой. С ее помощью можно выразить все такие условные обороты, каковы бы они по смыслу ни были. Конкретный же их смысл в дальнейшем зависит уже от мысли, заложенной во всем сложном предложении как целом, т. е. в главном и придаточном, взятых вместе.

а) В одних случаях эта устанавливаемая, реальная по своему значению связь дается как факт вообще, *в его общем выражении*, безотносительно к конкретной обстановке. Например:

Tokoro-ga kawareba, shina-mo kawaru 所が變れば品も變る — если меняется место, меняется и товар (поговорка, соответствующая русской — «что город, то норов»).

Tōkyō-e tsukeba, kanarazu shirase-ga aru 東京へ着けば必ず知らせがある — если он приезжает в Токио, обязательно бывает извещение

Nedan-ga takakereba, kaite-ga sukunai 値段が高ければ買手が少ない — если цены высоки, покупателей мало

Doryoku-sureba, sono kōka-ga arawarezu-ni inai 努力すればその効果が現れずにゐない — если постараться, результаты этого не могут не сказаться

Atama-ga itakereba, me-ga kuramu 頭がいたければ眼がくらむ — если болит голова, темнеет в глазах

Watakushi-ga mairimasureba, kanarazu kyaku-ga aru 私がまゐりますれば必ず客がある — если я прихожу, у него обязательно бывают гости

Shikareba, kaette suneru 叱れば却つてすねる — если его бранят, он, наоборот, упрямится

Kazu-ga ōkereba, katachi-wa chiisai 數が大ければ形は小さい — если количество большое, значит размеры маленькие.

Как видно из этих примеров, подобная условная форма может образовываться и от прилагательных — от основы ōkere с суффиксом ba: ōkereba 多ければ, takakereba 高ければ, itakereba 痛ければ.

б) В других случаях эта устанавливаемая, реальная по своему значению связь дается уже в конкретной обстановке.

Конкретная связь между условием и следствием может мыслиться в категорическом смысле, как по необходимости вытекающая из самого содержания условия и следствия.

Yomeba, naruhodo, sore-ni chigainai 讀めばなるほどそれに違ひない — если прочесть, оно на самом деле так и окажется

Sore-wo ukagawarereba, anshin itashimas それを伺はれゝば安心いたします — если можно об этом узнать, я спокоен

Sore dake torereba, takusan da それだけ取れゝばたくさんだ — если можно взять только это, уже довольно.

Среди этих категорических оборотов необходимо выделить одну очень устойчивую группу. Ее признаки — отрицательная условная форма сказуемого в подчиненном предложении, т. е. оканчивающаяся на nakereba, neba (к 1-й основе), и отрицательная форма от глагола naru なる или отрицательная форма потенциального залога от глагола iku 行く, как сказуемого в главном, причем все главное предложение только из одного этого глагола и состоит. В результате получается смысл, переходящий в значение необходимости, долженствования. Например:

Komban benkyō-shinakereba narimasen 今晩勉強しなければなりません — сегодня вечером мне нужно (я должен) заниматься.

Путь, которым получается этот смысл, таков: буквально эта фраза должна была бы иметь следующий вид: «сегодня вечером, если я не буду заниматься, то ничего не выйдет». При сопоставлении двух отрицательных понятий получается смысл обратный — категорический, граничащий со смыслом долженствования:

Chichi-ni sōdan shinakereba naranai 父に相談しなければならない — нужно поговорить с отцом
Isha-wo yobi-ni yaranakereba naranai 醫者を呼びにやらなければならない — нужно послать за врачом (буквально: «позвать врача»).

Конкретная связь между условием и следствием может мыслиться и в предположительном смысле, как не вытекающая по необходимости из самого содержания условия и следствия, а только допускаемая.

Ōkereba, sukoshi nokoshite okō 多ければ少し殘しておかう — если много, я немножко оставлю
Kore gurai-ni shite okeba, yoroshii deshō これ位にしておけばよろしいでせう — если на этом остановиться, будет хорошо
Torarereba, totte mitai 取られゝば取つてみたい — если взять можно, я хотел бы попробовать взять
Kureba, damatte-wa imai 來ればだまつてはゐまい — если он придет, я вряд ли смолчу
Yomasereba, yomanai koto-wa nai 讀ませれば讀まない事はない — если дать прочесть, он наверное прочтет
Mitakereba, miseyō ka? 見たければみせやうか — если хочешь посмотреть, показать, что ли?

Условные обороты с устанавливаемой возможной связью

§ 331. Для выражения этого смысла имеется 2-я условная форма, образуемая от 2-й основы глагола при помощи суффикса tara*). Здесь также возможны различные смысловые оттенки, подобные предыдущим.

а) В одних случаях эта возможная связь устанавливается вообще, без приложения к какой-нибудь конкретной обстановке:

Kore-wo yondara, omoshirokarō これを讀んだら面白からう — если это прочитать, вероятно, будет интересно

*) От вспомогательных глаголов-связок она будет: dattara だつたら (от da だ) и deshitara でしたら (от des です).

Kimi mo ittara, kaette konai darō 君も行つたら歸つて來ないだらう — и ты, если бы пошел, вероятно, не вернулся бы

Mizu-wo nomasetara, ochitsuku darō 水を呑ませたら落ちつくだらう — если бы ему дали воды, он, вероятно, успокоился бы

Chichi-ga tassha dattara, sazo yorokobu darō 父が達者だつたら，さぞ喜ぶだらう — если бы отец был здоров, он, вероятно, был бы рад.

б) В других случаях эта возможная связь устанавливается не вообще, а в приложении к конкретной обстановке:

Tōkyō-e tsuitara, shirasete kudasai 東京へ着いたら知らせて下さい — когда прибудете в Токио, дайте мне знать

Kare-ni attara, kuru yō-ni itte kudasai 彼に逢つたら來る樣に云つて下さい — когда встретитесь с ним, скажите ему, чтобы он пришел

Aitara, kaeshite kure あいたら返してくれ — когда освободится, верни обратно.

2. Условные обороты с установленной связью

Условные обороты с реальной связью

§ 332. Эта уже наличествующая связь может иметь смысл установленной в смысле реальных отношений. Соответствующей формой будет 2-я условная форма.

а) Это реальное соотношение может касаться двух видов действий:

Toidara, yoku kireru yō-ni natta 研いだらよく切れる樣になつた — когда поточили, стал хорошо резать.

Может касаться и времени двух действий:

Mado-wo aketara chōdo tsuki-no deru tokoro datta 窓をあけたら丁度月の出るところだつた — когда я открыл окно, как раз всходила луна.

б) Это реальное соотношение может иметь в виду характер самих понятий, которые могут быть иногда противоположными по своему значению; тогда и наличествующая связь носит характер противоположности и ее выражением служит 1-я условная форма:

Matte oreba, — otosata nashi da 待つてをれば,—音沙汰なしだ — я его жду, а от него ни слуху, ни духу

Dareka-to omoeba, kimi ka... 誰かと思へば君か… — я думал кто, а это ты...

Ameda-to iū-kara kasa-wo motte dekakereba, Nihonbare da 雨だといふから傘をもつて出かければ日本晴だ — так как

говорят — дождь, я выхожу, взяв зонт, а оказывается — нихомбарэ (особое название ясной погоды).

в) Иногда это соотношение может иметь значение причины — следствия. В этом случае употребляется 1-я условная форма, сопровождаемая усилительным суффиксом koso こそ:

Tatakeba koso, kowareru-no da たゝけばこそ壊れるのだ — раз бьют, то и ломается
Miserarereba koso, mita-no da 見せられゝばこそ見たのだ — раз мне показали, значит я и видел
Shiran-to mōshimasureba koso, mattaku shiran-nó-ni chigainai 知らんと申しますればこそ全く知らんのにちがひない — раз сказал, что не знаю, значит не знаю.

Условные обороты с особой связью

§ 333. Наличествующая связь в особых условиях (1-я условная форма):

а) О двух понятиях в одинаковой мере:

Seito mo waraeba, sensei mo warau 生徒も笑へば先生も笑ふ — и ученики смеются, и учитель смеется
Mikata mo homereba, teki mo homeru 味方も讚めれば敵も讚める — и друзья хвалят, и враги хвалят
Ji mo kakeba, e mo kaku 字も書けば繪もかく — и иероглифы пишет, и картины рисует
Benkyō mo sureba, undō mo suru 勉強もすれば運動もする — и учится, и спортом занимается
Hito-ni mo hatarakasereba, jibun-de mo hataraku 人にも働かせれば自分でも働く — и людей заставляет работать, и сам работает
Tomodachi-ni mo warawarereba, oya-ni mo shikarareru 友達にも笑はれゝば親にも叱られる — и товарищи над ним смеются, и родители бранят
Se mo takakereba, chikara mo tsuyoi 脊も高ければ力も強い — и рост высок, и силы крепкие.

Как видно из этих примеров, приурочение связи к двум предметам на равных началах достигается не только условными формами, но и наличием при каждом слове, обозначающем эти предметы, суффикса mo, имеющего обычно смысл сопоставления. Однако, иногда налицо mo も только при одном из слов: hito-wo komarasereba, jibun mo yoku wakaranai 人を困らせれば,自分もよく解らない — других затрудняет, и сам хорошенько не понимает.

Отсутствие здесь второго mo вызывается, очевидно, отсутствием обычного параллелизма обеих частей, т. е. различием падежей, в которых стоят оба сопоставляемых предмета, что в свою очередь зависит от глагола: hito стоит в винительном

падеже, как зависящий от komaru, jibun — в именительном, как связанный с wakaru.

Возможны, наконец, случаи, когда нет ни одного mo も, но смысл остается тот же:

Sono gakkō-ni wa kyōjō-de bōshi-wo kabutte iru yatsu-ga areba, kinagashi-no yatsu-ga aru... (marude reigi mo, nani mo ari-ya shinai) その學校には教場で帽子をかぶつてゐる奴があれば着流しの奴がある……(まるで禮儀も何もありやしない) — в той школе в классах и в шапках сидят, и без курток... (ни порядка, ничего в ней нет).

б) Об одном и том же понятии два раза:

Kikeba, kiku-hodo o-kinodoku-na koto da 聞けば聞くほどお氣の毒な事だ — чем больше слышу, тем больше жалею.
Nedan-ga takakereba, takai hodo saiku-ga ii 値段が高ければ,高いほど細工がいゝ — чем дороже цена, тем лучше работа
Hito-ni homerarereba, homerareru hodo benkyō suru 人にほめられゝば讃められるほど勉強する — чем больше его хвалят, тем он больше старается.

Особенность этих оборотов бросается в глаза сразу же: сказуемое условного предложения повторено в главном в изъявительной форме (3-я основа) с последующим вспомогательным hodo, придающим смысл русского *степень*. Поэтому указанный смысл этих фраз определяется этими двумя элементами: такого рода повторением одного и того же глагола и постановкой после второго раза hodo. Буквальный перевод был бы таков: «когда я слышу, то по мере слушанья жалею»; «если цена высока, то по степени ее высоты и работа хороша» и т. д. Переводить такими оборотами, однако, совершенно недопустимо, поскольку русский язык обладает совершенно точно передающим смысл этой конструкции оборотом: *чем — тем*.

3. Значение форм условного наклонения

§ 334. Все предыдущее представляет собою картину условных оборотов, которая свойственна современному разговорному языку. Для него характерны именно две условных формы: 1-я, образующаяся от 4-й основы с суффиксом ba, 2-я — от 2-й основы с суффиксом tara.

Что такое ba? Повидимому, это есть та же самая выделительная частица wa, которую мы встречаем во многих других случаях. А это значит, что условный смысл по существу заключен не в ней, а в самой глагольной форме — в 4-й основе как таковой. Это подтверждается и фактами: в древних памятниках японской литературы (например в Man'yōshu) мы эту 4-ю основу именно в таком значении и встречаем: ina-to iedo,

katare, kātare-to tsugarase koso... いなといへど，語れ，語れとつがらせこそ…

Что такое tara? Это есть 1-я основа от вспомогательного глагола tari — быть. Сейчас глагол этот рассматривается как принадлежность письменного языка, раньше же он был живым разговорным, как, впрочем, и сейчас в некоторых диалектах. В национальном литературном языке он остался в немногих формах. Повидимому, tara есть сокращенное — taraba, т. е. прежняя условная форма, образуемая именно от 1-й основы с суффиксом ba, форма, сейчас в разговорном языке не употребляющаяся.

Кроме этого tara (taraba), мы встречаем 1-ю основу в смысле условной формы еще у одного глагола — nari なり, который означает также «быть» в смысле вспомогательного глагола. Его 1-я основа будет nara なら; так же, как tara есть taraba с отпавшим суффиксом ba, так и nara есть сокращенное naraba. И так же, как taraba существует наряду с tara, так и naraba уживается рядом с nara. Таким образом, в современном языке мы имеем:

а) простую условную форму, образуемую от всех глаголов 4-я основа + ba;

б) сложную условную форму, образуемую также от всех глаголов — 2-я основа + условная форма от вспомогательного глагола tari без усилительного суффикса ba, т. е. tara;

в) кроме того, мы имеем еще одну форму — nara, образованную от вспомогательного глагола nari, также без усилительного суффикса ba.

Условная форма в японском языке вообще возможна от двух основ — от 1-й основы + ba и от 4-й основы + ba; теперь общераспространенной является вторая, первая же сохранилась только у двух глаголов — tari たり и nari なり, да и то обычно без конечного ba. Раньше же она была распространена так же, как и вторая. Для этого были свои основания: условная форма, образуемая от 1-й основы, имела в виду связь двух действий только предполагаемую или возможную; условная форма, образуемая от 4-й основы, говорила о связи реальной. Например:

Towaba, kotaemu 問はゞ答へむ — если бы спросить, — вероятно, ответили бы

Toeba, kotaeru 問へば答へる — когда спрашивают, — отвечают.

Исчезла ли эта смысловая разница из языка в настоящее время? Ни в коем случае. Но та форма, которая представляла собою связь возможную, т. е. 1-я основа + ba, исчезла. Как же язык выходит из положения? Ответ на это ясен из всего предъидущего: изгнав из глагольного спряжения форму — 1-я основа + ba, язык привлек для обозначения возможной связи форму от вспомогательного глагола tari — tara и стал приставлять ее

ко всем прочим глаголам. Таким образом, получившийся пробел оказался заполненным. Отсюда и вполне параллельное с 4-й основой + ba развитие tara (ba).

Теперь понятно, для чего существует сложная условная форма — 2-я основа + tara (ba). Но для чего существует nara (ba)? Смысл ее также ясен из предыдущего: 1-я основа + ba говорит о возможной условной связи. Для придания этого значения глаголам существует tara; иногда же требуется такой же оборот и при существительных; и для этого случая существует nara. Например:

Ore-nara sugu-ni kau-no da yo! 俺ならすぐに買ふのだよ！— будь (это) я, я сейчас бы купил (будь я...)
Boku-nara sonna koto-wa sen 僕ならそんな事はせん — будь я, я бы этого не делал
Kimi-wa ano toki waratta-ga, boku-nara kitto naita-no da 君はあの時笑つたが僕ならきつと泣いたのだ — ты в те времена смеялся; будь я, я непременно плакал бы.

Это nara может стоять и после глагола, но только в том случае, если этот глагол воспринимается как тайгэн: ima sukoshi hayakatta-nara, maniatta ka mo shiren 今少し早かつたなら間にあつたかもしれん — если бы немного пораньше, пожалуй бы успели.

Однако, глаголы tari и nari, помимо условной формы, образуемой от 1-й основы + ba, имели и другую, образуемую из 4-й основы + ba, т. е. наряду с taraba и naraba были и tareba и nareba. Первая (в форме tara и nara) осталась. Осталась ли вторая? На этот вопрос нужно ответить утвердительно: она осталась, только в скрытом виде. Она, как и tara (= taraba) и nara (= naraba), существует также в форме tara (=tareba) и nara (= nareba). Таким образом, получается следующий ряд:

1. Naraba ならば→narā ならあ→nara なら; taraba たらば→tarā たらあ→tara たら.
2. Nareba なれば→narea なれあ→narya なりや→nara なら; tareba たれば → tarea →たれあ→tarya たりや→tara たら.

Исходный облик — разный, конечный — один и тот же. Характерно, что это второе tara и nara снова может принимать ba: naraba, taraba.

Второе tara (=tareba), допускающее снова наращение ba, мы находим в современном языке среди тех случаев, которые перечислены выше: это будет tara, употребляющееся при установленной связи для обозначения реальных взаимоотношений — в видовом смысле: toidara (ba), yoku kireru yō-ni natta 研いだら（ば）,よく切れるやうになつた — когда поточили, стал хорошо резать. Во временно́м смысле: mado-wo aketara (ba), chōdo tsuki-ga deru tokoro datta 窓をあけたら（ば）, 丁度月が

出るところだつた — когда открыли окно, как раз всходила луна.

Первое же tara (= taraba), не допускающее вторичного наращения ba, мы находим при обозначении связи, устанавливаемой при этом с оттенком возможности:

как возможности вообще:

Kore-wo yondara これを讀んだら (но не yondaraba, 讀んだらば) omoshirokarō 面白からう — если бы прочесть это, было бы интересно;

как возможности конкретной:

Tōkyō-e tsuitara, shirasete kudasai 東京へ着いたら知らせて下さい — когда приедете в Токио, дайте знать.

Только в свете такого анализа становится понятным, почему внешне одинаковая форма на tara встречается в двух совершенно различных случаях. На деле же это — разные по происхождению tara, сохраняющие каждая свой основной смысл: tara от 1-й основы (taraba → tara) — возможный, tara от 4-й основы (tareba → tara) — реальный.

Примечание. Одним из признаков, позволяющих определить, имеем ли мы tara как taraba или tara как tareba, является форма конечного сказуемого: если это сказуемое стоит в какой-нибудь из форм со смыслом предположения, вероятности или в форме повелительного наклонения, tara в сказуемом придаточного предложения восходит к taraba; если же конечное сказуемое дано в категорической форме, tara восходит к tareba.

Совершенно так же обстоит дело и с nara なら. Nara тоже по существу два: одно nara восходит к naraba ならば, другое к nareba なれば. К первому новое наращение ba невозможно, ко второму — возможно. Получаемый смысл отличается так же, как и при двух tara — nara (= naraba) — для условной связи:

Boku-nara, sonna koto-wa shinai 僕ならそんな事はしない — будь я, я бы этого не делал.

Nara (=nareba), а также naraba — для реальной связи:

Uten naraba, itsudemo zaitaku da 雨天ならばいつでも在宅だ — если дождь, всегда дома

Shina-ga hommono-nara, nedan-ga takaku nai 品が眞物なら値段が高くない — если вещь настоящая, цена недорогая.

Как сказано выше, nara употребляется при существительных. Таковы все предыдущие примеры. Но при разборе первого типа nara было указано, что оно может встречаться и при глаголах, если данная глагольная форма воспринимается как тайгэн. То же относится и ко второму nara (= nareba). Например:

Iku-nara, iku-to o-ii-nasai 行くなら行くとおいひなさい — если итти, то и говори, что идешь.

Примечание. Эта последняя фраза может в живом разговорном языке звучать и так: iku-n-nara, iku-to o-ii-nasai 行くんなら行くとおいひなさい. Вставка n есть только лишний показатель того, что nara стоит после существительных: суффикс n (сокращенное no) есть просубстантивный суффикс.

Большей частью первое nara встречается после прошедшего времени глаголов, второе nara после настоящего времени — 3-й основы (о taraba и naraba ср. Мацусита, op. cit., p. 280—281).

§ 335. Условная форма, образуемая от 1-й основы с суффиксом ba, сохранилась в современном языке и у некоторых прилагательных, главным образом — у yoi よい, yoroshii よろしい и nai ない. Иначе говоря, наряду с обычными формами yokereba よければ, yoroshikereba よろしければ и nakereba なければ существуют формы yokuba よくば, yoroshikuba よろしくば, nakuba なくば. Например:

Konakuba, yobi-ni yare 來なくば呼びにやれ — если не идет, пошли позвать.

Иногда эта форма встречается и при других прилагательных, а также при желательном суффиксе tai.

Nagakuba, kirō 長くば切らう — если длинно, отрежем
Mitakuba, miro 見たくば見ろ — хочешь смотреть, смотри.

§ 336. Необходимо отметить фонетические особенности, встречающиеся в условных формах в живой речи. Формы, образованные от 4-й основы с ba, т. е. ikeba 行けば, okireba 起きれば, sureba すれば и т. п., часто превращаются в ikyā 行きやあ, okiryā 起きりやあ, suryā すりやあ.

Обычные условные формы от прилагательных также могут встречаться в измененном виде: yokereba よければ — yokerya よけりや и т. п.

Примечание. Обе старые условные формы 1-я основа + ba и 4-я основа + ba, не сохранившиеся в токиоском языке, полностью сохранились в некоторых диалектах, например в диалекте Энсю. Так, например: anata-ga uta-wo yomaba, watashi-wa shi-wo tsukuru あなたが歌を詠まば私は詩を作る — если ты будешь слагать японские песни, я буду составлять китайские стихи. То же и с прилагательными: существует форма, например, atsukuba 暑くば, обычно сокращаемая в atsukā 暑かあ. Например: sonna-ni atsukā (= atsukuba) mizu-de mo abinasai — そんなにあつかあ(あつくば)水でも浴びなさい — если так жарко, облейся холодной водой.

Жители Энсю до сих пор отчетливо различают обе формы, не прибегая к сложной замене через tara. Поэтому среди японских филологов в спорах о составе насаждаемого стандартного языка существуют сторонники введения энсюского наречия — именно в этом пункте — в общеяпонский «национальный» язык. Непринятие их предложения свидетельствует только о том, что «стандартный» язык формируется все-таки не филологами, а живой практикой той социальной группы, которая в данный момент занимает господствующее положение.

Условная форма, образуемая от 1-й основы с ba при прилагательных, полностью сохранилась, как живая, в ряде диалектов: Сидзуока, Нагано, Яманаси, без того привкуса книжного языка, который имеет место в Токио.

III. Уступительные предложения

§ 337. Уступительное подчинение имеет различные смысловые варианты и соответственно этому различные формы. Получаемые уступительные обороты поэтому удобнее всего рассматривать именно по этим смысловым вариантам.

Основные различия уступительных оборотов идут по линии центра тяжести всего высказывания: на чем он лежит — на уступительном предложении, или на том, что ему противопоставляется, т. е. на главном. С другой стороны, характер этих оборотов зависит и от того, в каком смысле происходит это уступительное сопоставление двух мыслей: как реальных фактов, или же как только допускаемых. От этих двух, взаимно пронизывающих друг друга признаков и зависит реальная конструкция уступительных оборотов.

1. Уступительные обороты с устанавливаемой связью

§ 338. Предположим, что сопоставление двух мыслей — в порядке уступительном (т. е. в смысле русских: «хотя... но»; «несмотря на то, что... все-таки»; «пусть и... все же» и т. д.) — имеет в виду не установленную связь, а связь только устанавливаемую. В этом случае, естественно, логическое ударение делается на этом установлении, на нем лежит центр тяжести. Тут, однако, также возможны варианты.

а) Эта устанавливаемая связь может представляться только как допускаемая, как возможная. Тогда получается первый тип уступительного оборота — уступительно-предположительный. Его грамматическое выражение — 1-я уступительная форма, образуемая от предположительной формы — от формы будущего времени или дубитативной на mai с присоединением суффикса to или tomo. Именно эта предположительная форма и придает смысл допущения. Например:

Urō-to, urumai-to mochinushi-no katte da 賣らうと,賣るまいと持主の勝手だ — пусть продаст, пусть не продаст — дело владельца

Dare-ga koyō-to osoreru koto-wa nai 誰が來ようと恐れる事はない — пусть приходит кто угодно — не страшно

Hito-ga nan-to iwō-tomo watakushi-wa heiki da 人が何といはうとも私は平氣だ — пусть говорят, что угодно, — мне все равно

Hito-wa namakeyō-to ore-wa benkyō-suru 人は怠けやうと俺は勉強する — пусть другие лентяйничают, я работаю.

Эти обороты возможны и при прилагательных. Соответствующая уступительная форма образуется при этом от 2-й основы посредством тех же to или tomo:

Osoku-tomo tōka-ni wa kuru hazu da おそくとも十日には來る筈だ — пусть поздно — 10-го числа он должен притти (или: самое позднее...)

Komban-wa osoku-tomo kanarazu agarimas 今晩はおそくとも必ずあがります — сегодня вечером, пусть поздно, все же обязательно явлюсь

Kane-wa naku-tomo, chie-sae areba ii 金はなくとも智慧さへあればいゝ — пусть денег и не будет, — если только есть ум, хорошо (был бы ум).

б) Второй вариант этой устанавливаемой для данного случая связи имеет в виду ее не как допускаемую только, а как реальную. Для выражения этого смысла существует вторая уступительная форма, образуемая от 2-й основы глагола и прилагательного путем присоединения к ней суффикса tatte たつて; при вспомогательном глаголе da だ — просто datte だつて. Например:

Jidōsha tobashitatte, mō oitsukumai 自動車飛ばしたつてもう追ひつくまい — хоть бы и на автомобиле поехали, — все равно уж не догнать

Yametatte, dame da yo! 止めたつて駄目だよ！ — хоть бы и прекратили, — все равно бесполезно

Ano kishitsu-de wa byōki datte yasumanai darō あの氣質では病氣だつて休まないだらう — при его характере, хоть бы он и заболел, — все равно, занятий не пропустит

Hikōki datte tori-no yō-ni-wa tobenai 飛行機だつて鳥のやうには飛べない — хоть бы и аэроплан, — все равно, — как птица, летать не может

Jōbu datte toshi-ni-wa katemasen 丈夫だつて年齢には勝てません — хоть бы и был здоров, — против возраста не пойдешь.

Этот оборот также возможен и от прилагательных — от 2-й основы. Например:

Tōkutatte 遠くたつて (или даже: tōkuttatte 遠くつたつて), kuru koto-wa kuru deshō 來る事は來るでせう — хоть бы было и далеко, — притти-то он, вероятно, придет

Muzukashikutatte (muzukashikuttatte), benkyō-shite oboemas むづかしくたつて（むづかしくつたつて）勉強しておぼへます — хоть бы и было трудно, — позанимавшись, выучишь.

Hoshikutatte, sō takakutewa kai-yō-ga arimasen 欲しくたつてさう高くては買ひ様がありません — хоть бы и хотелось, — если так дорого, не купить.

Существует форма, образуемая от прошедшего времени всех глаголов посредством суффикса tte つて; она образуется и от suru する: shitatte したつて. Уступительный суффикс

tatte たつて идет, повидимому, от этой формы глагола suru する, т. е. от shitatte したつて. В связи с очень широким применением этого глагола как вспомогательного («оглаголивающего» предметные понятия), это shitatte したつて в сочетаниях превратилось в ttatte つたつて и в дальнейшем — tatte たつて. С этим связано было обособление данной формы, превращение ее в самостоятельный суффикс, а это, в свою очередь, определило возможность применения ее при глаголе — при тех формах глагола, которые употребляются как тайгэн, в первую очередь при 2-й основе, но также иногда и после 3-й основы; например: hashirutatte, yūgata-made-ni wa ikemai 走るつたつて夕方までには行けまい — хоть бы и бежать, — до вечера вряд ли дойти. Превратившись в самостоятельный суффикс, это tatte たつて стало само принимать новый суффикс mo も: hashirutattemo yūgata-made-ni-wa ikemai 走るたつても夕方までには行けまい. Значение при этом остается без изменения.

На тех же основаниях этот суффикс, как оглаголивающий, стал прилагаться и к прилагательным, ко 2-й основе их, которая также может трактоваться как тайгэн и оглаголивается с помощью suru する.

При прилагательных мы имеем ясную картину этого обособления tatte たつて: 2-я уступительная форма образуется от них, в основе, посредством этого shitatte したつて, так что получается tōku-shitatte 遠くしたつて. В дальнейшем идет сжатие этой формы за счет выпадения shi し, причем следы этого shi し сохраняются в удвоении первого t: tōkuttatte 遠くつたつて. И, наконец, исчезают и эти следы, и мы имеем tōkutatte 遠くたつて, т. е. суффикс tatte たつて в чистом виде.

Такое происхождение tatte たつて приводит и у прилагательных к тому же, что и у глаголов: tatte たつて присоединяется не только ко 2-й основе прилагательных, но и к 3-й, которая также может трактоваться как тайгэн. Поэтому, так же, как рядом с hashitatte 走たつて стало возможным hashirutatte 走るたつて (а потом и hashirutattemo 走るたつても), и рядом с muzukashikutatte むづかしくたつて стало возможным mutsukashiitatte むつかしいたつて. Например: mutsukashiitatte, kangaereba dekiru むつかしいたつて考へれば出來る — хотя бы и было трудно, — если подумать суметь можно.

2. *Уступительные обороты с установленной связью*

§ 339. Сопоставление двух мыслей в таком же уступительном смысле может иметь в виду и установленную связь между обеими сопоставляемыми мыслями. В этом случае, естественно, центр тяжести ложится на второй части оборота — на главном предложении: поскольку связь считается установленной, по-

столько логическое ударение перемещается на результат этого.

Здесь возможны различные варианты. Первый из них появляется тогда, когда уступительное соотношение имеет вполне реальный характер. Для выражения этого оттенка существует 3-я уступительная форма, образуемая посредством специального суффикса keredomo けれども (сокращенно — keredo けれど, или даже kedo けど), присоединяемого к настоящему, прошедшему и будущему времени глаголов, а также к соответствующим формам прилагательных.

1. Смысловое соотношение обеих частей уступительных оборотов не трудно подметить в следующих примерах:

Ame-ga furu-keredomo, michi-wa mada yoi 雨が降るけれども道はまだよい — несмотря на то, что идет дождь, дорога еще хороша

Ii tokoro da-keredomo, kōtsū-ga fuben-de komaru いゝ所だけれども交通が不便で困る — несмотря на то, что место хорошее, мне все же неудобно из-за плохого сообщения

Tsuki-wa nai-keredomo, michi-wa wakaru 月はないけれども道はわかる — несмотря на то, что луны нет, дорога все же видна.

Kare-wa rippa-na gakusha da-keredomo, kyōshi-to shite wa yokunai 彼は立派な學者だけれども教師としてはよくない — он превосходный ученый, но как педагог он плох.

Тут главное предложение — вторая часть оборота — излагает как бы обратный результат того, что, казалось бы, предопределяется придаточным предложением — первой частью оборота. Таким образом, этот вариант уступительного оборота представляет собою особенно отчетливое противопоставление следствия причине.

2. При посредстве той же 3-й уступительной формы, т. е. при наличии той же установленной и притом реальной связи можно выразить и еще один оттенок. Его обнаружить легко, так как он обусловливается не только наличием одной этой формы, но соединением ее с другими элементами. Эти элементы — сопоставление двух предметов, т. е. наличие двух членов предложения с суффиксом mo при каждом — один в уступительном предложении, другой в главном. В таких случаях смысл этого mo оказывает сильнейшее воздействие на keredomo, так что получается сопоставление, лишенное оттенка того противоположения, которое существует в предыдущем варианте:

Nikkō-wa akimo ii-keredomo, natsumo waruku nai 日光は秋もいゝけれども夏も悪くない — Никко... там хорошо и осенью, но и летом не плохо

Anohito-wa bunshō-mo umai-keredomo, shi-mo jōzu da あの人は文章もうまいけれども詩も上手だ — он искусен и в сочинениях, но и в стихах мастер

Происхождение keredomo けれども спорно. Одни считают, что здесь мы имеем обычную для старого японского языка уступительную форму от старого вспомогательного глагола keri けり — быть; другие полагают, что здесь скорее окончание уступительной формы от прилагательных, т. е. keredomo как часть формы, вроде yokeredomo よけれども *). В том или другом случае мы имеем эту форму уже отделившуюся от своей первоначальной позиции. Только в силу такого обособления эта форма получила возможность присоединяться к глаголам и прилагательным в других формах — настоящему (3-й основе), прошедшему и будущему времени глаголов и соответствующим формам прилагательных, т. е. стали возможны такие образования, как kaku-keredomo 書くけれども, kaita-keredomo 書いたけれども, kakō-keredomo 書かうけれども; yoi-keredomo よいけれども, yokatta-keredomo よかつたけれども, yokarō-keredomo よからうけれども.

Однако, такое обособление зашло настолько далеко, что сейчас, например, японский язык знает keredomo в двух различных обликах:

а) как уступительный суффикс при глаголах и прилагательных;

б) как самостоятельный уступительный союз. Это значит, что мы можем наблюдать фразу вроде sotsugyō shita-keredomo, ii seiseki-de wa nai 卒業したけれども，いゝ成績ではない — несмотря на то, что он курс кончил, успехов хороших, однако, не добился. И тут же рядом — sotsugyō shita. Keredomo ii seiseki-de wa nai 卒業した。けれどもいゝ成績ではない — он курс кончил; несмотря на это, хороших успехов не добился.

Иначе говоря, keredomo мы можем сейчас встретить в конце придаточного предложения, как признак его уступительного подчинения другому, и в начале самостоятельного предложения, как уступительный союз, относящийся ко всему высказанному или подразумеваемому до этого. Это второе употребление keredomo прокладывает себе сейчас все более и более широкий путь.

§ 340. Возможны случаи, когда уступительные обороты, хотя и основаны на установленной связи между двумя явлениями, но все же эта связь мыслится не как реальная, а как допускаемая, возможная. Для такого оттенка существует 4-я уступительная форма, образуемая от 3-й основы глаголов и прилагательных через прибавление суффикса tomo:

Shinutomo, ikirutomo katte-ni suru-ga ii 死ぬとも生きるとも勝手にするがいゝ — хоть умирай, хоть живи, — делай, что хочешь!

Geshuku-e iku-tomo, kishukusha-e hairu-tomo, gojiyū-ni nasai 下宿へ行くとも寄宿舎へ入るとも御自由になさい —

*) См. Мацусита, op. cit., стр. 213—221.

хоть иди в гостиницу, хоть поселяйся в общежитии, — делай, как хочешь.

Такого рода обороты имеют строго ограниченное применение. Они имеют место лишь тогда, когда делается сопоставление двух действий, причем эти действия совместно сопоставляются, или даже противопоставляются мысли, выраженной в главном предложении. Отсюда получается необходимость таких слов, как «всё равно», «безразлично», «как угодно» и т. п.

В современном языке эта форма встречается иногда и в других оборотах, например: kakusutomo, tsui-ni arawaru beshi 隠すとも遂に現るべし — хоть бы и скрывать, в конце концов обнаружится.

Однако, это имеет место или как след влияния письменного языка, или как письменная форма в чистом виде (как в данном примере). В чисто разговорном языке эта форма встречается только в тех оборотах, которые приведены выше.

3. Уступительные обороты при существительных

§ 341. Здесь же необходимо отметить уступительные обороты и при существительных. Выше (§ 334), при разборе условных оборотов, уже была указана наличность подобных же оборотов и при существительных. То же самое мы можем найти и в уступительных оборотах.

Уступительные обороты при существительных выражаются посредством вспомогательного суффикса narito なりと или naritomo なりとも. Например:

> Dainin-naritomo yokoseba ii 代人なりともよこせばいゝ — хотя бы заместителя (представителя) послать нужно
> Haha-ni hitome-naritomo aitai 母に一目なりとも逢ひたい — хоть бы одним глазком мне хочется повидать мать.

Это narito может стоять после других суффиксов, а также при существительных в разных падежах:

> Soko-made narito o-miokuri itashimashō そこまでなりと御見送りいたしませう — я провожу вас хотя бы до того места
> Doko-kara narito hajimemashō どこからなりと始めませう — хоть откуда-нибудь, но начнем.

Может оно быть и при всех словах, воспринимаемых как тайгэн:

а) при наречиях — o-tsuide-ni naritomo oidekudasai お序になりともおいで下さい — хоть мимоходом, но все же зайдите;

б) при прилагательных — chiisakunaritomo matomete okimashō 小さくなりとも纏ておきませう — хоть и в небольшом размере, все же устроим.

Очень часто это narito (naritomo), большей частью в форме

nari, встречается в оборотах, где дается сопоставление нескольких предметных понятий. Это — самый распространенный вид применения этих вспомогательных слов:

Boku-nari, kimi-nari dare-ka ikō 僕なり君なりだれか行かう — хоть ты, хоть я — кто-нибудь пойдет
Ippon-nari, nihon-nari o-nozomi-shidai da 一本なり二本なりお望み次第だ — хоть бутылку, хоть две — сколько угодно.

Это повторенное nari может быть после существительных в разных падежах:

Go-ji-kara-nari, roku-ji-kara-nari go-tsugō-ni makasemas 五時からなり六時からなり御都合に委せます — хоть с пяти часов, хоть с шести часов — предоставляю это на ваше усмотрение
Kimi-no-nari, boku-no-nari dotchika yarō 君のなり僕のなりどつちかやらう — хоть твою (вещь), хоть мою — какую-нибудь дадим
Tsukai-de-nari, dempō-de-nari shirasete kudasai 使ひでなり電報でなり知らせて下さい — хоть с посланным, хоть телеграммой, но дайте знать.

Это nari встречается и после существительных и прилагательных, употребленных как тайгэн:

Iku-nari, yameru-nari hayaku kimeyō 行くなり止めるなり早く決めよう — хоть итти, хоть остаться — решаем скорей
Futoku-nari, hosoku-nari dōdemo dekiru 太くなり細くなりどうでも出來る — хоть толсто, хоть тонко — можно так и этак.

Не трудно заметить, что это nari есть глагол nari — вспомогательный глагол «быть». В таких примерах, как boku-nari, kimi-nari dare-ka ikō 僕なり君なり誰か行かう, мы имеем по существу глагольную конструкцию: «хоть бы это был я, хоть бы это был ты...»

4. Квази-уступительные обороты

§ 342. Уместно вспомнить один из уже описанных (§ 326) случаев, когда мы также имеем как будто уступительный оборот. Это было при рассмотрении различных типов обстоятельственного подчинения, т. е. подчинения посредством формы на te. Тогда мы отметили, что если сказуемое в обстоятельственном предложении имеет после себя mo, по смыслу получается как бы уступительный оборот. Например: anata-no go-on wa shin-

demo wasuremasen あなたの御恩は死んでも忘れません — ваше благодеяние, хоть умру, — не забуду.

Однако, уступительный смысл здесь только отдаленный. Эти обороты никак нельзя смешивать с уступительными в собственном смысле этого слова. В самом деле: anohito-ga chūsai-shitatte osoraku matomarimasmai あの人が仲裁したつて恐らく纏りますまい — хоть бы он и стал посредничать, все же дело вряд ли сладится (одна мысль противопоставляется другой); anohito-ga chūsai-shitemo osoraku matomarimasmai あの人が仲裁しても恐らく纏りますまい — и при его посредничестве дело вряд ли сладится (одна мысль определяется другой).

Поэтому обороты на temo лучше всего считать квази-уступительными, подобно тому, как мы назвали квази-условными обороты на tewa. Необходимо отметить тут же один частный случай этого квази-уступительного оборота. Его признак: сочетание квази-уступительной формы на temo с последующим прилагательным ii いゝ или yoroshii よろしい — хороший, а также с глагольными формами kamawanai (kamawan) かまはない(かまはん), kamaimasen かまひません — не беспокоит, все равно. Иначе говоря, мы имеем фразы вроде таких: kitemo ii 來てもいゝ или kitemo kamaimasen 來てもかまひません; konakuttemo ii 來なくつてもいゝ или konakuttemo kamaimasen 來なくつてもかまひません.

Фразы эти очень близки по смыслу. При переводе их на русский язык их можно заменить русскими оборотами: «можно и притти», или отрицательно — «можно и не приходить». Разница между ними только в одном небольшом оттенке, зависящем от характера главного сказуемого; в первом случае ii создает смысл как бы активного разрешения: «да, можно и притти»; во втором случае kamaimasen создает смысл как бы безразличного допущения: «можно и притти — мне безразлично».

Эти обороты (te-mo ii てもいゝ, te-mo kamawanai てもかまはない) следует сопоставить с описанными уже выше.

> Geshuku-e iku-tomo, kishukusha-e hairu-tomo, go-jiyū-ni nasai 下宿へ行くとも寄宿舎へ入るとも御自由になさい — иди хоть в гостиницу, поселяйся хоть в общежитии, — делай, как тебе угодно.

Эти обороты близки по смыслу. Приведенную фразу можно передать и так: «можешь итти в гостиницу, можешь селиться в общежитии...» Отличие их в том, что в первых оборотах по существу — обстоятельственная конструкция, во вторых — уступительная.

Б. ПОДЧИНЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ СКЛОНЯЕМОЙ ФОРМЫ

I. Дополнительные предложения

§ 343. Как было сказано выше (§ 298), подчинение предложений, обозначаемое грамматической формой, может выражаться

спрягаемой формой сказуемого придаточного предложения, может выражаться и склоняемой формой. Рассмотренные предложения обстоятельственные, условные и уступительные в своей подавляющей части иллюстрируют первый способ подчинения, дополнительные предложения — второй.

Образование придаточных дополнительных предложений посредством склоняемых форм глагола и прилагательного является для японского языка вполне закономерным: если японский ёгэн может иметь падежи дополнения, а слова в таких падежах подчиняются какому-нибудь другому ёгэну, то естественно, что если в падеже дополнения стоит сказуемое целого предложения, этим самым все предложение превращается в дополнение к глаголу главного предложения, т. е. становится придаточным дополнительным. Именно в этом смысле здесь и применяется термин «дополнительное предложение», относящийся в русском языке к гораздо более узкому кругу придаточных.

1. Дополнительные предложения в косвенных падежах

§ 344. Рассмотрим различные типы этих предложений.

Дополнительные предложения в дательном падеже

Поскольку показателем дательного падежа является суффикс ni, постольку подчинение предложения в смысле дополнения выражается в том, что сказуемое подчиненного предложения стоит с этим суффиксом.

Kare-wa kuru-ni chigainai 彼は來るに違ひない — нет сомнения в том, что он придет

Ie-wa atarashii-ni koshita koto-wa nai 家は新しいに越した事はない — нет ничего лучшего, чем то, что дом — новый.

Из этих примеров можно убедиться в том, что в подобных случаях глагол управляет дополнением в дательном падеже совершенно на равных основаниях и тогда, когда оно выражено одним словом, и тогда, когда оно дается в виде целого предложения. Если глагол chigainai требует дательного падежа существительного, ему подчиненного, он требует этого же падежа и предложения, ему подчиненного. Иначе говоря, управление глагола распространяется и на отдельные слова, и на словосочетания, и на предложения.

Необходимо помнить, что дательный падеж, как образующий очень разнообразные по смыслу дополнения, создает и разные по смыслу дополнительные предложения. Из них отметим один очень устойчивый вариант, переводимый обычно по-русски противительным оборотом.

Hayaku kureba ii-ni mada konai 早く來ればいゝに未だ來ない — ему следует притти пораньше, а он все еще не приходит.

С точки зрения японской конструкции, в этом сложном предложении нет никакого противопоставления, выраженного грамматическими средствами. Противительный смысл, обусловливающий появление русского «а», идет не от грамматической конструкции, а от смысла обеих частей предложения, которые противопоставляются по своему вещественному содержанию. Грамматически же здесь один из видов дательного падежа и грамматическое соотношение обеих частей приблизительно таково: в каких условиях, при каких обстоятельствах он не приходит? — в условиях необходимости притти пораньше.

Дополнительные предложения в исходном падеже

Эти предложения характеризуются тем, что сказуемое у них стоит с показателем исходного падежа kara.

Mada wakarimasen-kara mō ichido setsumei-shite kudasai まだ分りませんからもう一度說明して下さい — так как мне еще не понятно, объясните, пожалуйста, еще раз.

При переводе таких конструкций на русский язык получаются типичные причинные предложения. Тем не менее, с точки зрения японской грамматики, этот действительно существующий причинный смысл должен быть признан всего лишь производным от общего значения kara, как показателя исходного падежа. В самом деле, в этом легко убедиться, перестроив перевод так, чтобы исходное значение kara как-нибудь стало заметным: «мне еще не понятно, и — исходя из этого — объясните мне еще раз». Все дело в том, что исходное значение при глагольных понятиях само собой превращается в причинное: вопрос «от чего» при существительном (ср. «от стены») превращается при глаголе в вопрос «отчего» («оттого, что не понятно»).

Необходимо отметить некоторые случаи соединения kara с суффиксами wa и ni-wa. В том и другом варианте получается оттенок, удобно передаваемый русским «раз».

Yakusoku-wo yaburu-kara-wa kono mama-ni shite-wa okenai 約束を破るからはこの儘にしては置けない — раз он нарушает уговор, я так оставить не могу

Henji-ga osoi kara-ni-wa nanika machigai-ga okotta-no darō 返事が遅いからには何か間違ひが起つたのだらう — раз ответ запоздал,—должно быть, произошла какая-то ошибка.

Возможно соединение kara с shite. Добавление shite может иметь двоякий смысл: придаточное предложение этим как бы отделяется от главного; с другой стороны, этим придаточное дополнительное (причинное) превращается в обстоятельственное: Namaketa-kara shite rakudai-shita 懶けたからして落第した — ленился — и поэтому провалился на экзамене.

Дополнительные предложения в сравнительном падеже

Признаком таких предложений служит yori после сказуемого придаточного предложения. При этом могут получаться различные типы таких предложений.

а) Если сказуемое главного предложения состоит из простого глагола или прилагательного, получается смысл сравнения:

Mita-yori kuwashiku shitte iru 見たより詳しく知つてゐる — я знаю подробнее, чем если бы видел.

Если сравниваются понятия, как-нибудь противопоставляемые, получается смысл русского — «не столько — сколько».

Fujisan-wa takai-yori kirei 富士山は高いより綺麗 — гора Фудзи не столько высока, сколько красива.

б) Если сказуемое главного предложения состоит из глагола с последующим hō-ga ii или hō-ga mashi da, получается сравнение в смысле «лучше..., чем».

Uchi-ni iru-yori dete iku hō-ga ii うちにゐるより出て行く方がいゝ — чем сидеть дома, лучше выйти.

Kayui-yori itai hōga mashi da 痒いより痛い方がましだ — лучше больно, чем щекотно.

в) Поскольку yori может подразумевать после себя hoka и получать таким образом смысл «кроме», могут быть и соответствующие придаточные предложения.

Anohito-ni iwaseru yori (hoka) michi-wa nai あの人に言はせるより(ほか)道はない — другого пути, кроме как дать сказать ему, нет.

Дополнительные предложения в соединительном падеже

Признаком таких предложений служит наличие суффикса to после сказуемого придаточного предложения. В этом случае возможны различные типы этих предложений.

а) Дополнительное предложение в соединительном падеже может служить способом вставки чужой речи в повествовательное обрамление главного предложения или способом соединения с последующим главным предложением.

Sensei-wa — kono ji-wa nanto kakimas ka — to tazunemashita 先生はこの字はなんと書きますかと尋ねました — учитель спросил: «как пишется этот иероглиф?»

Boku-wa ikanai-to itta 僕は行かないと云つた — он сказал: «я не пойду».

Дополнительное предложение в соединительном падеже может служить для передачи чужих слов в форме косвенной речи.

Gakkō-e ikimas-to itte demashita 學校へ行きますと云つて出ました — он вышел, сказав, что идет в школу.

Надо заметить, что предыдущий оборот и этот ничем не отличаются друг от друга. Приведенную фразу можно перевести и так, чтобы получилась прямая речь: он вышел, сказав: «я иду в школу».

б) Широко распространены дополнительные предложения в соединительном падеже, подчиненные глаголам, обозначающим акты мысли, воли, чувствования — во всем их многообразии.

Sō darō-to omou そうだらうと思ふ — думаю, что, вероятно, так

Naruhodo, Nippon ichi-no keshiki-de aru-to kanshin shimashita 成程, 日本一の景色であると感心した — он восхитился: действительно, это лучший вид во всей Японии

Kore-ni suru-to kimeta これにすると決めた — он порешил, что остановится на этом.

Из большого разнообразия таких предложений можно выделить один вполне устойчивый тип, характеризующийся тем, что сказуемое придаточного предложения стоит в будущем времени (конечно с последующим to), а сказуемое главного предложения представлено глаголом omou (думать) или suru (делать). В таких случаях получается смысл намерения (ср. § 349).

Komban-wa ikō-to omoimas 今晩は行かうと思ひます — думаю сегодня вечером отправиться

Kono kisen-wa minato-e hairō-to shite iru この汽船は港へ入らうとしてゐる — этот пароход собирается войти в гавань.

2. Особые случаи дополнительных предложений в соединительном падеже

§ 345. Помимо перечисленных выше различных вариантов подчинения предложений посредством to, в японском языке существует еще одно подчинение посредством to, могущее быть названным условно-временным, так как оно совмещает в себе и условный смысл, и временной, конечно — не одновременно, но в разных смысловых комбинациях.

Рассмотрим применение этого вида подчинения, иначе говоря — применение этой условно-временной формы на to, или еще иначе — случаи условно-временных предложений.

1) Применение формы на to в чисто условном смысле:

Hayaku dekakeyō! Hito ga kuru-to derarenaku naru-kara 早く出掛やう！人が来ると出られなくなるから — пойдем скорей, а то, если кто-нибудь придет, уйти будет нельзя

Yōjō shinai-to nakanaka naorimasen yo! 養生しないと中々なほりませんよ！ — если не лечиться, не особенно-то поправишься!

Не трудно заметить, что этот случай напоминает один из случаев применения условной формы на ba, именно — обозначе-

ние обусловленности вообще, как таковой, при устанавливаемой в данном случае реальной связи двух действий. Другими словами, конструкция hito-ga kuru-to derarenaku naru близка к hito-ga kureba, derarenaku naru.

Эти две конструкции в самом деле близки; близки, но не одинаковы. Не безразлично применить какую-нибудь одну вместо другой. Каждая из них имеет свой собственный смысловой оттенок.

Отличие этих двух форм — 3-й основы с to и 4-й с ba, т. е. kuru-to и kureba, идет по линии противопоставления двух типов суждения: суждения, имеющего вполне конкретное значение, и суждения более отвлеченного характера. Форма на ba, как уже было своевременно указано, в этом своем применении имеет чисто отвлеченный смысл; мысль, высказанная в обороте, построенном с применением этой формы, носит совершенно общий характер. Замечание делается вообще: «если кто-нибудь приходит, выйти нельзя». Дается, так сказать, общее положение, годное для всех случаев.

Форма на to также говорит о чем-то «вообще», но, в отличие от формы на ba, не в качестве общего положения для всех возможных случаев, а в качестве общего замечания приноровительно к данной конкретной ситуации: «если кто-нибудь придет, выйти нельзя».

Возьмем эти две формы на других примерах.

Как нужно сказать, какая форма более уместна в фразе: «если выходишь при дожде на улицу, промокнешь»? Речь идет об общем положении, общем правиле, действительном всегда, во всех случаях. Ясно, что следует применить форму на ba, т. е. сказать:

Amefuri-ni soto-e dereba, nurete shimau 雨降りに外へ出ればぬれてしまふ

Как нужно сказать, какую форму употребить в фразе: «если в такой день, как сегодня, выйти на улицу, промокнешь»? Замечание тоже общее, оно касается любого «выхода» на улицу в этот день, но именно в этот день, т. е. уже не в виде общего отвлеченного положения, а в виде конкретного, имеющего в виду реальную обстановку. Поэтому нужно сказать: amefuri-ni soto-e deru-to nurete shimau 雨降りに外へ出るとぬれてしまふ

Ср. еще примеры:

Atsui-to, oyogi-ni dekakeru 暑いと泳ぎに出掛ける — если жарко, я иду купаться

Atsukereba, oyogi-ni dekakeru 暑ければ泳ぎに出かける — если бывает жарко, я иду купаться

Me-ga mienai-to, fujiyū-na mono da 目が見えないと不自由なものだ — если глаза не видят, дело плохо

Me-ga minakereba, fujiyū-na mono da 目が見えなければ不自由なものだ — если окажется, что глаза не видят, дело плохо

Okitai-to, okiru-shi, netai-to neru 起きたいと起きるし寝たいと寝る — если хочу вставать, встаю; если хочу лежать, лежу

Okitakereba okiru-shi, netakereba neru 起きたければ起るし，寝たければ寝る — если бывает, что хочется встать, — встаю; если случается хотеть лежать, — лежу.

Очень отчетливо это различие выступает там, где ему помогают другие элементы фразы. Так, например, если мы в фразе имеем слово, которое уже само по себе свидетельствует, что речь идет «вообще», — то ясно, что нужна форма на ba. Таково, например, слово daredemo — «всякий», «кто угодно». Поэтому фраза «кто угодно, если станет пить водку, опьянеет» будет иметь вид:

Daredemo sake-wo nomeba you 誰でも酒をのめば酔ふ

Если же в фразе стоит слово, указывающее на конкретное приложение этого общего положения, например — к себе,— нужна форма на to. Это значит, что такая фраза, как: «если я выпью водки, сейчас же становлюсь пьян», будет иметь вид:

Watakushi-wa sake-wo nomu-to, sugu you 私は酒をのむとすぐ酔ふ

Нужно, однако, иметь в виду, что все эти различия обусловливаются не формой, как таковой, и даже не наличием «обобщающих» слов, или слов с конкретно-единичным значением: они помогают делу, но не обусловливают его целиком. Основное заключается в замысле говорящего, в том, какую мысль он вкладывает в свое высказывание. Так, например, можно сказать: watakushi-wa sake-wo nomeba you. Что это будет означать? Только то, что мысль высказана как общее положение и о себе, т. е. в приложении к конкретному субъекту: «если я пью водку, я пьянею». (Ср. watakushi-wa sake-wo nomu-to you — если я выпью водки, я опьянею.) Равным образом возможна и такая фраза: daredemo sake-wo nomu-to you — «кто угодно, если выпьет, опьянеет». (Ср. dare-demo sake-wo nomeba, you — кто угодно, если станет пить водку, опьянеет.) В данном случае мысль, касающаяся «всякого», дается не в отвлеченном, а конкретном облике.

2) Применение формы на to во временном смысле:

O-dekake-ni naru-to, mamonaku denwa-ga kakatte mairimashita お出掛けになると間もなく電話がかゝつて參りました — как только вы вышли, сейчас же зазвонил телефон

Chadai-wo kibaru-to, kyū-ni taigū-ga kawaridashita 茶代をきばると急に待遇が變り出した — как только отвалил на-чай, сразу же обращение стало меняться.

Не трудно заметить и тут, что эта конструкция имеет себе близкую среди условных предложений, а именно тот случай, когда указывается на реальное соотношение двух действий

во времени при наличии уже установленной связи. Другими словами, конструкция o-dekake-ni naru-to, mamonaku denwa-ga kakatte mairimashita близка к o-dekake-ni nattara, mamonaku denwa-ga kakatte mairimashita.

И здесь нужно сказать то же, что и относительно предыдущего типа: эта конструкция близка, но не аналогична; одна не может заменить другую.

Форма на tara имеет в виду время, но время, понимаемое вообще, как данное (прошедшее) время. Форма же на to говорит о времени, понимаемом в самом ближайшем смысле, в смысле непосредственного момента. Иначе говоря, различие между tara и to опять-таки в известном смысле идет по линии усиления конкретизации высказывания. Поэтому и в переводе для tara годно русское «когда», для to — русское «как только». Таким образом, фраза «o-dekake-ni nattara...» может переводиться: «когда вы вышли...»; фраза же «o-dekake-ni naru-to» — «как только вы вышли...»

Возьмем эти формы в других примерах:

Что будет означать: kesa-wa densha-ni nottara, teiden sa 今朝は電車に乘つたら停電さ Если стоит nattara — значит: «когда я сегодня утром ехал в трамвае, прекратился ток».

Что будет означать kesa-wa densha-ni noru-to teiden sa? Если стоит noru-to, — значит: «как только я сегодня утром сел в трамвай, прекратился ток».

Ср. еще примеры:

Uchi-e hairu-to, hito-ga yobi-ni kita 家へ入ると人が呼びに來た — как только вошел в дом, явились меня звать
Uchi-e haittara, hito-ga yobi-ni kita 家へ入つたら人が呼びに來た — когда я вошел в дом, явились меня звать
Shigoto-ni kakaraseru-to, sugu nakidasu 仕事に掛らせるとすぐ泣き出す — как только направишь его на работу, сейчас же начинает плакать

Shigoto-ni kakarasetara, sugu nakidasu 仕事に掛らせたら直ぐ泣き出す — когда его направляешь на работу, сейчас же начинает плакать

Ki-kara ochiru-to, mi-ga futatsu-ni wareta 木から落ちると實が二つに割れた — как только плод упал с дерева, он раскололся надвое

Ki-kara ochitara, mi-ga futatsu-ni wareta 木から落ちたら實が二つに割れた — когда плод упал с дерева, он раскололся надвое.

Признак приурочения действия к строго определенному моменту и является основным для формы на to во временном ее значении — в сопоставлении с формой на tara.

§ 346. Соединение одного предложения с другим может происходить еще по одному способу: первое предложение субстантивизируется и ставится в нужном падеже. Такая субстантивизация производится посредством суффикса no, поставляемого после сказуемого данного предложения. Наличие того или иного падежного показателя после no создает тот или иной тип связи предложений.

1. Наличие wa или ga после no превращает такое предложение в придаточное подлежащего.

Kemuri-ga tatsu-no-ga mieru 煙が立つのが見える — видно, как подымается дым
Na-ga wakaran-no-ga zannen da 名が分らんのが殘念だ — жалко, что имя неизвестно.

2. Наличие de после no превращает такое предложение в причинно-дополнительное.

Kaze-ga fuitano-de akari-ga kiete shimatta 風が吹いたので燈が消えてしまつた — оттого, что подул ветер, свет погас.

3. Наличие ni после no создает двоякий смысл связи придаточного дополнительного предложения с главным:

а) связь типа дополнительного предложения, когда это требуется непосредственно управлением глагола:

Teki-wa Kagekiyo-no te-no chikara-no tsuyoi-no-ni odoroita 敵は景淸の手の力の強いのに驚いた — враг был поражен тем, как сильна рука Кагэкиё;

б) связь типа противительного предложения, когда ni не вызывается управлением глагола непосредственно:

Zaisan-mo naino-ni zeitaku-wo suru 財產もないのに贅澤をする — несмотря на то, что у него нет состояния, он предается роскоши.

4. Наличие wo после no превращает данное предложение в предложение прямого дополнения.

Futari-ga tachibanashi-wo shite itano-wo ichido kanshūchō-ga tōku-kara mita 二人が立ち話をしてゐたのを一度監修長が遠くから見た — старший надзиратель однажды издали заметил, что они оба стоя ведут разговор.

Примечание. К числу субстантивизированных придаточных предложений нельзя относить такие предложения, которые подчиняются главному посредством mono-no, mono-wo, koto-wo, tokoro-ga. В последнем случае mono-no, mono-wo и koto-wo играют роль союзов: mono-no — хоть, mono-wo — а, koto-wo — а, tokoro-ga — и, но.

Yuki-ga furu mono-no sahodo samuku-wa nai 雪が降るものゝ差程寒くはない — хоть снег и идет, но не так холодно

Tazunete kita mono-no attemo kuren 訪れて來たものゝ逢つても吳れん — я пришел к нему, а он и не вышел ко мне

Iwanakuttemo ii koto-wo yokei-na o-shaberi-wo suru 云はなくつてもいゝ事を余計なおしやべりをする — можно было бы и не говорить, а он болтает лишнее

Kinō kōen-ni itte mita tokoro-ga hana-wa mō chitte ita 昨日公園に行つて見たところが花はもう散つてゐた — вчера я попробовал пойти в парк, но цветы там уже осыпались.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 347. Человеческая речь имеет своей задачей оформление нашей мысли, придание нашему мышлению точных очертаний. С помощью речи оформляются наши представления о мире, наши знания о нем. С помощью речи находят свое выражение и наши чувства, ощущения, переживания.

Человеческая речь служит основным орудием нашей деятельности, нашего общения с другими людьми.

Эти задачи человеческой речи находят свое отражение в существовании различных типов предложений. Наиболее развитым является тот тип предложения, который в первую очередь служит познавательным целям, в котором находят свои формулировки наше знание, наблюдения, переживания, чувствования. Это — предложения повествовательные (в широком смысле этого слова, т. е. включая сюда и так называемые описательные предложения, предложения типа рассуждения и т. п.).

Повествовательные предложения не содержат в себе непосредственного обращения к другому лицу и не предполагают обязательной ответной реакции с его стороны. Но если эта коммуникативная функция выступает на первый план, создаются иные типы предложений. Это предложения вопросительные и повелительные.

1. ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 348. Отличительным признаком повествовательного предложения, понимаемого в указанном широком смысле, является наличие в нем подлежащего и сказуемого, причем если это сказуемое выражено глаголом, оно может стоять: 1) в утвердительной или отрицательной форме настоящего, прошедшего и будущего времени изъявительного наклонения действительного, страдательного или побудительного залога (активной или пассивной формы); 2) в соответствующих формах желательного наклонения; 3) в форме дубитативного наклонения; если это сказуемое выражено прилагательным, оно может стоять в утвердительной или отрицательной форме настоящего, прошедшего и будущего времени, а также в предположительной форме; если

сказуемое выражено существительным со связкой, то эта связка может стоять в утвердительной или отрицательной форме настоящего, прошедшего и будущего времени изъявительного наклонения, а также в предположительной форме.

Все эти случаи служили предметом подробного рассмотрения при разборе простого предложения, почему и нет надобности говорить здесь о каждом из них еще раз. Можно только остановиться на некоторых смысловых вариантах повествовательного предложения, представляющих некоторые вполне устойчивые конструктивные признаки.

Этими признаками обладают предложения со смыслом намерения, долженствования, косвенного приказа, возможности. О каждом из них уже упоминалось выше, и здесь необходим только их суммарный обзор.

1. ПРЕДЛОЖЕНИЯ НАМЕРЕНИЯ

§ 349. Выражение намерения грамматически передается пятью различными оборотами:

1. Выражение намерения может передаваться сочетанием глагола, обозначающего то действие, которое намерен совершить говорящий (или лицо, служащее подлежащим при данном глаголе), со словом tsumori (намерение), после которого ставится связка:

Sakujitsu kuru tsumori deshita 昨日来るつもりでした — имел намерение притти вчера

Ano ko-wo bengoshi-ni suru tsumori da あの子を辯護士にするつもりだ — имеет намерение сделать из того ребенка адвоката.

2. Выражение намерения может передаваться сочетанием будущего времени глагола, стоящего в сопровождении суффикса to, с глаголом omou (думать, полагать):

Nagoya-ni shuttatsu-shiyō-to omotte imas 名古屋に出立しようと思つてゐます — намереваюсь отправиться в Нагоя.

3. Выражение намерения может передаваться таким же оборотом, как только что указанный, со вставкой после будущего времени глагола частицы ka. Отличие этого оборота от предыдущего видно из следующих примеров:

Konnichi-wa tegami-wo kakō-ka to omoimashita 今日は手紙を書かうかと思ひました — я думал, написать, что ли, сегодня письмо.

4. Выражение намерения может передаваться сочетанием будущего времени глагола, стоящего в сопровождении to, с глаголом suru:

Anohito-ni kaite moraō-to shimas あの人に書いて貰はうとします — я собираюсь попросить написать его.

5. Оттенок намерения может содержаться и в конструкции: желательное наклонение + частица to + omou.

Ukagaitai-to omotte imasu 伺ひ度いと思つてゐます — думаю навестить.

2. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ

§ 350. Выражение долженствования передается различными оборотами — в зависимости от оттенка в смысле.

1. Смысл долженствования получается употреблением слова hazu, сочетаемого со стоящим впереди глаголом (в настоящем, прошедшем и будущем времени) или прилагательным. При утвердительном обороте после hazu стоит связка, при отрицательном — hazu ставится обычно с суффиксом wa или ga и после него nai или arimasen — в нужном времени.

Слово hazu указывает на объективную обязательность действия:

Hajime-wa taishikan-de hataraku hazu deshita 初めは大使館で働く筈でした — сначала он должен был работать в посольстве

Issakujitsu itta hazu des 一昨日行つた筈です — он должен был уехать третьего дня

Sonna koto-ga arō hazu-wa nai そんな事があらう筈はない — этого не должно быть

Samui hazu des 寒い筈です — должно быть, холодно.

2. Смысл долженствования получается с помощью оборота, состоящего из отрицательного условного наклонения главного глагола и отрицательной формы от глагола naru или отрицательной формы потенциального залога от глагола iku. Смысл этого оборота — указание на объективную необходимость данного действия:

Konnichi-no uchi-ni tegami-wo kakanakereba ikemasen 今日の中に手紙を書かなければいけません — втечение сегодняшнего дня нужно написать письмо

Kaeranakereba naranai 歸らなければならない — нужно вернуться.

3. Смысл долженствования получается с помощью оборота, состоящего из отрицательного деепричастия главного глагола на te с последующим wa и отрицательной формы от глагола naru или отрицательной формы потенциального залога от iku. Смысл этого оборота — указание на необходимость указанного действия для данного лица:

Ima sugu ikanakutte-wa (ikanakutchā) narimasen 今直ぐ行かなくては(行かなくつちやあ)なりません — необходимо сейчас же итти.

Примечание. Как в этом обороте, так и в предшествующем, вместо глагольных форм naranai, ikenai, может стоять слово dame с последующей связкой:

Hiragana-de kakanakereba dame da 平假名で書かなければ駄目だ — нужно писать хираганой.

4. Смысл долженствования может получаться и при обороте, составленном из условного наклонения в утвердительной форме и прилагательного ii (хороший):

Moshi henji-ga hoshii toki-wa dembun-no o-shimai-ni «su hen» to kakeba ii もし返事が欲しい時は電文のおしまひに「スヘン」と書けばいゝ —если желателен ответ, в конце текста телеграммы следует написать «su hen».

5. Смысл долженствования может иногда получаться и в неопределенно-личных предложениях со сказуемым на no des:

Hidari-kara migi-e kaku-no des 左から右へ書くのです — пишется (следует писать, полагается писать) слева направо

3. ПРЕДЛОЖЕНИЯ КОСВЕННОГО ПРИКАЗАНИЯ

§ 351. Приказ может быть передан прямо, т. е. в форме непосредственного обращения к другому лицу. В этом случае употребляется тот или иной вид повелительного предложения. Он может быть выражен и косвенно — в форме как бы замечания вообще, высказывания мысли о необходимости что-либо сделать. В этом случае употребляется особый вариант повествовательного предложения.

Здесь также возможны разные оттенки смысла — от категорического указания на необходимость действия или поступка до мнения о предпочтении чего-нибудь перед другим.

1. Указание на необходимость совершения какого-нибудь действия — в смысле русского «следует» — дается оборотом, составленным из 3-й основы с суффиксом ga и последующего прилагательного ii (хороший):

Wakaranakeryā, sō iu-ga ii 分らなけりやあさう云ふがいゝ — если не понятно, так и следует сказать

Isha-ni mite morau-ga ii 醫者に見て貰ふがいゝ — следует показаться врачу.

2. Указание на предпочтение данного действия перед другим — в смысле русского «лучше», «лучше бы» — дается оборотом, составленным из прошедшего времени глагола, соединенного со словом hō (сторона) в именительном падеже, и последующего прилагательного ii.

Строго говоря, в этих случаях либо налицо, либо подразумевается сравнительное придаточное предложение, и тот оборот, о котором идет речь, представляет по сути дела только вторую часть сложно-подчиненного предложения — его главную часть.

Но он может иногда употребляться с оттенком косвенного приказания:

Annai-wo tanonde itta hō-ga ii (yokarō) 案内を頼んで行つた方がいゝ（よからう）— лучше (лучше бы) пойти с проводником.

Примечание. Необходимо помнить, что эти конструкции отнюдь не обязательно могут быть обращены ко второму лицу; они могут носить характер простых замечаний и поэтому могут не иметь ни малейшего оттенка приказания. Но их можно обратить и ко второму лицу именно с таким оттенком, и тогда они стоят по смыслу на полдороге между предложениями долженствования и предложениями косвенного приказания.

4. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ

§ 352. Предложения со смыслом возможности действия передаются по-японски различными оборотами в зависимости от содержания самого понятия возможности и от того, на что направлена или от чего исходит эта возможность.

1. Смысл возможности имеют предложения со сказуемым в потенциальном залоге. В этом случае возможность направлена на самый предмет, который занимает в предложении место подлежащего. Иначе говоря, предложения этого типа как бы отвечают на вопрос: что можно сделать с этим предметом?

Suitei-no suna-ga bummei-ni kazoerareru 水底の砂が分明に數へられる — можно явственно сосчитать песчинки на дне

Kono shinamono-wa dokodemo kaeru この品物はどこでも買へる — эти вещи можно всюду купить.

Примечание. Как было указано выше, форма потенциального залога может быть самостоятельной (у глаголов 1-го спряжения) и может совпадать с формой страдательного залога. Обе формы употребляются обычно в одинаковом значении, но возможно и учитывать некоторые оттенки, свойственные каждой из них, а именно: специальная форма потенциального залога имеет в виду внутреннюю возможность, присущую данному предмету, страдательно-потенциальная форма — внешнюю.

2. Если действие глагола в потенциальном залоге приурочивается к лицу, получается смысл русского «уметь».

Anata-wa oyogemasu ka? 貴方は泳げますか？ — вы умеете плавать?

Watakushi-wa hiragana-ga yomemas 私は平假名が讀めます — я умею читать хирагана.

3. Указание на допущение данного действия, признание его возможности, выражение согласия на него дается оборотом из деепричастия на te и суффикса mo. При этом обычно сохраняется оттенок, привносимый mo, а именно: подразумевается, что данное действие допускается наряду с другим (обычно противоположным).

Tobako-wo nondemo ii 煙草を飲んでもいゝ — можно и курить

Nomanakuttemo ii 飲まなくつてもいゝ — можно и не курить.

4. Указание на возможность совершения какого-нибудь действия как такового — в наиболее объективном смысле, т. е. безотносительно к предмету, совершающему действие, или к предмету, на который направлено действие, — дается оборотом с глаголом dekiru — быть возможным. Этот глагол ставится в таких случаях в качестве сказуемого при слове, обозначающем само действие как таковое. Как уже было упомянуто выше, понятие действия, т. е. субстантивизированное глагольное понятие, обозначается по-японски соединением глагола в 3-й основе со служебным словом koto. Поскольку это сложное слово является подлежащим при dekiru, оно стоит в именительном падеже; возможен и выделительный падеж. Таким образом, получается стандартная конструкция: глагол + koto ga + dekiru. Например:

Hashi-ga ochite iku koto-ga dekinai 橋が落ちて行く事が出來ない — так как мост обрушился, итти невозможно.

Если этот оборот приурочивается к лицу, получается смысл возможности данного действия для лица, которое как слово-тема ставится в выделительном падеже.

Wareware-wa bōfū-no tame-ni shuppatsu-suru koto-ga dekinai 吾々は暴風のために出發する事が出來ない — из-за бури мы не можем выехать (из-за бури выезд для нас невозможен).

II. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 353. Вопросительный смысл придается предложению тремя элементами:

1) вопросительной интонацией,
2) вопросительными словами — местоимениями и наречиями,
3) специальными вопросительными частицами.

1. Из этих трех элементов наиболее обязателен первый — вопросительная интонация: она присутствует во всех типах вопросительных предложений. Поэтому часто ее одной бывает достаточно, чтобы предложение получило вопросительный смысл:

Sore-de ii-to omou? それでいゝと思ふ? — ты думаешь, этого достаточно?

Вопросительная интонация может иметь свое звуковое выражение, т. е. она может обозначаться не только определенным повышением тона голоса, но и определенным звуком. Таким звуком, как мне кажется, должен быть признан звук е. Однако, такое звуковое выражение вопросительной интонации наблюдается только в одном случае: после конечного «а» в последнем слове фразы. Это же «а» бывает в связке da и в окончании прошедшего времени ta. Таким образом, такая фраза, как dare da? — кто это?, может звучать: dare da e? Фраза dō da? omoshirokatta? — ну, как? интересно было? — может звучать: dō da? omo-

shirokatta e? Такая вопросительная интонация может иметь место и в предложении, где вопрос обозначен частицей ka, например: omoshirokatta ka e?—ну, как? интересно было? Это «интонационное» e после da и особенно после ka может переходить в i, как, например: dō da i? omoshirokatta ka-i?

Примечание. Такое толкование «e» идет в разрез с обычным толкованием японских грамматиков. Так, например, Мацусита (op. cit., p. 331) считает, что e и i восходят к восклицательной частице yo. Может быть, исторически это и так, но в современном токиоском языке нет примеров, чтобы e и i употреблялись в других предложениях кроме вопросительных; они составляют явную принадлежность именно этих последних. Наблюдение же над реальным произношением этих звуков, с нашей точки зрения, обнаруживает с ясностью, что здесь не отдельная особая вопросительная частица, а своеобразно артикулированное повышение тона.

2. Вопросительный смысл предложение получает, если в нем имеются вопросительные местоимения и наречия:

Kimi-wa dō omotte iru? 君はどう思つてゐる? — ты как думаешь?
Kore-wa dare darō? これは誰だらう? — это кто?
Sore-wa ikura des? それはいくらです? — это сколько стоит?

3. Вопросительный смысл предложение получает и с помощью специальных вопросительных частиц. Таких частиц — две: одна — общераспространенная: ka; другая — имеющая гораздо более узкое применение, главным образом, в женском и детском языке — no:

Anata-wa Shimada-san des ka? 貴方は島田さんですか? — вы — г. Симада?
Dochira-e irassharu no? どちらへいらつしやるの? — куда вы идете?

Само собою разумеется, что ни один из этих трех элементов — вопросительная интонация, вопросительные частицы и вопросительные слова — не исключает друг друга. Вопросительная интонация обязательна во всех случаях; вопросительная частица может стоять и при наличии вопросительного слова.

Kore-wa ikura des ka? これはいくらですか? — это сколько стоит?

§ 354. Вопросительные предложения по смыслу могут передавать прямой вопрос, когда требуется ответ, и вопрос риторический, представляющий в сущности замечание в форме вопроса, имеющее притом обратный смысл.

Риторический вопрос может быть задан в той же форме, что и прямой, и узнается в таких случаях только по содержанию фразы и по интонации:

Sonna baka-na koto-ga aru ka? そんな馬鹿な事があるか? — разве бывают такие глупости?

Kimi-to shite sonna katte-na koto-ga iemasu-ka? 君としてそんな勝手な事が云へますか? — разве тебе пристало говорить такие своевольные вещи?

Риторический вопрос может иметь и свою особую форму. Эта форма — наличие mon ka на конце:

Sonna baka-na koto-ga aru mon ka? そんな馬鹿な事があるもんか? — могут ли быть такие глупости?

От риторического вопроса в точном смысле этого слова следует отличать вопрос, задаваемый в отрицательной форме, соответствующий русскому «разве не» и рассчитанный на утвердительный ответ. Форма такого вопроса: законченное предложение с de wa arimasen ka (ja arimasen ka?) на конце

Yasui ja arimasen ka? 安いぢやありませんか? — разве не дешево?
Ikō ja arimasen ka? 行かうぢやありませんか? — разве не пойдем?

Вопросительные предложения могут быть полными и неполными, вплоть до фрагментов фразы. Полные вопросительные предложения были рассмотрены выше; неполные предложения обычно характеризуются пропуском конечного глагола-связки, вследствие чего вопросительная частица стоит непосредственно после того слова, при котором должна бы стоять связка.

Ima yonde iruno-wa omae ka? 今呼んでゐるのはお前か? — кто меня сейчас позвал — ты?
Tatsuno-wa Tōkyō-eki-kara ka? 立つのは東京驛からか? — отправляться — со станции Токио?

Предложения, по форме вопросительные, т. е. имеющие на конце «ka», входя в состав сложного предложения в качестве его первого элемента, могут служить для образования 1) разделительных предложений, 2) условных.

1. Разделительный смысл такие предложения получают в том случае, если в предложении дается противопоставление двух параллельных членов.

Denwa-wo kakeru ka, tsukai-wo yaranakereba naranai 電話をかけるか使をやらなければならない — нужно либо позвонить по телефону, либо послать кого-нибудь.

С частицей ka на конце могут стоять оба противопоставляемых параллельных члена.

Ido-wo horinaosu ka, suidō-wo hiku ka shitai mono da 井戸を掘り直すか水道を引くかしたいものだ — хочу либо перекопать колодец, либо провести водопровод.

2. Условный смысл вопросительные предложения получают в том случае, если в сложном предложении такого противопо-

ставления параллельных членов нет; обычно при этом в начале вопросительного предложения стоит «moshi» — «если».

Moshi rakudai demo shimashō ka, oya-ni awaseru kao-ga arimasen もし落第でもしませうか親に合はせる顔がありません — если я провалюсь на экзамене, мне стыдно будет показаться на глаза родителям.

Особый случай составляют входящие в состав сложного предложения вопросительные по форме предложения, отличительным признаком которых является то, что у них после сказуемого — глагола с суффиксом ga стоит слово hayai с суффиксом ka. Эта конструкция, будучи вполне устойчивой, образует род временных предложений со смыслом русского «как только».

Boku-ga sochira-wo miru-ga hayai ka sugu-ni maku-no ushiro-e kakurete shimau 僕がそちらを見るが早いか直に幕の後ろへかくれてしまふ — как только я увидел это, сейчас же спрятался за занавеску.

III. ПОВЕЛИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. ПРЯМОЕ ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 355. Поскольку повелительное предложение представляет собою прямое непосредственное обращение к другому лицу, постольку разница между отдельными грамматическими типами их устанавливается в зависимости от характера самого обращения: обращено ли оно к высшему, к равному или к низшему; имеет ли оно смысл категорического приказа или же ближе к просьбе.

1. Прямой приказ при обращении к низшему или грубый приказ — при обращении к равному: форма простого повелительного наклонения.

Omae-wa achira-e ike! お前は彼方へ行け! — ты ступай туда!
Boku-ni mo yomasero! 僕にも讀ませろ! — дай и мне почитать!

2. Прямой приказ — при обращении к низшему или равному с оттенком направленности действия к себе: форма повелительного наклонения, образованная с помощью служебного глагола yaru (посылать).

Mō ii, tōshite yare! もういゝ通してやれ! — уже довольно! пускай!

3. Смягченный приказ — при обращении к низшему, т. е. более вежливо: форма повелительного наклонения, образованная с помощью служебного глагола kureru (давать).

O-cha-wo motte kite kure お茶を持つて來て呉れ — принеси чаю!

4. Фамильярный приказ в мужском языке — при обращении к равному, к приятелю: повелительная форма, образованная с помощью служебного глагола tamau.

Sā, kore-wo kui-tamae さあこれを食ひたまへ — ну, съешь это.

5. Фамильярный приказ в мужском языке — со смыслом просьбы: повелительная форма, образованная с помощью сложного служебного глагола kuretamau (от kureru и tamau).

Hayaku kite kuretamae 早く來て呉れたまへ — приходи скорее!

6. Вежливое предложение что-либо сделать — при обращении к равным или высшим, а также вежливо и к низшим, мягко — к детям: повелительная форма, образованная с помощью служебного глагола nasaru (делать).

Kore-wo o-kaki-nasai これをお書きなさい — пишите это!

7. Предложение что-либо сделать — при обращении к детям: предыдущая конструкция с пропуском глагола nasai, т. е. одна 2-я основа главного глагола или одна именная часть составного глагола.

Motto asonde oide もつと遊んでおいで — пойди еще поиграй!
Itte goran 云つてごらん — скажи-ка!

8. Просьба интимного, фамильярного характера — между близкими, главным образом в устах женщин и детей: повелительная форма, образованная из деепричастия служебного слова chōdai.

Chichi-wo nomasete chōdai 乳を飲ませて頂戴 — дайте мне молока.

9. Очень вежливое предложение что-либо сделать — при обращении к высшему, почти исключительно в устах женщин, очень часто — в устах женской прислуги: повелительная форма, образованная с помощью глагола asobasu (даже в форме asobasaru).

Danna! o-mezame asobase 旦那!お目醒めあそばせ — барин, просыпайтесь!

10. Просьба — при обращении к равному или высшему, а также и к низшему: повелительная форма, образованная с помощью служебного глагола kudasaru.

Rokuji-ni okoshite kudasai 六時に起して下さい — разбудите в 6 часов.

11. Вежливая просьба — при обращении к высшим, главным образом в устах женщин: повелительная форма, образованная с помощью глаголов nasaru и kudasaru, соединенных с masu.

Hayaku dete goran-nasaimase 早く出て御覽なさいませ — выйдите скорее и посмотрите
Shibaraku o-machi-nasaimase 暫くお待ちなさいませ — некоторое время подождите!

Наряду с формами nasaimase, kudasaimase могут встречаться и формы nasaimashi, kudasaimashi.

12. Ультравежливая просьба, встречающаяся главным образом в женской речи, очень часто — в устах женской прислуги: повелительная форма, образованная с помощью обоих глаголов — nasaru и kudasaru.

Dōzo, kore-wo goran-nasutte kudasaimashi 何卒これを御覧なすつて下さいまし — пожалуйста, взгляните на это.

2. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЗАПРЕЩЕНИЯ

§ 356. Запрещение передается различными формами и оборотами — в зависимости от характера и степени запрещения.

1. Запрещение может передаваться специальной глагольной формой, образованной из 3-й основы и суффикса na.

а) Это запрещение может быть прямым, следовательно, с японской точки зрения, грубым, и тогда оно передается указанной запретительной формой, образованной от самого глагола.

Hibachi-wo ugokasu-na! 火鉢を動かすな! — не двигай хибати!
Anna hito-ni damasareru-na! あんな人に騙されるな! — не давай себя обманывать такому человеку!

б) Это запрещение может быть более вежливым, и тогда оно передается запретительной формой одного из служебных глаголов, с помощью которых образуются различные повелительные формы: kureru, tamau, nasaru (nasaimas), kudasaru (kudasaimas).

Achira-e oidenasaru-na! あちらへお出でなさるな! — туда не ходите!
Sukoshimo go-anji kudasaimasu-na! 少しも御案じ下さいますな! — совершенно не беспокойтесь!

2. Запрещение может принимать форму просьбы чего-либо не делать; тогда оно передается оборотом, состоящим из сочетания отрицательного деепричастия и повелительной формы глагола kudasaru.

Dareni-mo iwanaide kudasai 誰にも云はないで下さい — никому не говорите!

3. Запрещение может принимать форму указания на недопустимость какого-либо действия — в смысле русского «нельзя»; в этом случае оно передается оборотом, состоящим из деепричастия с суффиксом wa и отрицательной формы потенциального залога от глагола iku.

Yakamashii! sawaide-wa ikenai! やかましい！さわいではいけない！ — тише! нельзя шуметь!
Sō shichā ikenai! そうしちやあいけない! — так поступать нельзя!

Вместо формы ikenai (ikemasen) может стоять слово dame с последующей связкой — в смысле русского «не годится».

Osoku kaette-wa dame da! おそく歸つては駄目だ! — поздно возвращаться не годится!

4. Оттенок запрещения может в некоторых случаях иметь оборот, состоящий из глагола в 3-й основе с суффиксом to и последующего глагола iku — в форме ikenai (ikemasen).

Dashinuke-ni sonna koto-wo iikakeru-to ikenai 出し拔けにそんな事を云ひかけるといけない — нельзя понапрасну взваливать такое дело (обвинять в таком деле).

5. Оттенок запрещения может получать и оборот со словом wake, когда это слово стоит после глагола, служащего определением к нему, оно же само стоит в дательном падеже с последующим суффиксом wa и соединено с отрицательной формой от глагола iku и его синонимов.

Sonna koto-wo kare-ni saseru wake-ni wa ikanai そんな事を彼にさせるわけにはいかない — поручать ему такое дело не годится.

IV. НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 357. Номинативными предложениями можно назвать предложения, в которых нет ни подлежащего, ни глагольного сказуемого. Сказуемым в них служит существительное в бессуффиксальном падеже.

Эти предложения могут иметь значение назывных, т. е. играть роль обозначений — названий какого-нибудь лица или предмета. Например:

Uta-ni made utawareta hito 歌にまで歌はれた人 — человек, воспеваемый даже в песнях
Taiyō-no nai machi 太陽のない街 — улица, где нет солнца
Kabe-no koe-wo kiku toki 壁の聲を聞く時 — час, когда слышат голос стен.

Эти предложения могут представлять развернутые конструкции описательного содержания.

Mushiokuri-no sunde, hatsuaki-no kaze soyosoyo-to inaba-ni otozuru koro-wa yoru-wa tsuyu-yori okite asahi-ni niou tōka-no utsukushisa 虫送りのすんで初秋の風そよそよと稲葉に訪づる頃は夜は露より起きて朝日に匂ふ稲花の美しさ — красота цветков риса, блистающих на утреннем солнце после того, как ночь встанет из росы, в то время, когда уже прошли «проводы насекомых» и ветерок ранней осени шелестит средь рисовой листвы.

Примечание. Как было уже указано выше, номинативные предложения этого типа могут очень легко приобретать восклицательный оттенок. Наличие субстантивированного прилагательного в качестве основного опорного слова в данном предложении — сказуемого, указывающего на признак, может создавать особое ударение на понятии этого признака, и отсюда — восклицательный оттенок.

V. БЕЗЛИЧНЫЕ, НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫЕ И ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 358. Безличные предложения в японском языке могут быть различных типов:

1. Очень распространены предложения, не имеющие подлежащего, но с полным именным сказуемым. Это — предложения типа aki-no ban datta. Перевести такое предложение безличным оборотом по-русски невозможно; смысл у него такой: был осенний вечер.

Sono Watarijima-ga sugita yokujitsu datta その渡り島が過ぎた翌日だつた — это было на следующий день после того, как мимо нас прошел остров Ватаридзима.

Предложения с такого рода конструкцией чаще всего имеют такой временной смысл, но они могут представлять и простое указание на факт.

Naka-no ii koto da 仲の好い事だ — между ними дружба
Kō iu koto des かう云ふ事です — дело таково.

2. Вторым типом безличного предложения следует признать предложения без подлежащего со сказуемым в виде глагола naru, что соответствует русскому «стало», «дело дошло до того, что» и прочим подобным конструкциям с сказуемым в среднем роде.

Atsuku narimashita 暑くなりました — стало жарко
Kindokei-wo yaru made-ni natta 金時計をやるまでになつた — дошло до того, что (ему) дали золотые часы.

Неопределенно-личные предложения пользуются очень широким распространением в японском языке. Они также могут быть различных типов.

1. Неопределенно-личные конструкции употребляются тогда, когда сказуемое-глагол не может по своему вещественному значению быть прямым действием подлежащего-существительного. В первую очередь это бывает тогда, когда глагол обозначает действие, совершаемое одушевленным предметом, а в предложении он связывается, как со своим подлежащим, с предметом неодушевленным, могущим быть не субъектом действия этого глагола, а объектом. По-русски в таких случаях глагол ставится в страдательном залоге, по-японски же — прибегают к неопределенно-личным оборотам.

Примером может служить такая фраза: «парламент созывается на 1 сентября». По-японски следует сказать: «парламент

созывают на 1 сентября»: gikai-wo kugatsu ichijitsu-ni shōshū-suru 議會を九月一日に召集する

2. Второй тип неопределенно-личных предложений имеет устойчивую конструкцию: сказуемое с последующим no des,— конечно, при отсутствии подлежащего. Этот оборот соответствует русским выражениям типа: «пишут», «произносят» и т. п. Например:

Kono ji-wo hidari-kara migi-e kaku no desu この字は左から右へ書くのです — этот знак пишут слева направо.

Примечание. Как было указано выше (§ 350), неопределенно-личные предложения этого типа могут иметь оттенок долженствования: выражение «этот знак пишут слева направо» может иметь значение указания на общеобязательное правило; отсюда и возможность перевода: «этот знак следует писать слева направо».

Обобщенно-личными предложениями можно считать предложения, имеющие вполне устойчивый признак: сказуемое у них представляет сложное выражение, составленное из глагола в условном наклонении на ba и прилагательного ii,— конечно, при отсутствии подлежащего.

Dempō-wo kono madoguchi-kara daseba ii 電報を此の窓口から出せばいゝ — телеграммы подаются в это окошечко.

Примечание 1-е. Как было указано выше, обобщенно-личные предложения могут содержать в себе оттенок долженствования: если фраза «подаются в это окошечко» имеет значение общего правила, в ней может содержаться оттенок: «надлежит подавать в это окошечко».

Примечание 2-е. Основанием для выделения этих предложений в разряд обобщенно-личных служит, как мне кажется, то обстоятельство, что в этих предложениях наличие условной формы определяет собою как бы подразумеваемое подлежащее в виде 2-го лица, но в обобщенной форме. По-японски, строго говоря, фраза строится так: «если вы станете подавать в это окошечко, будет хорошо»; но это «вы» носит общий характер.

VI. ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 359. Основной задачей нашей речи является оформление средствами языка содержания каждой нашей мысли, и тем самым — оформление содержания всего нашего мышления. Наряду с этим важнейшей задачей речи является и коммуникация, т. е. доведение до сознания другого человека содержания своей мысли. Однако, этими двумя функциями задачи и возможности речи не исчерпываются; речь может передавать не только содержание нашей мысли, но и соединенное с ним наше переживание — ощущение, чувство, эмоцию. Содержание фразы поэтому может быть не только понятийным, но и эмоциональным. Условимся называть такие предложения восклицательными.

Восклицательные предложения, понятые в таком широком смысле, занимают огромное место в живой речи. Диалогическая речь всегда бывает в той или иной мере окрашена этим эмоциональным содержанием. То же можно сказать и про публичную,

ораторскую речь. Строго говоря, только абсолютно нейтрализованная от живой обстановки письменная речь может быть вполне свободна от эмоциональной окраски.

Эмоциональная окраска речи может быть двух видов. В речи может передаваться переживание говорящего, вызванное как содержанием высказывания, так и общей внешней ситуацией этого высказывания. Речь может включать в себе и воздействие на собеседника-слушателя либо в смысле придания особой значительности своему высказыванию в целом или какой-нибудь его части, либо же в смысле непосредственного обращения, призыва и т. п. В связи с этим и создаются два главных типа восклицательных предложений: предложения, передающие эмоцию говорящего, и предложения, содержащие эмоциональное воздействие на слушателя.

Орудия такой эмоциональной выразительности речи могут быть очень различны. Огромную роль в этом смысле играет интонация. Большое значение имеет мимика и пантомимика, прежде всего — жест. К чисто языковым средствам относятся восклицательные слова и восклицательные частицы.

Само собой разумеется, что все эти элементы обычно в той или иной степени соединяются друг с другом: может наблюдаться только преобладание какого-нибудь одного из них. Объектом грамматического изучения являются чисто-языковые средства эмоциональной выразительности: восклицательные слова и частицы.

Японский язык имеет очень много и тех и других. При этом место первых — в начале предложения, место вторых — в конце. Рассмотрим наиболее употребительные из тех и других.

1. ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

А. ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА (МЕЖДОМЕТИЯ)

§ 360. Согласно приведенному выше, междометия можно разделить на два вида: а) междометия, передающие чувствования говорящего, и б) междометия, содержащие обращение к слушателю.

I. Междометия, передающие чувствования говорящего.

Такого рода междометий очень много. Однако, они до некоторой степени соединяются в определенные группы.

1. Междометия, говорящие о взволнованности, интенсивности переживания в самом широком смысле: ā, e (ei, ē), mō (nō). Например:

Ā, ureshii アー, ウレシイ — ах, как я рад!
Ē, kuyashii エー, クヤシイ — ах, какая досада!
Nō, komatte shimaimashita ノー, コマッテシマヒマシタ — ах, как это скверно!

2. Междометия, говорящие о неожиданности переживания, также — с самыми различными оттенками: a, ara, are, iya (iyā), iyō, e, ē, o, oya (oyaoya), sate, hate, mā, ya (yā), yare, yōyō. Например:

Ā, wasureta あー, 忘れた — ах, забыл!
Ara, ame-ga futte kita あら, 雨が降つて來た — ах, дождь пошел!
Are, niji-ga demashita あれ, 虹が出ました — ах, радуга появилась!
Iyā, kanshin-na koto-da いやあ, 感心な事だ — о, замечательно!
E, kore-wa taihen da え, これは大變だ — о, это ужасно!
Ō, itai おー, 痛い — ой, больно!
Oyaoya, o-cha-wo koboshimashita おや おや, お茶を零しました — ох, ох, чай пролил!
Sate, komarimashita さて, 困りました — ох, скверное дело!
Mā, yoku oidekudasaimashita まあ, 好くお出で下さいました — о, вот хорошо, что вы пришли!
Yā, kore-wa jitsu-ni hidoi やあ, 之は實にひどい — о, это действительно ужасно!
Yare, anshin shimashita やれ, 安心しました — ну, я успокоился!
Yōyō, umai mono da ようよう, うまいものだ — ой, ой, это ловко!

3. Междометия, передающие раздумье говорящего: ā, ō, naruhodo, hā, fun, nē. Например:

Ā, sō des ka nē あー, さうですかねえ — ах, вот оно что!
Ō, sayō, sayō おー, 左樣, 左樣 — а... так, так!
Naruhodo, sō da 成程, さうだ — в самом деле, да...
Hā, sō des ka? はあ, さうですか — что, неужели так?
Fun, sō ka? ふん, さうか — гм, неужели так?
Hē, sayō-de gozaimasu ka? へえ, 左樣で御座居ますか — что, неужели так?

4. Междометия, передающие сомнение, недоумение, отчасти раздумье говорящего: sā, hate (hate na), fun, fu fun, nā. Например:

Sā, dō shimashō? さあ, どうしませう — гм, что же делать?
Hatena, dare darō? はてな, 誰だらう — гм, кто бы это мог быть?
Fun, fushigi da ふん, 不思議だ — гм, странно!
Nā, sō darō なあ, さうだらう — гм, вероятно так...

II. Междометия, содержащие обращение к другому лицу. Таких междометий также много, причем и они могут быть разбиты на отдельные группы:

1. Междометия, имеющие смысл оклика, призыва: oi (oi-oi), moshi (moshi-moshi), nē, nā, yai. Например:

Oi, kurumaya! おい，車屋! — эй, курумая!
Moshi, chitto o-ukagai-itashimas もし，ちつとお伺ひ致します — позвольте, разрешите спросить!
Nē, Suzuki-kun ねえ，鈴木君 — послушай, Судзуки...
Nā, kimi なあ，君— послушай, ты...
Yai, kozō! やい，小僧! — послушай, мальчик!

2. Междометия, имеющие смысл побуждения, приглашения: sa, iza, dore. Например:

Sā, hayaku shitaku-nasai さあ，速く仕度なさい — ну, скорей собирайтесь!
Iza, mairō いざ，参らう — ну, идем!
Dore, misete moraō どれ，見せて貰はう — ну-ка, покажи!

3. Междометия, имеющие смысл предупреждения, обращения внимания: kora (kore), dokkoi, are, sora, hora. Например:

Kora, sonna koto shitcha naran こら，そんな事しちやならん — эй, этого делать нельзя!
Dokkoi, sō wa ikan どつこい，さうは行かん — эй, так нельзя!
Are, goran nasai, hikōki-ga tonde kita あれ御覧なさい，飛行機が飛んで來た — эй ты, смотри, аэроплан прилетел!
Sora-sora, mata hajimatta そらそら，又始まつた — смотри, опять началось!
Hora, sendatte kimi-ni hanashimashitarō ほら，せんだつて君に話しましたらう — вот видишь, говорил давеча тебе!

4. Междометие, имеющее смысл протеста, возражения: nāni.

Nāni, sō-de-wa nai なあに，さうではない — что вы, вовсе не так!

5. Междометия, имеющие смысл согласия с мыслью собеседника: naruhodo, ikanimo. Например:

Naruhodo, kore-wa migoto des 成程，これは見事です — в самом деле, это прекрасно!

Примечание 1-е. Как это можно легко усмотреть из приведенного списка, японские междометия могут быть собственно междометиями и производными от других частей речи. К числу последних принадлежат такие междометия, как kore (kora), sore (sora), are (ara), dore (dora), образованные от местоимений kore, sore, are, dore. Нужно, однако, иметь в виду, что kore, sore, are и dore как междометия по ударению отличаются от этих слов как местоимений: у первых повышение тона делается на начальном слоге, у вторых — на конечном.

Примечание 2-е. Приведенным списком не исчерпывается весь состав японских междометий как собственно-междометий, так и производных. Можно назвать, например, такие междометия, как e (ē), ha (hai), he (hei), соответствующие русскому утверждению «да» и ie (i̯e), iya (i̯ya), соответствующие русскому отрицанию «нет». Эти междометия, однако, не образуют восклицательных предложений. Из междометий производных можно указать, например, такие, как «bansai» (буквально: 10 000 лет) — русское «ура», ōrai (буквально: дорога) — русское «берегись».

П р и м е ч а н и е 3-е. Некоторые междометия могут соединяться, образуя, таким образом, сложные междометия и даже целую фразу: oya, mā, domo (ой, что такое? вот так штука!), ara, mā, sō? (ах, ох! неужели?).

Б. ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

§ 361. Главнейшими восклицательными частицами являются: nē, nā, yo, ya, wa, sa, zo, ze, tomo, koto, mono. Как по оттенкам, привносимым ими в общий восклицательный смысл всего предложения, так и по употреблению все эти частицы — различны.

1. Первую группу составляют частицы nē и nā. В одну группу их объединяет тот признак, что обе эти частицы образуют восклицательные предложения, как бы обращающиеся к слушателю и поэтому предполагающие его ответную реакцию.

Это адресование к слушателю может иметь разные оттенки. Одним из самых распространенных является оттенок, близкий к русскому «не правда ли?» Ii tenki-ni narimashita nē — хорошая погода наступила (не правда ли?).

Этот оттенок в nē настолько силен, что допускает даже самостоятельное употребление nē в виде эмбрионального вопроса: ne? ведь да? ведь так?

Не менее распространен и второй оттенок, близкий к русскому «да-а...»

Kanari omoi nē 可成重いねえ — (да-а) довольно тяжело!

Возможно употребление nē и nā при желании обратить внимание собеседника на свои слова.

Anata-no setsu-wa dame desu nē 貴方の説は駄目ですねえ — ваше мнение никуда не годится (скажу я вам)!

Nē и nā отличаются друг от друга не столько оттенками, которые в обоих приблизительно одинаковы, сколько употреблением: nā встречается, главным образом, в мужской речи.

К nē и nā близка гораздо более редкая частица nō (no).

Osoroshii kao da nō! 恐ろしい顔だのお! — ну и страшное лицо!

2. Вторую группу составляют восклицательные частицы yo, ya, wa. Их объединяет тот признак, что все они образуют восклицательное предложение без особых оттенков отношения к собеседнику. Из них wa в Токио употребляется исключительно в женской речи.

Ato-kara kitto iku yo あとからきつと行くよ — я потом обязательно пойду!
Boku-wa shiranai ya 僕は知らないや — я не знаю!
Kyō-wa hontō-ni omoshirō gozaimashita-wa 今日は本當に面白う御座居ましたわ — сегодня было так интересно!

3. Третью группу составляют восклицательные частицы sa, zo, ze, tomo. Их объединяет тот признак, что все они, кроме

восклицательного значения, как бы подчеркивают сказанное. Из них sa дает это подчеркивание в самой общей форме; ze (в речи мужчин) — в порядке замечания, zo (также в речи мужчин) — со смыслом категорического утверждения, tomo — в смысле русского «конечно».

Kyō-wa omae-no ban sa 今日はお前の番さ — сегодня — твоя очередь!
Daremo inai ze 誰も居ないぜ — никого нет!
Ima iku zo 今行くぞ — сейчас иду!
Arimasu tomo 有りますとも — конечно, есть!

4. Четвертую группу составляют koto и mono, употребляющиеся, главным образом, в речи женщин. С помощью koto все предложение принимает характер как бы единого возгласа, восклицания.

Mā, nioi-no ii koto まあ，にほひの好いこと — ах, какой аромат!

С помощью mono образуются восклицательные предложения с оттенком сетования, неудовольствия.

Kikanai desu mono きかないですもの — да он не слушает!

5. Особое место занимает частица shi: она употребляется только после формы на mai и придает оттенок, близкий к русскому «ведь».

Kodomo-jā arumai shi 子供ぢやあるまいし — ведь я не ребенок!

Примечание. Как видно из приведенного перечня восклицательных частиц, одни из них — na, yo, ya, sa, tomo, ze — являются собственно восклицательными частицами; другие — wa, zo — являются одновременно и выделительными частицами; третьи — nē — являются интонационными частицами; четвертые — koto и mono — происходят от самостоятельных слов.

2. ТИПЫ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 362. Восклицательные предложения с точки зрения употребления восклицательных элементов могут быть трех разных типов: в одних могут быть оба элемента — и междометия и восклицательные частицы; в других — только какой-нибудь один из них; возможны, наконец, восклицательные предложения и без тех и других.

а) В тех случаях, когда в предложении имеются оба восклицательных элемента, они обрамляют всю конструкцию, т. е. междометия стоят в начале фразы, восклицательные частицы — на конце.

Ā, mō mienaku narimashita あー，もう見えなくなりました — ах, уже стало не видно!

б) Если в предложении налицо только один из этих восклицательных элементов, он ставится на присвоенном ему месте, т. е. междометие — в начале, частица — на конце.

Sā, kaerō さあ，歸らう — ну, идем домой!
Yoku dekita wa nē 好く出來たわねえ — ах, как хорошо получилось!

в) Если в фразе нет восклицательных элементов, то восклицательный характер придается ей особой конструкцией: такая фраза состоит из одного слова — обычно качественного понятия (грамматически — субстантивизированного прилагательного с окончанием на sa), стоящего вместе с подчиненными ему словами.

Asahi-ni niou tōka-no utsukushisa 朝日ににほふ稻花の美しさ —о, краса цветков риса, блестящих на утреннем солнце!

§ 363. Эмоциональной окраске могут подвергаться высказывания всякого типа. Это значит, что могут быть предложения восклицательно-повествовательные, восклицательно-повелительные, восклицательно-вопросительные и восклицательно-номинативные. Приведем несколько образцов этих предложений.

1. Восклицательно-повествовательные предложения:

Kimi-wa sazo tsukaremashitarō nē 君はさぞ疲れましたらうねえ — ты, наверно, устал!
Saki-no hō-ga yoppodo fukai yo 先の方が餘程深いよ — впереди значительно глубже!
Are-wa kesshite konai ze あれは決して來ないぜ — он ни в коем случае не придет!
Sora-wa hareru rashii zo 空は晴るらしいぞ — похоже, что небо прояснится!
Myōnichi-kara hayaku okiru sa 明日から早く起るさ — с завтрашнего дня встаю рано!

2. Восклицательно-повелительные предложения:

Mate yo 待てよ — стой!
Sonna koto-wo yamero nā そんな事を止めろなあ — это ты брось!
Watakushi-ni mo misete kudasai na 私にも見せて下さいな — покажите и мне!

3. Восклицательно-вопросительные предложения:

а) прямой вопрос:

Arā, dōshita no? あらあ，どうしたの — о, что с вами?
Mā, dare deshō? まあ，誰でせう — гм, кто бы это мог быть?

б) риторический вопрос:

Yā, mezurashii-de wa arimasen ka? やあ，珍らしいではありませんか — о, разве это не удивительно?

4. Восклицательно-номинативные предложения:

Ā, yamanaka-no aoba-no utsukushisa yo! あー，山中の青葉の美しさよ！— о, красота зеленой листвы в горах!

Примечание. Некоторые японские грамматики (например Ямада, op. cit., p. 322) признают восклицательными только эти предложения, поскольку только они имеют свою собственную конструкцию, тогда как все прочие типы восклицательных предложений являются по существу и по форме предложениями повествовательными, повелительными, т. е. не самостоятельны по конструкции. Эта точка зрения, как мне кажется, происходит вследствие двойной ошибки: во-первых, неверно утверждение, что восклицательные предложения типа ā, yamanaka-no aoba-no utsukushisa yo являются специфичными только для восклицательных; так можно утверждать, не учитывая существования особых номинативных предложений, к каковым относятся предложения этого типа; во-вторых, неправильно исходить из одного только признака формы, не считаясь с содержанием: восклицательные предложения прежде всего восклицательные потому, что в них заложено восклицательное содержание.

§ 364. Восклицательный характер могут принимать как личные, так и безличные предложения.

1. Личные предложения:

Kora, temae-wa nani-wo suru? こら，手前は何をする？— эй, ты что это делаешь?

2. Безличные предложения:

Mā, ii tenki da nā まあ，いゝ天氣だなあ — о, вот так погода!

Восклицательный характер могут принимать как полные законченные предложения, так и незаконченные. Эта незаконченность может выражаться в таких формах.

1. Может опускаться сказуемое-связка:

Nāni, sukoshi bakari (des) yo! なあに，少しばかり（です）よ— что вы! Совсем немножко!
Kotchi-no hō-wa nagai-no (desu) yo! こつちの方は長いの（です）よ！— эта — длиннее!

2. Может опускаться сказуемое-глагол:

Kimi-wa doko-e iku? 君は何處へ行く？— ты куда идешь?
Hanami-ni sa! 花見にさ！— на «цветочную экскурсию»!

3. Может опускаться и вся главная часть фразы:

Sore dakara sa! それだからさ！— вот поэтому-то!

ИНТОНАЦИОННОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 365. Каждая произнесенная фраза в живой речи подвергается той или иной интонационной обработке. Эта обработка служит прежде всего целям наилучшего выявления содержания речи, поскольку это содержание состоит не только из чисто

логической смысловой стороны, которая передается словами, но включает в себя и отношение говорящего к элементам своего высказывания: одно слово может быть выдвинуто на первый план, другое, наоборот, затушевано. Это отношение может быть дано в речи не только определенными грамматическими средствами, но и интонацией.

С другой стороны, интонационная обработка преследует цели воздействия на слушателя либо с тем, чтобы довести до его сознания в особо подчеркнутом или затушеванном виде какой-нибудь элемент высказывания, либо с тем, чтобы вызвать в слушателе активную ответную реакцию — словесную или действием.

В-третьих, интонационная обработка служит одним из выражений мелодики речи и ее ритма — либо естественного, т. е. присущего данной синтаксической конструкции, когда она не осложнена никакими посторонними, не идущими из самого соотношения приведенных понятий, элементами; либо нарушенного, если в высказывании встречаются эмоции, идущие, так сказать, со стороны.

Разумеется, мелодика речи является в известной степени постоянной для каждого данного языка; с другой стороны, может существовать — опять-таки как постоянная величина — индивидуальная мелодика речи данного субъекта. В данном случае, однако, можно говорить не о первой, и не о второй, а о той мелодике, которая служит одним из средств интонационной обработки фразы в конкретных условиях данного высказывания.

§ 366. Основным приемом интонационной обработки речи в указанном смысле, т. е. влияющей на общий смысл высказывания, содержащей в себе элементы воздействия на слушателя и обусловливающей особую мелодику и ритм фразы, служит нарушение естественного, диктуемого законами языка ритма и мелодики речи. Это значит следующее.

Каждое словосочетание представляет не только синтаксическую единицу в фразе, но и интонационную — мелодическую и ритмическую. Глагол и дополнение, например, представляют собою единое интонационное целое; подлежащее и сказуемое, взятые рядом, также составляют единое интонационное целое. Разрыв именно такого целого и ведет к изменению интонационного хода фразы; слова, обычно входящие в единый интонационный комплекс, обособляются друг от друга. Именно это интонационное обособление и составляет основной прием специальной интонационной разбивки фразы: во фразе создаются особые паузы на тех местах, где им по естественному ходу интонации быть не должно.

Японец может обозначить такое обособление двух интонационно и синтаксически соединенных членов, такую внутреннюю паузу словесными средствами. Для этого существует эмфатическая частица — nē. Эта частица может ставиться после любого слова

и обособлять, таким образом, либо это слово, либо всю его группу. Грамматически nē может стоять после любой части речи и после любой формы какой-нибудь части речи. Рассмотрим отдельные случаи употребления nē.

1. Nē — после существительных:

Boku-ga nē, taihen-na tegara-wo shita-n da yo 僕がねえ，大變な手柄をしたんだよ — я совершил замечательный подвиг
Watakushi-wo nē, yobi-ni kimashita-no yo 私をねえ，呼びに來ましたのよ — меня пришли звать
Doko-yara nē, nita tokoro-ga arimasu nē どこやらねえ，似たところがありますねえ — в чем-то сходство есть
Myōnichi-nē, chotto o-ukagai-itashimasu-to omou-n desu ga... 明日ね，一寸お伺ひ致しますと思ふんですが — завтра я на минутку хотел бы заглянуть к вам...

Необходимо отметить, что при наличии nē суффикс именительного и выделительного падежа может вытесняться.

Watakushi nē, kinō Ueno-ni ikimashita no 私ねえ，昨日上野に行きましたの — я вчера в Уэно ходил.

2. Nē после глаголов:

Ame-ni furarete nē, bishonure-ni natta 雨に降られてねえ，びしよぬれになつた — под дождь попал... промок насквозь.

3. Nē после прилагательных:

Tsuki-no ii nē, kaze-no suzushii ban deshita 月のいゝねえ，風の涼しい晩でした — стоял вечер — лунный... с прохладным ветром.

4. Nē после наречия:

Mazu nē, kō iu koto-wo kangaete mita-n da 先づねえ，かう云ふ事を考へて見たんだ — прежде всего я попробовал обдумать такое дело...

Разрыв нормальных интонационных связей двух членов предложения и интонационное обособление какого-либо одного из них может иметь место в предложении не раз.

Ueno-ni wa nē, sakura-ga nē, takusan saite imashita yo 上野にはねえ，櫻がねえ，澤山咲いてゐましたよ — в Уэно... вишни... во множестве цвели:

Частица nē имеет исключительно широкое употребление в современном токиоском говоре, особенно в речи женщин и детей. Иногда в сопровождении nē выступают чуть ли не все слова в предложении.

Tonari-no obasan-ga nē, yūbe kite nē, kyō-wa nē, shibai-e nē, tsurete iku-to itta-n da kara nē, watashi-wa nē, matte

iru-n da yo 隣のおばさんがねえ，昨夕來てねえ，今日はねえ，芝居へねえ，連れて行くと云つたんだからねえ，私はねえ，待つてゐるんだよ — соседка... вчера приходила... сказала, что сегодня... возьмет меня с собою... в театр... вот, я и жду.

Такая же разбивка фразы на отдельные интонационные группы посредством nē имеет место очень часто и при телефонном разговоре.

Примечание. Для интонационной разбивки фразы может служить иногда и частица no.

ОГЛАВЛЕНИЕ

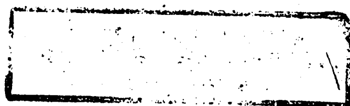
Глава вторая

ЧАСТИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Стр.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Редактор С. Гутерман. Корректор и технический редактор В. Гречанинов.

Подписано к печати 12/IV-1937 г. Уполн. Главлита № Б-12793.Тип. заказ № 1157. Изд. № 395. Формат бумаги 62 × 94$^{1}/_{16}$. Объем 30$^{1}/_{4}$ авт. л.. 23$^{1}/_{2}$ п. л· Индекс V.
Цена 11 р., переплет 1 р.

7-я типография «Искра революции» «Мособлполиграфа» Москва, Филипповский пер., 13.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*	*Кем допущена опечатка*
8	3 сн.	и	в	тип.
»	2 сн.	хв	из	тип.
»	1 сн.	тез	тех	тип.
92	14 сн.	頂る	殖る	изд.
146	15 св.	切仕る	仕切る	изд.
212	1 сн.	глаголов спряжения	глаголов 2-го спряжения	тип.
358	8 св.	字は	字を	изд.

Зак. 1157

12 p.